А. ТВАРДОВСКИЙ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья
А. В. Македонова

Составление
М. И. Твардовской

Подготовка текста и примечания
Л. Г. Чащиной и Э. М. Шнейдермана

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1986

ББК 84. Р 7
Т 26

Александр Трифонович Твардовский (1910—1971) создал лирические и эпические произведения непреходящего значения. Глубокое понимание психологии русского человека, верность лучшим национальным традициям фольклора и художественной классики, высокое мастерство — все эти качества выдвинули творчество А. Твардовского на одно из первых мест в истории русской советской поэзии.

В настоящий сборник, помимо произведений, входивших в последние прижизненные, просмотренные автором издания, вошли ранние стихотворения, наиболее отчетливо и художественно убедительно выявляющие творческий облик будущего автора «Страны Муравии» и «Василия Теркина», а также лирика последних лет, впервые появившаяся в печати только в посмертных публикациях.

Т $\frac{4702010200-020}{083(02)-86}$ 415—85

ПРАВДА СУЩАЯ И ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ

В одной из первых глав «Василия Теркина», появившихся в самое трудное время битвы советского народа с фашизмом, Твардовский писал: «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». И в другом месте, в первом лирическом вступлении к поэме, говорилось:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? — Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Эти слова повторялись уже многие тысячи раз миллионами людей.

Правда во всей ее полноте, во всей ее «гуще», «как бы ни была горька», для Твардовского — основа жизни на земле. Правда всегда была основой и условием жизни поэзии — отражения, выражения всей жизни человека на земле, ее реальности и ее идеалов. Но творчество Твардовского открыло новые горизонты и возможности этой правды в новых условиях небывалой в истории человечества битвы, воспетой Твардовским во всем ее «крутом и жестком поте».

В рамках этой вступительной статьи хочется в первую очередь напомнить, какое место занимает «правда сущая» Твардовского в развитии советской и всей мировой поэзии, ее настоящего и будущего. Для Твардовского особенно характерно стремление как можно более полно раскрыть современность, ее текущий ход, ее «огневой вал», ее «дни и дали». В этом смысле он всегда был одним из самых злободневных, так сказать принципиально злободневных поэтов, отражающих живую жизнь во всей ее конкретности. Но вместе с тем в пафосе сегодняшнего дня он провидит и его продолжение, в самом злободневном — самое долговременное. И сейчас, когда отошли, но живут в памяти народной те события,

которые непосредственно отражались в творчестве Твардовского, особенно важно понять, почувствовать то, что делало этого современного поэта поэтом современности любого будущего, поэтом всех времен и связи времен.

1

Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня (по новому стилю) 1910 года «„на хуторе пустоши Столпово", как назывался в бумагах клочок земли,— писал он,— приобретенный моим отцом, Трифоном Гордеевичем Твардовским, через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку».[1] Этот хутор был «приписан» к деревне Загорье Починковской волости Смоленской губернии, позже — Починковского района Смоленской области. Клочок земли, весь «в мелких болотцах», поросший лозняком, ельником, березкой,— земли «кислой, подзолистой, скупой и недоброй», по характеристике самого поэта, вполне совпадающей с более подробными описаниями его братьев.[2] Они рассказывают, с каким трудом пытались освоить эту недобрую землю отец и вся семья Твардовских. Как наконец удалось только к концу 20-х годов, после многих неудачных проб, опытов, поисков, создать на этом клочке земли более или менее успешное кузнечное дело, ставшее важным подспорьем в доходах и дополнением к обычному крестьянскому труду, и двойным трудом крестьян и мастеровых людей одной семьи завести свою лошадь, корову, немного обстроиться, создать самобытный крестьянский двор, небольшой очаг труда и культуры.

История семьи Твардовского заслуживает специального исследования не только будущих биографов Твардовского, но и биографов времени.

Дед по отцу, Гордей Васильевич Твардовский, из семьи белорусских крепостных, прошедший долгую солдатскую службу, крестьянин, лишь к концу жизни получивший клочок земли, и деревенский мастеровой человек был яркой, сильной, смелой личностью, во многом необыкновенной и вместе с тем типичной для того времени. В стихотворении 1957 года «Мне памятно, как умирал мой дед...» Твардовский писал: «Мы с ним дружили, он любил меня». И по рассказам братьев, дед Гордей особенно любил именно маленького Шуру. Умер Гордей Васильевич глубоким стариком, когда Твардовскому было семь лет, но общение с дедом оставило в его душе неизгладимый след на всю жизнь. Через детские впечатления, рассказы родителей и старшего брата в сознание будущего

---

[1] А. Твардовский, Собр. соч. в 6-ти т., М., 1976—1983, т. 1, с. 19.

[2] К. Твардовский, На хуторе Загорье...— «Сельская Новь» (Починок, Смоленской обл.), 1981, 7—28 апр.; И. Твардовский, На хуторе Загорье..., М., 1983, с. 160.

поэта врезался образ трудового человека, разностороннего и одаренного, пронесшего через свою нелегкую жизнь не только душевную чистоту, честность, любовь и внимание к близким, но и своеобразные культурные интересы — в частности, любовь к пению, унаследованную и отцом поэта, и самим поэтом.

Бабушка Зинаида Ильинична, жена Гордея Васильевича, дочь его сослуживца по солдатчине Ильи Тарасова, уроженца деревни Барсуки Красненского уезда Смоленской губернии (ныне также относящейся к Починковскому району), так же, как и ее муж, была очень доброй женщиной.

Отец поэта, Трифон Гордеевич Твардовский (1881—1949), был крестьянином и кузнецом, со сложной и трудной, во многом типичной, во многом и необычной судьбой. Мать, Мария Митрофановна, урожденная Плескачевская (1888—1965), тоже была крестьянкой, с еще более сложной жизнью, отклоняющейся от обычных крестьянских биографий. Мария Митрофановна происходила из семьи так называемых дворян-однодворцев — оскудевшего, многодетного (8 детей) «дворянина Митрофана Яковлевича Плескачевского» из деревни Плескачи, в тридцати верстах от Барсуков. Многое в ее личности было особенно близко и дорого Твардовскому. В «Автобиографии» он писал: «Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка... Ее до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далеких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т. п.»[1] Трифон Гордеевич был человеком более сурового характера, но, как и она, грамотным, любителем чтения. Он сумел подобрать свою домашнюю библиотеку. «Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги... Отец и на память знал много стихов... Кроме того, он любил и умел петь...»[2] Главной книгой домашнего чтения были сочинения Некрасова — «заветная книга», о которой не раз впоследствии вспоминал и писал Твардовский. Входили в домашнюю библиотеку и сочинения других классиков — Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого, Никитина, Ершова, и даже Тютчева и Фета. Но приобретение книг и культурный досуг — все это ограничено рамками нужды, забот, напряженного повседневного труда, подчас буквально ради куска хлеба для большой многодетной семьи — восемь человек детей к 1925 году! Семья была действительно бедняцкая, отец мечтал, как и большинство крестьян, о зажиточной и культурной жизни. Трифон Гордеевич, замечательный мастер кузнечного дела, работал не жалея сил и своих и семьи. Несмотря на это, как вспоминает поэт, «жилось скудно и трудно» (заметное улучше-

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 20.
[2] Там же.

ние семейного благосостояния наступило лишь в 1929 году — уже после отъезда поэта из родительского дома). Но несмотря на тяжелую борьбу за существование, в сознании мальчика происходил быстрый, даже поразительный рост приобщения к культуре и пробуждение собственного поэтического дарования, осознания самого себя, своего пути. Как сообщает К. Твардовский, «еще в 1917 году в играх с соседним мальчиком Саша научился грамоте», а стихи начал писать еще «до овладения первой грамотой».[1] «Первое мое стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения» [2].

В 1922 году Саша Твардовский закончил, по-видимому за 3 года, четырехклассную школу. Затем год учился в соседней, Егорьевской школе, в которой преподавали два хороших учителя — Иван Ильич и его отец Илья Лазаревич Поручиковы. Особенно повлияли на него уроки Ивана Ильича, которые Твардовский вспоминал даже в «Василии Теркине». Поручиковы поощряли и его стихотворные опыты. Осенью 1923 года он поступил в среднюю школу в недалеко расположенном Белом Холме, бывшем имении княгини Косовой. «Именно в Белом Холме совершился тот переход, благодаря которому Саша Твардовский окончательно освободился от хуторской ограниченности, под влиянием настроений, усвоенных в коллективе школы... вступил в комсомол» [3],— писал Василий Сиводедов, деревенский комсомольский вожак тех лет, который был, по-видимому, одним из прототипов друга детства, описанного гораздо позже в поэме «За далью — даль». Однако в этом же году Белохолмская школа была переведена в Ельню, и учение пришлось прекратить, так как содержать мальчика в городе родители не могли.

«С 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет. Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным. Ко мне обращались с жалобами, с предложениями написать о том-то и том-то, „протянуть такого-то в газете"».[4] 24—26 марта 1926 года Твардовский уже участвовал в совещании селькоров Смоленского уезда. 27—30 марта — во Втором губернском совещании рабселькоров в Смо-

---

[1] К. Твардовский, На хуторе Загорье...— «Сельская Новь», 1981, 23 апр.

[2] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 20.

[3] В. Сиводедов, И письма, и встречи...— В кн. Воспоминания об А. Твардовском, М., 1982, с. 14—15. См. также: «Сельская Новь», 23 апр.; И. Твардовский, На хуторе Загорье..., с. 40—43.

[4] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 22. Первая публикация этих заметок, установленная Р. М. Романовой,— «Смоленская деревня», 1925, 21 янв. (см.: «Литературное наследство», М., 1983, т. 93, с. 421).

ленске. На этом совещании он познакомился с Исаковским, который выступал со своими стихами. С июня 1925 года начали появляться стихи Твардовского в смоленской губернской печати.

1925—1927 годы можно считать годами формирования «раннего Твардовского». В конце 1927 года он уже был делегатом Первого губернского съезда пролетарских писателей в Смоленске, в этом же году впервые побывал и в Москве. Не позднее 1926 года Твардовский уже начал вести дневник[1] с удивительным для шестнадцатилетнего подростка стремлением не только к познанию, но и к самопознанию, к самоанализу, к четкой программе жизни. Поражает, каким интеллигентным и уже своеобразным языком говорит в своем дневнике этот подросток, только что кончивший шестой класс деревенской школы в одном из глухих деревенских углов. Дневник переполнен сплетением мечтаний, разочарований, поисков места в жизни, самоопределения, отношений с семьей, с близкими, с обществом. Рядом записи о чтении, о стихах, о муках слова, местами напоминание себе с ужасом о предстоящей работе в кузне, об устойчивом душевном разногласии с отцом, о невозможности целиком отдаться литературному труду.

Осложнилась обстановка в семье. Начали проявляться и типичные для многих тогдашних семей расхождения «отцов и детей». Отношение в семье к его творчеству в эти годы было сложным. «По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи».[2] Одновременно продолжались попытки юноши найти какую-то постоянную работу или возможность учиться за пределами своего двора. Но постоянного заработка по-прежнему не было, как и постоянного организованного учения. Хотя появились и первые гонорары за корреспонденции в смоленские газеты, изредка и за стихи.

К концу 1927 года — твердое решение уехать во что бы то ни стало. И, по воспоминаниям Ивана Твардовского, в январе или начале февраля 1928 года отъезд в Смоленск, навсегда из родной деревни, на лошади соседа ранним морозным утром, трогательное прощание с матерью, братьями.[3]

Уход из семьи не был случайным порывом. Только так молодой поэт мог попытаться своим собственным и главным поэтическим трудом разрешить это типичное противоречие между традиционной правдой единоличного труда и новой мечтой о правде коллективного труда — культурной революции в деревне.

Мечты о путях к новой жизни получили выражение в стихах Твардовского загорьевских лет, начиная с самого первого «Новая изба» (1925).

---

[1] См.: А. Твардовский, Из старых дневников.— «Литературное наследство», т. 93. М., 1983, с. 297—398. Публикация М. И. Твардовской.
[2] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 21.
[3] См.: И. Твардовский, На хуторе Загорье..., с. 84—86.

Тема и пафос «новой избы» в прямом и переносном смысле были обычными для большинства молодых деревенских (и не только деревенских) поэтов. Вместе с тем уже в этом опыте заметны первые проблески индивидуальности Твардовского: стремление к предельной конкретности, чувство детали — отсюда этот запах «свежей сосновой смолы», этот блеск «желтоватых стенок». В последующих стихах много картин деревенского быта, крестьянского труда в его реальной напряженности. Возникает проходящий через все творчество Твардовского мотив «пота» как в прямом бытовом смысле («пропотевших баб», пота косарей и т. д.), так и в метафорическом («запотелые» овсы — сопоставление капелек утренней росы с капельками пота). Картины труда тесно сопрягаются с картинами родной природы. Выделяется группа стихов о конях (1927) — основе и символе крестьянского благополучия и крестьянского более или менее успешного труда. Основным во всех тематических вариациях было противопоставление старого и нового в деревенской жизни, переклички с мотивами «Проводов в соломе» Исаковского: «Я хочу, чтобы пришел к вам Поскорее гул машинный...» (1926). Эти лозунги сочетаются с картинами первых признаков роста благосостояния: «Взялись, взялись деревни обрастать...», «Ах, скоро, скоро будут нас встречать Железом крытые большие крыши...» («О недокрытых крышах», 1926). Ясно выражено и стремление отмежеваться от индивидуального пути к «богачеству», поиск другого, нового пути. Мечты о скором счастливом будущем сопровождались реальными картинами «недокрытых крыш» и деревенской «глухой стороны».

С 1927 года начали появляться стихи-портреты и бытовые картины с попытками психологического анализа и самоанализа. «В глуши» (1926), «Ночной сторож» (1927), «Перевозчик» (1927) включались Твардовским позже в собрания сочинений. Два стихотворения «Матери» (1927) стали первыми значительными поэтическими удачами. В них впервые раскрывается проходящий затем через все творчество Твардовского образ русской матери-крестьянки, заботливой и самоотверженной. Образ с автобиографическими реалиями и вместе с тем обобщенный. Здесь возникает и другая сквозная тема его поэзии — воспоминания, память — связь времен, соединяющая прошлое с настоящим и мечтами о будущем; связь материнского начала и внутренней жизни всех родных мест, родной земли — отсюда неожиданное сравнение матери с «русскими березками в лесу».

Можно заметить в стихах этих лет некоторое влияние Кольцова, Никитина, Некрасова, иногда — более косвенно — Есенина, еще реже и очень косвенно — Маяковского. И несомненно общее воздействие Исаковского, подчеркнутое позже самим Твардовским. В целом преобладают самые общие традиции реалистического стиха, конкретность изображения окружающей жизни, ее поэзии и прозы.

2

Переезд в Смоленск ознаменовал новый этап биографии Твардовского. «Позвала дорога вдаль» и скоро привела его в «новую избу» его жизни. Сам он писал о своем смоленском периоде: «Период этот — может быть, самый решающий и значительный в моей литературной судьбе. Это были годы великого переустройства деревни на основе коллективизации, и это время явилось для меня тем же, чем для более старшего поколения — Октябрьская революция и гражданская война. Все то, что происходило тогда в деревне, касалось меня самым ближайшим образом в житейском, общественном, морально-этическом смысле. Именно этим годам я обязан своим поэтическим рождением».[1] Можно выделить и две фазы этого периода: до и после 1933 года.

В житейском отношении эти годы были очень трудными, и особенно первые пять лет. Об этом сам Твардовский писал в «Автобиографии»: «Восемнадцатилетним парнем я приехал в Смоленск, где не мог долго устроиться не только на учебу, даже на работу — по тем временам это было еще нелегко, тем более что специальности у меня никакой не было. Поневоле пришлось принимать за источник существования грошовый литературный заработок и обивать пороги редакций. Я и тогда понимал незавидность такого положения. Но... в деревню я вернуться не мог, а молодость позволяла видеть впереди, в недалеком будущем только хорошее».[2] Вера в прекрасное недалекое будущее воодушевляла миллионы людей. У Твардовского она подкреплялась сознанием своего призвания, и оно быстро проявилось. Годы с 1928-го по 1933-й — самые «экспериментальные» и во многом недооцененные в творчестве Твардовского.

Благоприятной почвой для творческих поисков стали местные литературные объединения, кружки, органы печати, уделявшие немало страниц и творчеству начинающих литераторов. В частности, большую роль сыграли литературные объединения при газетах, а с конца 1927 года — Смоленская губернская, в дальнейшем Западная областная ассоциация пролетарских писателей — филиал РАППа. Некоторые «установки» смоленского РАППа — такие, как «показ живого человека», «разоблачение действительности», «учеба у классиков»,— привлекали литературную молодежь. Созвучны поискам молодого Твардовского были и призывы к психологическому углублению, которые положительно выделялись на фоне всяких лефовских и других ультравульгаризаторских тенденций тех лет. Ему были во многом близки не только поэзия Исаковского, возглавлявшего местный РАПП до 1931 года, но и проза Фадеева, Шолохова, которые также входили тогда в РАПП и шли по пути углубленного реалистического психологизма, историзма. А «лозунг» «разоблачения действи-

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 23.
[2] Там же.

тельности» был близок трезвому реалистическому критицизму и вместе с тем жизнеутверждающему пафосу самого Твардовского. Вместе с тем всей органической силой своего таланта он выходил за рамки рапповских «платформ», даже когда хотел их соблюдать, и противостоял не только рапповским, но и другим широко распространенным тогда социологическим и литературным схемам.

Трудности быта и творческих поисков усугубились дополнительными проблемами, возникшими после тяжелых событий в семье Твардовских в 1930—1931 годах. Только-только середняцкое, несколько поправившееся хозяйство весной 1930 года было обложено индивидуальным твердым заданием, заведомо непосильным. О том, что произошло с семьей дальше, рассказано в книге Ивана Твардовского. И хотя Твардовский уже в это время жил два года в Смоленске совершенно самостоятельно, тем не менее эта история его в высшей степени коснулась, и возникла легенда о его «кулацком происхождении», которую ему удалось официально опровергнуть только через много лет.[1] Несмотря на все это, недавнему «загорьевскому парню» удалось укрепиться на внутренне прочных общественно-литературных позициях. Он начал печататься в местной, а затем и в центральной печати. С 1930 года наладил себе и более устойчивый быт, стал семьянином. Расширяли кругозор и поездки за пределы Смоленщины (в 1928 году — в Крым, в 1929-м — в Москву). В 1932 году поступил в Смоленский педагогический институт и совмещал усиленное учение с продолжением творческой работы, сотрудничеством в журналах и газетах, разнообразными поездками. Все это позволило ему резко повысить свой культурный уровень и поэтическое мастерство. Становится более разнообразной тематика его стихов и прозы. Разрабатываются проблемы «новой избы» в иной, неизмеримо более напряженной обстановке. Впервые появились опыты больших обобщающих жанров: две поэмы о коллективизации — «Путь к социализму» (1930) и «Вступление» (1931—1932), первая книга прозы — «Дневник председателя колхоза» (1931). В стихах на деревенские темы с 1929 года наметился скачок в сторону небывалого углубления в конкретную действительность, ее противоречия. В «Гостеприимстве» (1929) изображен культурный хозяин — зажиточный середняк, по терминологии тех лет, который по своим качествам вполне мог бы быть в дальнейшем прекрасным колхозным бригадиром, даже председателем колхоза. Но в стихотворении отразилось и предчувствие той судьбы, которая могла ждать этого крестьянина в «год великого перелома». Соединение спора с точной фиксацией факта, вопроса с восклицательным знаком, нерешенности и решения — представляют собой специфическую «изюминку» и всего смысла стихотворения, его сюжета, его интонационной системы. Общественное и художественное значение «Гостеприим-

---

[1] См. об этом: Собр. соч. в 6-ти т., т. 6, с. 642—643. (Письмо Овечкину 24 мая 1954 г., с. 432 и примечания М. И. Твардовской.)

ства» не было в свое время отмечено критикой, за исключением устных обсуждений, не отразившихся в печати. Но, сравнивая его теперь с огромным потоком стихов о деревне тех лет, можно сказать, что оно было уникальным по глубине проникновения, силе художественного выражения. [1]

Появились и другие стихи с глубокой трактовкой персонажей. Стихотворение «Варенье» (1929) характерно яркой предметно-бытовой изобразительностью и сдержанно-иронической и вместе с тем шутливо-благожелательной интонацией. Изображение личного домохозяйственного труда — от садоводства до варки варенья — проникнуто частью ироническим, частью положительным отношением автора к «добру семейственных традиций». В «Отдыхе» дан ироничный портрет городского человека, видимо преуспевающего, приезжающего в родную деревню, «в семейный сад», только «с тем, чтоб обрести радушье сельских стен». В нескольких стихотворениях Твардовский с мягким, благожелательным юмором показывает поэзию как будто незначительных, но содержащих в себе проявления реальной человеческой общности бытовых явлений, простых радостей, повседневных контактов: «Девочка с вишнями» (1928), «Девочки» (1929), «Встреча» (1929). Эта поэзия возникает и в случайной встрече «нечаянным путем» с «неприкаянной незнакомкой» на гулянье,— «это хорошо, и в этом суть».

С другой стороны, появился ряд стихотворений, связанных и с новыми разнообразными городскими впечатлениями, и с первыми опытами размышлений более общего характера. Расширяется круг изображений людей труда в ситуациях повседневной жизни, в очень разной тональности, начиная со спокойной, ежедневной работы уборщицы и кончая напряженной сценой суда, выносящего смертный приговор. Появляются также мотивы путевых впечатлений с обобщающими образами движения, дороги («В пути», «Поездка» и другие). В «Думах о далеком» (1928) впервые возникает выразительная картина южного крымского городка в сопоставлении с воспоминанием о том, как живет «немыслимая даль», отчий край «ячменя и картошки». А среди новых смоленских городских мотивов возникают первые как бы дневниковые описания переживаний авторского «я» («Мое выздоровление», 1928). В то же время разрабатывается «лирика другого человека».[2] В «Уборщице» (1928) дан характерный профессионально-психологический портрет самого рядового человека в его незаметном, прозаическом труде. Стихотворение характерно психологической углубленностью, емкими предметными деталями, меткими

---

[1] Подробный разбор этого стихотворения см.: А. В. Македонов, Творческий путь Твардовского, М., 1981, с. 97—101.

[2] О соотношении понятий «авторское „я“» — «лирический герой», «лирика другого человека» см. в кн.: А. В. Македонов, Творческий путь Твардовского, с. 109.

характеристиками, включающими в себя разные пласты времени и человеческого поведения: «Она расставит остывшие стулья, На которых еще заседали недавно». В «Докладе» (1929) — первом стихотворении, напечатанном в Москве,— дан сдержанно-сатирический образ человека, «для провинции великого», обнажается скрытое несоответствие между словами докладчика и его подлинной внеслужебной жизнью. В группе юмористических и сатирических стихов развивается тема противоречия между внешним и внутренним, формальным и действительным, казенным и реальным.

В следующем 1930 году важными вехами стали стихотворения «Новый работник», «Одна зима», «Зеленый город». В центре их — психологические портреты «новых работников», в прямом и переносном смысле. И более сложные сочетания разных путей личности — полноты самоотдачи коллективному труду, действительного и мнимого товарищества, в некоторых случаях противоречия между идеалом и действительностью, настойчивые поиски реальности идеала в повседневной человеческой деятельности. Мечта о «Зеленом городе» освещает то в действительной повседневной жизни, что ей не соответствует, и вместе с тем намечает путь подлинной общности людей. Для этого нужно, чтобы люди себя вели уже сейчас «немного так, Как в Зеленом городе». Развивается и проблематика «Доклада» — соотношение показного и подлинного.

Расширение круга впечатлений, переход к изображению более сложных ситуаций диалектики души автора и его персонажей были связаны и с обилием новых литературных впечатлений. В это время поэт познакомился с такими представителями поэзии XX века, как Бунин, Мандельштам, Ходасевич. Автору этой статьи помнится совместное чтение и восхищение стихотворениями Бунина. Книга Мандельштама, вышедшая в 1928 году, как уже позже вспоминал Твардовский,— «часть той поэтической школы, которую я проходил в юности, я отмечаю это с самой искренней признательностью». [1] Эти новые впечатления не отменяли, но как бы дополняли основные исходные впечатления от Пушкина, Некрасова, к которым теперь добавился еще в особенности Тютчев.

Расширение и углубление тематики сочеталось с усиленным поиском предельной естественности и конкретности стиха, обогащением его элементами прозы, а также документальной очерковой, корреспондентской прозы тех лет. Отсюда и поиск наиболее гибкого и близкого к естественной речи стиха. «Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, пережил крайнее отвращение к „стихотворству“».[2]

---

[1] Письмо Вл. Орлову 13 января 1961 г.— Собр. соч. в 6-ти т., т. 6, с. 153. См. также два письма Твардовского А. Македонову о Мандельштаме — «Вопросы литературы», 1984, № 4, с. 275—278.

[2] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 24. Здесь приведены как пример строчки из поэмы «Путь к социализму»: «В одной из комнат бывшего барского дома Насыпан по самые окна овес» и т. д.

Предельно проявилось это «отвращение» в деревенской тематике — в поэмах «Путь к социализму» (1930) и «Вступление» (1931—1932). Обе поэмы были продолжением «селькоровской» тенденции — непосредственного отклика на текущие события, движения по горячему следу первых лет коллективизации. Оперативность отклика соединялась с небывалым ранее размахом обобщения, попыткой по горячему следу создать поэтический образ большой перспективы. Обе поэмы не имели аналогов ни в тогдашней, ни в последующей поэзии. Значение этого опыта понял такой далекий от Твардовского поэт, как Багрицкий, благодаря отзыву которого и была напечатана первая поэма. В общей направленности поэм замечается наряду со стремлением к полной правдивости и усвоение некоторых схем того времени. Твардовский не замазывает реальные трудности и противоречия, но изображает удивительно быстрое их преодоление. Во «Вступлении» рассказано и о том, как во время коллективизации разъезжал местный начальник милиции по деревням и «просил» голосовать, «кто против колхозов», выявляя несогласных. Но эта сцена компенсировалась изображением благотворного эффекта статьи «Головокружение от успехов». Лучшие вожаки, организаторы и председатели колхозов, по Твардовскому, действовали убеждением, а не принуждением, сами участвовали во всех трудах и тяготах колхозной жизни. Самое сильное место поэмы «Путь к социализму» — описание первого тракторного выезда, затем сложившееся в самостоятельное стихотворение, которое пережило обе поэмы и вошло в большинство собраний стихов Твардовского. Здесь было правдиво передано напряженное коллективное психологическое переживание, найдены выразительные детали — например, поведения колхозников, которые обходили первый трактор, «точно нагруженный воз». И нарастание повествовательных, описательных деталей органически восходило к заключительной патетической сцене — коллективного пения «Интернационала», «как в первый раз на свете». Ощущение событий и переживаний эпохи «как в первый раз на свете» проходит через лучшие страницы обеих поэм. Оптимистически приподнятое изображение перестройки деревни, несмотря на упомянутую выше дань схемам, как правило, не имело ничего общего с лакировкой, фальшивой идеализацией, бодрячеством, отличалось дальнейшим углублением психологизма.

Попытки обновления стиха через прозаизацию сам поэт осудил позже, как «езду со спущенными вожжами», но и признал его необходимость на определенной стадии развития. Более того, и в этих первых поэмах он «натягивал вожжи», вырабатывая систему смысловых, синтаксических, звуковых перекличек, обогащая ритмы, используя разнообразные приемы народного стиха, поговорки, прибаутки, присловья. И все же в целом обеим поэмам не хватало эмоционального накала. Начало нового поворота прослеживается почти одновременно с окончанием «Вступления», к концу 1932 года. И оно совпадает с поворотом в общественно-литературной судьбе Твардовского. Ликвидация РАППа в апреле

1932 года создала более благоприятную общую атмосферу. А положительная оценка «Вступления» большинством критиков упрочила авторитет молодого поэта в писательской организации. Это облегчило и внутренние поиски перехода на более широкий и свободный путь. Основной линией оставалось воспроизведение главных событий времени в монументальном жанре поэмы. Другая линия привела опять к лирике, преодолевшей стадию прозаизации, но включившей опыт предельной естественности речи.

В том же 1932 году была начата новая поэма — «Игнат Соловьев и его бригада». Героем ее стал еще один характерный тип деревни — деревенский мастеровой, плотник, профессионально и психологически прочно обрисованная фигура, открывшая собой целую галерею подобных персонажей в будущих произведениях Твардовского. Но поэт, видимо, счел этот опыт неудачным и не возвращался к нему.

Следующей, упорной и плодотворной, была работа над поэмой «Мужичок горбатый», в которой сделан новый шаг к более сложной характеристике персонажей и их отношений, индивидуализации характеров, преодолению «прозаизации» («моей убийственной повествовательности» [1], как писал он в дневнике) с широким использованием, в частности, песенных интонаций, более стройной ритмико-интонационной организации стиха. Работа шла очень трудно. Отрывки из поэмы обсуждались на писательских собраниях начала 1934 года. Поэма не смогла появиться в печати, сохранились только сюжетные стихотворения и рассказы, с ней связанные («Вор», 1933, «Мужичок горбатый», 1934). Они показывают, что значение поэмы гораздо шире, чем просто ступень к «Стране Муравии», хотя к тому времени еще не завершился процесс перехода Твардовского на новый, высший этап его творчества. Раньше всего этот переход произошел в лирике: в стихотворениях «Братья» (1933), «Снег стает, отойдет земля...», «Как море, темнеет озимь...» (1932), «Рожь отволновалась» (1933) и других. В этих стихах уже проявилось музыкально-мелодическое начало самой предельной разговорности. Мотивы и поэтика «Гостеприимства» получили продолжение и преобразование в стихотворении «Гость» (1933), которое в свою очередь уже стало прямым предшественником и основной ситуации, и основного психологического образа «Страны Муравии». Параллелью и контрастом к «Гостю» стало стихотворение «Бубашка» (1933). А в «Братьях» с предельной концентрацией сплетены основные темы и мотивы Твардовского и 30-х и последующих лет: человеческая общность — семья, дом, родные места; мечта, пути к лучшей жизни; соотношение семейной и всенародной общности; конкретные драмы и трагедии русского крестьянства того времени и более широкая трагическая ситуация всякого человека и вся-

---

[1] А. Твардовский, Из старых дневников.— «Литературное наследство», т. 93, с. 312.

кой общности, через которую проходит разрыв времен и которая все же как-то сохраняется и может возрождаться. Опыт прозаизации стиха здесь учтен и преодолен — очень стройной, сложной, многозначной композицией, интонационной структурой.[1]

В последующих произведениях центральной остается тема перепутий и судеб людей русской советской деревни и закрепления новых отношений в годы коллективизации. Отсюда вытекает и более широкая проблематика соотношения старого и нового в трудовых и психологических связях людей, прослеживается эволюция человеческой личности в сложнейших ситуациях времени.

В программном стихотворении «Я иду и радуюсь. Легко мне...» (1934) — мотив радости жизни, ее силы переплетается с мотивом опасности возникновения войны, который прозвучал еще в концовке «Пути к социализму». Теперь в особенности подчеркивается готовность к жертве, к отдаче своей жизни во имя торжества «славных дел», и обязательства по отношению к «безвестному другу», уже отдавшему за них жизнь.

Появились и стихи с другими аспектами этих тем, например, о смерти как разрыве человеческой общности и потока времен, о преодолении страха смерти именно этой общностью, связью поколений, товариществом, совместным трудом, любовью («Катерина», 1936; «Прощание», 1937; отчасти «Путник», 1936; позже «Ивушка», 1938; и другие). С особенной силой звучит тема самой высокой общности — матери-Родины и жизни на земле. В широкоохватном стихотворении «Дорога» (1937), написанном уже после «Страны Муравии», вспоминается могила деда Гордея, и конкретная дорога, автострада превращается в символ всех главных дорог современности, пути из прошлого в будущее через настоящее, каким бы суровым оно ни было, каких бы жертв ни потребовало.

Особое место занимает своеобразная трактовка женской темы — изображение женщины прежде всего как матери, как подруги. По сообщению М. И. Твардовской, поэт написал пьесу о женщинах и работал над «женской поэмой», которую превратил в цикл стихотворений — «Стихи о женщине», куда вошли «Приданое», «Встреча», «Мать и дочь», «Прощание», «Размолвка» и, по-видимому, связанные с ним — «Невеста» (1936), «Не стареет твоя красота...» (1937, первоначальное название — «Женщине»), возможно также «Полет» (1934) и стихи с изображением контрастных судеб женщин — «Счастливая, одна из всех сестер...» (1934), «С одной красой пришла ты в мужний дом...» (1935), «Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой...» (1936; первоначальное название — «Свидание»). Главной темой цикла стало преобразование женских судеб, их новые жизненные пути.

Вершиной этой лирики стало стихотворение «Песня» (1936). Внешне

[1] Подробнее см.: А. В. Македонов, Творческий путь Твардовского, с. 164—177.

простая бытовая сценка заключает в себе сложный, глубокий смысл. Встреча матери-крестьянки, человека трудной судьбы, со своим сыном после долгой разлуки сопровождается встречей человека с песней. Совмещается в стихотворении то, о чем прямо говорится, с тем, что создает глубинную основу всего произведения. Безмолвный ответ матери — ее плач, ее молчание обретает великую силу выразительности невыраженного, высказывания о невысказанном, рассказа о нерассказанном. Рассказа не только о судьбе этой матери-крестьянки, этого сына, но и судьбах всей эпохи, о судьбе всякой человеческой личности и общности людей, переживших подобные столкновения, разрывы, совмещения времен. [1]

Возникла большая группа стихотворений, которые Твардовский тогда не давал в печать, но включил позднее в издания самого избранного: «Тревожно-грустное ржанье коня...» (1934), «Ледоход» (1936), «Прошло пять лет. Объехав свет...» (1936), «Шумит, пробираясь кустами...» (1936), «За распахнутым окном...» (1936), «Есть обрыв, где я, играя...» (1936), «Что он делал, что он думал...» (1936), «Столбы, селенья, перекрестки...» (1936), «А ты, что множество людей...» (1937), «Матери» (1937), «Перед дождем» (1937). Кроме того, стихи, которые совсем при жизни не публиковались: «Выезжали на ночь в холодок...» (1934), «Дождь надвигается внезапный...» (1936), «Здравствуй, сверстница и тезка...» (1936), «Легко бывает вспоминать...» (1938), «Сын мой уснул, разметавшись...» (1938), «Садик в поле открытом...» (1940).

В них мы видим психологически углубленные переклички с впечатлениями детства, описание общения с природой и подчас как бы неясные, незавершенные рассказы о встречах с людьми, их судьбами, о пережитых или воображаемых ситуациях, о зарождающейся или неосуществившейся любви, мотивы своей новой семейной жизни, как бы дневниковые записи отцовских чувств, ассоциаций. И снова возврат к теме матери, в гораздо более широком ассоциативном плане — таков лирический шедевр 1937 года, опубликованный только в 1958 году. Общие творческие приемы этих не публиковавшихся тогда стихов — как бы отрывочная, подчас дневниковая запись, незавершенный разговор — уже предвещают принципы следующих этапов творчества Твардовского, даже пути вершинной лирики шестидесятых годов. В этих стихотворениях, чаще всего отрывочных, фрагментарных, вольноассоциативных и как бы более интимных, перемежались темы, типичные для всего потока стихов Твардовского этого времени.

Характерны новые мотивы и способы изображения картин окружающей природы — и первозданной, всегда предстоявшей крестьянину, и преображенной человеческим трудом. Эти мотивы живут и как движущийся, часто одушевленный, фон, и как параллелизмы и контрасты жизни

---

[1] Подробный анализ этого стихотворения см.: А. Македонов, Свершения и кануны, Л., 1985, с. 94—101.

человека — персонажей или лирического «я», иногда как своеобразные детали — символы, знаки ландшафта души. Например, в «Матери» (1937) целый набор конкретных деталей жизни природы и человека:

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни.

И заключительный расширяющий и контрастный образ:

И просто небо, голубое небо.

Все это напоминает о матери, все насыщено сложными психологическими ассоциациями (поэтому, например, запах молодого сена — «грустный») и предметной символикой жизни души человека, всей окружающей жизни. В неопубликованной, тоже как бы дневниковой отрывочной записи некоего конкретного диалога две детали детского воспоминания: «Вы песочком волосенки обсыпать свои любили» и сопряженного воспоминания незримой собеседницы: «А песочек был сухой» — становятся предметными метонимиями, символами движения времени и возникшей «вдруг» «легкости» возрожденного и удвоенного встречей человеческого контакта («Здравствуй, сверстница и тезка...»). Детали и общий фон природы приобретают динамический, даже гиперболически-динамический характер. Например, у Твардовского может трава «внизу расти Из земли со скрипом» («За распахнутым окном...», 1936), и он даже может видеть, как «расступается, кланяясь, рожь», когда идет по земле русская женщина-мать, красавица и героиня. Ибо она победоносно пережила «горькие муки» и теперь наконец «весела от большой, от хорошей любви» («Не стареет твоя красота...», 1937). Путь от горьких мук к большой, хорошей любви и новому самостоянию человеческой личности становится центральным мотивом поэзии Твардовского.

Ряд стихотворений характеризуется полнотой зрелого новаторского мастерства. Приметой новаторства было использование обновленной традиции Некрасова, некрасовского искусства соединять прозаически-разговорное и мелодически-песенное начало стиха. Вместе с тем — использование и других классических традиций, и отмеченных выше опытов поэзии XX века.

В «Стране Муравии» (1934—1936) [1] мотивы, разработанные в лирических стихотворениях, получили многоплановое, крупномасштабное

[1] Из обширной литературы о поэме, после первых откликов-статей 1936—1937 гг. (А. Македонова, М. Серебрянского, Е. Усиевич и др.) и последующих 40-х годов, существенный анализ дан в книгах В. Александрова (1950), Е. Любаревой (1957), П. Выходцева (1958, 1960), А. Туркова (1960, 1970), С. Маршака (1961), А. Кондратовича (1978), А. Македонова (1981); некоторые замечания — в статьях Ю. Буртина (1970, 1976), М. Гиршмана (1965), В. Кожинова (1978).

обобщение. Поэма включила в себя наряду с предельной бытовой точностью и условность, и гротеск, и даже сказочное начало. Шире использованы в поэме и фольклорные традиции, и традиции Некрасова — «заветной книги» детства и отрочества. Ход работы над ней заслуживает специального анализа. Здесь только отметим напряженность поисков и возникшие трудности, которые характеризуют и взыскательность творческой личности автора, и обстановку того времени. Резко выделяет поэму из всех тогдашних поэтических изображений жизни деревни ее широкоохватность, несмотря на сравнительно небольшой объем. Здесь представлены почти все слои нашего общества тех лет — от людей самых рядовых, низовых, до главы государства, людей всех возрастов — от «ста восемнадцати годов» до малых детей, множество профессий, характеров, ситуаций, составляющих основные социальные и психологические позиции того времени в их взаимодействии, часто в напряженной борьбе. Преобладают персонажи самые массовые, низовые. И для всех, даже незначительных персонажей поэт сумел найти выпуклые характеристики, иной раз двумя-тремя штрихами, деталями (например, встреченного предсельсовета — одной его фразой: «Ну, что ж, понятно в целом»), показать сложность, многосторонность их психологии и поведения.

Вместе с тем это многообразие предельно концентрируется вокруг нескольких основных действующих лиц и прежде всего главного героя, Моргунка. Они объединены общим, хотя также многоплановым движением, внешним и внутренним сюжетом, единым авторским дыханием и голосом.

Внешний сюжет — поиски одним человеком легендарной «страны Муравии» крестьянского счастья. Внутри этой общей конструкции — более узкая история утраты коня, его поиска и нового обретения. В движении этой двойной сюжетной схемы разворачивается внутренний, глубинный сюжет — психологическое развитие и главного персонажа, и коллективного героя — всего народа, вступающего в особый исторический поворотный момент своей жизни. Это путешествие к истине, к подлинности, к новым критериям и путям счастья, к выбору между иллюзией и действительностью. Путь к истине лежит через переоценки привычных представлений. Уважаемый сосед, с которым хотелось быть наравне, оказывается негодяем. Традиционно вороватые цыгане — честными тружениками и прекрасными мастеровыми. Но в ходе переоценок сохраняются и заново утверждаются вечные ценности крестьянских традиций, порожденных трудовым началом, стремлением к трудовой самодеятельности и праву выбора собственного пути к истине, к счастью и добру. Движение к правде показано и как успешное общее движение к зажиточной жизни. «А что к хорошему идем» — в этом не сомневается и столь упорно колеблющийся Моргунок, его колебания основаны не на отрицании новых идеалов, а на сомнении в возможности быстроты их осуществления. Вместе с тем поэма акцентирует именно сложность и много-

образие путей и путников: «А дорог на свете много. Пролегли и впрямь и вкось, Много ходит по дорогам — И один другому рознь».

Стремление к многоголосию порождает и целую систему собирательных образов, составляющих многоголосие. Отдельные образы, индивидуальные голоса сливаются в единый мощный хор, утверждающий общность цели всех этих путников, которые «один другому рознь». Это, например, тот «народ», который «стоял бочком» на пароме в первой главе. Или более широкий многоголосый персонаж — весь цыганский колхоз, сопоставленный с индивидуальностью Моргунка, и целая базарная площадь становится действующим лицом.

Небывалой многосторонности, многосоставности достигла характеристика центрального персонажа. Моргунок является человеком одной идеи, все его поведение определяется единой целью, но вместе с тем это конкретная личность, даже в самом анекдотизме своего путешествия. Несмотря на парадоксальность поведения, это прежде всего вполне реальный человек, в своих главных чертах унаследовавший положительное крестьянское начало. Поэтому в воображаемой личной беседе с вождем страны этот собственник-мечтатель вполне согласен с конечным социалистическим идеалом. Он только не хочет спешить. И не хочет пока расставаться со своим конем, ибо конь для него больше чем просто личная собственность, он личный друг, основа существования, и даже гораздо больше — «не конь, а человек». Образ коня в поэме, может быть неосознанно, перекликался с древней фольклорной традицией и с многовековым конкретно-историческим опытом крестьянства, с тем образом коня, который мы видели и в стихах загорьевского подростка, и в стихотворении «Отец — большой лошадник был...». И теперь возникает вопрос — а что, если бы Моргунок мог вступить в колхоз, сохранив при себе коня, хотя бы временно?

Дорога для Моргунка кончается опять дорогой, но на сей раз уже это дорога домой, где, по мысли автора, героя может ждать другой Фролов и возможность труда коллективного и вместе с тем вполне самодеятельного, свободного. Хотя реальный путь моргунков и всей деревни оказался гораздо более долгим и сложным, в поэме с большой выразительностью передано самое важное в том времени, в тех судьбах. «Нет, никогда, как в этот год, В тревоге и борьбе, Не ждал, не думал так народ О жизни, о себе...» Тревога и борьба переданы своеобразной символической окраской событий, поступков, характеристик, высказываний персонажей и самого автора. Так было достигнуто сочетание непосредственно бытового и бытийного в их предельной конкретности и предельной обобщенности, которые мы видели и в лучших лирических стихах Твардовского.

Даже в полусказочное изображение народного вождя, как он тогда представлялся демократическому мышлению поэта и его героя, вносится элемент как бы бытовой достоверности. И наоборот, бытовые оценки приобретают при всей своей реальности некое символическое значение.

Такое сочетание характерно для поэзии XX века, с ее принципиально более смелой ассоциативностью, которая позволяет сочетать и в жизни и в поэзии то, что раньше казалось несоединимым. Вся поэма представляет собой многосоставную метафору-символ и вместе с тем гигантскую метонимию в форме конкретного описания эпизодов квазиреального путешествия.

Если вернуться к вопросу о литературных традициях поэмы, то можно увидеть присутствие непосредственных связей прежде всего с Некрасовым, но только в самом общем, указанном выше смысле. И прежде всего в многогеройности, реалистическом изображении народных характеров, сочетании напевности и разговорности. Но дневниковое время поэмы, размах и теснота многоголосья, смелая ассоциативность, совмещение, наложение разных масштабов изображения друг на друга и другие описанные выше особенности поэмы уже мало общего имеют с Некрасовым. В какой-то мере тут использован опыт метафоричности и ассоциативности русской поэзии XX века — Блока, Есенина, косвенно даже, может быть, Маяковского, Багрицкого, Пастернака, но также лишь в смысле самой общей и отдаленной переклички.

Резко отличается от всех традиций психологическая усложненность того, что раньше казалось элементарным, однотипным; слияние насыщенности бытовой прозаической конкретностью с анекдотичностью, гротесковостью, многозначной символикой; соответственно и новое сочетание многоплановой повествовательности и сдержанно-лирического начала, сосредоточенности на центральном персонаже и полифоничности сопутствующих голосов. Все это выражает небывалое напряжение народного самосознания, подъем чувства коллективной личности, народной мечты, стремление к ее реализации; народный процесс выбора. Но в поэме отразился и социологизм сознания тридцатых годов, некоторые упрощенные, отчасти даже иллюзорные схемы того времени. Поэтому, с одной стороны, достигнут небывалый синтез богатства, свободы воображения и стройной организованности, целенаправленности, а с другой — есть ограничение этого синтеза рассудочной тенденциозностью.

В биографии Твардовского это был короткий период закрепления и упрочения его нового положения уже всесоюзно признанного поэта в Москве, после переезда туда в 1936 году. В том же году он поступил для продолжения образования в московский Институт философии и литературы (ИФЛИ), успешно закончил его в 1939 году. В 1938-м вступил в партию. В 1939-м был награжден орденом Ленина за литературные заслуги, а в 1941-м получил Государственную премию II степени именно за «Страну Муравию». Образовался и новый круг общения и дружбы, включая таких людей, как Маршак, Фадеев, Михаил Лифшиц. (М. Лифшиц был преподавателем эстетики и философии ИФЛИ, в котором учился Твардовский.) Этот круг представлял собой важнейшие и передовые явления нашей литературы и эстетической мысли, и это очень помогало расширять

и обогащать творческий кругозор, а также получать непосредственный дружественный и компетентный отклик на свое творчество, отклик, в котором Твардовский, со своей артельной натурой, всегда очень нуждался.

В лирике с прежней психологической конкретностью продолжились мотивы памяти детства, нового семейного начала. И возникло стремление вернуться к осмыслению пройденного за последние десять лет пути, к собственным истокам («За тысячу верст...», 1938; четыре стихотворения 1938—1939 — «На старом дворище», «На хуторе Загорье», «Друзьям», «Поездка в Загорье»). Вполне «московский», отмеченный и награжденный, поэт особенно почувствовал потребность вернуться к тому, загорьевскому парню. Вернуться, чтобы проститься, и, прощаясь, все же возвращаться — «Здравствуй, здравствуй, родная Сторона. И — прощай...» («Поездка в Загорье»). Прямо возникает перекличка с темой «братьев» — «А где ж вы, братья, братцы, Моя родная кровь? Нам съехаться б, собраться На старом месте вновь» («На хуторе Загорье»). Это сопрягалось с мотивами единства малой и большой Родины, преемственности и родства. Косвенно с этим чувством связано появление большого цикла стихов о деде Даниле (1937—1939), который продолжил давнюю тему «дедов», трудовых традиций народа, его жизнелюбия, жизнестойкости, богатырской силы, «первейшего» трудового мастерства, вписавшегося в новую жизнь, продолжившегося в ней. Стихи про деда Данилу органически связаны с дальнейшими поисками фольклорных источников. Именно в эти годы появились переводы из Шевченко, в частности, прекрасные переводы «Завещания» и «Совы». Вместе с тем в начале 1938 года появляются признаки нового творческого кризиса. В письме к С. Маршаку от 18 августа 1938 года Твардовский жалуется на свою «тоскливо-повествовательную манеру»: «Давно хочу писать иначе, но все еще не могу».[1] Возникает потребность в новой большой теме, которая создала бы почву и для обновления поэтического мастерства.

Шагом в этом направлении стал рассказ в стихах — «Ленин и печник» (1939—1940), с новым использованием фольклорного источника (в данном случае устного рассказа об одном из эпизодов жизни Ленина). Пафос рассказа — в раскрытии личности Ленина как истинного представителя народной власти, его демократизма. А характер печника продолжает образы людей труда, высокого мастерства. В советской поэтической Лениниане «Ленин и печник» остается и сейчас одним из главных достижений наряду с поэмами Маяковского и Пастернака, со своеобразным поворотом темы в ее, так сказать, более «домашней» конкретности. В дальнейшем это направление было продолжено «Ходоками» Заболоцкого, отчасти книгой стихов о Ленине Марка Лисянского и другими. На фоне исторической обстановки 1938—1940 годов «Ленин и печник» было

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 6, с. 357.

художническим напоминанием и призывом к ленинским нормам общественной жизни, к реальному единству власти и народа.

Центральной темой Твардовского тридцатых годов стала тема творческого труда, общности, взаимодействия людей, начиная с общности семьи и кончая общностью всей Родины и всей жизни на земле. И в пределах этой общности — множественность самостоятельных путей и перепутий. Новые поэтические средства, сочетание свободы и организованности стиха, художественного образа служили цели предельного раскрытия этой основной темы.

3

Последние предвоенные годы выделяются особой напряженностью внутренней жизни страны, нарастанием приближающейся мировой катастрофы. С конца 1939 года биография Твардовского включает в себя систематическое, а в период Отечественной войны почти непрерывное пребывание вне Москвы, на разных фронтах, активное участие во фронтовой газетной работе, очень напряженной и разнообразной. В письме к Исаковскому с финского фронта 3 марта 1940 года он пишет: «Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и все, что привелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека... Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что Армия будет второй моей темой на всю жизнь». [1]

В период Великой Отечественной войны единство цели как бы отодвинуло на задний план те противоречия, которые оставались и после 30-х годов. В многообразии дорог доминирующим становится пафос общности всех путей к единой цели при всем их индивидуальном разнообразии.

Воспоминания о военном Твардовском показывают сочетание в его деятельности предельной дисциплинированности с отвращением ко всякому формализму, казенщине, к чинопочитанию, к злоупотреблениям необходимой уставной иерархией. «За три года не припомню случая, чтобы он невежливо разговаривал с подчиненными, с теми, кто был ниже его по званию. Но вот в разговорах с начальством, когда имели место несправедливость, бестактность, он своего недовольства не скрывал».[2] Характерно также в этом поведении умение и стремление создавать вокруг себя обстановку непринужденного товарищества.

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 6, с. 339.

[2] Е. Воробьев. В тяжелый час земли родной.— Воспоминания о А. Твардовском, с. 156.

Потребность работы военного газетчика вызвала создание разнообразных стихов-однодневок, которые вместе с прозаическими корреспонденциями, очерками, стихотворными лозунгами, фельетонами и так далее по-своему служили общему делу борьбы с врагом. Твардовский часто жалуется на недостаток времени, условий для сосредоточенной работы. Художественное качество стихов и прозы Твардовского того времени — более пестрое, чем в 30-е годы, так как условия войны часто требовали такой быстроты оперативного отклика, что приходилось и кое-чем жертвовать в его качестве. В то же время само это постоянное нагнетание стоящих перед поэтом задач создавало необходимость полного проникновения в суть изображаемого, предельного обобщения, углубления темы.

Две основные поэмы и десятки стихотворений принадлежат к вершинам творчества Твардовского и всей нашей поэзии.

Относительная роль этих жанров в годы войны была разной.[1]

Главной стала «Книга про бойца» — «Василий Теркин». Она включила в себя, выражаясь словами самого поэта, и лирику, и публицистику, песню, анекдот и присказку, разговор по душам и реплику к случаю — удивительное многообразие поэтических форм общения с читателем. Поэтому и возникло название — «Книга» — от Книги, издревле воплощающей в себе всю глубину человеческой мудрости («Книга Бытия», «Голубиная книга») до любимых настольных книг своего детства и книг, порожденных уже новым миром. А младшей сестрой этой поэмы стала другая, родившаяся на какой-нибудь год позже и выраставшая почти одновременно,— «Дом у дороги». И сопровождалось движение обеих поэм дальнейшим движением стихотворений самых разных жанров — рассказов и очерков в стихах, «баллад» в новом понимании и трактовке этого жанра, других типов лирического высказывания с разной степенью его активности, вплоть до появления нового жанра, который сам Твардовский сопоставил с жанром «записной книжки».

В период Великой Отечественной войны произошло перерастание народности поэзии в ее небывалую всенародность. Сознание того, что освобождение нашего народа стало битвой за спасение всей жизни на земле, делало всенародность всечеловечностью и даже всеприродностью, противостоящей всему убивающему или мешающему жизни на земле.

---

[1] Несмотря на обилие литературы об этих поэмах и о некоторых отдельных лирических произведениях общая характеристика поэзии Твардовского этого периода дана только в примечаниях Ю. Буртина и Р. Романовой в последнем собрании сочинений (т. 2, М., 1977, с. 387—407), в ряде обобщающих работ (более кратко) о поэзии в годы Великой Отечественной войны — А. Абрамов (1972, 1976), А. Павловский (1968), И. Спивак (1976), М. Пьяных (1980) и в монографиях о Твардовском — А. Македонов (1981), А. Турков (1970).

И сама биография Твардовского, судьба его семьи показали и это новое разнообразие, и это новое единство. Все братья воевали; родное Загорье и часть семьи испытали ужасы немецкой оккупации. Отсюда расширение и углубление мотивов общности людей, начиная с семьи до товарищества, землячества, всех связей малой и большой Родины, и более того — связи времен, исконных связей человека и природы.

Огромность событий, справедливость цели, новая сила ответственности дали новую силу и творчеству Твардовского. Реализм его поэзии, сложившийся в предыдущий период, показал свою эффективность и в условиях этой великой битвы за жизнь на земле и вместе с тем сам поднялся на новую ступень, стал воистину *героическим, синтетическим народным реализмом* — тем более что героика воспроизводилась, утверждалась с предельной конкретностью «правды сущей». Эта правда сущая побуждала отыскивать в самой жизни соединение быта и Бытия, определяла и средства поэзии, позволяющие передать это соединение. В результате родился небывалый в истории поэзии тип эпоса — эпос непосредственной современности, движения жизни с ее середины, так что в этой середине раскрывалось и ее прошлое и будущее. Новый жанр Книги, соединяющий в себе черты классической эпопеи, и поэтической хроники текущих событий, описания и дневника, непосредственного лирического отклика и трагедии в стихах небывалого размаха,— в их взаимодействии и слиянии. Это позволило открыть и новые черты взаимопроникновения «я» и «мы», образ народа как личности в исключительных обстоятельствах его истории и истории всего человечества. Отсюда новые черты лирики, всех ее жанров.

«Записная книжка» лирики стала малой, но тем не менее также Книгой человеческой души и «со-бытия» отдельных людей в борьбе за жизнь на земле. Вершиной этого жанра стали «Две строчки» (1943) — стихотворение, в котором листок из старой записной книжки походного дневника предыдущей войны удваивается, возрождаясь и продолжаясь в дневниковой записи новой великой войны за жизнь на земле. В этом совмещении воссоздается вся сила общности двух людей, разных, но слитых товариществом в этой великой борьбе, вся сила нового совмещения «я» автора и «я» другого человека в общем «мы» народной личности («Как будто это я лежу»). Совмещаются времена этих людей, этой борьбы, и ужас войны преодолевается силой и свободой совместного переживания, товарищества, силой основной объединяющей цели. [1]

Вскоре после окончания войны Твардовский говорил: «Война для множества людей, при всем при том, что она была трудна и очень многое отняла, была самым значительным периодом их жизни, подняла их ду-

---

[1] Подробный анализ этого стихотворения см.: А. Македонов, Свершения и кануны, с. 160—170.

ховно, приобщила к понятию вещей, которые раньше им были недоступны. Эти люди сейчас иные».[1] Это новое и значительное подчеркнуто в таких стихах, как «Когда пройдешь путем колонн...» (1943), и в таких, как «Война — жесточе нету слова...» (1944). Нет слова и жесточе, и печальнее. Но и «святее нету слова В тоске и славе этих лет». Потому что как ни ужасна война, она выявила все то самое важное и лучшее, святое, что определило нашу победу, несмотря на огромную и злобную силу врага и на некоторые допущенные до и в ходе войны ошибки. Путь через войну стал и путем к миру, и новым путем к правде, правде сущей основ жизни на земле, основ и вершин человеческой общности. Ответственности каждого за всех.

Война отбросила и те иллюзии, которые не соответствовали ее реальности. «Да, все иначе на войне, Чем думать мог любой, И солью пота на спине Проступит подвиг твой»,— писал Твардовский уже в самом начале войны («Сержант Василий Мысенков», 1941). Известны аналогичные высказывания самых разных поэтов — от Ахматовой и Пастернака до только начинавших. Характерно новое упоминание о поте — один из излюбленных образов Твардовского, начиная с еще загорьевского периода. Пот воинского подвига ассоциируется с тем потом напряженного труда, о котором в разных формах говорит Твардовский во всем своем творчестве. И в этой связи рождается общий образ войны-работы, но не просто работы, а «кровавой страды»,— образ, как известно, идущий от древних традиций, встречающийся и в «Слове о полку Игореве». Пот здесь переполнен кровью. Но в контрасте с кровавой страдой возникает как вечноживущее начало мотив правоты и силы самых элементарных основ жизни на земле. Отсюда строчки введения к поэме. Простейшие потребности человека, особенно обострившиеся именно в пыли походной и в муках кровавой страды, перечисляются с высоким пафосом, напряженной лирической интонацией. Напоминание о важности прибаутки и шутки, затем о высшей ценности — правде сущей — рождает новое преодоление «тоскливой повествовательности» и прозаизации, новое раскрытие возможностей слияния разговорной и энергически-музыкальной интонации.

Первые главы «Василия Теркина», впитавшие в себя и отдельные более ранние заготовки, начали печататься в августе — сентябре 1942 года. Отклик читателей, бойцов-фронтовиков на эти первые главы был поразительно быстрым, единодушным и мощным; читатели требовали продолжения поэмы и стали как бы ее соавторами, внося предложения, сочиняя подражания, а горячностью своего слова подкрепляли уверенность поэта в правильности избранного пути, хотя были люди, резко оспаривавшие и затруднявшие этот путь. Вот характерное слово одного из первых читателей (28 сентября 1942 года): «Вы сумели очень ярко

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 5, с. 305.

изобразить жизнь наших бойцов, бившихся с немцами. Читая Ваше произведение, невольно переносишься вместе с Теркиным в ту обстановку, где живет и воюет он... Василий Теркин зовет вперед, воодушевляет нас на преодоление трудностей, на новые подвиги во имя Родины».[1]

Так началось действительно триумфальное шествие «Василия Теркина» и его героев и по страницам газет, и в душах людей. Расширились и углубились мотивы общности людей, от семьи до товарищества, землячества,— всех связей малой и большой Родины. И еще шире — связи времен исторической памяти народа. Количество и разнообразие изображаемых путей и домов резко увеличивается. Даже в буквальном пространственном смысле — вплоть до дороги на Берлин. Поэт отмечает в «Автобиографии»: «Почти одновременно с «Теркиным» и стихами «Фронтовой хроники» я начал еще на войне, но закончил уже после войны поэму «Дом у дороги». Тема ее — война, но с иной стороны, чем в «Теркине»,— со стороны дома, семьи, жены и детей солдата, переживших войну. Эпиграфом этой книги могли быть строки, взятые из нее же: „Давайте, люди, никогда об этом не забудем“».[2]

К этому можно добавить, что и в «Теркине» мотивы дома, семьи проходят через всю книгу — и в воспоминаниях, и в авторских отступлениях, и в ряде эпизодов, непосредственно изображающих судьбы семей. Даже походные стоянки, ночлеги могут приобретать черты дома, семейной общности. И родной взвод, и вся родная часть, и весь фронт, и вся страна — это тоже дом и семья. Так образ семьи получает небывалое расширение. И по-прежнему главной в нем является мать — материнское начало, начало и продолжение жизни, любви к жизни. Мать — это конкретная мать любого бойца, даже любого парнишки в тылу и на фронте. Но и вся Родина — это наша «Мать-старуха», «Мать-Россия» и вся земля — это «Мать-Земля». И этот принцип дома, семьи, материнства противостоит «нелюдям», «немым» — немецким фашистам, которых поэт определяет: «бездомные бродяги полумира». И если в «Василии Теркине» военное товарищество превращается в гигантскую семью, то в «Доме у дороги» и в ряде лирических стихотворений исходная семья, дом включается во все военное товарищество. «Не случалось видеть мне Дружбы той святей и чище, Что бывает на войне». А в героине «Дома у дороги» сливаются образы матери и жены. Жена — это и возлюбленная, и хозяйка дома, и основная хранительница, создательница исходной человеческой общности, продолжения ее жизни на земле. Отсюда возникают и новые мотивы судеб всех поколений, и прежде всего — детей. Дети на вой-

---

[1] Письма читателей собраны М. И. Твардовской в кн.: Александр Твардовский, Василий Теркин (Книга про бойца). Письма читателей «Василия Теркина». Как был написан «Василий Теркин» (ответ читателям), М., 1976.

[2] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 27.

не — это ее жертвы и это вместе с тем носители жизни, все преодолевающей. Воображаемая, условная речь новорожденного сына в «Доме у дороги» становится своеобразным символом победоносной силы жизни на земле. Твардовскому как никому другому удалось передать массовость и, так сказать, героическую повседневность и деловитость подвига. Жизнь как подвиг, в котором участвуют люди всех рангов и положений — от самых рядовых до генералов, от очень удачливых до безвестно погибших. Но центральным и решающим является героизм рядового солдата.

Твардовский создает ряд картин этого героизма, особенно в таких главах «Василия Теркина», как «Переправа», «Теркин ранен», «Кто стрелял?», «Поединок», «Наступление», «На Днепре», а также в ряде стихотворений — как «Григорий Пулькин» (1940), «Шофер Артюх» (1940), «Наступление» (1939—1940), «Высшая честь» (1940), «Баллада о красном знамени» (1940), «Давай-ка, товарищ, вставай, помогу...» (1940), «Песня о полковом знамени» (1941), «Сержант Василий Мысенков» (1941), «Рассказ танкиста» (1941), «Иван Громак» (1943). Но и внутри батальных сцен много внимания уделено деталям, ассоциациям, далеко уводящим от непосредственной картины боя. Автор ведет речь «Про огонь, про снег, про танки, Про землянки да портянки, Про портянки да землянки, Про махорку и мороз». И в описания героических битв входят сцены потери кисета, игры на гармони, разговоров на привале или перед боем — сплетение всех сторон и войны-работы, и жизни-работы. И это все входит в подвиг жизни людей как массы и людей как личностей.

Конкретная многоликость массового героизма определила собой и реальность победы в битве с фашизмом, и многоплановость военной поэзии Твардовского. Эта многоликость получила концентрированное выражение в центральном образе Теркина, с одной стороны, и авторского «я» — с другой. Теркин — это именно многоликая личность, как воплощение народного духа и как особая, неповторимая индивидуальность. Хотя он как бы переходит своими личными чертами в черты других людей и самого автора, но он остается единым, неповторимым, в котором выразились самые главные для той битвы черты всего народного характера как собирательной личности. Не все черты. Например, критическое начало содержится в Теркине только как возможность, которая должна проявиться в свое время. А теперь в годы решительной битвы нужно и можно было его отодвинуть и повторять «одну политбеседу — „не унывай!“». Он — «Святой и грешный Русский чудо-человек». Грешен он, строго говоря, только в самых малостях. Но в сущности он святой, во всем главном, что делает человека человеком. И поэтому он и «парень сам собой обыкновенный», и чудо-человек, поразительно удачливый герой, по сути необыкновенно талантливый, с поэтической душой. Можно сказать, что прежде всего «помочь любитель», но и гораздо больше — человек талантливый во всем, талантливо живущий на земле. Он все умеет делать —

малое и большое, когда это нужно, и все делает, даже ест «так-то ладно, так-то складно». И окружает Теркина живой круг людей, и сопутствует Теркину само авторское «я», с его талантом воплощения жизни.

При всей конкретности изображения отдельных людей и масс поэт вводит и условные сказочные персонажи. Так, в главе «Смерть и воин» в «Василии Теркине» появляется сама Смерть. Она не раз фигурировала и на страницах мирной жизни предыдущих лет, но была безликой. А теперь она стала собирательной антиличностью, античеловеком, говорящей «белой вьюгой». Мы слышим ее вкрадчивую, как бы рассудительную, как бы убедительную, как бы даже жалостливую речь. Но за этим главное в Смерти — ее пустота, ее отчужденность от жизни, лицемерие, пустоутробие. Безжалостность в личине правды и жалости. А противостоит ей именно реальность человеческой общности, товарищества, перед которым она вынуждена отступить, «дать отсрочку» тяжело раненному солдату. Но как отрицание всего живого Смерть может выступать и в форме якобы живых псевдолюдей, «нелюдей», «немых», тех фашистов, которые расстреливали старух и детей, с которыми билась жизнь на всех фронтах.

Еще одно условие победы жизни на земле — память обо всем, что происходит с людьми и народами. «Давайте не забудем» — это память во время войны о том, что было до нее, как стимул жизни в этой смертельной битве. И память во время войны уже о самой войне, «жестокая память», опять-таки в конкретном многоликом человеческом многообразии. Память и о том мальчишке, погибшем на войне незнаменитой, и о множестве, множестве других погибших. Память солдат о погибших семьях (тема «солдата-сироты»). И горькая авторская память обо всем том, «чего я вспомнить снова, не вспомнив немца, не могу». Есть все же и память светлая — не только о мирной жизни, но и о человеческих отношениях, малых и больших радостях военного времени. Память людей выступает как основа всей связи времен. Как память истории и всей Матери-Земли. Как движение времени через настоящее и будущее. Как мечта о будущем после войны, мечта о том, как в будущем будут вспоминать о войне, как будет жить память о жертвах и победе («Здесь немцы были...», 1944; «Об этих днях», 1944 и другие).

Пройдется плуг по их могилам,
Накроет память их пластом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.
И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: «Дети,
Здесь немцы были век назад».

В другом стихотворении:

Седой солдат расскажет внукам
Про эту быль своих времен,
Как он, герой, да маршал Жуков
Из Польши немцев гнали вон.

Характерны штрихи типичной солдатской беседы: «И разъяснит, как по уставу...»

Этот лирический мотив прозвучал еще раньше, в 1943 году, в «Василии Теркине» (глава «В наступлении»):

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой.

Иногда воспоминания выступают как вспышка, освещающая большое пространство личной и народной жизни, даже в малом, казалось бы, незначащем эпизоде, через мгновенную ассоциацию-впечатление, как впечатление от полета майского жука в «Кто стрелял?». Озаряющие миги памяти могут повторяться, ведут за собой цепочки ассоциаций, переживаний — например, лейтмотив «коси коса, пока роса» в «Доме у дороги». Время воспринимается как самостоятельная сила, закон. Как и раньше, в основном это движущееся настоящее время — фронтовая хроника, как двигалась раньше сельская хроника. Она включает в себя и прошедшее, и будущее, но сравнительно близкое. В этом слиянии настоящего с близким прошедшим и близким будущим, однако, раскрывается и нечто вечное, прежде всего — вечная память о героизме погибших, о трагедии войны. Поэтому «навек правы» бойцы, погибшие во время боевой переправы. Но вечность общности всей жизни на земле проявляется и во всех деталях жизни живущих и их воспоминаний. Как например, воспоминания о переживаниях детства («Василий Теркин», «О себе»).

Сила и многосторонность битвы за жизнь на земле и свободу Родины породили небывалую экспрессивность и в то же время конкретность слова Твардовского в эти годы. В частности и прежде всего, вместе с точностью воинской речи — дальнейшее развитие слитно метонимических и метафорических образов. Они особенно ярко представлены в «Василии Теркине».

Так, в «Переправе» — точное, краткое описание ночи перед боем:

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, пóтом
Мерзлой хвоей и махрой.

Оно содержит неявное олицетворение («пехота» — как один человек), переходит в соседней строчке в более явное олицетворение — «чутко дышит берег этот». А затем описание конкретного события переходит в грандиозный и многослойный образ, с цепочкой деталей-метонимий (образ погибших бойцов: «снежок... уже давно... не тает в их глазницах»). Непосредственные точные приметы смерти переходят в олицетворение, почти фантастическое:

Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

В этом живом сне мертвых и их вечной правоте заключено противоречивое, оксюморонное, сдвинутое значение, бросающее глубокий свет на всю сцену, а затем следует опять контрастная, оттеняющая, сложная в своей простоте деталь-метонимия, олицетворение:

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

В точных уподоблениях появляются новые, порожденные войной реалии. Например, оглобли поднимаются, как дула зенитных орудий: «И в небо звездное глядят Оглобли, как зенитки» («Дом у дороги», глава 3). И наоборот, характерны как бы обратные развернутые уподобления, переходящие в олицетворение неживых орудий и предметов войны как страшных квазиживых существ:

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

(«Василий Теркин», глава «Теркин ранен»).

Уподобления и метонимии переходят в детали-олицетворения — например, «сиротливые дымки». Олицетворения в описаниях войны получают новую напряженность, часто внутреннюю контрастность и переходят в более сложные ряды-сочетания. Например, в описании леса в «полдень раннего июня» (глава «О себе») летний «молодой» зной становится одушевленным существом, имеет запах, цвет, вещество, возраст, некое личное поведение. И завершается картина емкой деталью воспоминания: «Светлой каплею смола По коре нагретой елки, Как слеза во сне, текла». В сопоставлении со слезой во сне выявлен целый мир переживаний, связанных с общим как бы психологическим состоянием и поведением этого леса, в жаркий день, когда зной «пьянил, склоняя в сон». И сон

леса, и сонливость человека в лесу, и воспоминание о детстве, и поток памяти на фоне ужасов войны, и скрытый страшный контраст, и просветление, противостоящее ужасу. И цепочка деталей — метонимий, метафор, ассоциаций подготовляет переход к прямому трагическому обращению — вопросу авторского голоса:

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть, иль нет?

Вопрос, ответом на который стала вся поэма, вся судьба народная.

Система таких свободно перекликающихся, переплавляющихся друг с другом деталей — метонимий, метафор, ассоциаций в то же время подчинена, направлена, строго организована сверхзадачей поэмы, сверхзадачей народа. И осуществляется также системой звуковой организации стиха, необыкновенным разнообразием интонационных переходов.

Тематика, основные мотивы, главный пафос поэзии Твардовского в годы войны естественно перекликались, сплетались с множеством голосов большинства лучших советских поэтов того времени, всех поколений. Быть может, ближе всего к поэтике Твардовского подходила блокадная лирика Ольги Берггольц, которая с поразительной силой чувства также показала массовый героизм самых рядовых людей, превращение быта в Бытие. Но великая Книга военной поэзии Твардовского остается самым главным, всеобъемлющим достижением советской поэзии тех лет и основой дальнейших достижений не только Твардовского, но и всей нашей поэзии.

4

Послевоенные годы, связанные с восстановлением огромных разрушений, жестокой памятью войны, определили дальнейший путь поэзии. В послевоенном творчестве Твардовского, как и прежде, проявилось стремление отразить и выразить ход эпохи в самых коренных и актуальных явлениях и тенденциях, в предельной конкретности.

В той или иной степени и форме неоднократно возвращаются и варьируются мотивы довоенных и военных стихов, но всегда в новом переосмыслении и сочетании с новой тематикой. Мотивы жестокой памяти войны получили особое, программное значение. С другой стороны, вновь и вновь возвращались мотивы своих истоков, судеб своей малой родины, Смоленщины. Вместе с кругом совсем новых мотивов, «с расширением жизненного и литературно-общественного опыта, поездками по стране и за ее пределы — расширялось и, так сказать, поле действительности, становившейся основой моих писаний...».[1]

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, с. 27.

«Поле действительности» не только расширялось, но и углублялось, прямо или косвенно, в тематике и проблематике творческого народного труда — и, можно сказать, труда самой истории и народного сознания. И возникает эпизодически новая тема — уже с 1947 года и особенно с начала 50-х,— тема труда собственной души, оглядки на пройденный путь. Отсюда — стремление к поэтическому синтезу еще более широкого круга фактов, к сопоставлениям, размышлениям о человеческих судьбах, вплоть до своеобразной философско-исторической и исторической поэзии, в которой заново пересматриваются коренные вопросы жизни и смерти. Гораздо большее развитие, перекликаясь в этом отношении с юношескими дневниками и лирикой 1928—1929 годов, получают анализ и самоанализ, авторская рефлексия.

Расширение круга жизненных впечатлений, как всегда у Твардовского, сопровождалось расширением круга общения и общественных дел. Сохраняется основной круг друзей предыдущего периода — Исаковский, Фадеев, Маршак, Лифшиц. Закрепляются некоторые фронтовые связи. Возникает дружба с Овечкиным, Соколовым-Микитовым, Казакевичем, Кулешовым. Появляется круг новых знакомств, главным образом в 60-е годы, связанных с редакторской деятельностью Твардовского. Развертывается общественная и государственная деятельность. Он присутствовал на трех съездах партии — XX, XXI, XXII, выступил с речью программного писательского характера на XXII съезде. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета — РСФСР и СССР. Был бессменным членом правления ССП, секретариата правления.

В 1947—1948 годы был председателем комиссии по работе с молодыми писателями СП СССР, принимал и дальше участие в разных комиссиях по работе с начинающими писателями, вел с ними обильную переписку и т. д. Хотя многие «заседательские» литературные дела его часто тяготили и мешали собственно литературной и общественной работе, но очень активно, охотно участвовал он в работе литературных журналов.

С начала 1950-го по 1954-й и с 1958-го по 1969-й годы он был главным редактором журнала «Новый мир». Работе в «Новом мире» он придавал особенно большое значение. Она сыграла большую роль в общественной и литературной жизни страны, в формировании ряда крупных писателей. Косвенно, несмотря на загрузку этой работой, с ней связан был и новый подъем его собственного творчества. По линии этого журнала в круг близких людей вошли А. Дементьев, В. Лакшин, И. Сац, а также И. Виноградов, Е. Дорош, А. Кондратович и другие. Повышенное чувство ответственности за все на свете, как и в годы войны, проходит через весь его путь до конца жизни. В этом пути ясно выделяются два этапа.

Первый этап — до 1961 года — был очень разносоставным, знаменовался серией проб в разных направлениях, подчас иллюзий, ошибок, творческих заминок. Новое перепутье завершилось созданием нового

крупного поэтического синтеза — поэмы, а точнее опять-таки Книги — «За далью — даль» и рядом стихотворений, в которых начиная с 1951-го и особенно в 1954—1956 годах намечается новый творческий подъем, связанный с общим изменением обстановки в стране, резким увеличением активности народного сознания. Вновь выдвигается тема путника и новый вариант его — путника, идущего к самому себе. Вместе с непрерывно напоминающей о себе жестокой памятью войны, сознанием ответственности живых перед погибшими. Отсюда такие стихи, как «Я убит подо Ржевом» (1945—1946), «В тот день, когда окончилась война...» (1948), «Жестокая память» (1951), «Та кровь, что пролита недаром...» (1957), ряд мест «За далью — даль».

«Заполненный товарищами берег», «кроясь дымкой», уходил вдаль, но вновь и вновь возникал, двигался вместе с поэтом: «не избыть нам связи обоюдной». Особенно замечательно — «Я убит подо Ржевом». Как писал Твардовский: «Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Вечный долг живых перед павшими за общее дело, невозможность забвения, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство».[1] Напомним, что это чувство возникло уже в 1934 году в «Я иду и радуюсь...», развито в «Василии Теркине» и нескольких стихотворениях военного времени, особенно в «Двух строчках» (1943). Стихотворение перекликается с древним мотивом разговора мертвых с живыми, с мотивами ряда стихотворений других поэтов-фронтовиков — Дудина, Майорова, Чивилихина, Тарковского и других.

Предвосхищение собственной смерти и воскрешения одновременно не менее поразительно показано в стихотворении Заболоцкого «В этой роще березовой...», которое уже навеяно угрозой новой, атомной войны.

Все эти сопоставления позволяют яснее ощутить своеобразие поворота этой темы у Твардовского. В центре стихотворения — конкретный, индивидуальный, несмотря на внешнюю безымянность, образ только что убитого, но продолжающего жизнь солдата. Индивидуальность персонажа здесь тесно слита и с коллективным «мы» или «они», и с индивидуальностью лирического «я», сливающейся с голосом убитого солдата. Убитый, который говорит с воинской точностью о только что случившемся событии в данном месте и в данное время, говорит языком массового героического человека, во многом близкого Василию Теркину и другим героям-солдатам творчества Твардовского. Вместе с ними автор. Получается сплав разных, но неразделимых голосов. С просторечием солдатского говора («ни дна, ни покрышки» и т. п.) сливается высокое, ораторское,

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 5, с. 209—210. Подробный анализ см.: А. Македонов, Свершения и кануны, с. 193—202. Имеется еще ряд опытов детального анализа этого стихотворения А. Абрамова (1971, 1975), Л. Таганова (1978), А. Македонова (1981, 1984) и других.

напряженное размышление поэта. Через цепочку вопросов, пожеланий, слов надежды и веры, напоминаний, описаний, призывов формулируется заключительная нравственная программа «в память воина-брата». Источник добра и счастья — это именно братство, выдерживающее все испытания, братство как неразрывная нравственная связь братьев через общий подвиг.

Грандиозность события, его совместное переживание объединило различные голоса поэта и его героя. Слитная лирическая интонация определила единое дыхание ста шестидесяти восьми строк.

Завещание бойца, убитого подо Ржевом, получило продолжение в дальнейшем творчестве Твардовского. Пафос возрождения и продолжения жизни пронизывает всю поэзию этого периода, от Пастернака и Ахматовой до Рыленкова и молодых поэтов. Для Твардовского в этом новом поэтическом потоке особую роль продолжали играть, с одной стороны, осмысление опыта и памяти пережитой войны, неизбывных обязательств перед погибшими, с другой — продолжение своей главной темы — коллективного народного труда, творчества, его новых возможностей, начиная с элементарных работ повседневного строительства и кончая подвигом первого космонавта. Но именно в свете завещания погибших Твардовский видит большие внутренние трудности. Простое продолжение той фронтовой всеобщности оказалось невозможным, и быстро возник мотив дальнейшего поиска, новой дороги, настолько не простой, что возникает ощущение надвигающейся «беды» («Беда откроется не вдруг...», 1947). И опять варьируют мотивы памяти, стремление выделить в прошедшем главные события и ценности («Памяти Ленина», 1948—1949; «Мне памятно, как умирал мой дед...», 1951 и другие). Память все яснее оборачивается не только воспоминанием, но и переосмыслением пройденного пути: «А что, если снова заново, С начала самого Начать нам жить с тобой?..» («Весенний, утренний, тоненький...», 1951).

Новая дорога снова стала дорогой не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Так возникла «За далью — даль». В первых же главах ее обнажились проблема собственного душевного поэтического кризиса, стремление начать новое начало. И поездка в Сибирь стала также путем к правде, через преодоление иллюзий, к осмыслению собственных путей и путей всего народа. С 1956 года родилась новая ключевая формула — «Мы стали полностью в ответе За все на свете». Это было как будто и повторение ключевых формул военного времени, но в условиях, когда политбеседа «не унывай» не годилась. Нужен был настоящий критический анализ, и это подчеркнуто другими формулами: «Великий Ленин не был богом И не учил творить богов», «сами люди, а не боги Смотреть обязаны вперед». А для этого нужно прежде всего прислушаться к «тетке Дарье», которая годами работала за пустопорожний трудодень, спросить и у своей души, которая еще недавно даже «сама с собой — и то не смела ... ступить за некий круг». Поэт утверждает, что

народ должен жить «Не божеству уже вверяя, А только собственной своей Хозяйской мудрости». Поэма стала повествованием о пути к выбору и выбора пути к внутренней свободе, которая единственно может обеспечить ответственность народа за свои дела, свою историю. Поэт впервые формулирует серию собственных программ жизни и как бы опыт поэтической автобиографии в знаменитом отрывке поэмы — «Нет, жизнь меня не обделила...», возникшем сначала как самостоятельное стихотворение.

Параллельно с работой над поэмой происходило с 1953 года переосмысление прежних лирических мотивов. Пейзажная лирика теперь более чем когда-либо рисует пейзаж души с ее самоуглублением, поисками, ее общностью с внутренним миром других людей и бытием природы («Ветер какой — ты слышишь?..», 1954; «Снега потемнеют синие...», 1955 и другие). Создавались стихотворения, которые как бы иллюстрировали и расширяли мотивы и отдельные детали всей поэмы: о преобразовании природы, соотношении человека с природой, историей (1951—1960). Лирический образ пути в «Дороге дорог» (1959) перекликается с «Дорогой» 30-х годов. Ряд стихотворений ясно перекликается с главой «На Ангаре». В программном стихотворении «Не хожен путь...» (1959) подчеркивается главное назначение — двигаться «только вперед, За бегущим днем, Как огневым валом». В общем потоке движения поэмы и лирики подчеркивается право и обязанность обращения внутрь самого себя. Иногда появляются, выходят на поверхность мотивы, которые раньше как бы были запрятаны в глубине («Ветер какой — ты слышишь?..», «Усталость», 1958). Получают новое развитие и «вечные» темы, прежде всего соотношения жизни и смерти, обогащенные и опытом жестокой памяти и опытом дальнейшего труда души. Отсюда — «Ты дура, смерть...» (1955), ибо «мы только врозь» ей, смерти, подвластны. Другой вариант — «В дружбе есть святая проба...» (1954). А позже — трактовка смерти как необходимого момента самой жизни, ее ценности («Не знаю, как бы я любил...», 1957; «Я полон веры несомненной...», 1957). И «сласть» жизни связана с тем, что она «выстрадана». В одной этой строчке выражен огромный опыт жизни, истории. Очерковые стихи-зарисовки с бытовой тематикой также трансформируются. Переосмысляется мотив новоселья («Старожил», 1957; «Новоселье», 1955—1959). И вновь и вновь возникает тема строительства собственной души, правды и значения внутренней свободы. Отсюда проблемы «внутреннего редактора» в «За далью — даль» (1953), в стихотворении «Ты и я» (1957—1958), противопоставление реального труда бюрократическим фикциям, «холодному дыму» вранья и тем персонам, которые даже в тайге — «На заседаньях по три дня Сидят в глуши лесной»:

Чуть что — аврал: «Внедрить! Поднять —
И подвести итог!» И всё досрочно,— не понять:
Зачем не точно в срок?..

(«Разговор с Падуном», 1958)

Для Твардовского «главный редактор — великое время» («Московское утро», 1957). И вся лирика этого периода, и вся поэма «За далью — даль» утверждают поэзию реальности — подвига строителей на Ангаре в поэме и в трех стихотворениях-откликах на полеты в космос — в том смысле, что они сопоставляются с подвигом тех «хлопцев» — «новичков из пополненья» на «аэродромах отступленья», которые тоже, «Отправляясь на заданье, В свой космос делали разбег». И поэт делает вывод: «Так отразилась в доблести твоей И доблесть тех, чей день погас бесценный Во имя наших и грядущих дней».

Всем фикциям и дурным снам противостоит сила народного духа, умудренного и обновленного суровым историческим опытом, заново осознанной ответственностью за судьбу родины. Назначение поэта — «Чтоб жил и был всегда с народом, Чтоб ведал всё, что станет с ним». Это напоминание приобретало особое значение в тот период, когда далеко еще не все «всё ведали», как предостережение тем, кто вновь хотел очертить некий заветный круг, хотя бы и более широкий. И возникла гениально сжатая формула — «Тут ни убавить, ни прибавить»,— формула и настоящего, и прошлого, и будущего.

Книга «За далью — даль» вместе с сопутствующими стихотворениями сама стала развернутой лирической и эпической формулой этого пути к «правде святой» народа и человека. «Книга» — это перекличка и продолжение «Книги про бойца» и стихов из записной книжки. Возникает и преобразование жанра: записная книжка превращается в своеобразный лирический дневник — дневник хроники конкретного путешествия конкретного лирического «я» — и вместе с тем дневник времени, вместившего в десять дней грандиозную историческую эпоху. Главными героями становятся автор и его главный собеседник — читатель: «ты и я» на фоне большой движущейся панорамы, потока людей, событий, с некими сверхличными героями, которые выступают и в поэме, и в лирике как одушевленные персонажи, даже непосредственные собеседники автора. Это «сверхличные» личности — Время, Память, Даль, Дом, Люди.

Своеобразная конструкция поэмы — система дорожных или как бы дорожных наблюдений, встреч, разговоров, рассуждений автора и персонажей, непосредственного постоянного собеседования с читателем и своими героями — передает движение самой поэтической мысли, ее неожиданных поворотов, ассоциаций, раскрывает самый труд мысли и труд души поэта. Как и в прежних произведениях, Твардовским применяется самый широкий арсенал поэтических средств. В том числе характерные детали — метонимии и метафоры, переходящие в реалистические символы. Вся поэма в целом — огромная метафора-символ. Вместе с тем еще больше расширяется арсенал интонаций, звуковой организации стиха, при сохранении господствующей четкой метрической организации. Весь арсенал форм высказывания воплощает поэтическим словом живую народную речь, народное сознание.

«За далью — даль» стала второй после «Василия Теркина» по популярности и силе общественного резонанса книгой Твардовского. Ее тиражи также измеряются многими десятками миллионов экземпляров, литература о ней огромна. Книга была награждена Ленинской премией.

Второй этап послевоенной поэзии Твардовского охватывает 1962—1971 годы.

В 1962 году появляется стихотворение «Слово о словах». Здесь еще более резко, чем в главе «Литературный разговор» поэмы «За далью — даль» и стихотворениях 50-х годов, противопоставлено подлинное слово «краснословию», «словам-трухе», словесам, которые «как мухи мрут». Подчеркнута программа поэтической деятельности — слово как дело, со ссылкой на Ленина. Поэт должен «не мешать зерно с половой, самим себе в глаза пыля» — половой «слов-трухи», «дежурных од», которые «в иных устах до пошлой сказки Низводят сказочную быль» реального «величья подвигов» народа. «Сыновней призванный любовью», обращается поэт прежде всего к «земле родной» и одновременно к самому себе и к читателю. Обращается с особым умением сказать громко, во весь голос, но не повышая голоса, как будто продолжая с середины разговор-размышление. Нарастающее напряжение поэтической мысли усилено яркой системой метафор, тонкой звуковой и синтаксической организацией стиха.

Пафос «Слова о словах» дополняется как будто просто бытовой картинкой: «На пенсию! — Последняя мечта...» Но в этой картинке также намечается дальнейшая конкретизация программы жизни и поэзии — путь к внутренней свободе, «что выше всяких предписаний», и новая мечта — «Заветной жизни вглубь, без суеты И обретенья мира без помехи».

Погружение в жизнь «без суеты» и «без помехи» подразумевает также отделение реального главного дела народной жизни, ее пути к идеалу, ее «зерна» — от половы «словес», фикций, подделок, суеты мнимостей. Поэтому неслучайно почти одновременно заканчивалась работа над новой поэмой, совмещающей и сатиру на всяческую суету, и погружение в глубь философского осмысления жизни на земле. Поэма продолжила борьбу Василия Теркина за жизнь против смерти, была начата в связи с главой «Смерть и воин». Работа над первым вариантом была закончена в 1954-м, почти одновременно с окончанием «За далью — даль». В феврале 1963 года была завершена работа над вторым, окончательным вариантом «Теркина на том свете», поэмой, начатой еще в 1945 году. Основную направленность поэмы не раз разъяснял сам Твардовский. Отвечая читателю И. В. Павлову, он писал 5 ноября 1963 года: «...в этой поэме-сказке речь идет, конечно же, не о павших, а о живых с мертвой душой, каких мы достаточно встречаем еще и теперь».[1] Позже

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 6, с. 213. См. также в письме М. А. Климовской 4 июня 1966 г.— Там же, с. 239. В поэме «Смех... начало победительное» и «не одна сатира — там и лирика и даже патетические мотивы».

он дописал, что в поэме «в сказочно-условной форме речь идет о том, как герой попадает «на тот свет», представляющий собою в сатирических красках те черты нашей действительности — косность, бюрократизм, формализм,— которые мешают нашему продвижению вперед и борьба с которыми — одна из задач нашей литературы, указанных Программой КПСС» [1]. Сатирическое направление поэмы вполне соответствует известным ленинским словам — «самый худший у нас внутренний враг — бюрократ» [2]. Ключевая формула бюрократизма выражена в двух строчках поэмы: «Обозначено в меню, а в натуре нету».

Антибюрократическая сатира была продолжением большой антибюрократической линии советской поэзии, начиная с «Прозаседавшихся» Маяковского, как известно, одобренных Лениным, и последних его стихотворений и пьес («Фабрика бюрократов», «Баня», «Клоп» и другие). Был предшественником Твардовского в этой линии и сам Твардовский. Гротескное преувеличение позволило заострить типологию бюрократизма в конкретной исторической обстановке тех лет. Всякий бюрократизм и всякая подмена истинного содержания мнимым, показухой, системой фикций, подмена живого мертвым — это и есть мир смерти. И самое опасное в нем — игра в жизнь, ее фальсификация, подделка. Вспомним, что уже в «Василии Теркине» Смерть выступала как якобы живое существо, играющее даже в заботу о человеке. Но своим глубинным смыслом поэма стала еще вехой на пути борьбы за истину, как продолжение военного «Василия Теркина» и «За далью — даль». В этой поэме снова и снова утверждается труд и память как основа жизни на земле: «Память, как ты ни горька, Будь зарубкой на века». Повторяется афоризм «Василия Теркина» — «пушки к бою едут задом». Мир смерти — это мир абсолютной праздности, «вечный выходной». Его вечности противостоит реальность живого времени как живого дела:

Если он недаром прожит —
Тыловой ли, фронтовой —
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой.

В переводе на философский язык здесь дурной бесконечности смерти противопоставлена актуальная бесконечность любого, даже самого краткого времени, наполненного реальным содержанием. И самый процесс возвращения к жизни после путешествия в смерть изображен как подвиг и напряженный труд. Так получает новое значение тема дороги как пути к победе жизни над смертью. И Теркин в поэме — это именно представитель жизни во всех ее проявлениях:

Там, где жизнь, ему привольно,
Там, где радость, он и рад,

---

[1] Собр. соч. в 6-ти т., т. 5, с. 143—144.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, с. 15.

Там, где боль, ему и больно,
Там, где битва, он — солдат.

Сказочная условная форма сочетается с предельной конкретностью и психологизмом, проникновением в «душу» самого бездушия. Органически соединены рассказ в стихах, фельетонная и трагическая острота конкретных ситуаций, философские размышления о судьбах жизни и смерти. Соединены гротесковые и условные квазиперсонажи вроде «доктора прахнаук», который цитаты из книжек «в предуказанном порядке», «вперемежку», «на живую нитку нижет И с нее свисают вниз Мертвых тысячи страниц», и глубоко психологически разработанный образ основного героя, и поразительный по сложности психологии и поведения образ одного из мертвецов, бывшего друга по фронту, который сохранил черты фронтового товарищества. Соединены в этой поэме буффонада и трагедия, юмор, сатира, фарс, драма, эпос, лирика. Теркин на том свете не только сохранил основные черты прежнего Теркина, но и приобрел новые. В нем развито аналитическое начало, он размышляет о том, что, как и почему. Он с позиций живого народного опыта и здравого смысла критически оценивает и анализирует ультрабюрократический «порядок» «того света» в разговорах с бывшим фронтовым другом, вспоминает и о судьбах народа, в том числе — и о «Колыме и Магадане», и о «власти той безмерной». Комментарии автора также далеко выходят за рамки комментариев военного времени. Ибо автор переосмысливает опыт войны и послевоенного времени и «того» и этого света и подчеркивает право и принцип собственного суждения, «ума», которому «власть советская сама С малых лет... учила», право и обязанность самостоятельно разбираться, где живой и мертвый «дух», заново осмысливает и место человека в борьбе жизни и смерти, вплоть до оценки «бесконечности любой». Так сказка приобретает расширительный смысл, касаясь судьбы народа и его извечного стремления к правде сущей.[1]

В год окончания «Теркина на том свете» написано два стихотворения, характерных и для последующей лирики Твардовского. Их темы далеки от сатирических задач, наоборот, прямо утверждают подлинные ценности, но, как и в поэме, господствуют мотивы памяти, времени, соотношения преходящего и вечного, актуальной бесконечности. В стихотворении «Есть книги — волею приличий...» (1963, опубликовано в 1965) идет речь о долговечности классических произведений человеческой мысли даже

---

[1] 17 августа 1963 года поэма была опубликована в газете «Известия», затем в № 8 «Нового мира», затем массовым отдельным изданием и неоднократно перепечатывалась в собраниях сочинений. Поэма была одобрена и читателями и критикой. Из оценок самых последних лет напомню статьи К. Симонова (1976), А. Дементьева (1979, 1983), краткие разборы в книгах А. Македонова (1981), З. Паперного (1983).

тогда, когда на первый взгляд может показаться, что «на них печать почтенной скуки И давность пройденных наук». Такой не затухающий жар исходит от этих книг, что, «взяв одну такую в руки, Ты, время, Обожжешься вдруг». Стихотворение «Дробится рваный цоколь монумента...» (1963) напоминает о необходимости сохранять разумную меру в оценках и в переоценках, найти реальные соотношения преходящего и постоянного.

По-прежнему не затухает в душе поэта завещание убитого подо Ржевом. Жестокая и светлая память становится прежде всего ощущением неоплатного долга погибшим, и это чувство достигает небывалой лирической концентрации в двух коротеньких стихотворениях. Одно из них — «Я знаю — никакой моей вины...» (1966) является шедевром нашей лирики. Рядом с ним появилось другое, его дополняющее — «Лежат они, глухие и немые...» (1966). Своеобразное чувство вины за наиболее трагические, памятные для человечества события, имена, даты звучит и в стихотворении «Есть имена и есть такие даты...» (1966). Полнота памяти святой определяет полноту ответственности перед ней и полноту требования к себе быть достойным этой памяти.

Но путь человечества не кончается. Совершаются новые подвиги и свято хранятся памятью. Об этом стихотворение «Памяти Гагарина» (1968). Ему предшествовали три стихотворения 1961 года, о которых говорилось выше. Образ героя приобретает здесь черты еще более конкретного «человека среди людей», свойского парня, озорного и милого, но теперь через него раскрываются всемирно-историческая панорама и проблематика. Прежде всего — глобальное нравственное значение выхода человека в космос: «Казалось, мир невольно стал добрее, Своей победой потрясенный сам». И вместе с тем возглас-вопрос: «На маленькой Земле — зачем же войны, Зачем же все, что терпит род людской?» Ибо есть и реальность зла, реальность античеловечного в человеке. С другой стороны, есть память «жребия величавого», славы, которая «неподсудна» смерти; она сопряжена с памятью родной земли, детства простого человека среди людей, реальностью жизненного пути, начиная с истоков.

Развитие темы народного героизма, связи с ним достижений нашей науки и техники соединяется и оттеняется темой героизма повседневного современного народного труда и противостояния этому труду мнимых достижений, фикций. Отсюда два стихотворения 1965 года: «На новостройках в эти годы...» и «А ты самих послушай хлеборобов...». В первом стихотворении «зарева заводов», новостроек сопровождаются картиной того, что происходило в деревне: «дворы, готовые на слом». И встает заключительный вопрос о собственной ответственности: «Давно, допустим, это было, Но ты-то сам когда там был?». А следующее стихотворение дает косвенный ответ на этот вопрос — «...Какие только странности и страсти Не объявлялись на родной земле». Например, даже рожь «на

корм, зеленую, косили, Не успевая выкосить лугов» И все это творилось от имени якобы «науки», пренебрегавшей реальным народным опытом и пытавшейся указывать «почтенным сельским людям», «с чем им кашу есть». Поэт подтверждает: «Науке всякой — По заслугам честь». Но действительной науке. Одной заглавной строчкой указан главный путь: «А ты самих послушай хлеборобов». Тех хлеборобов, которые «Все превзошли, А с поля не ушли».

В остальных стихотворениях этого периода прямые отклики на события и проблемы «бегущего дня» почти отсутствуют. Но везде присутствуют как подразумеваемый исторический фон, как общее чувство ответственности. В центре всей поэзии этих лет непосредственно выступает собственное «я» и его «святая боль»: «Я сам дознаюсь, доищусь...» (1967). Но поворот к себе не означает уход в себя, наоборот, само «я» включает теперь еще более широкий круг явлений и тем; это и сам человек, и его путь, его память, начиная с первых истоков, и путь всего народа, и пути всей жизни на земле, и смерть. Так получается не уход, а выход к обретению всего мира «в заветной глуби без помех». Отсюда удивительное слияние «вечных» философских тем, и самых конкретных исторических, и даже как бы мимолетных эпизодов, впечатлений, переживаний, воспоминаний.

Вот — «Полночь в мое городское окно...» (1967). Контакт человека с космосом, со «скученных звезд мирами» и воспоминание о себе — деревенском мальчике, о проникновении в душу «холодного огня» звезд. И затем юношеское стремление быть «в центре вселенского мира». А в заключение — тревожный голос: «В зрелости так не тревожат меня Космоса дальнего светы, Как муравьиная злая возня Маленькой нашей планеты».

Вот одно из последних стихотворений поэта — «В случае главной утопии...» (1969). Ощущение радости от «весенних веточек», утверждение жизни и ответственности за нее проходит и теперь через все стихи Твардовского, но усложненное всеми противоречиями жизненного опыта. Большое значение приобретает лирический пейзаж. Пейзажи даны во внутреннем движении, то как целые картины, то как отдельные детали, приводящие к воспоминаниям, размышлениям — труду души. Возникают мотивы своеобразной памяти природы о самой себе, о своем истоке — и природы второй, созданной человеком («Газон с утра из-под машинки...», 1966; «Как неприютно этим соснам в парке...», 1965). Обычны ассоциативные переходы от человеческого поведения к «поведению» самой природы, разнообразные олицетворения, сливающиеся друг с другом и с конкретными описательными картинами, цепочками мыслей, воспоминаниями. В одном из самых замечательных стихотворений — «На дне моей жизни...» (1967) — несколько штрихов ландшафта осеннего ясного предвечерья контрастно ассоциируются с темой подведения итогов, своего вечера жизни, с переоценкой пройденного пути (характерна

здесь говорящая недоговоренность — «об этом уж нечего») и грустно-утешительной концовкой.

Ряд стихотворений, особенно последних трех лет, пластически воспроизводит именно самый процесс движения аналитической мысли, переживания, памяти, в том числе и размышлений о вечных темах. Как движение человеческого «я» — его беседы с самим собой и со сверхлицами бытия: временем, жизнью, смертью, памятью. Появляются и стихи, которые можно назвать программами жизни и творчества, в том числе о самом процессе творчества, его действительных ценностях (например, «Изведав жар такой работы...», 1965). Их также пронизывает мотив «святой боли» за все и за всех. Иногда в форме некоего поучения самому себе («К обидам горьким собственной персоны...», 1968; «Допустим, ты свое уже оттопал...», 1968). Поучение переходит в своеобразные афоризмы-призывы:

Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

А в двух самых последних стихотворениях — «Что нужно, чтобы жить с умом?..» (1969) и «Час мой утренний, час контрольный...» (1970) — заложены афористические формулы жизни, тем более сильные, что афоризм состоит из плотно упакованных метафор, изречений, напоминаний, контрастных сопоставлений. Например: «Сурово спрашивать с себя, С других не столь сурово». Некоторые стихи-афоризмы включают и оценку пути — «Нет, лучше рухнуть нам на полдороге, Коль не по силам новый был маршрут» («Допустим, ты свое уже оттопал...»). В цикле «Памяти матери» (1965) поэт говорит о судьбе своей матери — «Митрофановны моей», о которой шла речь в «Песне» 1936 года, и о судьбах многих других матерей, и о судьбе матери-России, и о судьбе русского народа, и о судьбе этого сына — сына народа, сына своей матери-России. И о судьбе песни — поэтического слова народа, с которой переплетается судьба и самого поэта, хотя в этом цикле он мало говорит от своего имени и о себе. В цикле раскрыты трагизм и светлая сила материнского начала жизни, трагизм и сила обратного взгляда на прожитый путь, вплоть до «последнего перевоза». Трагизм и сила жизни как совместная работа и жизни и смерти — труд садовников и могильщиков. И трагический катарсис — очищение, просветление вспепобеждающей любовью матери к сыну и сына к матери. Особое, столь характерное для Твардовского, чувство некоей вины живого перед ушедшим сливается с чувством вины сына перед матерью, которой он при ее жизни не уделял должного внимания. И все это обогащено силой сыновней любви к родным местам, истокам жизни, родным могилам. В напоминании о «последнем перевозе» звучит и напоминание об итогах жизни сына, о приближении его «послед-

него перевоза», освещенного светом памяти матери, «моей Митрофановны»[1].

Большое стихотворение — первая глава поэмы — «На сеновале» (1967) дополняет и отчасти расширяет круг мотивов «Памяти матери». Сначала — память о начале, о том деревенском парне конца 20-х годов, его товарище, их мечтаниях, и подчеркнуто, что было это — «Давно ли? Жизнь тому назад».

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.
Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
— Что проще — да.
Но что сложней?

Поход оказался гораздо более сложным, чем казался в начале, и сомненья дух стал ведом, и прошла вера через разочарования, но завет начальных дней сохранился, обогатившись пониманием сложности его осуществления и сознанием правды и права памяти, ее реального опыта:

И опыт — наш почтенный лекарь,
Подчас — причудливо крутой —
Нам подносил по воле века
Его целительный настой.

Целительный! Каким бы ни был «крутым» лекарь. И даже «причудливым». Память выступила здесь как возвращение к молодости, ее переосмысление. А затем и обращение к судьбам всей жизни своей и своего народа, памяти об этих судьбах. И соединен с воспоминаниями живой процесс истории, ее уроки, ее целительный настой.

Во многих стихах 60-х годов звучит предчувствие приближающейся смерти, «последнего перевоза». Когда ни сам поэт, ни его близкие еще не

[1] Подробный анализ — см. А. В. Македонов, Творческий путь Твардовского, с. 324—341. Свершения и кануны, с. 305—315.

знали о роковой предсмертной болезни, в стихотворении «Что нужно, чтобы жить с умом...» (1969) поэт хочет «готовым быть к отлету». Не тому отлету, что в «На сеновале». И вот в последнем стихотворении — лирическом завещании поэта — выделяется «час мой утренний, час контрольный», совсем особый «час открытий еще возможных», открытий истины и открытия себя истине, включая все то, что в жизни «было, вышло не то, не так». То есть час итога, который не нужно «прихорашивать». Он-то и несет в себе открытие и новое действие правды:

Но еще не бездействен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.

В последних стихах поэта время выступает и как разрушитель, и как созидатель, и как судья, и как живой собеседник в самых многообразных ролях и в десятках форм — решающий час человека своего времени. Опять соединен с воспоминанием живой процесс пересмотра всего пути. В этом итоге продолжает жить «завет начальных дней» и опыт «огорченной твоей души». Это также синтез опыта всего народа, его целительный настой. Этот опыт вмещает в себя весь прошлый опыт самой страшной борьбы за жизнь на земле; опыт Василия Теркина и бойца, убитого подо Ржевом, и опыт путешествия поэта за далью в даль, в Сибирь, и опыт путешествий в свою душу. Опыт всей жизни на земле, который является залогом победы над любыми новыми «безвестными потрясениями», который в состоянии противостоять и той страшной «главной утопии».

И хотя лирика последних лет, казалось бы, не касалась так непосредственно, как в предыдущие годы, наиболее животрепещущих тем народной жизни, ее резонанс в поэтическом и читательском сознании был огромным и продолжает увеличиваться. Признанием этого резонанса стало и присуждение поэту за книгу лирики Государственной премии в 1971 году.

Крутизна нового подъема проявилась и в биографии поэта. Твардовский именно в эти годы больше чем когда-либо развернул ту общественную и журнальную деятельность, о которой так неуверенно мечтал загорьевский подросток в своем дневнике. Прежде всего как редактор журнала, быстро ставшего самым авторитетным литературно-художественным и общественно-литературным журналом нашего времени, продолжившим славные традиции «Отечественных записок» и «Современника». В переписке и в беседах поэт не раз жаловался на загрузку редакторской работой, но отдавался ей не щадя себя. И проявлял в редакторской работе демократизм и высокое чувство ответственности.

В конкретной практике журнальной редакторской работы не все было бесспорным. Но — и это надо подчеркнуть — главным принципом его

работы было требование «правды сущей». И в творческой, и в редакционной, и в общественной деятельности вырабатывались высокие критерии гражданской ответственности писателя.

Таков был конечный итог и урок пути Твардовского. Он стал конечным не потому, что действительно завершился. Рухнул поэт, пользуясь его словами, на полдороге. В расцвете своей поэтической и нравственной силы, в середине борьбы за жизнь и «правду сущую». Новой небывалой силы, родившейся из новой внутренней свободы, ответственности, обогащенной и опытом пути, пройденного вместе с народом, и возвращением к своим истокам, их переосмыслением, ясным сознанием, что существует «новый маршрут», что «без нас отлично подведут итоги И, может, меньше нашего наврут».

5

Твардовский никогда не стоял на месте, всегда двигался вперед по главной дороге народной жизни. И в то же время на всех этапах пройденного им пути прослеживается поразительное единство, преемственность тем, образов и мотивов, основных принципов системы художественного мышления. Уже с 1928—1929 годов до самого конца центром его творчества стал самый «низовой», массовый, народный человек, обретающий и раскрывающий себя и в высокой мечте, и в предельной конкретности своего повседневного дела и слова. Простой человек во всем богатстве своего душевного мира, сформированного новой действительностью, продолжающий исторический опыт своего народа, его труда, его вековых традиций и смелого новаторства.

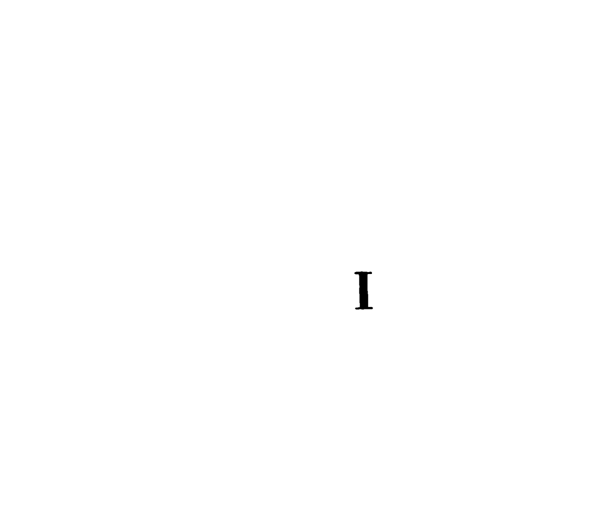
Подобно великим классикам русской литературы, своим учителям, Твардовский создал в своем творчестве новую энциклопедию народной жизни. Прежде всего — народного труда и подвига в эпоху, когда вся жизнь стала подвигом. Народной мечты, веры, ожидания в эпоху, когда вся жизнь стала ожиданием. С поразительной для поэзии конкретностью он передал в поэзии то, что Лев Толстой называл «текучим веществом личности». Это «текучее вещество личности» и отдельного человека, и всего народа — сохраняет свое единство, свою собственную форму даже тогда, когда оно разорвано временем, самой смертью. Отсюда и особая роль памяти в мире Твардовского. Подростком он уже писал стихи-воспоминания. Цикл «Памяти матери» стал вершиной его лирики. «Праву памяти» посвящено его последнее крупное произведение. У Твардовского в этом отношении есть самые разные предшественники и параллели. Значение памяти как силы, противостоящей предельной изменчивости, катастрофичности XX века, является одной из главных тем литературы этого века. Ею созданы новые формы изображения памяти, ее течения. Память у Твардовского — одна из высших форм. Она включает в себя огромный мир новой действительности. Это не только процесс воспомина-

ния, но нечто большее — закрепление реальных ценностей, опыта, напоминание, обязательство на будущее. Дом, новоселье, дорога как многоплановые образы в своем слиянии и в своем прямом и символическом значении стали сквозными темами его поэзии. Многообразное воплощение получила в его творчестве «правда сущая» как основа жизни человека на земле.

В ряду других поэтов XX века Твардовский является в наибольшей мере «поэтом действительности» (как понимал этот термин Белинский применительно к поэзии Пушкина). В условиях современной ему действительности мир Твардовского был миром естественных норм жизни, предельного соответствия каждого человека своему предназначению. Мир душевного здоровья, противостоящий ядам и безумиям, судорогам и агониям. Мир положительных героев поэзии в подлинном и точном значении этого слова. Сложные судьбы этого мира определяли непростой путь творчества, который не был непрерывно восходящей линией,— в нем были и фазы крутого подъема, и фазы более медленного продвижения, иногда и заминок. Но и самые сложности и зигзаги пути поэта также отражали реальные трудности пути народа и времени. Конкретного исторического опыта и его непреходящего значения этого пути.

Слово Твардовского оказало и продолжает оказывать огромное влияние на основные явления и тенденции современной поэзии, на поэтов самых разных поколений и направлений. Его поэтическое слово воспринимается как великое народное дело, дело всегда современное, вплоть до дали грядущих дней. Слово — дело великого народного поэта.

А. Македонов

I

1925—1936

1. НОВАЯ ИЗБА

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь на новый, советский лад.

А в углу мы «богов» не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

1925

2. УРОЖАЙ

Дышат грудью запотелой
Желтогривые овсы.
Чем-то теплым,
Чем-то спелым
Веет с нашей полосы.

Дай ступну ногой босою
По колючему жнивью.
Дай блестящею косою
Срежу полосу мою.

Под овсяный говор нивы
Жарким потом обольюсь.
Я вдвойне тогда счастливый,
Если вволю потружусь.

На гумне под темной крышей
Отдохнут в скирдах снопы.
Утро раннее услышит,
Как зазвякают цепы.

На душе простор-веселье,
Непочатый счастья край...
Валит хлеб златой метелью.
Здравствуй,
Новый урожай.

1926

3. РОДНОЕ

Дорог израненные спины,
Тягучий запах конопли...
Опять знакомые картины
И тихий вид родной земли...

Я вижу — в сумерках осенних
Приютом манят огоньки.
Иду в затихнувшие сени,
Где пахнет залежью пеньки.

На стенке с радостью заметить
Люблю приклеенный портрет,
И кажется, что тихо светит
В избе какой-то новый свет.

Еще с надворья тянет летом,
Еще не стихнул страдный шум...
Пришла «Крестьянская газета»,
Как ворох мужиковских дум.

А проскрипит последним возом
Уборка хлеба на полях,
И осень закует морозом
В деревне трудовой размах...

Придет зима. Под шум метелей,
В читальне, в радостном тепле,
Доклад продуманный застелет
Старинку темную в селе...

1926

Смоленская Деревня.

...ское—бытовое,— Крестьянин, сдава...

...ОВЫЙ БЫТ.

...жком вы-
...ный пере-
...держали в
...вали вод-
...ртовщину:
...чепуху.
... семейный
...вожденные
...причудами,
... живет и
...ерым день
... народной
...за „прико-

Пришла революция. Она много внесла нового и в быт деревни.

Старые бытовые устои мало по малу рушатся и на развалинах их постепенно нарождается новый быт.

Красные свадьбы, октябрины, революционные праздников, газета, изба-читальня,—все это явления нарождающегося нового быта.

Здесь все просто, понятно. Все это исходит из того—как бы так наладить отношения между людьми, чтобы каждый видел и чувствовал, что жить ему стало лучше.

За новый быт надо бороться—грамотностью, просвещением.

Изживать пережитки старины.

Клином клин вышибать.

А. Ник—ич.

...остки нового.

* * *

...о наряду с этим мы ви... ростки нового быта. Из ... отдельных бытовых яв...ий вырисовываются очер...ки новой деревни.

...вежее, здоровое, бьющее ...одым задором, лицо.

...аленький факт, о котором ...общает крестьянин деревни ...шнино, Кардымовской во...и, Ф. Евсельков: женились ...з попа" двое беспартийных ...стьян. Но для того, чтобы ...ать эту простую вещь, на...было много пережить, пе...одиться.

...ез попа в деревне Дубов...е, Стодолищенской воло...и хоронили умершую ком...нку. Собралось до 200 че...ек. Разве в них не запала ...е протеста против церкви обрядом?

Новая изба

Пахнет свежей сосновой смолою.
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь—на новый советский лад.

А в углу мы „богов" не повесим.
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени.
Из угла будет Ленин глядеть.

Александр Твардовский.

Детские ясли.

Ясли—большое облегчение для крестьянки.

(*Стодолищенская вол. Росл. у*).

12 июля в селе Новой Рудне открылись детские ясли.

Средства нашлись—на деньги по подписному листу рабочие и служащие города Рославля. ...

Кажд... о нуждах д...

Трудно крестья... в газету, в особ... когда каждая мин... дороже зимнего ... еще и потому, ... желающие и даж... едва умеют держ... даш в руках и н... бумажки не цыга... для заметки.

А недостатки ... есть и крестьянин ...дит. Бывают не... стороны волостно... ва и самой дерев... оперившийся, зату... бевшего в тогда ... стьян просыпаетс... пожаловаться, пос... излить накипевшу... кому?

В волости,—ну, п... земкомиссия,—мож... слушать, как за... соответствующего ...значению товарищ... за недостатком в... вает то и другое. ...стьянину надо пом... в волости есть ч... но беседующий и ... на все вопросы—вт... волостного комитет... нему всегда идит... говорите о всем н... волости.

Есть и другой ...

4. В ГЛУШИ

До заморозка в город не пробиться
Сквозь неживой болотный полукруг.
Как редко залетающие птицы,
Доходят письма из любимых рук.

В заветный день распутица и дождь
Дорогу удлиняют как нарочно.
И на два дня запаздывает почта,
А тут вестей нетерпеливо ждешь...

Внушителен и важен почтальон,
Как перевод с казенною печатью.
И холодно не замечает он,
Что, торопя его, готов кричать я.

Перебираю письма до конца,
Растерянно и нервно беспокоясь.
Так тяжело бывает встретить поезд,
Не отыскав знакомого лица.

1926

5. ВЕСЕННИЕ СТРОЧКИ

1

Утренник лег на дорогу
Ровным сухим полотном.
Не торопясь, понемногу
Солнце встает над бугром.

Солнце, как тонкий орешник,
Выросло медным кустом.
Заговорила скворешня —
Маленький радостный дом.

Желтое стадо проталин
В поле проснулось, живет...
Радость угретых завалин,
Радость открытых ворот.

2

Оттаял перемерзший хутор,
На солнце окна прослезил.
И только заморозок утра
Кладет дорогу по грязи.

Лишь утром прорезают сани
У перелеска тишину.
А к полдню — полем солнце тянет
Большую теплую весну.

Из синевы чужого края
В затишье чуткое болот
Журавушки, перекликаясь,
Свершают новый перелет...

1927

6. МАТЕРИ

Я помню осиновый хутор
И детство — разбегом коня...
Я помню, ты каждое утро
Корову пасла за меня.

Покуда я спал, улыбаясь,
С сухим армяком в головах,
Ты — тихая и простая —
Корову кормила в кустах...

Ногами росу обсыпала,
Сбирала грибы на заре...
А с солнышком — всё просыпалось
На вызолоченном дворе.

И шел я на позднюю смену,
Спешила ты печь затоплять...
И пахло подкошенным сеном,
И тихо дымились поля.

1927

7. РОДНАЯ КАРТИНА

Куда ни глянь — открытые для взора,
Бегут поля в полосках межевых...
Серебряными блюдами — озера
Расставлены в прогалинах сырых...
Ничуть не подрастающий сосонник
Засыпал редко луговую даль...
Здесь, словно резвые и молодые кони,
Промчались детские мои года...
У кладбища, сгущаясь синим бором,
Сосонник говорлив и жутко тих...
Болота...
И болотные озера
Серебряными блюдами на них.

1927

8. НОЧНОЙ СТОРОЖ

Совсем готовым встретил вечер,
Оделся, осмотрел ружье...
Всю ночь другим заняться нечем —
Чубук с досадою жует.

Темнеет стежка у постройки,
Вперед, назад — и никаких!..
Трезор — и тот давно притих,
А ты ходи, а хочешь — стой тут.

И сапоги и полушубок
На ветре будто стиснет лед.
Не потому ль чужого грубо
Окликнет сторож:
— Кто идет?!

Но сторожить и стынуть надо,
Чтоб сделать кто беды не мог.
Незаменимый, как замок,—
Во всей стране такой порядок.

Поеживаясь в полушубке,
О ногу шаркая ногой,
Всю ночь, не выпуская трубки,
Похаживает ночной...

1927

9. ПЕРЕВОЗЧИК

Стада неторопливых волн
Скрываются за поворотом...
Незнамо сколько здесь живет он
И кто его сюда привел.

Как пена сед. Какой же прок?
Когда придет успокоенье?
Всю жизнь он правил поперек
Неустающего теченья.

К другим с сединами покой
Приходит верною походкой.
А тут зовут паром и лодку
И днем, и в тишине ночной.

На крик послушно торопись
Для пешеходов и обозов...
А кто-то скажет:
— То-то жизнь,
Малина — жизнь у перевоза...

Ни внуков, ни своей избы,
Сиди в землянке, как в колодце.
И — старость... Скоро, может быть,
Его никто не дозовется.

Тогда помянут ли добром,
Не говоря о лучшей славе:
Следа он в жизни не оставил,
Как по руслу реки паром.

1927

10. ДЕВОЧКА С ВИШНЯМИ

Недолго ждать. Неподалеку слышен
Тревожный, четкий стук колес...
Сегодня ей так хорошо пришлось
Прийти с тарелкой потемневших вишен.

Такие ягодки: одна в одну.
На донышке совсем немного мелких...

А поезд приближается в виду,
Подпрыгивая на стрелках...

Приветливое бледное лицо
В окошко наклонилось над тарелкой,
И похвалила (не заметив мелких):
— Курносенькая, молодцом!

Вагоны тронулись... А девочка стоит.
Она сказала б, если б было тише,
Что тетенька совсем больна на вид,
Но вот теперь поправится от вишен.

1928

11. УБОРЩИЦА

Где самый ответственный, самый важный
Принимал у стола посетителей робких,—
Она убирает ворох бумажный,
Окурки и спичечные коробки.

У девушки этой тиха походка,
У девушки этой внимательный профиль.
Теперь городская, но только год, как
Ходила жать, убирала картофель.

По-своему просто,— но так скажу ль я,
Как это у ней получается славно? —
Она расставит остывшие стулья,
На которых еще заседали недавно.

И ей, задорной и строгой вместе,
Усталость познавшей, бывает приятно,
Что после уборки всё на месте,
Предупредительно и опрятно.

1928

12. МОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Милый доктор ушел недавно,
Он как будто со мной сейчас.
Внимательна и забавна
Притворная строгость глаз.
Да, такой —
Умереть не даст!

Я присяду —
Не будет хуже,
Всё равно не дождаться сна.
Бурым кофе настóились лужи
Узкой улицей у окна.

Жадно вытянулся в окно —
Снова крыши мне кажутся полем...
Не припомнится, как давно,
Замурованный в жесткие боли,
Не глядел я на город в окно!

Тротуары по склону текут
С торопливым весенним плеском...
Посмотреть бы сейчас на реку...
Но ведь я
Каждый вздох берегу
За опущенной занавеской.

Переждать эту слабость тут —
Так мучительно неизбежно.
Выздоравливать надо прилежней!..
Мне, наверно, сюда принесут
Самый ранний
Подснежник.

1928

13. В ПУТИ

На дальнем полустанке где-то,
Пешком пришлепав из села,
Неспешно «жесткие» билеты
Артель сезонников брала.

Не торопясь, не беспокоясь,
Они гуторили, и вот
Для них запыхавшийся поезд
Замедлил выверенный ход.

Тогда артель заторопилась,—
Кондуктор, не кричи, не злись!
В тряпье укутанные пилы
Сторонкой бережно несли.

В вагоне как-то стихли робко,
А поезд, постояв, понес,
И будка, спичечной коробкой
Мелькнувши, скрылась под откос.

Курили, спали, и не скоро,
Перебежав десятки верст,
В знакомый по работе город
Их поезд к вечеру привез.

1928

14. МАТРОСУ

Я узнаю тебя, матрос,
Не только в форме и походке.
Но ты ведь не у моря рос,
Ребенком не качался в лодке.

Я узнаю тебя, земляк,
За твой уезд везде поспорю,
А ты давно, не знаю как
И где, впервые вышел в море.

И любишь ли припоминать,
Когда остынет штиль вечерний,
Как всё — отцовский край и мать
В какой-то северной губернии?

Как дальний рейс, за годом год
Плывет медлительно и точно,
А мать письма от сына ждет,
За выгоном встречая почту.

Она, надежды не тая,
Хранит твои скупые вести.
Желтеет карточка твоя
У ожидающей невесты...

1928

15. ДУМЫ О ДАЛЕКОМ

Белый домик, белый городок,
Белые дымящиеся стежки.
Как далек, немыслимо далек
Ровный край ячменя и картошки.

Воздух горьковатый, как миндаль,
День как море — полон и просторен.
Никогда, никто мне не повторит
Ни строкой, ни краской эту даль.

Над узором этих мелких строк
Я сижу у низкого окошка...
Белый домик, белый городок,
Белые дымящиеся стежки...

1928

16. ПОЕЗДА

В предутренний ненастный час
Мы чувствуем сквозь сон,
Как паровозы, горячась,
Грохочут под уклон,
Как под колесные лады
Дрожит сухой песок.
И медленно вползает дым
На встреченный лесок.
Мы понимаем, что всегда —
Сквозь ветры, дождь и снег —
Не замедляют поезда
Неустающий бег.
И, сотни верст перебежав,
Окутав гарью степь,
Один какой-нибудь состав
Везет столицам хлеб.
А где-то —
На пути другом —
Другой
Гремит в ответ.
И пахнет нефтью и углем
Его дрожащий след...
Колеса весело стучат
Неукротимый такт.

И пять и десять лет назад
Они стучали так.
Они выстукивали то ж
Над тихим стоном шпал,
Когда свинцовый гладкий дождь
Вагоны осыпал.
Когда
На голод, кровь и тиф,
Хрипя от мерзлых дров,
Сдавал в пути локомотив —
Последний
Вздох паров.
Вагоны двигались,
                                        пока
Их торопил огонь,
Потом
Ржавели в тупиках,
Уставши от погонь.
В какой-то день
Пришли туда
Большие мастера.
И оживали поезда,
Вставали на «ура!»...
Был радостен
Под песню труд,
Под песню день работ...
    Да, песни многие умрут,
    Но эта —
    Не умрет.
Она переживет года
И не сгорит в огне.
Ее напомнят поезда,
Как в это утро мне.

1928

17. КРАСИВЫЙ ПОЧЕРК

Он рассыпал узорный бисер,
Исписывая гладкий лист.
Он был когда-то
Старший писарь,
Действительный
Канцелярист.

Престранно многое на свете:
Помещичий бывалый гость
Три года
В нашем сельсовете
Дрожал за секретарский пост.
Запахивая туго полы,
Строчил,
Дыханьем вея пар,
Отчеты,
Акты,
Протоколы
И самый срочный
Циркуляр.
Но, будучи еще заметен
В кольце окрестных деревень,
Он мелко согрешил в Совете
И был уволен в тот же день.
В последний час
В своей каморке
Он стал,
Как точка,
Одинок.
Шагал,
Дымил сухой махоркой,
Бесцельно глядя в потолок.
Потом писал не торопясь,
С обычным трепетным стараньем.
И даже знаки препинанья
Он ставил и на этот раз.
«...Падет сегодня
Жизнь моя.
Об этом через час услышат.
И акт,
Хотя не так, как я,
Но всё же как-нибудь напишут».

1929

18. КАНИКУЛЫ

Остынут сухие ступени,
Нагретые шарканьем ног.

Пустынный покой опустенья.
На срок онемевший звонок.

Часы никого не тревожат
И тикают для себя,
Но сторожа раньше уложат
И честно его усыпят.

Ему благодатно остаться,
И он одиночеству рад...
А там, у встревоженных станций,
Подводы встречают ребят.

Шикарно,
              откинувшись в сани,
Заправиться сеном сухим,
И зимними ехать лесами,
И выглядеть городским.

А к ночи восторженно скоро,
Часов не заметив в пути,
Вчерашнего дня городского
Невымерзший запах внести.

1929

19. ПЕСНЯ УРОЖАЯ

Бесхлебицу недавнюю
Навеки провожай:
Выходит с песней славною
Высокий урожай!..

И песня эта длинная,
В ней выразилось всё.
Она шумит машинами
И голосами сел.

Историю подробную
Она передает,
Как мы посевы пробные
Убрали в этот год.

Как вволю попотели мы
На общей полосе
И дружными артелями
Объединились все.

Бесхлебицу недавнюю
Навеки провожай —
Выходит с песней славною
Высокий урожай!

1929

20. ДОКЛАД

И вы, и шумный ваш приезд
Восторженный рождают гомон,
Восторженные крики с мест
Не дали б отрезветь другому.

Но вы приподняты —
                                        и только:
Ведь так встречают,
Так глядят
Не почему-нибудь —
                                        постольку,
Поскольку важен
Ваш доклад.

У многих бы и голос высох,
И заклеил бы пальцы пот,
Но вам покойный строй записок,
Зевая, выпятит блокнот.
И первою конкретной фразой
Вы прекратите шепот сразу.

Поспешно стулья прогремят,
И чуть ли не качнется зданье,
И двинется на ваш доклад
Решительное, как плакат,
Единоликое вниманье.

И не удержит в рамках вас
Регламентированный час.

Но тем не менее,
                                    пока
Ведете вы издалека
В простор текущего момента,

Вас слушают и не кряхтят,
И накаляет первый ряд
Огромные аплодисменты.

Лишь я,
как все, благоговейно
Отдавшись вам,
имею честь
Сегодня знать, что вы — семейный
И что у вас детишки есть.

И вы, прямой и аккуратный,
Уже готовите конец,
Совсем не думая заметить,
Что сами вы на этом свете —
Супруг,
товарищ
и отец...

Но всё — «да здравствует!» —
и вот
Вы закрываете блокнот,
И председатель к вам идет,
Отодвигая гром и крики,
И вы стоите перед ним
Усталым
И почти больным —
И для провинции великим.

1929

21. НОВОСЕЛЬЕ

Бессменный по кварталу почтальон
От этой двери отойдет с досадой
И на минуту будет удивлен,
Узнав о переезде адресата.
Он адрес перепишет, и потом
Его коллега ищет новый дом.
Таков конец. И перемены нет.
Квартирный мир закончил разговоры...
А выезжавшим поклонились вслед
Окраинные шаткие заборы.

Покрикивал на лошадь ломовик,—
Он за рублевку был горяч и весел,—
А на возу дрожали связки книг,
И свернутый младенцем половик,
И туловища инвалидов-кресел.
Никто не мог и не хотел скрывать
Увязанную под колени
Просторную семейную кровать —
Исток последующих поколений.
Казалось, вывезено всё на слом,
Освобождая нужный угол дома.
И может быть, внизу, под барахлом
От слез посклеились в отчаянье немом
Родные обитатели альбомов.
Уже недалеко до новых стен.
Мы не проедем ближнего подъезда
С поломанным,
С похолодевшим,
С тем,
Что привезли с насиженного места.
Открыта дверь.
Войдите посмотреть,
Куда теперь придете вы к нам;
Где мы должны к столу привыкнуть
И обряжать рождение и смерть.

1929

22

Друг мой вовремя уехал —
Осознал и сделал милость:
От его сплошного смеха
Неуютно становилось.

Беспечальный славный малый,
Я его люблю, пожалуй.

За него я рад, конечно,
Он сейчас великолепен:
Едет весело и спешно
Через города и степи.
Не теряет и не ищет.
Просто едет, ест и свищет.

Просто хочет быть бывалым —
Беспечальный славный малый...

Утомясь маршрутом пробным,
Он вернется скуки ради
И расскажет мне подробно
О кавказском винограде.
За моим печальным чаем
И с моею папиросой
Он охотно отвечает,
Но не задает вопросов.
Фотографию позволит
Посмотреть издалека мне,
Где над морем и на камне
Он сидит по доброй воле.
В белых брюках,
Ноги свесив,
Лично он сидит у моря
И подсказывает:
— Смейся,—
Это ж самая умора.—
Вечно он смеяться будет,
Невзирая на погоду.
Говорят, такие люди
Будут нам нужны в походах.
Каркала ему гадалка
Умереть от пули шалой.
Мне и папирос не жалко —
Я его люблю, пожалуй.

Может быть, и не хочу я,
Но когда протест бесплоден —
Пусть себе переночует:
У меня диван свободен.

1929

23. ВАРЕНЬЕ

В саду размашистые вишни
Весною лопушились пышно.
Потом на радость и на зависть
Прыщами выступила завязь.

И хрупкой зелени пока
Ничья не трогала рука.
Красниной обёрнувшись к свету,
Оттягивали вишни лето.

Калились, набухали соком,
Но вызрели, как нужно, к сроку.
А ягоды снимать должна,
Конечно, славная жена.

И, приняв всыпанную примесь,
Они взнимаются на примус.
А смуглый мальчик непременно
Глядит на медленную пену.

Прабабкой вымеренный, час
Курлычет, вздрагивая, таз,
Пока за кроткое терпенье
Хозяйка пробует варенье.

Его внимательно остудят
В отполированной посуде,
До сроку выстоит оно,
Ведь брать без цели не должно.

Но обрывает долгий пост
Большой необходимый гость.
И сердце чайного стола
Жена торжественно внесла.

С подобающим смиреньем
Уничтожается варенье,
Доказывая, что годится
Добро семейственных традиций.

1929

24. ЯБЛОКИ

Спать и слышать яблока паденье —
Сторожу садовому наказ.
Сторожу за ревность платят деньги,
Говоря об этом всякий раз.

Сторожа, укрывшись в шалаши,
Ожидают воровской души.

По малейшему ночному звуку,
Захватив тотчас берданку в руку,
В темноту бегут по одному,
Наклонясь от сучьев, как в дыму.

Днем они осматривают сад.
Может, яблоки считают: все ли?
Может, смотрят — так ли все висят,
Как вчера на веточках висели.

Сад смотреть — заняться больше нечем,
Кроме разговоров и махорки.
Вот и смотрят, пробуют подпорки,
Словно в церкви поправляют свечи.

Да, по осени бывает случай —
Груза не выдерживают сучья.
И тогда, понятно, сторожа
За увечье дерева дрожат.

Строго отвечают перед каждым
Из артельщиков — своих же граждан.
Настрого блюдутся сторожами
Яблок дорогие урожаи.

...Каждый год — который год подряд —
Открывается на праздник сад.
Со знаменами, с толпой нарядной,
С духовою музыкой парадной.

Председатель говорит, а рядом
Появляется второй оратор.
Это — представитель городской,
Машет он уверенно рукой.

И рукою этою берет
Только что упавший плод.

Яблоко ворочает рука.
И внимателен оратор так,
Словно хочет видеть червяка,
Что бывает в яблоке червяк.

За оратором в одном порядке
Все берут какой угодно сорт:
Хочешь сладких, хочешь кисло-сладких,
Можешь бабушкино и апорт.

Кое-кто вздыхает огорченно,
Думая о яблоках печеных...
Все едят на месте, но любой
При желанье может взять с собой.

...Хочется представить напоследки,
Что, возможно, в этот час в саду
На виду,
Облегченные, приподнимались ветки.

1929

25—26. ЛЕТО В КОММУНЕ

1

Мне отвели покой на сеновале
И как мне спится, ночью узнавали.
И говорили:
— Хорошо на сене!—
И добавляли, стоя у ворот,
Что был удачен сенокос весенний.
— Ну, спите, спите... Славный нынче год.
Хороший год!—
Явился я в июне
И лето провести решил в коммуне.
В поповской шляпе и в костюме белом
Брожу среди общественных угодий
И занимаюсь пустяковым делом
По доброй воле,
По своей охоте.
Случилось так,
Что я оставлен был
На пасеке.
Придумано чудесно!
Я деду-пчеловоду подсобил
Копаться в ульях, как игрушки, тесных.
Мне в сетке специальной без привычки
Дышалось трудно, появлялся пот,

В лицо мне пчелы чиркали, как спички,
И на мои сандальи капал мед.
Я отступил на шаг от старика,
Он отбивался: правая рука,
Казалось, лазила по всем карманам.
А пчелы яростно вились над ним.
И руки мне он подавал под дым.
Довольно дыму!
Кончена работа,
Мы улей закрываем и вдвоем
По саду в гору медленно несем
Тяжелые, сияющие соты.

Я угощал моих хозяев медом
За белыми стогами у сарая,—
И, шуткою удобной поощряя,
Меня назвали
Младшим пчеловодом.

2

Взвешивает утренний удой
И у сепаратора стоит
Наш Василий,
Парень молодой
И на самом деле, и на вид.

Вася расторопен и здоров,
С делом управляется легко.
Понимает,
От каких коров
И какое будет молоко.

Здесь коровы золотых пород
Делают в хозяйстве оборот.
Здешнее густое молоко
Славится, товарищ, далеко.

Люди приезжали к нам не раз
Поучиться, посмотреть у нас.

Взвешивает утренний удой
И у сепаратора стоит
Наш Василий,
Парень молодой
И на самом деле, и на вид.

Ну и ходят слухи у ребят:
Скоро он окажется женат.
Мы желаем счастья от души,
Поздравляем (так и напиши!).

Кто бы ни была его жена,
Но ходить за молоком должна.
Это будет пара напоказ,
Если будет выполнен наказ.

1929

27. ГОСТЕПРИИМСТВО

Трястись в телеге битый день
И не сойти назло,
Минуя столько деревень,
Довольно тяжело...

Теперь, товарищ, не гляди,
Не жди, всему свой срок:
Зайдет и встанет впереди
Опрятный хуторок.

За однобокою сосной —
Последний поворот.
Ты смотришь в книжке записной:
Да, хутор. Самый тот...

Хозяин гостю говорит
Подробно, точно сват,
Про поле, и про фосфорит,
И про суперфосфат.

Сегодня за его столом,
Усевшись рядом с ним,
И ты не будешь лишним ртом,
А гостем дорогим.

Хозяин гостя поведет
На образцовый двор,
Где слышит благородный скот
Дальнейший разговор.

Хозяин в ясли сунет горсть.
    И должен сунуть гость.
Он знает ли, что этот корм
Дается по таблице норм?

— Ага, товарищ дорогой,
    Ну вот... А вот... И вот..—
И дальше за своей рукой
    Товарища ведет.

— Пожалуйста: плодовый сад,
    Какой подбор сортов.
Товарищ мог бы записать
    Количество дерев?..

Хозяин делает лицо
    С такой улыбкой вкось,
Что знает он в конце концов,
    Что у него за гость.

— Поймите, хутор одинок,
    А зависть так сильна.
Хотя единый свой налог
    Досрочно и сполна...

И поднял он картуз, как щит,
    На уровне груди.
Но гость волнуется, спешит,
    Не может погодить.

Дорога к ночи хороша,
Он едет, курит не спеша
И произносит иногда
Одно-единственное: «Нн-да!..»

1929

28. ХОРОШО

Он рассказывал,
    стоя у кафельной печки,
О недавней поездке
    в деревню, где глушь, хутора...

Развозить приходилось
    кино и библиотечки
И устраивать разные вечера.
Было холодно так,
    что невольно по коже
У него и сейчас пробегает мороз.
Он рассказывал дальше,
    блаженно и весело ежась,
Ощущая в тепле
    свой могучий, как шуточный, рост.
Мы сидели и слушали
    кротко и долго.
Он закончил рассказом
    о святочных волках.
Замолчал
    и по комнате с чувством прошел,
Потянулся, зевнул
    и сказал: «Хорошо...»

1929

29. НОВЫЙ РАБОТНИК

Рабочий район. Приезжему,
Еще человеку свежему,
Найти б, отыскать приятелей,
С которыми столько-то лет назад
Работали — да! На одном предприятии.
Не шуточки, так сказать!..

А я впервые приехал сюда,
Новый работник суда.
И принял меня по письму человек
На первое время,
На первый ночлег.

Сплю на коротком скользком диване,
Не помещаясь на нем, как в ванне.
Так я с вокзала ехал в телеге,
Выпрямиться не мог.
Спят мои будущие коллеги
Крепко, спокойно, без задних ног.
Завтра в начале служебного дня
Встретят они в учрежденье меня.

———

Я подымаюсь легко поутру
И собираюсь быстро.
Портфель, мой новый портфель беру
С шуткой: портфель министра!

До машинисток мне дела нет,
Что смотрят они за мной.
Я прохожу, захожу в кабинет,
Здороваюсь там, за стеной.
А! Я впервые приехал сюда,
Новый работник суда?!
Товарищ встает и подходит ко мне,
Он что-то желает сказать в стороне,
Хотя мы находимся наедине.

Слушаю, слушаю.
Вот оно — счастье,
Что я неопытней и моложе!
Буду к товарищу обращаться.
Он мне подскажет,
Он мне поможет.

Работать поздно в привычку вошло
И уходить, выключая свет.
В письмах пишу:
Мне тяжело,
Но переутомленья нет.
Тот самый товарищ следит за мной.
Работаем вместе, вдвоем.
И дышит он за моей спиной,
Когда я сижу за столом.

1930

30. ВЕСНА 1930 ГОДА

Приехали. Рабочая бригада.
Оповещается наутро местность.
Здесь о бригадах, обо всем известно —
Об этом даже говорить не надо.
О коллективах спит и думает любой.
Лес на постройку не воруют воры.
Сойдутся граждане между собой,
И нет у них другого разговора.

Они и знают, что коммуна будет,
Покамест нет, но быть она должна.
Приехали сюда живые люди,
И говорят,
И выставляют груди,
И бегают,
И пишут —
всё весна!
Весна,
Действительно, весна.
Ей с осени
Посвящены доклады.
Весна тире
борьба за семена.
Орудуют рабочие бригады.
Свой крик и шум
Стоит на каждой сходке.
Обобществляются
и семена, и скот.
В газетах спешные
печатаются сводки.
Кампания идет.
Весна идет.
Тысяча девятьсот
Тридцатый год!

1930

31. СУД

В ближайшем я сижу ряду
Лицом к суду.
Сидит преступник перед ним:
Он трижды был уже судим.

И шевелюра пеной мыльной
Клубится у него. Он сед!..
Он, выжидательно-бессильный,
Жует очередной ответ.

Он славные имеет зубы,—
Сверкающих, их полон ряд.
За эти зубы, говорят,
Любая женщина полюбит!..

Партийный он имел билет
В течение таких-то лет.
«Да веры в оправданье нет»,—
Как шепчет слева мой сосед.

Он пальцем мне под мышку тычет,
Секретник мой неутомимый.
Я узнаю: и сколько тысяч
Пустил по ветру подсудимый,

И с кем имел какую связь,
И где над ним гроза стряслась.

Сосед ко мне нагнулся близко,
В плечах от возбужденья сжат.
Кусочки усиков английских,
Как насекомые, дрожат.

А суд идет на совещанье.
Оно до вечера продлится.
Куда-то просятся с вещами
Родные — жалостные лица.

Но комендант дает звонок.
Скамейки движутся у ног,
Секретари дела несут,
И приговор выносит суд.

Сосед над ухом громко дышит
И просит публику быть тише.
Заметно, как немало рад он
Тому, что я стою с ним рядом.

Меня берет он за рукав,
И вздрогнула его рука,
Он пошатнулся и присел,
Когда судья прочел:

— Расстрел.

1930

32. СТИХИ О ВСЕОБУЧЕ

Пятистенка — с теплым коридором,
Крытая добротным желтым дором,
Пятистенка — с печкою голландской
И с окном широким — «итальянским»,
И с крыльцом, похожим на живот,—
И парадный ход,
И черный ход!
В общем — дом живого кулака,
Видимый всегда издалека,
«Украшающий» собой поселок,—
Занят,
Оборудован под школу!..
И сюда
Ребят больших и малых
Соберется школьный коллектив,
Тех,
Которым места не хватало,
Тех,
Которым начинать сначала
Грамоту, всё сразу захватив.

Ровный свет под потолком блестящим,
Зимние большие вечера —
Вечера
Учебы настоящей,
Шелесты страниц, движение пера.

Гнутся к партам
Головы и груди...
Диаграммы, карты на стене...

Требуются
Грамотные люди
Нашей стране!..

1930

33. ЧЕТЫРЕ ТОННЫ

(Рассказ бригады)

Семь деревень захватили мы
И в каждом дворе побывали.
Двенадцатый день под угрозой зимы
Картошку заготовляли.

В Юрах у Ивашина, у кулака,
Мы в первый день, по незнанью,
Выпили два горлача молока,
А при разверстке дали ему заданье.

Четыре тонны!..
Ивашин поднялся,
Снял иконы,
В слезах поклялся:
— Нету,— не сойти с места!
Нету,— и бросил на пол тулуп.—
Нету, и до вашего приезда
Не знали беды
От бедняцких групп...

И неизвестно, кто мы, откуда,
Но только он тоже знает законы!
Стучал кулаком, на столе дрожала посуда
И снятые иконы.

А жена подхватила из люльки ребенка
И — на крыльцо, на улицу, на народ.
А ребенок мучительно-тонко
На руках у нее орет.

Собрались бабы. И как начали:
— Да что ж это такое?..
Дневной грабеж!..
И так человека уже раскулачили.
Не вникают они, молодежь.

Тогда мы в погреб полезли сами,
Позвали свидетелей, видят — полно...
Ивашин унялся, и мы всё равно
Четыре тонны
Углем на стене записали.

1930

34. ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД

Чисто в комнате нашей одной,
Мы ее убираем с женой,
Утром
        чай или кофе пьем,

Стол убираем вдвоем,
Потому,
Что не хочется
Никому.
Так живем.
Мы встречаемся
На квартире,
Вот вам:
кухня,
уборная,
дверь...
Мы за комнату
Уплатили
И спокойны на месяц теперь.
Нужно помнить об этом
Зимою и летом.
Муж приходит с работы.
Молчит.
На постели жена
С ногами сидит...

В учрежденческом коридоре
Нам бы встретиться
Или на съезде,—
Мы начнем разговаривать,
спорить,
Будем несколько времени вместе.
Говорим
О вещи любой
И бываем довольны собой...

Как построят
Зеленый город,
Например, под Москвой.
Зеленые горы,
Деревья с листвой
И сад или старый,
Или молодой.

Зеленые крыши
И окна зеленые —
Новые-новые,
Незапыленные.

Там всё особенное,
Всё другое,
Какое-нибудь
Совсем не такое...

Там после споров
И разговоров
Мы в одиночку
                    не сможем помнить
(Это ж Зеленый город!),
О чем говорили
В одной из комнат.
Этого в шутку
Можно бояться
И нужно
            радоваться,
                        смеяться.
Определенно!
Скоро!
Зеленый!
Город!
Воздух!
Зелень!
Отдых!
И всё это
            на самом деле!
Но самое главное то,
Что я надеваю пальто —
Говорю жене:
                    — До свиданья
И отправляюсь
На заседанье.
Оно
    посвящено
                    Зеленому городу.
Товарищи,
            некоторые из нас,
Надумавшись о Зеленом городе,
Ведут себя
Уже и сейчас -
Немного так,
Как в Зеленом городе!

———

Вечером,
Руки умыв, жена
Стоит задумавшись
у окна...
Жена
Задумалась у окна.
Падает снег за окном,
Красивый трамвай
Проходит.
Она стоит
в положенье одном,
Как на палубе
На пароходе.
Стоит задумавшись
У окна,
— Зеленый город!—
Думает она.

1930

35. ОДНА ЗИМА

Что-то из одежды зимней
Выбирая с помощью подруги,
Девушка потела в магазине,
Наскоро протягивала руки.
Девушке примерно двадцать лет.
Покупает девушка билет
До какой-то станции,
До места,
Где она, приезжая, сойдет
И останется на целый год
Или даже на два.
Неизвестно.
А подруга
Остается дома,
Посещает клубные кружки
И, бывая у своих знакомых,
Ест, отшучиваясь, пирожки.
Пирожки.
Они не дорого стоят,
Милые, как детские ручонки.
Нет в деревне пирожков с печенкой.

Девушка сказала:
«Нет... Пустое...»
Щи томились в печке за заслонкой.
Письма, письма
Доставляет почта
В сельсовет в деревне,
А в столице — на дом.
И подруги продолжают точно
Переписку —
                    дорогой порядок.
Как она,
              культурная работница,
Обо всем тоскует и заботится,
Как она собрания проводит,
Выступая горячится и краснеет,
Как нередко председатель с нею
Злится на свободе,—
Пишет девушка
Про всё про это
И немедленного ждет ответа.
А подруга отвечает кратко
На бумаге из тетрадки,
Что она
Подругою довольна,
Но довольна не совсем.
Много значит многопольный,
Обобществленный посев,
Много значит то, другое,
Но в конце письма
Называет «дорогою»
И «целую» пишет сама.
Девушка над столиком согнулась,
Пишет письмо.
У нее уже сутулость,
Незаметная ей самой.
Но подруга ее поздравляет с успехом
В ответном письме.
Предлагает
                    в отпуск приехать.
Конец зиме.

1930

36. ⟨ИЗ ПОЭМЫ «ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ»⟩

1

ТРАКТОРНЫЙ ВЫЕЗД

Светло на улице, и виден сад насквозь,
За садом поле поднимается широкое.
Обходят люди трактор, точно нагруженный воз,
Глядят с почтеньем, ничего не трогая.

Механик рулевого усадил,
Как будто вожжи в руки дал впервые.
Встал на крыльцо и громко объявил:
— Товарищи! Сегодня первый выезд...

И расступились люди у ворот,
Машине путь с готовностью отмерив,
Не только в то, что по земле пойдет,
Что полетит — готовы были верить.

И трактор тронулся, и все, кто был в селе,
Пошли за ним нестройною колонной.
След в елочку ложился по земле,
Дождем густым и холодком скрепленной...

За сотни лет здесь выходил народ
Так поголовно только в памятные годы,
С надеждами на урожайный год,
С иконами, с попами — крестным ходом...

Запел механик, кто-то выше взял,
Запели все — мужчины, женщины и дети —
«Интернационал»! «Интернационал»!
И пели, словно в первый раз на свете.

2

СЛОВО КОЛХОЗА «ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ» О ВОЙНЕ

«Путь к социализму» —
назвали колхоз,
Так и сказали:
К социализму!..

Колхоз удержался,
на десять семейств подрос,
Он всюду известен
И признан...

Так.
Но, товарищ Михайлов,
Вы, как председатель,
Ответ нам точный
И краткий дайте.

Товарищ Михайлов,
Скажите нам,
Когда же будет война?!

Когда она будет?
Откуда начнется?
Кто за оружие первый возьмется?

Кто первый станет
Прямой угрозой?
Кто первый с войсками
подвинется к нашей земле,
На наше строительство,
на колхозы,
На «Путь к социализму»
в том числе?!

Но если вы даже не скажете точно,
Кто первый может руку поднять,
Мы будем к войне готовиться срочно,
Не откладывая!
С сегодняшнего дня!

Пускай комсомольцы
Начнут подготовку,
Покажут, как нужно
Держать винтовку.

Товарищ Михайлов,
Дело пойдет.
Пускай соревнует
С нами колхоз «Вперед».

Совхозы, колхозы, заводы
и фабрики нашей страны
Должны быть готовы
на случай войны!
Должны!
И больше сеять!
И больше строить!
Во всем усилья
Наши утроить!..

1930

37

Снег стает, отойдет земля,
Прокатится громок густой.
Дождь теплый хлынет на поля
И смоет клочья пены снеговой.
Запахнет тополем волнующе.
Вздыхаешь, говоришь:
— Весна...—
Но ждешь, но думаешь,
Что пережил не всю еще
Весну, какая быть должна.

1932

38

Как море, темнеет озимь,
Весенний ветер шумит.
В копейку лист на березе
Еще дождем не умыт.
Лужицы на дороге
Высохли, как на столе.
Сеять самые сроки,
Давать работу земле...

1932

39. ИГНАТ СОЛОВЬЕВ И ЕГО БРИГАДА

Мастерами первой руки,
Работниками на совесть
Славились бизюки,
Плотники то есть.

Всё бизюки могли,
Всё умели за плату,
Вязали они углы
В немецкую лапу.

Хату они рубили
По чистоте — что сундук.
Славу свою любили
И не жалели рук.

Отделанный сруб золотой,—
Можешь не верить,—
Налей из окна водой,
Закрой двери —

И, если где потечет,
Работа не в счет.

———

До́ма в хозяйстве
И во дворе
Всё держалось
На топоре.

Топор кормил,
Топор обувал,
Топор на посев
Семян добывал...

Шли бизюки
Сбивать кулаки.

Рубили, вязали
За срубом сруб.
И получали
Поденный рубль.

А песни пели,
Что веселей
Теперь не поют
И за пять рублей.

Едет десятник
На родину к себе,
Где еще печка
Цела в избе.

Под крышей двора
Лежат — как золото —
Березовые дрова,
Сухие, колотые.

Во всем, бывало,
Хозяйский пригляд.
Веники трехгодовалые
Под навесом висят.

Только не дымится
Давно труба.
Забитая, как каплица,
Стоит изба...

— Эх, плотнички,
Пусто вам будь.
Работнички —
Ни в зуб толконуть.

Не возьмут топором —
Помогают гвоздем.

Сидят ребятки
На угловой рубке.
По ухватке —
Не народ,— полушубки.

Их ни ругнуть,
Ни поддеть, ни обидеть:
Никто настоящей
Работы не видел.

Со всех волостей,
С белого света.
Ни марки своей,
Ни славы у них нету.

Месяц уже —
Не работа, а нервы —
На одном этаже
Сидеть на первом.

Не туговато,
А вовсе туго.
Людей по брату
Не хватает на угол.

А какой народ —
Говорилось вперед.

Тешет и в голос воет,
Рвет у других из рук:
Что ни бревно, то кривое,
Что ни удар, то сук...

Взять любого б из вас
С тринадцати лет
На артельный квас,
На хозяйский хлеб.

Встань на тёску
С зари до зари,
Разбейся в доску,
Умри.

Насчет повышенья
Мечтать не моги.
Ко второму Успенью
Справь сапоги.

От земли на четверть
Подтянись, подрасти.
Десятнику четверть
Поставь — угости.

Вам бы стать в те года,
Положить силу.
Знали б тогда,
Что есть и что было.

— Знаешь, старик,—
Сказал Соловьев,—
За семерых
Ты насыпал слов.

А тут о тебе
И «гав» — не брехал.
Сидел бы ты в избе,
Никто тебя не звал.

Тебе осталось
Плевать в потолок,
В колхозе на старость
Получать паек.

Так что молчи
И слушай,
Готовые харчи
Кушай,

Пользуйся квартирой
И не агитируй.

— Ты мне харчи
Не ставь в упрек.
Не у тебя на печи,
Не твой ем кусок.

Не твой, не дядин,
Ничей.
Живу не ради
Харчей.

Будто для смеху
Слушают старика,
Но и ехать
Не согласны пока.

Агенты по вербовке
Ездят в командировки.

Находи, где хочешь —
Привози рабочих.
А они в ответ,
Что народу нет.

Плотников забрало
Агентство Урала,

Каменщиков — Ленинград,
Москва — всех подряд.

Последний кузнец
Уехал в Кузнецк.

Много таких примет
Вывели старые люди:

В двадцать лет силы нет,—
Значит, не будет.

В тридцать лет ума нет,—
Значит, не будет.

В сорок лет денег нет,—
Значит, не будет.

1932

40. ПУТЬ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВА

(Из поэмы «Вступление»)

Жил на свете Федот,
Был про него анекдот:
— Федот, каков умолот?
— Как в прошлый год.
— А каков укос?
— Чуть не целый воз.
— А как насчет сала?
— Кошка украла...

Весной подрубают
Березы у нас,[1]

---

[1] Березы подрубали в нашей местности для сбора сока — березовика, из которого приготовлялся квас.

Но хлеба не бывает —
Голый квас.

Осенью хлеб есть —
Березовик усох.
Хлеба с квасом поесть
Федот за всю жизнь не мог.

Подпивши малость
На божий счет,
Пел, бывало,
Голодный Федот:

«Трамбабулиха к обедне шла,
Пехтерь пирогов несла,
И говядинку красную,
И колечко колбасное,
И кусочек поросятинки,
И два крылышка гусятинки,
И баранью лопаточку,
И яичко, да всмяточку...»

Соседи жили,
Добра не видели,
Но против Федота
Были жители.
Федотом все дорожили,
В памяти был Федот:
Как бы худо ни жили —
Федот и так не живет...

Всегда, как весна придет,
Березовик есть — нет хлеба.
Голоден Федот
И сыт никогда не был.

И нет у него топора,
И нет у него березы,
И нет у него двора,
То есть не двор, а слезы...

А я другой коленкор,
А я имел свой топор.

В избе с допотопных пор
Возле оконной садки
Торчит за лавкой топор,
Блестя топорищем гладким.

Топор — хозяйства основа,
Без топора — без рук.
Топор — одно это слово —
Работник, сторож и друг...

И если б меня спросили,
Вопрос поставили так:
— Кто ты, Петров Василий,
Бедняк?
Середняк?
Кулак?

— Решайте,— сказал бы я,—
Вот она жизнь моя.

У бобыля Игната
Было три сына — три брата:
Я, Матвей и Алеша.
Одна хата.
Одна корова и лошадь.

Выросли трое нас.
В люди пошли:
Алеша — в волость,
Матвей — на Донбасс,
А я остался ради земли.

Дома сидят невестки,
Кормят и бьют детей.
Алеша пишет повестки.
Денег не шлет Матвей.

В четырнадцатом году
Забрали меня в солдаты.
Бросаю хозяйство, иду
На фронт, под штыки и снаряды.

Взятый с отцова поля,
В первый попал эшелон.
Шел не своею волей —
Был принужден...

И за одно не кляну
Этих годов тяжелых,
Что побывал в плену,
Словно окончил школу...

Охота во мне поднялась
По-новому жизнь ворочать.
А тут — советская власть,
Земли — сколько хочешь...

Земли, по которой вздыхали
Десятки и сотни лет,
Которую мы пахали —
И я, и отец, и дед,
Которую мы любили,
Детям любить веля,
И от веков забыли,
Что это наша земля!

Но сумки не скинул с плеч я,
Когда вернулся домой:
Шел Кыш-Барон на Поречье
За этой самой землей.

И вот я опять воюю,
Но знаю, за что мне пасть —
За землю свою родную,
За рабоче-крестьянскую власть.

И вместе пошел со мной
Алеша — братенник мой.

Земля! Мечта и отрада.
Но годы еще прошли,
Покамест один, без брата,
Добрался я до земли...

Давай я гряды копать,
Садить корнеплоды лучшие,
Навозной жижей поливать,
Руками окучивать.

Сил не жалел, покладал здоровье,
Собирал по щепочке двор.
С чужой полосы лепешки коровьи
Кидал на свою, как вор...

И тут приехал Матвей.
Делиться никто не хотел,
Но через жен и детей
Произошел раздел.

Резались мы за телушку,
За хату нашу — гнилушку,
За сковородку, за кружку,
За барский, с погрому, «сосуд»...
И подавали в суд...

Вот она, жизнь моя,
Вот они, мысли мои:
Была одна семья,
Стало две семьи.

Стало два двора,
Две дровосеки,
Нужно два топора,
Две телеги.

Нужно два хомута,
Два коня рабочих,
А лошадь одна — и та
Ходить не хочет.

Всего и не перечесть,
Откудова что берется.
Примерно, колодец есть,
А нужно два колодца...

Но у меня старания,
Мысли были, мечты —
Дойти до своей «Германии»
От голода и нищеты.

А у него, у Федота,
Может, уже давно
Была́ такая охота,
Была и прошла. Всё равно —

Всегда, как весна придет,
Березовик есть — нет хлеба.
Голоден Федот
И сыт никогда не был.

Федот пошел без оглядки
От жизни своей в колхоз.
Меня же пугали порядки:
Бестолочь и разброс.

Колхоз для кого угодно,
Только не для меня.
Я без него свободно
Прожил бы, имей коня.

Имей сто рублей в кармане,
Я сразу был бы с конем
И жил, как живут в Германии,
Сам себе агроном.

Какой ни конь — лошадь,
Какая ни масть — масть.
С конем человек не может
На хозяйстве пропасть.

Мы и в колхоз пойдем
Так со своим конем!

Сижу, смекаю и жду.
К весне хомут колупаю.
В двадцать девятом году
Сижу, не вступаю...

Сижу под своею крышей,
Не подъявляю глаз,
Но всё в подробности слышу,
Что происходит у нас.

Гудят собрания, сходки,
Ораторствует Федот.
В поселке не стало водки,
Батюшка бросил приход.

В начале тридцатого года,
Однажды утром, чуть свет,
Вывеску снял Сухотов
И сдал под расписку в Совет...

Приехал к нам представитель
Товарищ Илья Бобков.
Рабочий, московский житель,
Но сам из мужиков.

— Позвольте,— сказал,— граждáне,
Устроить сперва у вас
Закрытое заседание
Самых беднейших масс...

Потом говорили соседи,
Что он приехал всерьез.
И он от нас не уедет,
Пока не пойдем в колхоз.

И двадцать пять тысяч их,
Бобковых таких...

Я — ничего такого,
Молчу. Но в душе горю.
Думаю про Бобкова
И как бы ему говорю:

«А кто ты такой, товарищ,
Товарищ Бобков?
Что ты нам кашу варишь,
Ищешь у нас, бедняков?

Скажи откровенно ты,
Скажи, признайся:
Хочешь одной бедноты?
Чтоб никакого хозяйства?

Чтоб ни двора, ни кола,
Ни горшка, ни ухвата,
Ни помела —
Выгнать собаку из хаты?..

И кто не полный бедняк,
Того на мороз, без одежи?..
Не может же быть, чтоб так.
Режьте меня, а не может!..»

Делать зимою нечего,
Ночь — шестнадцать часов.
Лезешь на печку с вечера,
Лежишь, а какой сон...

На месте стоит хата,
И солнце там же встает.
А я вот, как виноватый,
Ночей не сплю напролет...

Глины засохшей крошки
Хрустят под боком.
Пахнет от сонной кошки
Шерстью и молоком.

Торчит в потолке давнишний,
Столетний, черный сучок,
И за душу тянет чуть слышный,
Но смелый старый сверчок.

Так мы его не видели,
Но от годов сжились.
Сверчит, поминает родителей
И всю прошедшую жизнь.

Спят голоногие дети,
Стонет жена во сне.
Вспоминается всё на свете,
А может, и снится мне...
. . . .

Проснулся. Лампа горит.
Молчит сверчок.
И Федот, смеясь, говорит:
— Что ж ты спишь, мужичок?

Ты, брат, совсем как волк,—
До нас никакого внимания.

Мне заказал Бобков,
Чтоб уж тебя я привел,—
У нас — собрание...—

И крякнул, вертя папиросу,—
По одному вопросу...

Я с печки слез, почесался
И говорю ему так:
— Вот, брат, в колхоз записался,
С тех пор у тебя — табак.

А он говорит:
— Можешь закурить.
— Давай,— говорю,—
Засыпай, чего там.—
Закручиваю и курю,
Первый раз в жизни курю
Табак Федотов...

1931—1932

41. РАЗЛИВ ДНЕПРА

Широко разлился Днепр.
Ни конца, ни края нет.
Затопил берега,
Заливные луга.
Затопил приднепровье,
Низкорослые кусты.
И пошли, пошли с верховья
На Смоленск — плоты.

1933

42. ЛЕС ОСЕНЬЮ

Меж редеющих верхушек
Показалась синева.
Зашумела у опушек
Ярко-желтая листва.

Птиц не слышно. Треснет мелкий
Обломившийся сучок,
И, хвостом мелькая, белка
Легкий делает прыжок.

Стала ель в лесу заметней —
Бережет густую тень.
Подосиновик последний
Сдвинул шляпу набекрень.

1933

43. ГОСТЬ

Верст за пятнадцать, по погоде жаркой,
Приехал гость, не пожалев о дне.
Гость со своей кошелкой и дегтяркой,
На собственных телеге и коне.

Не к часу гость. Бригада на покосе.
Двух дней таких не выпадет в году.
Но — гость! Хозяин поллитровку вносит,
Яичница — во всю сковороду.

Хозяин — о покосе, о прополке,
А гость пыхтел, никак решить не мог:
Вносить иль нет оставшийся в кошелке
Свой аржаной с начинкою пирог...

Отяжелев, сидел за самоваром,
За чашкой чашку пил, вздыхая, гость.
Ел мед с тарелки — теплый, свежий, с паром,
Учтиво воск выплевывая в горсть.

Ждал, вытирая руки об колени,
Что вот хозяин смякнет, а потом
Заговорит о жизни откровенней,
О ценах, о налогах, обо всем.

Но тот хвалился лошадями, хлебом,
Потом повел, показывая льны,
Да всё мельком поглядывал на небо,
Темнеющее с южной стороны.

По огородам, по садам соседним
Вел за собою гостя по жаре.
Он поднимал телят в загоне летнем,
Коров, коней тревожил на дворе.

А скот был сытый, плавный, чистокровный;
Как горница, был светел новый двор.
И черные — с построек старых — бревна
Меж новых хорошо легли в забор.

И, осмотрев фундамент и отметив,
Что дерево в сухом — оно что кость,
Впервые, может, обо всем об этом
На много лет вперед подумал гость.

Вплотную рожь к задворкам подступала
С молочным, только налитым, зерном...
А туча тихо землю затеняла,
И вдруг короткий прокатился гром.

Хозяин оглянулся виновато
И подмигнул бедово: — Что, как дождь?..—
И гостя с места на покос сосватал:
— Для развлеченья малость подгребешь...

Мелькали спины, темные от пота,
Метали люди сено на воза,
Гребли, несли, спорилася работа.
В полях темнело. Близилась гроза.

Гость подгребал дорожку вслед за возом,
Сам на воз ношу подавал свою,
И на вопрос: какого он колхоза?
Покорно отвечал: — Не состою...

Дождь находил, шумел высоко где-то,
Еще не долетая до земли.
И люди, весело ругая лето,
С последним возом на усадьбу шли.

Хозяин рад был, что свою отлучку
Он вместе с гостем в поле наверстал.
И шли они, как пьяные, под ручку.
И пыльный дождь их у крыльца застал...

Гость от дождя убрал кошелку в хату
И, сев на лавку, стих и погрустнел:
Знать, люди вправду будут жить богато,
Как жить он, может, больше всех хотел.

1933

44. БУБАШКА

В ночь, как всегда, на месте он, Бубашка.
Подворье обойдет, пробьет часы.
Ружьишко дулом вниз — и нараспашку
Армяк, отяжелевший от росы.

Чуть тянет холодком ночным от речки,
Простывшей баней и сырым песком.
Всю ночь Бубашка простоит, как свечка,
Пока туман не встанет потолком...

И он гордится должностью привычной.
Он тридцать лет хозяину служил,
Ел за одним столом и эту кличку —
Бубашка — от него же получил.

Он прожил жизнь, не разъезжал по свету,
Не знал он, где кончался Брянский лес...
И странно старику, что к жизни этой
Большой у всех открылся интерес.

Рассказывай, как жил ты, как трудился,
Как двор хозяйский по ночам стерег,
Как лошадьми хозяйскими гордился,
Как прожил жизнь да так и не женился,—
Не захотел жениться без сапог.

И, закурив, чтоб дрема не напала,
Он вспомнит детство, побирушку-мать
И многое, что без него, пожалуй,
Уж некому теперь и вспоминать...

В годах старик, но отдыха не просит,—
Пошли теперь такие старики.
И носит важно, с уваженьем носит
Общественный армяк и сапоги.

И видит — жизнь тянувший, как упряжку,
Под кличкой лошадиною батрак,
Что только сам себя зовет Бубашкой,
А все его уже зовут не так...

1933

45

Рожь отволновалась.
Дым прошел.
Налило зерно до половины.
Колос мягок, но уже тяжел,
И уже в нем запах есть овинный...

1933

46

Он до света вставал,
как хозяин двора,
Вся деревня слыхала
первый скрип на колодце.
Двадцать лет
он им воду носил и дрова,
Спал и ел
как придется.
И ни Пасхи,
ни Духова дня ему не было:
Что работнику трудно —
своему ничего.
А чтоб части невестка
потом не потребовала,
До последнего дня
не женили его.
Он возился с конями,
хомутами, чересседельниками,
Ездил с возом на мельницу,
в лес с топором.
И гордился, гордился
богачами брательниками,
Конями, сбруей,
богатым двором.

Так бы доля его,
неизбывная, темная,
И тянулась весь век,
но бывают дела:
Приманила его
одна разведенная,
И женила его на себе,
и в колхоз привела.

1933

47. БРАТЬЯ

Лет семнадцать тому назад
Были малые мы ребятишки.
Мы любили свой хутор,
Свой сад,
Свой колодец,
Свой ельник и шишки.

Нас отец, за ухватку любя,
Называл не детьми, а сынами.
Он сажал нас обапол себя
И о жизни беседовал с нами.

— Ну, сыны?
Что, сыны?
Как, сыны? —
И сидели мы, выпятив груди,—
Я с одной стороны,
Брат с другой стороны,
Как большие, женатые люди.

Но в сарае своем по ночам
Мы вдвоем засыпали несмело.
Одинокий кузнечик сверчал,
И горячее сено шумело...

Мы, бывало, корзинки грибов,
От дождя побелевших, носили.
Ели желуди с наших дубов —
В детстве вкусные желуди были!..

Лет семнадцать тому назад
Мы друг друга любили и знали.

Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?..

1933

48. ВОР

(Из поэмы «Мужичок горбатый»)

По команде Филипок
Шагом с места кражи
Недосыпанный мешок,
Горбясь, нес под стражей.
Шел Филипп, встречал людей
И молчал покорно,
Мимо хаты шел своей
С ношею позорной.
От колодцев, от ворот,
Молчаливо-строгий,
За Филиппом шел народ
Стороной дороги.
Лучше б шли, как испокон,—
Оглушали криками,
Лучше б били в балабон,
Пели, выли, гикали.
С ними рядом Филька жил,
Свой, соседний, местный,
Анекдотами смешил,
Песенкой известной.
По деревне Филипок
Распевал когда-то:
«Жил на свете мужичок
Маленький, горбатый...»
Это был его колхоз.
И в амбаре новом —
Это был его овес
И мешок холщовый.
Но хозяин горевой
На полях колхоза
Не оставил за собой
Доброго прокоса.
Шапки летом не забыл
На горячем поле...

И не дорог Фильке был
Тот овес, не болен.
И не жалко жизни той,
Что пришла и будет,
Что становится одной
И родною людям.
И держать ему ответ
Перед ними надо,
И не может быть и нет
Моргунку пощады...
Сход решил. И стихнул он.
Каждый знал на сходе,
Под какой большой закон
Моргунок подходит.
И не знают, кто пойдет
Первым подписаться...
Дрогнул у Филиппа рот,
Голос высох: — Братцы!..
Братцы!.. Есть вина моя...
Граждане соседи...
Только восемь душ семья,
Хлеба просят дети...—
И к столу, бочком, сквозь круг
Вышла Моргуниха...
И до боли стало вдруг
Тягостно и тихо.
Точно сразу, вслед за ней,
На показ народу,
Вышла лесенка детей
От восьми до году...
Подошла она к тому,
С кем свой век связала,
И, казалось, одному
Моргунку сказала:
— Знать, не я, Филипп, на свете
Бедовала двадцать лет:
На холодной печке дети,
Ни муки, ни хлеба нет;
Знать, не я с куска питалась,
Не видала в жизни дня,
Что скрывал ты эту жалость
И заботу от меня.
Как ходила — ноги в цыпках,
Босиком месила грязь,

Ты б тогда меня, Филипка,
Пожалел бы в самый раз.
Я ждала ее, просила
Мужней жалости твоей,
Покладала бабью силу
На поденке у людей.
Год за годом, по привычке,
Жду да плачу, дурочка,
Как снесет постом яичко
Наша курочка.
Как пойдут весной цыплята,—
Двор — не хуже всех дворов,
Будем жить мы небогато,
Выйдем в люди из воров.
Только курочка не шибко
От худых кормов неслась...
Ты б тогда меня, Филипка,
Пожалел бы в самый раз.
Был известен наш достаток,
Как мы шли с тобой в колхоз.
Привели свой скот рогатый —
Кошку серую за хвост.
Мы пришли сюда с оравой,
С полной хатою детей,
Да с твоею старой славой,
С прежней песенкой твоей.
В поле, на небо не глядя,
Прохлаждаться не любя,
Я работала в бригаде
За себя и за тебя.
Не по милости, не даром,
Не за твой, Филипка, счет
От колхозного амбара
Привезла я семь подвод.
Я сама себе обновку
Праздничную справила,
Я за двадцать лет коровку
На дворе поставила.
В полбуханки режу скибку:
— Ешьте, дети, что глядеть!..—
Пожалел ты нас, Филипка,
Только не за что жалеть...

1933

49. ХОЗЯИН

Поплевав, он затягивал крепко супонь,
Выбирал из-под войлока смятую гриву,
Перевязывал повод повыше — и конь
С запрокинутой мордой стоял терпеливо.

А хозяин под сено засовывал кнут,
Не спеша самокрутку вертел на дорогу,
И усаживал бабу, и, сеном ее подоткнув,
Сам садился, и свешивал правую ногу.
И, вожжой без нужды поправляя шлею,
Выезжал за околицу —
Кум королю.

С полдороги — первые встречи:
Добрые люди с базара назад.
Бабы спустили платки на плечи,
На всю округу песни кричат.

Хозяин едет, спешить не спешит,
Хватит времени праздник справить.
А к дому — плашмя он в телеге лежит,
Баба, на корточки вставши, правит.

Конь один знает, что кнут в передке.
Едет хозяин,
Спит хозяин,
Пьян хозяин,
И нос в табаке...

А в избе, что сгнила у него без сеней,—
Только голые стены да куча детей.
А коровку — единственный хвост на дворе —
На холстах, на веревках таскал в январе.

Двор стоял, точно шапка у пьяницы, криво,
Мыши с голоду дохли, попадая в сусек.
И скрипел журавель на колодце тоскливо,
Чтобы помнил о жизни своей человек...

1934

50

Выезжали на ночь в холодок,
Чтобы к утру на базаре быть.
Помнишь, клали косу в передок,—
Травки по дороге укосить.

Помнишь ты, всю жизнь боялась мать,
Что в ворах могли тебя поймать,
Бить, не уважая,— кто по чем,
Пятки поправляя кирпичом.

Тяжело под ношею сопя,
Мокрый клевер на телегу нес.
Это делал ты не для себя,—
Для меня, чтоб лучше мне жилось.

Ты уснул. Мне холодно от звезд,
Я боюсь, что еду не туда.
Незнакомо стукнул гулкий мост,
Выблеснула под мостом вода.

Мне восьмой, не то девятый год,
Мне бы вдруг не упустить вожжу.
Батя спит, а шапка упадет,
Что я буду делать, что скажу?

Я не спал, я правил и смотрел.
Кнут был цел, всё время цел.

— Батя, он был цел, лежал вот тут...
— Отправляйся и найди мне кнут.
— Батя, не найду я. Темнота.
— Не моги вернуться без кнута.
— Батя, забоюсь я...
— Посвищи.
— Батя, не найдешь его...
— Ищи!
— Батя, я пойду, я поищу...
— Не найдешь, так шкуру всю спущу...

1934

51. ПОЛЕТ

Для такого случая
Вышла наряжённая,
Обновила лучшее
Платье береженое.

Не нужда без выхода,
А почет да честь
Привели на старости
В этот кузов сесть.

— Вот тебе и кузов,
Кузов-кузовок.
Стул-то больно узок,
Край-то невысок...

Привязала туже
К стулу ремешок.
— Только ты высоко
Не летай, сынок.

Тот перчаткой машет,
Лезет сам в машину.
— Хорошо, мамаша,
Сбавлю три аршина.

Над трубой, над самой
Печкой полечу,
Целой, невредимой
Наземь ворочу.

И — одна минута,—
Всё дрожит кругом...
— Помахай, Анюта,
Беленьким платком.

Покачнулся, в сторону
Прянул белый свет.
— Анне Миканоровне
Пламенный привет!

Анна Миканоровна —
Хороши дела —
На небе ни разу
В жизни не была.

Смотрит сверху — видно
Всё, что есть на свете:
Стадо, избы, люди —
Взрослые и дети.

Побежали валом
В поле, на дорогу,
Машут чем попало,
А сказать не могут.

Повернули лугом,
Побросав ребят.
Не пускает речка —
Вороти назад.

Поле яровое
Плавает внизу.
Воз снопов и маленький
Мальчик на возу.

Лядо, пни, орешники —
Близко от села,
Где девчонкой бегала,
Где коров пасла,

Где росла, где выросла,
Чтобы жизнь прожить.
Кладбище, где матушка
Под сосной лежит.

— Матушка родимая,
Как мне рассказать!..
Ничего не видишь ты
И не знаешь, мать...

Крыши... И машина
Вниз рванулась вдруг.
Точно на качелях,
Захватило дух.

Хоп!
Свистя, проносится
Под крылом трава.

Хоп!
— Слезай, приехала,
Ежели жива...

1934

52. ТОВАРИЩУ

Как день один — большой и оживленный,
Как этот вид разбуженной земли,
Где дым и пыль, и мост гремит бетонный,
И тихо стадо движется вдали,

Как жизнь одна, встают века и годы,
Что прожил на планете человек.
Шумят деревья, и синеют воды
Еще названий не имевших рек...

Я вижу кропотливое движенье,
Неразличимый по столетьям труд
Людей, воздвигнувших сооруженья,
Что тени и теперь еще кладут.

Взгляни на зданья городов огромных:
На стенах счет векам, а не годам.
И человек, что первый камень помнил,
Их первого угла не увидал...

А мы стоим — твой город под горою,
До наших ног его доходит дрожь.
Ты сам себе его подростком строил
И в нем зеленым юношей живешь.

Ты ходишь в нем хозяйскою походкой,
Приветствуешь знакомых и друзей.
Какою жизнь людей была короткой
Во все века в сравнении с твоей!

1934

53. СТРОИТЕЛЬ

Он сидит, раскинув ноги вилкой,
Закусив задумчиво губу.
На висках легли, как тени, жилки,
Выступили капельки на лбу.
Перед ним — его сооруженье:
Только плоскость укрепить одну —
И готово! И от напряженья
Он глотает сдавленно слюну.
С помощью ребяческих орудий
Он в игре любимой создает
То, над чем века трудились люди,
Славу человека — самолет.

1934

54. УСАДЬБА

Над белым лесом — край зари багровой.
Восходит дым всё гуще и синей.
И сразу оглушает скрип здоровый
Дверей, шагов, колодцев и саней.

На водопой проходят кони цугом.
Морозный пар клубится над водой,
И воробьи, взлетая полукругом,
Отряхивают иней с проводов.

И словно на строительной площадке —
На доски, на леса — легла зима.
И в не заполненном еще порядке
Стоят большие новые дома.

Они выглядывают незнакомо
На улице огромного села,
Где только дом попа и назывался домом,
А церковь главным зданием была;

Где шли к воде поодиночке клячи
И, постояв, отказывались пить;
Где журавель и тот скрипел иначе,
Совсем не так, как он теперь скрипит...

Надолго лег венцами лес сосновый.
И лес хорош,
И каждый дом хорош.
...Стоишь, приехав, на усадьбе новой
И, как Москву,
Ее не узнаешь.

1934

55

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошел. Блестит зеленый луг.
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.

Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил.
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь.
Разве я, наследник жизни этой,
Захочу иначе умереть?

1934

56. МУЖИЧОК ГОРБАТЫЙ

Эту песню Филипок
    Распевал когда-то:
«Жил на свете мужичок,
    Маленький, горбатый».

И согласно песне той,
    Мужичок горбатый
Жил беспечно, как святой,—
    Ни коня, ни хаты.

В батраки к попу ходил
В рваных лапоточках,
Попадью с ума сводил
И попову дочку.

Он не сеял и не жал,
Каждый день обедал.
Поп грехи ему прощал,
Ничего не ведал.

Пел на свадьбах Филипок
По дворам богатым:
«Жил на свете мужичок,
Маленький, горбатый».

И в колхозе Филипок
Заводил, бывало:
Жил, мол, раньше мужичок,
Этакой удалый.

По привычке жил, как гость,
Филипок в артели.
Только мы сказали: — Брось,
Брось ты, в самом деле!

Ходишь, парень, бос и гол,
Разве то годится?..
Чем, подумаешь, нашел —
Бедностью гордиться.

Ты не то играешь, брат,—
Время не такое.
Ты гордись-ка, что богат,
И ходи героем.

Нынче трудно жить с кусков,
Пропадать по свету:
Ни попов, ни кулаков
Для тебя тут нету.—

Видит парень — нечем крыть,
Просится в бригаду.
И пошел со дня косить
С мужиками рядом.

Видит парень — надо жить.
Пробуй, сделай милость.
И откуда только прыть
У него явилась!

Видит — надо. Рад не рад —
Налегает, косит.
Знает, все кругом глядят:
Бросит иль не бросит?..

Не бросает Филипок,
Не сдает — куда там!
Дескать, вот вам мужичок,
Маленький, горбатый...

Впереди Филипп идет,
Весь блестит от пота.
Полюбил его народ
За его работу.

И пошел Филипп с тех пор
По дороге новой.
Позабыл поповский двор
И харчи поповы.

По годам еще не стар,
По делам — моложе,
Даже ростом выше стал
И осанкой строже.

И, смеясь, толкует он
Молодым ребятам,
Что от веку был силен
Мужичок горбатый.

Но, однако, неспроста
Пропадал безгласно:
Вековая сила та
В сук росла напрасно.

1934

57. НОВОЕ ОЗЕРО

Сползли подтеки красноватой глины
По белым сваям, вбитым навсегда.
И вот остановилась у плотины
Пугливая весенняя вода.

И вот уже гоняет волны ветер
На только что затопленном лугу.
И хутор со скворешней не заметил,
Как очутился вдруг на берегу.

Кругом поля ровней и ближе стали.
В верховье где-то мостик всплыл худой,
И лодка пробирается кустами,
Дымя ольховой пылью над водой.

А у сторожки, на бугре высоком,
Подрублена береза, и давно
Долбленое корытце светлым соком —
Березовиком — до краев полно...

Сидит старик с ведерком у обрыва,
Как будто тридцать лет он здесь живет.
— Что делаешь? — Взглянул неторопливо:
— Пускаю, малец, рыбу на развод...

Про паводок, про добрую погоду,
Про все дела ведет охотно речь.
И вкусно курит, сплевывая в воду,
Которую приставлен он стеречь.

И попросту собой доволен сторож,
И все ему доступны чудеса:
Понадобится — сделает озера,
Понадобится — выстроит здесь город
Иль вырастит зеленые леса.

1934

58

Тревожно-грустное ржанье коня,
Неясная близость спящего дома...
Здесь и собаки не помнят меня
И петухи поют незнакомо.

Но пахнет, как в детстве,— вишневой корой,
Хлевами, задворками и погребами,
Болотцем, лягушечьей икрой,
Пеньковой кострой
И простывшей баней...

1934

59

Счастливая, одна из всех сестер,
Повыданных куда и как попало,
Она вошла хозяйкой в этот двор,
Где на пороге раньше не бывала;
Где выходил лениво из ворот
Скот хоботастый, сытый, чистокровный;
Где журавель колодезный — и тот
Звучал с торжественностию церковной...
И в том немилом, нежилом раю
Шли годы за годами неприметно.
И оглянулась на судьбу свою —
Немолодой, чужою всем, бездетной...
Чего хотеть и ждать, болеть о ком?
Кому нужна любовь, забота, жалость?
И повязала голову платком
И — в чем была — на волю убежала...

1934

60. УТРО

Кружась легко и неумело,
Снежинка села на стекло.
Шел ночью снег густой и белый —
От снега в комнате светло.

Чуть порошит пушок летучий,
И солнце зимнее встает.
Как каждый день — полней и лучше,
Да будет лучше новый год.

И дней, что отмечают люди,
Часов таких, как этот час,—
При нас с тобою много будет
И много-много — после нас...

1935

61. СМОЛЕНЩИНА

Жизнью ни голодною, ни сытой,
Как другие многие края,
Чем еще была ты знаменита,
Старая Смоленщина моя?

Бросовыми землями пустыми,
Непроезжей каторгой дорог,
Хуторской столыпинской пустыней,
Межами и вдоль и поперек...

Помню, в детстве, некий дядя Тихон,—
Хмурый, враспояску, босиком,—
Говорил с безжалостностью тихой:
— Запустить бы всё... под лес... кругом...

Да, земля была, как говорят,
Что посеешь — не вернешь назад...

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..

Край мой деревянный, шитый лыком,
Ты дивишься на свои дела.
Слава революции великой
Стороной тебя не обошла.

Деревушки бывшие и села,
Хуторские бывшие края
Славны жизнью сытой и веселой,—
Новая Смоленщина моя.

Хлеб прекрасный на земле родится,
На поля твои издалека —
С юга к северу идет пшеница,
Приучает к булке мужика.

Расстоянья сделались короче,
Стали ближе дальние места.
Грузовик из Рибшева грохочет
По настилу нового моста.

Еду незабытыми местами,
Новые поселки вижу я.
Знаешь ли сама, какой ты стала,
Родина смоленская моя?

Глубоко вдыхаю запах дыма я.
Сколько лет прошло? Немного лет...

Здравствуй, сторона моя родимая!..
Дядя Тихон, жив ты или нет?!

1935

62. РАССКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА

Был я мужик тверезый,
Знал, что за мной — семья:
Люди пошли в колхозы,
Что ж, за людьми и я.
Корову свою, кобылу
Свел за другими вслед.
Всё уж по форме было,—
Бац! Председателя нет.
Я заявляю совету:
— Жил, мол, с людьми в ладу.
Значит, на должность эту —
Режьте — я не пойду.
Мне заявляют: — Как так?
Справишься, мол, вполне.
— Нет,— говорю,— характер
Не позволяет мне.
Тут меня малый и старый
Знают с ребяческих лет.

Слушать меня не станут,
Строгости в голосе нет...—
Сколько ни тратил слов я,—
«Брось! Заступай со дня!..»
— Нет,— говорю,— здоровье
Слабое у меня.—
Дальше да больше, вижу —
Отбиться нет моих сил.
До старости лет грыжу
Скрывал. А тут объявил...
— У всех,— отвечают,— слабо
Здоровье. А грыжа не в счет.
— Нет,— говорю,— баба,
Супруга против идет...
— Ну, вот,— говорят,— отлично,
Иди, принимай колхоз!
С бабой своей ты лично
Обсудишь этот вопрос...—
Что ж, возражать не смею,
Но бабе как объявить?..
— Вам бы желал я с нею
Лично поговорить...

Принял колхоз. Ты слушай,
Слушай, в виду имей.
Вскоре случился случай
Первый в жизни моей.
Давай заводить порядок,
Того-сего ворошить.
Жить по-живому надо,
Раз уж в колхозе жить.
Под ярь вспахали, посеяли,
Перевернули пар.
Рожь смолотили, свеяли —
И под замок, в амбар.
Слушай... И все довольны,
Дело на лад идет.
Бац! Наш праздник престольный
Справляли не первый год.
Делал что-то на риге я,
А мне говорят меж тем:
— Против ты старой религии?..
— Нет,— говорю,— зачем?..—

Ладно. И кто-то пулей
Водки на всех привез.
И загудел, как улей,
Праздник на весь колхоз...
Так, с моего разрешенья,
Празднуют. Пить да пить.
Приходит им в рассужденье
По-свойски рожь разделить.
— Овес,— говорят,— колхозный,
А рожь, куда ни кидай,
Она еще сеяна розно.
Ее,— говорят,— подай.
Подай,— говорят,— сейчас
Каждому свою часть...
— За все,— говорю им,— части,
На то я считаюсь пред,—
Перед Советской властью
Личный держу ответ.
— Ага,— заявляют,— ответ!
А ты нам сосед аль нет?..—
А я объясняю: — Сосед
Свыше полсотни лет...
— Нет, ты — противник наш,
Если ты рожь не дашь.
— Не дам,— говорю,— нипочем.
— Не дашь? — говорят.— Возьмем!..—
Возьмем да возьмем. И тут
К амбару они идут.
Тогда я стал на пороге
И слышу я голос свой:
— Рубите мне руки, ноги
И голову с плеч долой.—
Стою, как прирос к порогу.
Как им со мною быть:
Тащить? Оттащить не могут.
Бить? Опасаются бить.
Держусь за замок и — точка.
Бились со мною полдня.
Бац! Пожарную бочку
Тащат против меня...
Как хватит струя
Дугой —
И шапка моя
Долой!..

Крест-накрест водят струю,
Мотают. А я стою.
В лицо как раз достают,
Дохнуть не могу — стою.
Ту самую воду пью,
А, знаешь, стою.
Стою...
Подходят с кишкой всё ближе:
Слабеет, значит, струя.
Бац! Погляжу и вижу —
Несется баба моя.
— Слазь,— кричит мне,— сейчас,
В первый-последний раз!..—
Ее не послушать сразу —
На год нажить беду.
А тут я стою, зуб на зуб,
Мокрый, не попаду.
Но тут-то, сказать, как другу,
Знать, стал я смел от воды.
— Иди-ка, говорю, супруга,
Катись-ка ты под туды...—
Дал поворот от ворот...
И тут, брат, ахнул народ...
Уж если такой я смелый,
Что бабу свою послал,
Значит — святое дело,
Каждый так понимал...
И вот, брат, какие дела:
Совесть тут их взяла.
Вода уж мимо льет,
А я молочу зубами...
Вдруг первый несет белье —
Перемениться из бани.
Другие несут обутку,
Дают своею рукой.
Просят: — Прими ты в шутку
Случай такой...—
Несут на плечи тулупчик —
Душу отогревай.
— Выпей теперь, голубчик,
Пей, а нам не давай! —
И я наливаю, пью —
Окоченел, нельзя же...
Пью, а им не даю,

Не предлагаю даже.
Я похворал. Зато
После этого раза
Го́лоса... го́лоса что —
Слушаться стали гла́за.
И с бабой моей с тех пор
Тише стал разговор...

И каждый гвоздик в стене,
И весь, что видишь, зажиток —
Всё это стало при мне,
Значит, не лыком шитый.
Одну я семью питал,
И жил я, мужик тверезый,
Двором горди́ться мечтал,
А вот, брат, горжусь колхозом.

1935

63

С одной красой пришла ты в мужний дом,
О горестном девичестве не плача.
Пришла девчонкой — и всю жизнь потом
Была горда своей большой удачей.

Он у отца единственный был сын —
Делиться не с кем. Не идти в солдаты.
Двор. Лавка. Ме́льница. Хозяин был один.
Живи, молчи и знай про свой достаток.

Ты хлопотала по двору чуть свет.
В грязи, в забвенье подрастали дети.
И не гадала ты, была ли, нет
Иная радость и любовь на свете.

И научилась думать обо всем —
О счастье, гордости, плохом, хорошем —
Лишь так, как тот, чей был и двор и дом,
Кто век тебя кормил, бил и берег, как лошадь...

И в жизни темной, муторной своей
Одно себе ты повторяла часто,

Что это всё для них, мол, для детей,
Для них готовишь ты покой и счастье.

А у детей своя была судьба,
Они трудом твоим не дорожили,
Они росли — и на свои хлеба
От батьки с маткой убежать спешили.

И с ним одним, угрюмым стариком,
Куда везут вас, ты спокойно едешь,
Молчащим и бессмысленным врагом
Подписывавших приговор соседей.

1935

64. СТРАНА МУРАВИЯ

Поэма

ГЛАВА 1

С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

Тоскуя о родном тепле,
Цепочкою вдали
Летят,— а что тут на земле,
Не знают журавли...

У перевоза стук колес,
Сбой, гомон, топот ног.
Идет народ, ползет обоз,
Старик паромщик взмок.

Паром скрипит, канат трещит,
Народ стоит бочком,
Уполномоченный спешит
И баба с сундучком.

Паром идет, как карусель,
Кружась от быстрины.
Гармошку плотничья артель
Везет на край страны...

Гудят над полем провода,
Столбы вперед бегут,
Гремят по рельсам поезда,
И воды вдаль текут.

И шапки пены снеговой
Белеют у кустов,
И пахнет смолкой молодой
Березовый листок.

И в мире — тысячи путей
И тысячи дорог.
И едет, едет по своей
Никита Моргунок.

Бредет в оглоблях серый конь
Под расписной дугой,
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

Дегтярку сзади привязал,
Засунул кнут у ног,
Как будто в город, на базар,
Собрался Моргунок.

Умытый в бане, наряжен
В пиджак и сапоги,
Как будто в гости едет он,
К родне на пироги.

И двор — далёко за спиной,
Бегут вперед столбы.
Ни хаты не видать родной,
Ни крыши, ни трубы...

По ветру тянется дымок
С ольхового куста.
— Прощайте,— машет Моргунок,—
Отцовские места!..

ГЛАВА 2

Из-за горы навстречу шло
Золотоглавое село.

Здесь проходил, как говорят,
В Москву Наполеон.
Здесь тридцать восемь лет назад
Никита был крещен.

Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый Духов день.

И первым был из всех дворов
Двор — к большаку лицом,
И вывеска «Илья Бугров»
Синела над крыльцом...

Никита ехал прямиком.
И вдруг — среди села —
Не то базар, не то погром —
Веселые дела!

Народ гуляет под гармонь,
Оглобель — лес густой,
Коней завидя, сбился конь...
Выходят люди:
— Стой!..

— Стой, нет пощады никому,
И честь для всех одна:
Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

Кто за рукав,
Кто за полу —
Ведут Никиту
В дом, к столу.

Ввели и — чарку — стук ему!
И не дыши — до дна!
— Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

И лез хозяин через стол:
— Моя хата —
Мой простор.
Становись, сынок, на лавку,
Пей, гуляй,
Справляй престол!..

Веселитесь, пейте, люди,
Всё одно:

Что в бутылке,
Что на блюде —
Чье оно?

Чья скотинка?
Чей амбар?
Чей на полке
Самовар?..

За столом, как в бане, тесно,
Моргунок стирает пот,
Где жених тут, где невеста,
Где тут свадьба? — Не поймет.

А хозяин без заминки
Наливает по другой.
— Тут и свадьба и поминки —
Всё на свете, дорогой.

С неохотой, еле-еле
Выпил чарку Моргунок.
Гости ели, пили, пели,
Говорили, кто что мог...

— Что за по́мин?
— Помин общий.
— Кто гуляет?
— Кулаки!
Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.

— Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки,—
Милицейские ребята
Выводили под руки...

— Будет нам пить,
Будет дурить...
— Исус Христос
Чудеса творил...

— А кто платил,
Когда я да не платил?..

— Отчего ты, божья птичка,
Хлебных зерен не клюешь?
Отчего ты, невеличка,
Звонких песен не поешь?

Отвечает эта птичка:
— Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...

— Будет нам пить,
Будет дурить.
Пора бы нам одуматься,
Пойти домой, задуматься:
Что завтра пропить?

— Исус Христос
По воде ходил...

— А кто платил,
Когда я не платил?
За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,
За каждый воз,
Что с поля привез,
За собачий хвост,
За кошачий хвост,
За тень от избы,
За дым от трубы,
За свет и за мрак,
И за просто, и за так...

— Знаем! Сам ты не дурак,
Хлеб-то в воду ночью свез:
Мол, ни мне, ни псу под хвост.
Знаем! Сами не глупей.
Пей да ешь, ешь да пей!

— Сорок лет тому назад
Жил да был один солдат.

Тут как раз холера шла,
В день катала полсела.
Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.
Пил да ел, как богатырь,
И по всем читал псалтырь,
Водку в миску наливал,
Делал тюрьку и хлебал,
Все погибли, а солдат
Тем и спасся, говорят.

— Трулля-трулля-трулля-ши!..
Пропил батька лемеши.
А сынок —
Топорок,
А дочушка —
Гребенек,
А матушка
Того роду
Пропила
Сковоро́ду.
Па-алезла под печь:
«Сынок, блинов нечем печь...»

— Все кричат, а я молчу:
Всё одно — безделье.
А Илье-то Кузьмичу —
Слезки, не веселье...

— Подноси, вытаскивай,
Угощенье ставь!

— До чего он ласковый,
Добродушный стал.

Дескать, мы ж друзья-дружки,
Старые соседи.
Мол, со мной на Соловки
Всё село поедет...

— Слышь, хозяин, не жалей
Божью птичку в клетке.
Заливай, пои гостей,
Дыхай напоследки!..

Загудели гости смутно,
Встал, шатаясь, Моргунок,
Будто пьян, на воздух будто,
Потихоньку — за порог.

Над дорогой пыль висела,
Не стихал собачий лай.
Ругань, песни...

— Трогай, Серый.
Где-нибудь да будет край...

ГЛАВА 3

Далёко стихнуло село,
И кнут остыл в руке,
И синевой заволокло,
Замглилось вдалеке.

И раскидало конский хвост
Внезапным ветерком,
И глухо, как огромный мост,
Простукал где-то гром.

И дождь поспешный, молодой
Закапал невпопад.
Запахло летнею водой,
Землей, как год назад...

И по-ребячьи Моргунок
Вдруг протянул ладонь.
И, голову склонивши вбок,
Был строг и грустен конь.

То конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.

Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне.

Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

И в ночь, как съехать со двора,
С конем был разговор,
Что всё равно не ждать добра,
Что без коня — не двор;
Что вместе жили столько лет,
Что восемь бед — один ответ.

А конь дорогою одной
Везет себе вперед.
Над потемневшею спиной
Белесый пар идет.

Дождь перешел. Следы копыт
Наполнены водой.
Кривая радуга висит
Над самою дугой...

День на исходе. Моргунку
Заехать нужно к свояку:
Остановиться на ночлег,
Проститься как-никак.
Душевной жизни человек
Был Моргунков свояк.
Дружили смолоду, с тех пор,
Как взяли замуж двух сестер.

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один...

Хозяин грустный гостю рад,
Встречает у ворот:
— Спасибо, брат. Уважил, брат.—
И на крыльцо ведет.

— Перед тобой душой открыт,
Друг первый и свояк:
Весна идет, земля горит,—
Решаться или как?..

А Моргунок ему в ответ:
— Друг первый и свояк!
Не весь в окошке белый свет,
Я полагаю так...

Но тот Никите говорит:
— А как же быть, свояк?
Весна идет, земля горит,
Бросать нельзя никак.

Сидят, как прежде, за столом.
И смолкли. Каждый о своем.

Забились дети по углам.
Хозяйка подает
С пчелиным «хлебом» пополам
В помятых сотах мед.

По чарке выпили. Сидят,
Как год, и два, и три назад.

Сидят невесело вдвоем,
Не поднимают глаз.
— Ну что ж, споем?..
— Давай споем
В последний, может, раз...

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один.

Посоловелые слегка,
На стол облокотясь,
Сидят, поют два мужика
В последний, значит, раз...

О чем поют? — Рука к щеке,
Забылись глубоко.
О Волге ль матушке-реке,
Что где-то далеко?..

О той ли доле бедняка,
Что в рудники вела?..

О той ли жизни, что горька,
А всё-таки мила?..

О чем поют, ведя рукой
И не скрывая слез?
О той ли девице, какой
Любить не довелось?..

А может, просто за столом
У свояка в избе
Поет Никита о своем
И плачет о себе.

У батьки, у матки
Родился Никита,
В церковной сторожке
Крестился Никита.

Семнадцати лет
Оженился Никита.
На хутор пошел,
Отделился Никита.

— В колхоз не желаю,—
Бодрился Никита.
До синего дыму
Напился Никита.

Семейство покинуть
Решился Никита...
Куда ж ты поехал,
Никита, Никита?

ГЛАВА 4

От деда слышал Моргунок —
Назначен срок всему:
Здоровью — срок, удаче — срок,
Богатству и уму.

Бывало, скажет в рифму дед,
Руками разведи:

— Как в двадцать лет
Силенки нет,—
Не будет, и не жди.
— Как в тридцать лет
Рассудка нет,—
Не будет, та́к ходи.
— Как в сорок лет
Зажитка нет,—
Так дальше не гляди...

Сам Моргунок, как все, сперва
Не верил в дедовы слова.

Хватился — где там двадцать лет! —
А богатырской силы нет.
И может быть, была б она,
Когда б харчи да не война.

Глядит, проходят тридцать лет,—
Ума большого тоже нет.
А был бы ум, так по уму —
Богатство было бы ему.

Глядит, и скоро — сорок лет,—
Богатства нет, зажитка нет:
Чтоб хлебу на год вволю быть,
За сало салу заходить;

Чтоб быть с Бугровым запросто,
Всего того опричь:
«Здоров, Никита Федорыч!..» —
«Здоров, Илья Кузьмич!..»

А угостить — так дым трубой,
Что хочешь ешь и пей!
Чтоб рядом он сидел с тобой
На лавке на твоей;

Чтоб толковать о том о сем,
Зажмурясь песни петь,
Под ручку чтоб да с ним вдвоем
Пойти хлеба смотреть...

И предсказанью скоро срок,
А жил негромко Моргунок.

Был Моргунок не так умен,
Не так хитер и смел,
Но полагал, что крепко он
Знал то, чего хотел...

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай,
Поехал — поезжай.

И всё твое перед тобой,
Ходи себе, поплевывай.
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.

Весь год — и летом и зимой —
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой,—
Коммунии, колхозии!..

И всем крестьянским правилам
Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хо-рошая страна!..

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

По склонам шубою взялись
Густые зеленя,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня.

И розоватой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.

И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.

Пласты ложатся поперек
Затравеневших меж.
Земля крошится, как пирог,—
Хоть подбирай и ешь.

И над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Белеют на поле мешки
С подвезенным зерном.
И старики посевщики
Становятся рядком.

Молитву, речь ли говорят
У поднятой земли.
И вот, откинувшись назад,
Пошли, пошли, пошли...

За плугом плуг проходит вслед,
Вдоль — из конца в конец.
— Тпру, конь!.. Колхозники ай нет?..
— Колхозники, отец...

Чуть веет вешний ветерок,
Листвою шевеля.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем радостней земля.

Земля!..
От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.

Земля!..
Она бежит, бежит
На тыщи верст вперед.
Над нею жаворонок дрожит
И про нее поет.

Земля!
Всё краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет — на ней
До самой смерти жить.

Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...

В пути проходит новый день.
Конь перепал и взмок.
Уже ни сел, ни деревень
Не знает Моргунок.

ГЛАВА 5

Большаком, по правой бровке,
Направляясь на восход,
Подпоясанный бечевкой,
Шел занятный пешеход.

Добела забиты пылью
Сапожонки на плечах,
И лопатки, точно крылья,
Под подрясником торчат.

Из сапог глядят онучки,
За спиной гремит ларец...
— А, видать, тебя до ручки
Раскулачили, отец?..

Слово за слово. О боге
Речь заводит Моргунок.
Отпрягают у дороги,
Забираются в тенек.

— Эх, да по такой погоде
Зря ты ходишь-бродишь, поп.
Собирал бы дань в приходе,
Пчел глядел бы, сено греб...

— Где ж приход? Приходов нету.
Нету службы, нету треб.
Расползлись попы по свету,
На другой осели хлеб.

Тот на должности на писчей,
Тот иной нашел приют.
Ничего, довольны пищей.
Стихли, сникли и живут.

Ну, а я... Иду дорогой.
Не тяжел привычный труд:
Есть кой-где, что верят в бога,—
Нет попа,
А я и тут.

Там жених с невестой ждут,—
Нет попа,
А я и тут.
Там младенца берегут,—
Нет попа,
А я и тут.

Нет купели,
Есть камья,
Нет попа,
А вот он я!..

Что калужского портного,
За неделю ждут меня.
Мне бы только, право слово,
Заиметь теперь коня...

Хорошо в тени, прохладно.
Поп кошелку шевелит.

Развязал — и этак складно
Припевает-говорит:

— Тут селедочка
Была, была, была,
Что молодочка
Дала, дала, дала...

Тут и соточка
Лежит — не убежит...
Эх ты, сукин сын
Камаринский мужик!..

Моргунок, уставясь косо,
Ладно, думает, молчи.
Ничего, что батя босый,—
Подходящие харчи...

Не святой и не угодник,
Не подвижник, не монах,—
Был он просто поп-отходник,
Яко наг и яко благ.

— На гумне служу обедню,
Постным маслом мажу лоб.
Николай был царь последний,
Митрофан — последний поп.

Занимаю под приходом
Всю епархию кругом.
Хочешь так: твоя — подвода,
Мой — инструмент?..
Проживем!..

Моргунок утерся строго:
— Не гляди, что выпил я...
У тебя своя дорога,
У меня, отец,— своя.

На своем коне с дугой
Ехать подходяще:
Всякий видит, кто такой,—
Житель настоящий.

На своем коне с дугой
Ехать знаменито.
Остановят: — Кто такой?
— Моргунов Никита.

В чужедальней стороне
Едешь, смотришь смело:
Раз ты едешь на коне,
Значит, едешь делом.

Самому себе с конем
Позабыться впору.
Будто в гости едешь — днем,
Ночью — будто в город.

Не охотник яйца я
Собирать на бога.
У меня, отец, своя
Дальняя дорога...

ГЛАВА 6

От ночлега до ночлега
Едет ровно Моргунок.
У дороги, под телегой,
Своя хата-потолок.

На огне трещит валежник
Робко, будто под ногой.
Двое возчиков проезжих
Сонно смотрят на огонь.

С неизвестным разным людом
Сводит ночью огонек.
Кто такие и откуда —
Знать не знает Моргунок.

Спит не спит, лежит Никита,
Слышен скрип и хруст травы.
Глухо тукают копыта
Возле самой головы.

Поправляет головешки
Освещенная рука.

Голос тянется неспешный,
Как шаги издалека:

— Окна — в землю,
Крыша — набок,
Гнезда галочьи в трубе,
Как бы в сказке, дед да баба
Жили век в своей избе.

Баба пряла у окошка,
Дед с утра на рыбу шел,
И была в хозяйстве кошка,
Курочка да петушок.

Жили старые помалу
На отлете от села.
А весною небывало
Высока вода была.

Шла весна в могучей силе,
По ночам крошила снег.
Разлились по всей России
Воды всех морей и рек...—

Спит не спит, лежит Никита,
Дрема поверху идет.
Голос ровный, домовитый
Сказку бережно ведет:

— Все — в колхозы.
Дед — ни с места
На тринадцатом году:
«Из своей избы, известно,
Никуда я не пойду».
Что, мол, жить мне на народе
И какой мне в этом прок?..

А вода к крыльцу подходит,
Бьет волною о порог.
Поплыли плетни, солома,
Огородов — будто нет.

День за днем проводит дома,
Очищает лыки дед.

И случилась эта сказка
Возле нашего села:
Подняла вода избушку,
Как кораблик, понесла.
Поднимает выше, выше,
Гонит окнами вперед.
Петушок кричит на крыше,
Из трубы дымок идет.
И качаются, как в зыбке,
Дед и баба за стеной.

Принесло избу под липки —
К нам в усадьбу —
Тут и стой...

Спали воды. Стало сухо.
Смотрит дед — на солнце дверь:
«Ну, тому бывать, старуха,
Жить нам заново теперь...»

Спит не спит Никита, дремлет
С картузом под головой.
Теплым телом греет землю
Под примятою травой.

На армяк роса осела.
Гаснут звезды в вышине.
И тепло вздыхает Серый
За кустами в стороне.

Тянет свежестью рассвета.
Спит дорога. Тишина.
Далеко-далёко где-то
Спит Муравская страна...

ГЛАВА 7

Как с юга к северу трава
В кипучий срок весны,
От моря к морю шла молва
По всем краям страны.

Молва растет что ночь, что день,
Катится в даль и глушь,
И ждут сто тысяч деревень,
Сто миллионов душ.

Нет, никогда, как в этот год,
В тревоге и борьбе,
Не ждал, не думал так народ
О жизни, о себе...

Росла, невнятная сперва,
Неслась, как радио, молва,
Как отголосок по лесам,
Бежала по стране,
Что едет Сталин, едет сам
На вороном коне.

Вдоль синих вод, холмов, полей,
Проселком, большаком,
В шинели, с трубочкой своей,
Он едет прямиком.

В одном краю,
В другом краю
Глядит, с людьми беседует
И пишет в книжечку свою
Подробно всё, что следует.
И будто он невдалеке
Коня того поил в реке.

А то еще у старика
Спросил он ночью огонька.
А этот сторож-старичок
Увидел — кто, а сам молчок:
Порасспросить его хотел
Насчет войны и прочих дел...

За гатью — мост,
За взгорьем — склон,
Дымок по ветерку...
И, может, прямо едет он
Навстречу Моргунку.

И всё, что на душе берег,
С чем в этот год заснуть не мог,
С чем утром встал и на ночь лег,
С чем ел не впрок
И пил не впрок,—
Всё вновь обдумал Моргунок...

— Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..

И жизнь на слом,
И всё на слом —
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую.

Ты слушай, выслушай меня,
Коснемся, например, коня.

И склад хорош, и стать легка,
В монету весь одет.
Под Ворошиловым конька
Такого, может, нет.

На конной в Ельне куплен был,
С дороги перепал,
Стоит — и шею опустил,—
Ну, думаю, попал!..

Блестит в корытечке вода,
Свищу, свищу — не пьет,
Не ест. И вижу я тогда,
Что дело не поет...

А как я вышел поутру,
С постели — босиком,
Иду, а он впотьмах: хруп-хруп...
Стой, думаю, живем!..

Теперь мне тридцать восемь лет,
Два года впереди.
А в сорок лет зажитка нет —
Так дальше не гляди.

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне —
Своим двором пожить хоть раз
Хотелось мне.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

Пожить бы так чуть-чуть...
А там —
В колхоз приду,
Подписку дам!

И с тем согласен я сполна,
Что будет жизнь отличная.
И у меня к тебе одна
Имелась просьба личная.

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так,—
Чтоб зря не обижали,—
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...—

В пути, в незнаемом краю,
Забыв про всё, Никита
Слагал, как песню, речь свою
Душевно и открыто...

Страна родная велика.
Весна! Великий год!..
И надо всей страной — рука,
Зовущая вперед.

ГЛАВА 8

И деревням и верстам счет
Оставил человек,
И конь покорно воду пьет
Из неизвестных рек.

Дорога тянется вдали.
И грусть теснит в груди:
Как много неба и земли
Осталось позади.

И весь в пыли, как хлеб в золе,
Никита Моргунок.
На всей планете на Земле
Один такой ездок.

И порыжел на нем пиджак,—
Дорога далека.
Днем едет, терпит кое-как,
А к вечеру — тоска.

Сквозь тишину и холодок
Повеет ночь жильем.
И куст — он дома, и пенек
На месте на своем.

А ты скитайся, разъезжай,
Сам при себе, один...
Вдруг слышит:
— Добрый гражданин,
А добрый гражданин!..

И видит: нищий, чуть прикрыт,
Почти что босиком.
— Подвез бы, что ли,— говорит
Обиженным баском.

И мальчик, точно со слепым,
Идет по праву руку с ним.

И нищий злобно смотрит вслед:
— Забогател, сосед?..
Глядит — и обмер Моргунок:
— Илья Кузьмич? Ай нет?..

— Годов полсотни был Илья,
Да нынче стал не я.
Что видишь, только ма́лец мой,
А шапка не моя.
Вот, брат. Такая, брат, пора.
Кромешный год такой...

— Тпру!.. Правду говорят, гора
Не сходится с горой...

Коня стреножил Моргунок,
Прибрал хомут, дугу.
Оглобли — кверху. Огонек
Заговорил в кругу.

— Эх, холодна небось земля,
Погреться будет впрок.—
И достает из кошеля
Литровку Моргунок.

— Ну что ж, Илья Кузьмич, начнем?
Что есть. Прошу простить.
Тебя когда-то за столом
Мечтал я угостить.

Пей, грейся, гость. Как другу верь,—
Соседи были всё ж...
А вот откуда ж ты теперь,
Илья Кузьмич, бредешь?..

— Бреду *оттуда*...
— Что ж там? Как?
— Да так. Хороший край.
В лесу, в снегу, стоит барак,
Ложись и помирай.

— Так, так, Илья Кузьмич...
А всё ж —
Тут злость своя нужна:
Что скажут — делай,— дескать, врешь,
Работа не страшна.

— Нет, брат, спасибо за совет.
Не страшен был бы труд,
Да смысла нет.
— А ты начни!
— Да мочи нет...
— А ты тяни!
— Да руки не берут.

Никита слушал и коня
Из вида не терял.
Мальчишка, млея у огня,
Тихонько засыпал.

Куда он, малец, гол и бос,
Шел по свету с отцом,
Суму на перевязи нес
С жестяным котелком?..

— А что,— пожал отец плечом,—
Не страшно до зимы.
Где так попросим, где споем,—
Петь научились мы.

Эх, брат,— вздохнул, ложась, Бугров,—
В последний этот год
Еще б таких наделать дров,—
Земли переворот!..

На колокольни встать бы, брат,
И сверху б — в добрый час —
На всю Россию бить набат!
— Да не во что как раз...

Спал Моргунок и знал во сне,
Что рядом спит сосед.
И, как сквозь воду, в стороне
Конь будто ржал под свет...

Вскочил, закоченелый весь,
Глядит — пропал сосед.
Телега здесь, и мальчик здесь.
А конь?.. Коня и нет...

Никита бросился в кусты,
Высматривая след.
Туда-сюда. И след простыл.
Коня и вправду нет.

И место видно у огня,
Где ночью спал сосед,
В траве окурки. А коня
И нет. И вовсе нет.

И заняла дыханье боль,
И точно высох рот.
Позвать попробовал:
— Псель-псель...—
И губ не соберет.

— Псель-псель...—
И тишина кругом.
Туман. Глухой рассвет...
Вот бросил он семью и дом,
Уехал в белый свет.

Вот всё, что думал,— всё не в счет.
Вот прожил столько лет...

Туман встает,
Роса ползет.
День. А коня-то нет...
Коня-то нет...
— Вставай, пострел!
Замерз небось, беглец.
Пока ты спал да сны смотрел,
Сменял тебя отец.
Сменял — и серого коня
С уздечкой получил.
Тебя обидел, а меня
Навеки научил.
Я угощал его, любя,
Считал — в беде сосед...
А ты не бойся: бить тебя
Теперь мне пользы нет...

Короток день, а путь далек,
А солнце — где уже!..
Переобулся Моргунок,
И легче на душе.
Собрал шлею, кошель и кнут,
Переменил чеку;
Колеса смазал, подоткнул
Поклажу к передку.

Короток день, а путь далек,
Хоть воз не так тяжел.
И влез в оглобли Моргунок,
А мальчик вслед пошел...

ГЛАВА 9

Под уклон, гремя с разбега,
Едет — просто чудеса! —
Без коня сама телега,
Все четыре колеса.

И, кого ни встретит, всякий
Долго-долго смотрит вслед.
А увяжутся собаки —
Три версты отбою нет.

Моргунок гремит с телегой
В неизвестной стороне:
— Не видали ль человека
На копейчатом коне?

Моргунок волочит ноги
Тяжело, и, как назло,
Растянулось вдоль дороги
Бесконечное село.

Никуда от глаз не скрыться,
На виду мужик у всех.
По окошкам липнут лица.
Лай собачий,— смех и грех.

Моргунок везет понуро,
Не ворочаться ж назад.
Шум, смятенье, даже куры
Растревоженно кричат.

Дальше — к мосту — скат крутой,
Поскорей бы с глаз долой!
И пошел, пошел с разбега,
Только грохот поднялся.
Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.

За мостом дорога в гору,
Позади, в пыли густой:
— Стой! — кричат, как будто вору.—
Стой! Стой!..

Подбегают:
— Стой-ка, дед!
Заворачивай в Совет.

И народ кругом посыпал,
Рассуждая горячо:
— Мало, что ли, всяких типов,
Поглядишь, а тут еще...

— На поселке нищий в бане
Двое суток ночевал:
С золотыми был зубами —
Вроде бывший генерал...

И, упершись в грядки, миром
Помогают Моргунку.
— Только ты не бегай, милый...
— Да куда я побегу?..

В сельсовете председатель
Предложил на лавку сесть
И сказал учтиво:
— Дайте
Документы, если есть.

Из-за ворота рубахи
Тащит целый узелок,
Достает свои бумаги
Никита Моргунок.

Бумаги пожелтелые,
Как деньги — еле целые,
Зацапанные, мазаные,
Крест-накрест перевязанные.

— Вот при одной коровке
Семья моя — семь душ.
И хлебозаготовки,
И лесозаготовки,
И страх,
И труд,
И гуж.
И двор со всей скотиной,
И хата в три окна.
Единый —
Семь с полтиной,—
Уплаченный сполна.

Деревня Васильково,
Касплянский сельсовет,
И карточка конева,
А вот коня — и нет...

— Ну что ж, понятно в целом,
Одно неясно мне:
Без никакого дела
Ты ездишь по стране.
Вот, брат! — И председатель
Потер в раздумье нос:
— Ну, был бы ты писатель,
Тогда другой вопрос.
Езжай! И в самом деле,
Чего с тебя возьмешь?
— А что ж, у вас — артели?
— Кругом артели. Сплошь.

И гремит телега снова,
Застилая пылью след...

— Не видали ль верхового?..—
Отвечают:
— Что-то нет...

Моргунок телегу тянет.
Плечи стертые горят...
— Братцы! Где тут есть цыгане?
— Вон, в колхозе,— говорят.

ГЛАВА 10

Знал Никита Моргунок
Правило простое,
Что медведь блинов не пек,
Волк двора не строил.

Удивился Моргунок,
Видит: на поляне
Ходят вдоль и поперек
С косами цыгане.

Косят, словно мужики,
Ряд за рядом ходят.
Только носят оселки
Не по форме вроде.

Пахнет медом и росой,
Добрая работа!
Самому пройти с косой
Моргунку охота.

Хороша, густа трава,
Самый срок и время,
Да забита голова
Думами не теми.

Так и так. Иду полдня.
Карточка в кармане...
— Воротите мне коня,
Граждане цыгане.

— Так и быть,— сказал один,—
Ты — мужик хороший.
Заявляю — отдадим,
Как признаешь лошадь.

Сено свежее пока
На покосе вянет,
На конюшню Моргунка
Привели цыгане.

Попросили Моргунка
Чуть посторониться,—
Конь выходит из станка,
Гладкий, точно птица.

Конь невиданной красы,
Уши ходят, как часы.

Конь хорош, и, что хорош,
Сам об этом знает.
— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Постоять снаружи.
И выходит из станка
Конь второй — не хуже.

На спине играет дрожь,
Шея — вырезная.
— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Отойти немного.

И выводят из станка
Жеребца, как бога.

Корпус, ноги — всё отдай,
Шерсть блестит сквозная.
— Ну, хозяин, признавай,
Признавай, хозяин!

— Извиняюсь, не могу,—
Врать, мол, нет расчета.
— То-то,— пальцем Моргунку
Погрозили,— то-то...

Он оглобли подвязал
Кверху, для ночлега:
— Завтра, малец, на базар
За конем. С телегой.

— Дядь, зовут нас. Слышишь, дядь?
Дескать, места хватит.
— Не желаю ночевать
Я в цыганской хате.

Ночь. Затих в загоне скот.
Пахнет пыль золою.
И цыганское встает
Солнце над землею.

И звенит во тьме комар
Тоненько, знакомо,
Как остывший самовар
После бани, дома.

И, вздохнув, на правый бок
Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку
И на правом на боку.

Комариный звон в тиши,
Замирая, тонет...
«До чего же хороши,
Боже ты мой, кони!»

И, вздохнув, на левый бок
Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку
И на левом на боку.

И, подумав, Моргунок
Бородою к звездам лег.

Кони рядом. И спроста
Ненадежно спрятаны:
Из соломы ворота
Лыком запечатаны.

Моргунок лежит, сопя,
Рассуждает про себя:
— Лошадей цыгане крали?
— Крали.
— Испокон веков у всех?
— У всех.
— А у них теперь нельзя ли?
У цыган? Не грех?
— Не грех...

Не лежится на спине,
Точно спит на бороне.
Встал и бережно пошел
За сарай. До ветру, мол...

Слышит — близко за спиной
Осторожный шорох.
— Что за люди? Кто такой? —
Спрашивает сторож.

— Я до ветру,— как урок,
Отвечал Никита.
И для виду всё, что мог,
Справил деловито.

— Значит, ходишь по часам?
— Надо, милый, надо...
— Эхе-хе-хе-хе!..— А сам —
Задом,
задом,
задом...

Сапоги надел скорей,
Хоть на босу ногу,
И с телегою своей
Тронулся в дорогу...

ГЛАВА 11

Большаком три ночи и три дня
Ехала телега без коня.

И шутил невесело мужик,
Что к коневой должности привык.

— Подучусь, как день еще пройду,
Всё, что надо, делать на ходу.

А овсом питаться — не беда:
Попадала в хлеб и лебеда.

Стоя спать — уменья мало здесь.
Приходилось спать — и лапти плесть!

В неизвестный город большаком
Шла телега вслед за мужиком...

От куста идут и до куста,
От моста до нового моста.

От пятьсот девятого столба
До пятьсот десятого столба.

Далека родная сторона!
Что там баба делает одна?..

Ждет она хозяина с конем,
Знать она не знает ни о чем,
Как идет с телегой Моргунок
По одной из тысячи дорог...

Вышел в поле тракторный отряд,
По путям грохочет скорый поезд,
Самолеты по небу летят,
Ледоколы огибают полюс...

И, по-конски терпелив и строг,
Волокет телегу Моргунок.

Мальчик — ни на шаг от мужика...
Пусть идет — дорога широка.

Так идут, идут и слышат вдруг
Впереди, вдали копытный стук,
Будто в ступе коноплю толкут,
Будто бабы где-то кросна бьют.

Отголосок стороной идет,
И ездок покажется вот-вот...

Гоп-та-тах!..— И перед Моргунком
На коне
На сером
Поп верхом!..

Поп назад откинулся, сдержал,
Конь узнал хозяина, заржал.

Но в одну минуту Моргунок
Из оглобель выскочить не мог.
Он ремни распутывал, а поп —
Повернул коня и дал в галоп.

То ли поп коня того купил,
То ли вор у вора утащил...

— Стой!..— бежит Никита за конем,
Сапоги, пиджак горят на нем.

Сбилась шапка мокрая на лоб,
Вверх и вниз в глазах ныряет поп.

— Стой!..— кричит, бежит Никита вслед,
Голосу в груди и духу нет.

Он бежит, и замирает «сто-ой!»
На дороге пыльной и пустой.

И, как рану, зажимая бок,
Падает на землю Моргунок.

Он лежит, как мертвый, недвижим,
Но земля сама бежит под ним.

Обернулись реки и мосты,
Вверх ногами — травы и кусты.

Но уже далече скачет поп,
Пропадает за холмами топ.

Тише, тише движется земля,
По местам становятся поля...

И лежит Никита Моргунок
На одной из тысячи дорог...

Пыль по-над дорогой незаметнее,
Вечер начинается вдали.
И березы старые, столетние
Опустили ветви до земли.
Тишина хорошая кругом...

— Дядь, вставай,
А, дядь?..
Вставай. Пойдем...

ГЛАВА 12

Деловито, не сердито
Меж палаток, меж подвод
Пробирается Никита:
— Дайте, граждане, проход.

И, встречая, обступая,
Любопытствует народ:
То ль коня он покупает,
То ль телегу продает?

— Погодите, не толкуйте,
Братцы, горе у меня:
На базар служитель культа
Моего угнал коня...

К конной привязи, в тенек
Заезжает Моргунок.

И пошел бродить на счастье
По базару взад-вперед.
Что ни лошадь серой масти —
Сердце дрогнет и замрет.

Много серых и красивых,
Только равных нет коней:
То подсеченная грива,
То монета покрупней...

На лотках блестят селедки,
Солнце жарит пирожки.
Старичок с лихой бородкой
Кнутовьем звонит в горшки:

— Николаевская глина,
Отдаю за просто так:
С одноличницы — полтина,
С коммунарки — четвертак!..

Площадь залита народом,
Площадь ходит хороводом,
Площадь до краев полна,
Площадь пляшет, как волна.

— Расступись, давай проход,—
Жеребца артель ведет.
Как на выставке — проводят,
Уходи, живые, прочь!
Двое виснут на поводьях,
Трое ладятся помочь.

Мундштуки в горячем мыле,
Благородный карий глаз...
— Кто купил?
— Мы купили.
— Сколько дали?
— Хватит с нас.

Гомонит, гудит базар,
Девки, бабы — по возам.

Подбирают кони сено,
Шевелят сухой овес;
И шумит парная пена,
Остывая у колес.

В сюртуке старик усатый
За рога ведет козу.

Жарко дышат поросята
В тесной клетке на возу.

И идет от воза к возу,
Не смолкает говор, гам.
Пахнет сеном и навозом
С «центроспиртом» пополам.

От жары укрыт, от пыли,
У ограды нищий ряд.
Тут остатние слепые
И убогие сидят.

Песня слышится сквозь гомон,
Оборвется — и опять...
Голос будто бы знакомый,
Только слов не разобрать.

Подошел, с другими рядом
Стал и видит Моргунок:
Грузный нищий — у ограды,
Шапка с медью — между ног.

Поводырь с восковым личиком
Сидит плечо к плечу:
—...Отвечает эта птичка:
«Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...»

У певца глаза закрыты,
Голос набожно-суров.
Ахнул, чуть не сел Никита:
— Сукин сын! Илья Бугров!

И, точно сами, две руки
Вперед рванулись:
— Стой!..—
И раскатились пятаки,
Гремя по мостовой.

И Моргунок, как мех сопя,
Подмял слепого под себя.
Народ бежит со всех сторон:

— Слепого бьют... Разбой!..
— Да как же, братцы,— зрячий он.
— Ей-богу, был слепой.

Бугров, карабкаясь, хрипит:
— Пусти!.. Пусти меня.
Пусти, сосед. Скажу, Никит,
Чего-то про коня...

— Скажи,— нагнулся Моргунок,—
Скажи, пока не бью.
— Пусти, Никит... Скорей!.. Свисток!..
Обоих — в гепею.

— Скажи — пущу.
— Скажу потом.
— Давай сейчас, злодей!
— Скажу. В сторонку отойдем,
Чтоб без чужих людей.

Не дома, в праздничный денек
На хуторе своем,
Идет под ручку Моргунок
С Ильею Кузьмичом.

Ведет Бугрова Моргунок:
— Дорогу дай, народ.—
Ведет и шапку, как залог,
Слепецкую несет.

Идут, шатаясь, вразнобой,
Пьяны средь бела дня.
Грозит им пальцем постовой:
— Глядите у меня!..

И говорит Илья Бугров
Тихонько Моргунку:
— Чудак ты, конь твой жив-здоров,
Поклясться в том могу.

И вдруг, не ахнул Моргунок,
— Стой! — закричал Бугров
И сквозь толпу рванулся вбок:
— Стой! Стой! Держи воров!..
— Стой!

— Братцы, братцы! — вскрикнул вслед
И всхлипнул Моргунок.
И ни коня, ни вора нет,—
В руках один залог.

Туда-сюда. Базар кругом,
Колышется народ.
Уже о чем-то о другом
Толкует и орет.

— Ну что ж... Спасибо, сукин сын:
Последний дал урок.—
И шмякнул шапку что есть сил
Никита Моргунок.

ГЛАВА 13

Вдоль дороги рожь бежала,
Над дорогой пыль дрожала,
Плыл дымок...
Ехал парень моложавый,
Кучерявый паренек.

Кучерявый паре́нек,
На затылке козырек.

Ехал парень хватом,
Девкам песни вез,
В елку след печатал
Шпорами колес.

Получил на курсах трактор
Кучерявый паренек,
Изучил *четыре такта,*
Заводить и править мог.

И смешно, да не до смеха,
Хорошо, да сам не рад,
Посадили — и поехал:
— Крой до места, трогай, брат.
Бога нету, говорят.

Не ломай деревья,
Не ворочай пни,

По пути в деревне
Угол не сверни.

Всё в порядке. Едет парень.
За верстой идет верста.
Проезжает без аварий
Две деревни, три моста.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Смотрит — что за черт!

На припеке у дороги
Под телегой спит мужик.
Рядом мальчик босоногий
Кверху пятками лежит.

Слева, справа — нелюдимо,
Луговеет рыжий пар...
Проезжает парень мимо:
— Эй ты, дед, коня проспал!..

Спохватился Моргунок:
—А?.. Давно проспал, сынок.

И лежит он под телегой,
Как лежал.
Дескать, крой, а нам не к спеху,
Не пожар.

— Извиняюсь, бога нет.
Кто такой, откуда, дед?..

— Так и так. Длинна дорога.
Вот как выбился из сил...

— Ладно, дед. Нету бога,
Прицепляйся на буксир.

— Я не прочь, пожалуй,
Но одна статья:
За телегу, малый,
Опасаюсь я...

— Отговариваться нечем,
Делай, дед. Решен вопрос...
За телегу сам отвечу,—
Своя кузня, свой колхоз.

Прицепились, едут.
Хороши дела.
И телега следом
Здорово пошла.

Едут, едут, едут,
Дым да стук кругом.
Едет парень с дедом,
Правит прямиком.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Слышит — что за черт?..

Слышит перебои,
Непохожий стук.
Трактор сам собою
Тормозится вдруг.

Парню до смерти неловко.
Эх ты, черт ее дери!
— Извиняюсь, остановка!
Зайчик выскочил внутри...

Пот на лбу открытом
Выступил. Беда!
— Та-ак,— сказал Никита.—
Добрая езда...

Достает инстру́мент парень,
Сам заходит стороной,
Боязливо приступает,
Точно к лошади дурной.

Лезет парень под машину,
Об дорогу чешет спину,
Рукавом стирает пот,
В кепку болтики кладет.

Глубоко синеет небо,
Золотой стоит денек.
Двадцать лет монтером не был
Кучерявый паренек.

Не был батька, не был дед,
Не был прадед, бога нет!..

Бога нету, несомненно:
Лет пяток —
Недолгий срок.
Будет летчиком отменным
Этот самый паренек.

Головным в могучей стае
Будет править на восток.
Высоко летать он станет,
Кучерявый паренек!

Кучерявый паренек,
Желтой кожи козырек!..

Ты забудешь ли, товарищ,
Наш любимец и герой,
Как лежал ты на дороге,
На дороге под горой.

Как кругом, шумя хлебами,
Длился день страды большой,
И кряхтел мужик тоскливо,
Ожидая над душой.

Мужику — оно не к спеху.
Он бы плюнул и повез
На себе свою телегу
И тащил бы тыщу верст.

Он бы вез ее дорогой,
Проклиная белый свет...
— Ну-ка, дед. Крутни немного.
Ну-ка, разом, бога нет!..

— Дай-ка,— плюнул в руку,
Взялся Моргунок.
— Ну-ка, ну-ка, ну-ка.
Ну, еще разок!..

Отскочил Никита,—
Задрожал мотор,
Нехотя, сердито
Тронулся, попер.

По мостам грохочет,
Правит паренек,
Придержать не хочет,
Сбавить хоть чуто́к.

Кроет по увалам,
Только пыль хвостом...
— Малый, эй ты, малый,
Придержи, постой!

— Три версты осталось, дед.
— Дальше ехать мочи нет.
За провоз тебе спасибо.
Посоветуй лучше мне,
Где б конька какого-либо
Взять по сходственной цене?

Повернувшись на сиденье,
Смотрит тот на Моргунка:
— Нет, в колхозе и за деньги
Не купить тебе конька.—

То ли делом, то ли смехом
Рассуждает паренек:
Ну, прощай. Пора, брат, ехать.
Кто куда, а я — на ток...

Лошадь, не иначе,
В Островах найдешь.
Правда, кони — клячи,
Ну да кони всё ж...

Крой по ме́жам, это близко,
Дуй пешком, тебе видней.
Сдай телегу под расписку —
Довезу. И ма́льца с ней.

Ну, пока! Не опоздать бы...
Погоди, постой ты, дед:
Жду тебя к себе на свадьбу,
Приглашаю, бога нет!..

ГЛАВА 14

Вразброс под солнцем, как дрова,
Лежит селенье Острова.

Ни крыши целой, ни избы,
Что угол — то дыра.
И ровным счетом — три трубы
На тридцать три двора.

Встает, медлителен и глух,
Нерадостный рассвет.
На всё село один петух —
И тот преклонных лет.

Поет как вздумает певень,—
Ослабла голова.
Который час, который день,
Не зна́ют Острова.

Который век, который год
Течет речушка Царь!
На колокольне в косу бьет
К обедне пономарь.

Кругом шумят моря хлебов,
Поля большой страны.
Худые крыши Островов
За ними чуть видны.

Солома преет у ворот.
Повалены плетни.
И курит попусту народ
На бревнышках в тени.

Строгает что-то ножиком,
Как бубен, лысый дед.
Скоблит...
— Бог помощь, граждане,
Колхозники ай нет?..

И отвечают медленно,
Недружно мужики.

Один:
— Мы — люди темные...
Другой:
— Мы индюки...

И подхватила женщина,
Припав к щеке рукой:
— Индусы называемся,
Индусы, дорогой...

— Выходит, бесколхозные,—
Вздохнул с усмешкой дед.—
Сошлись жуки навозные,
Гудят, а кучи нет...
Косить еще успеется,
На всё у бога дни...

— Ты что строгаешь?
— Дудочки.
— А для чего они?..

— А дам по дудке каждому,
И дело как-никак.
— А не кулак ты, дедушка?
— А как же не кулак!

Богатством я, брат, славился
В деревне испокон:
Скота голов четыреста
И кнут пяти сажен.

Я гостем в каждой был избе,—
Где ужин — там ночлег.
Коня?.. Чего?.. Коня тебе?
Чудак ты человек!..

Вот все хозяева сидят.
Продай коня, сосед...

— Продать — оно не штука, брат,
Да вот коня-то нет.

— А хоть и есть,— вздохнул другой,—
Да конь-то больно дорогой:

За грудь, за складку вдоль спины,
За вороную масть
Полжизни плачено. Цены
Такой никто не даст.

— А я как раз продать бы мог,
Да баба встанет поперек.
Что со слезами, что без слез
Толкует об одном:
Идти по крайности в колхоз,
Так со своим конем.

— Слыхал? — толкает Моргунка
Старик тихонько в бок.—
Эх, уступлю уж я конька,
Тому и быть, сынок.
Идем...

Старик заторопил
И Моргунка провел
В худой, без сошек и стропил,
С собачью будку, двор.

Там конь, не вскинув головы,
Стоял, как на мели.
И был он бел до синевы
И слеп, хоть глаз коли.

Толкает дед его рукой,
Глядит со стороны:
— Эх, конь! Царевой масти конь!
Ему, брат, нет цены.

И сам носился петушком:
— А? Что? Плохой конек?..
— Нет, лучше век ходить пешком.
— Ну, сам гляди, сынок.
Таков и конь, каков купец.
Соседи, чем не конь?

— Понятно, конь. Не жеребец.
— Ну что там! Конь — огонь!..
Как побежит — земля дрожит,
Как упадет — три дня лежит,

И ни вожжа тогда, ни кнут
Ему не вставят ног...

— Да, вот как люди здесь живут,—
Причмокнул Моргунок.

— Сынок! Ты вот чего скажи,—
Опять пустился дед.—
А чем плохая наша жизнь?
По-мойму — лучше нет.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай.
Поехал — поезжай...

— Живете небогато вы,—
Смутился Моргунок.
— А счастье не в богачестве.
Зачем оно, сынок?

Нам бы хлебушка кусок,
Да водицы голоток,
Да изба с потолком,
Да старуха под боком.

— Верно.
— Правильно.
— Привычка...
Вот прохожий баял тож:
Отчего ты, дескать, птичка,
Хлебных зерен не клюешь?

В том как раз и заковычка —
От природы людям зло.
Отвечает будто птичка:
Жить, мол, в клетке тяжело.

— Кабы больше было воли,
Хочешь — здесь ты, хочешь — там...

— Кабы жалованье, что ли,
Положили мужикам.

— Кабы нам душа одна бы...
— Кабы жить нам не вразлад...
— Кабы если бы не бабы,
Бабы слушать не хотят!..

— Ты про баб молчи, пустыня,
Сами скажем про свое.
Вот хожу с грудьми пустыми
За хорошее житье.

У людей, людей — пшеничка
Наклонилась по ветру.
А у нéлюдей солома
Раскидалась по двору.

У людей, людей — ребятки
День гуляют на площадке,
За столом за общим в ряд,
Как горлачики, сидят.

А мои живут на свете
Хуже сивых поросят.
Невиновны мои дети —
Ихний батька виноват!

Погляжу на ту картину,
Как сидишь ты день-деньской,
Плюну, кину-запокину,
Убегу — и черт с тобой!..

Глядит, растерян и смущен,
Никита Моргунок.

Что скажет он?
Что понял он
За долгий путь и срок?..

— Ну вот,— снял шапку Моргунок,—
Понятно — жесткий год.
Всё, братцы, вдоль и поперек,
Крест-накрест всё идет.

И ваша жизнь — не жизнь, друзья,
Одна тоска и боль.
Гляжу на вас: так жить нельзя.
Решаться надо, что ль...

А что касается меня,
Возьмите то в расчет:
Поскольку я лишен коня,—
Ни взад мне, ни вперед.

Осиротил меня злодей,
Под самый корень ссек.
А конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.

Бывало, корочку из рук,
Как со стола, возьмет.
В ночном — чуть что — затихнет вдруг,
Как спросит: кто идет?

Прилечь на землю не могу.
Ни сна, ни дремы мне.
Вот будто ходит по лугу,
Ступает в стороне.

Как будто слышу стук копыт,
Вздыхает конь живой.
Трава росяная скрипит,
И пахнет той травой...—

И стихли все... И Моргунок
Вдруг смолк понуро сам,
И смятой шапкой проволок
Неспешно по глазам...

Молчит на бревнышках народ,
Все сказаны слова.
Берет старик две дудки в рот,
Чуть набок голова.

Поймали пальцы нужный лад,
И тонкий звук потек:
«Пойду, пойду в зеленый сад,
Сорву я орешо́к».

Поет старик об орешке,
Играет оберучь.
Висит на ветхом пояске
Мужицкий медный ключ.

Ползет рубаха с плеч долой,
На ней заплатки сплошь.
А в песне — «парень удалой,
Куда меня ведешь!..».

Ту песню про зеленый сад,
Про желтый орешок
Слыхал лет двадцать пять назад
От деда Моргунок.

— Ну что ж, пора. Сижу я тут
Без барышей полдня.
А там телега и хомут
И сбруя у меня.

ГЛАВА 15

Из всех излюбленных работ
Любил Никита обмолот.
И где и кто молотит, мог
Узнать по стуку Моргунок.

У богачей да у попов
Ходили в дюжину цепов.

И все цепы колотят в лад
И соблюдают счет.
И на току — что полк солдат
Под музыку пройдет.

А сам Никита Моргунок
Вдвоем с женой ходил на ток.

До ночи хлеб свой выбивал
Не разгибая рук.
И, как калека, колдыбал
Хромой унылый стук.

Но любо было Моргунку,
Повесив теплый цеп,

Сидеть и веять на току
Набитый за день хлеб.

Кидай по горсточке одной
Навстречу ветерку,
И полумесяц золотой
Ложится на току.

Кидал бы так за возом воз
До нового утра,
И полумесяц всё бы рос
И рос бы, как гора...

По стуку трактора на ток
Пришел Никита Моргунок.

Дрожит под пятками земля,
Стук, ветер, вой и свист,
И наклонился у руля
Тот самый тракторист.

А пыль, а дым несет в глаза,
И всё зашлось в ушах.
Ни поздороваться нельзя,
Ни подойти на шаг.

Легка солома, колос чист,
Зерно шумит, как град.
— Снимай пиджак да становись,
Чего стесняться, брат!..

— А, дай! — Разделся Моргунок.
Рогатки в руки взял,
Покрылся ношей, поволок,
Знай наших! — доказал.

— Да я ж!.. Да господи спаси,
Да боже сохрани!..
Скажи — коси, скажи — носи,
Скажи — ворочай пни!..

Да я ж не лодырь, не злодей,
Да я ж не хуже всех людей.

Как хватит, хватит Моргунок,
Как навернет рогатками...
Сопит, хрипит, до нитки взмок,
Колотье под лопатками.

Солома — валом. Спасу нет.
Но вскоре из ворот
Мужчина Моргунковых лет
На выручку идет.

Тверд на ногах, что в землю врыт,
По голосу — добряк.
«А ты вот этак, говорит,
Ты, говорит, вот так!..»

И, ношу взяв с бобыльский воз,
Оп! — смотрит Моргунок —
Подсел, не крякнул и понес.
Раз! — и взмахнул на стог.

И, отряхнув с накидки ость,
Радушно говорит:
— Пойдем-ка мы отсюда, гость,
Охота покурить.

— А председатель как у вас,
Позволит он уйти?..
— А председатель я как раз,
Со мной, брат, не шути.

Держи табак. Бери, бери,
Верти своей рукой.
Устал, брат?.. Ну-ка, говори,
Откуда, кто такой?..

Издалека?
— Издалека.
От Ельни...
— В добрый час.

Сидят в тени два мужика,
Толкуют в первый раз.

Развеял ветер и унес
Махорочный дымок...

— Ну что ж, взгляни на наш колхоз,
Товарищ Моргунок.

Всё разом показать готов,
Усадьба велика.
Ведет Андрей Ильич Фролов
Под ручку Моргунка.

Ведет, ведет на новый двор,—
Он светел и смолист.
И бревна старые в забор
Меж новых улеглись.

В загон к скоту идет Фролов
С Никитою вдвоем
И гладит, хвалит всех коров,
Как на дворе своем.

Любую ногу подает
Ему в конюшне конь.
Теленок зеркальце сует
В хозяйскую ладонь.

Идут вперед, идут назад,
И видит Моргунок:
Взбегает малолетний сад
Рядами на припек.

Вдоль по усадьбе до ворот
Проходит гость, глядит.
Кол вбит,— попробует, качнет:
Всерьез ли в землю вбит.

Но всё — не в шутку, всё — всерьез.
Для жизни — в самый прок.
Один-единственный вопрос
Имеет Моргунок:

— Я полагаю, спору нет,
Вам всё ж видней, партейному:
Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?..

— А вот, товарищ Моргунок,
Ударят на обед,
Прикину, подведу итог —
И дам тебе ответ.

А заодно теперь позволь
Позвать тебя на хлеб да соль.

ГЛАВА 16

— Мой дед родной — Мирон Фролов —
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов
И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.

И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет,—
Жить не при чем в семье.
Брели,— и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все — один перед другим,—
Хоть на меня смотри,
Росли под дедом под своим,
В него — богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя,—
Хватило бы одной.

По всем законам — инвалид,
Не плуг бы мне — костыль...
А после здесь уж был я бит,
Добро, что богатырь.

Делил луга, взимал налог
И землю нарезал.
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
«Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь».

Фроловы были силачи,
Грачевы были богачи.

Грачевы — в лавку торговать,
Фроловы — сваи загонять.

Грачевы — сало под замок,
Фроловы — зубы на полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот день и час,
Где ты на свете, Степка Грач,
И весь твой подлый класс?!

И в смертный срок мой вспомню я,
Как к милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей;

Как побирушкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иванычем звала
Собаку у дверей...

Да я и не про то теперь...
За землю мстил Грачев.
Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под Успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни
Из разных деревень.

Жилье далёко в стороне,
Ночь, ветки — по глазам.
И только палочка при мне,—
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
— Стой тут. И — руки вверх!
Не лезь в карман, не будь горяч,—
Засох твой револьвер.

Сдавай бумаги, говорят,
Давай, отчитывайся, брат!

Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.
Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б...

Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.
Кричать? Кричать характер мой
Не позволяет, друг.

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади — раз!
И полетел картуз...
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.

И Грач толкает сыновей:
— Скорей! Грех, господи... Скорей!..

Да помню, точно сквозь туман,
Прощался я: «Сынок!..
Прости, что палочку сломал,
Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!..»

Потом с полночи до утра
Я полз домой, как мог.
От той лощинки до двора
Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,
И не забуду я,
Как старый наш фроловский пес
Залаял на меня!

Хочу позвать: «Валет! Валет!..» —
Не слушается рот.
...Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..

Так вот даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет.
— А там?..
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно.
— И это твердо, значит?
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда!..

Эх, друг родной, сказать любя,
Без толку носит черт тебя!..

Да я б на месте на твоем,
Товарищ Моргунок,—
Да отпусти меня райком —

Я б целый свет прошел пешком,
По всей Европе прямиком,
Прополз бы я, проник тайком,
Без тропок и дорог.

И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:
Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов.

И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:
«Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!»

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне всё равно,—
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

ГЛАВА 17

Ходит сторож, носит грозно
Дулом книзу ружьецо.
Ночью на земле колхозной
Сторож — главное лицо.

Осторожно, однотонно
У столба отбил часы.
Ночь давно. Армяк суконный
Тяжелеет от росы.

И по звездам знает сторож,—
По приметам, как всегда,—
Тень двойная станет скоро
Проходить туда-сюда.

Молодым — любовь да счастье,
На поре невеста-дочь.
По двору Васек и Настя
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
— Ну, прощай, стучись домой.
— Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой.

И доводит до окошка:
— Ну, прощай, хороший мой.
— Дай же я тебя немножко
Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету,
Ночь свежеет — не беда!
— Дай же я тебя за это...
— Дай же я тебя тогда...

Под мостом курлычет речка,
Днем неслышная совсем.
На остывшее крылечко
Отдохнуть старик присел.

Свесил голову, как птица,
Ружьецо стоит у ног.
— Что-то, брат, и мне не спится.—
Смотрит сторож — Моргунок.

— Ну, садись. А мне привычно.
Тем и должность хороша,—
Обо всем на белом свете
Можно думать не спеша:

О земле, о бывшем боге,
О скитаниях людей,
О твоей хотя б дороге,
О Муравии твоей.

Люди, люди, человеки,
Сколько с вами маеты!
Вот и в нашей был деревне
Дед один, такой, как ты.

Посох вырезал дубовый,
Сто рублей в пиджак зашил.
В лавру, в Киев снарядился:
— Поклонюсь, покамест жив.

И стыдили, и грозили...
«Всё стерплю, терпел Исус.
Может, я один в России
Верен богу остаюсь».

«Ладно. Шествуй-путешествуй,—
Говорит ему Фролов,—
А вернешься жив-здоров,
Всё как есть расскажешь честно
Про святых и про попов».

И пошел паломник в лавру.
Пешим верстам долог счет.

Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

А дорог на свете много,
Пролегли и впрямь и вкось.
Много ходит по дорогам —
И один другому рознь.

По весне в газете было,—
Может, сам слыхал о том,—
Как идет к границе нашей
Человек один пешком.

Он идет, работы нету,
Без куска его семья.
На войне он окалечен,
Оконтужен, как вот я.

По лесам идет, по тропам,
По долинам древних рек.
Через всю идет Европу,
Как из плена, человек.

Он идет. Поля пустые.
Редко где дымит завод.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

Слухам верить не пристало,
Но и слух не всякий зрящ.
Говорят, домой с канала
Волокется Степка Грач.

Он идет и тешит злобу,
Знает, с кем свести расчет,
Днями спит, идет ночами.
Вот сидим, а он идет...

А смотри-ка, друг прохожий!..
— Вижу,— вздрогнул Моргунок.
На звезду меж звезд похожий,
Плыл на запад огонек.

С ровным рокотом над ними,
Забирая ввысь, вперед,
Над дорогами земными
Правил в небе самолет.

— Высоко идет, красиво,
Хорошо, хоть песню пой!
Это тоже, братец, сила,
Тоже сторож наш ночной.

Он встает. Светло и строго
Утомленное лицо.
Где-то близко у калитки
Тихо звякнуло кольцо.

И бредет гармонь куда-то.
Только слышится едва:
«В саду мята,
Да не-примята,
Да неподкошенная
Трава...»

Стоят столы кленовые.
Хозяйка, нагружай!
Поспела свадьба новая
Под новый урожай.

Поспела свадьба новая
Под пироги подовые,
Под свежую баранину,
Под пиво на меду,
Под золотую, раннюю
Антоновку в саду.

И над крыльцом невестиным,
Как первомайский знак,
Тревожно и торжественно
Похлопывает флаг.

Притихшая, усталая,
Заголосила старая.
Заголосила, вспомнила
Девичество бездомное,
Колечко обручальное,
Замужество печальное.

— Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.
Прости-прощай, Настенька,
Дочушка моя.

Лети, сиротливая,
В чужие края.
Живи, будь счастливая,
Кровинка моя.

Надень бело платьице,
Пройдись по избе.
А что же да не плачется,
Не горько тебе?

Поплачь, поплачь, Настенька,
Дочушка моя.
Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.

Гармонь, гармонь, бубенчики.
— Тпру, кони! Стой, постой!..
Идет жених застенчивый
Через девичий строй.

— Эх, Настя, нас обидела,
Кого взяла — не видела:
Общипанного малого,
Кривого, куцепалого.

А что ж тебя заставило
Выйти замуж за старого,
За старого, отсталого,
Худого, полинялого?

У твоего миленочка
Худая кобыленочка.
Он не доехал до горы —
Ее заели комары.

Дверь — настежь. Гости — на порог,
Гармонь. И кто-то враз
В сенях рассыпал, как горох,
Поспешный, дробный пляс.

И вот за стол кленовый
Идут, идут Фроловы.

Идут, идут — брат в брата,
Грудь в грудь, плечо в плечо.
Седьмой, восьмой, девятый,
А там еще! Еще!..

Стоят середь избы —
Богатыри.
Дубы!

И — даром, что ли, славятся —
Идут, красой грозя,
Ударницы-красавицы —
Жестокие глаза.

А впереди — затейная
Аксюта Тимофеевна:
— Где стала я, где села я —
Со мной бригада целая.

Три раза премированный,
Идет Фролов Иван —
Лошадник патентованный,
До свадьбы чутку пьян.

Идет, торжествен и суров,
Как в светлый день одет,
Ста восемнадцати годов,
Мирон Васильевич Фролов —
Белоголовый дед.

На свадьбу гостем приглашен,
Где правнуки сидят.
Сам в первый раз женился он
Сто лет тому назад.

И вот встает Андрей Фролов:
— Деды, позвольте пару слов.

Деды! В своей усадьбе
И на своей земле —
Когда, на чьей мы свадьбе
Гуляли здесь в селе?

Не в сытости, не в холе мы
Росли, и, как везде,
Шли замуж поневоле мы,
Женились — по нужде.

Деды! Своею властью
Мы здесь, семьею всей,
Справляем наше счастье
На свадьбе на своей.

За пару новобрачную,
За их любовь удачную,
За радость нашу пьем.
За то, что по-хорошему,
По-новому живем!

И свадьба дружно встала,
Сам сторож речь ведет:

— За молодых и старых,
За весь честной народ!

За дочь мою, за Настю,
И за дружка ее!
За их совет, за счастье,
За доброе житье!

А также выпить следует
За нас, за стариков,
И пусть вином заведует
Андрей Ильич Фролов.

Пускай проводит линию
Он с толком и душой:
Партейным льет по маленькой,
А нам уж — по большой.

И, видно, в меру каждому
Та линия была,—
Заговорили граждане
Про всякие дела.

— С тобой, Василий Федорыч,
Кому косить пришлось,—
Одно, Василий Федорыч:
Дух вон и лапти врозь.

С тобой, Василий Федорыч,
Запросит пить любой.
А я, Василий Федорыч,
Я ж рядом шел с тобой.

— Чистов, Прокофий Павлович,
Бобыльский бывший сын,
Не жук тебе на палочке,
А честный гражданин!

— А я стою на страже
Колхозного житья.
Кто скажет, кто докажет,
Что слабый сторож я?

А сын, читали сами,
На той границе он.
Оружьем и часами
За подвиг награжден.

Живу, горжусь сынами,
Тобой горжусь, зятек...
Постойте, пьет ли с нами
Товарищ Моргунок?..

Встает Никита над столом
И утирает бороду.
Один поклон,
Другой поклон —
На ту, на эту сторону.

— Раз надо, не стою:
Пью. Откровенно пью!..

— Пей, друг, и ешь досыта,
С людьми гуляй и пей!

— Да я ж,— кричит Никита,—
Не хуже всех людей!

— Гуляй с душой открытой,
Как гость среди гостей.

— Но конь,— кричит Никита,—
Эх, нет таких коней!

— Забудь, живи счастливо,
Не хуже кони есть!..
— Горек хлеб! Горько пиво!
Нельзя пить, нельзя есть.

— Горек мед! — кричат вокруг.
— Горько всё! — деды решили.

Гармонист ударил вдруг...
— Дайте круг!
— Шире круг!
— Расступитесь!
— Шире!
Шире!

— Эх, дай на свободе
Разойтись сгоряча!..
Гармонист гармонь разводит
От плеча и до плеча.

Паренек чечетку точит,
Ходит задом наперед,
То присядет,
То подскочит,
То ладонью, между прочим,
По подметке
Попадет.
И поднесет ладонь к груди:
— Ходи, ходи!
Ходи, ходи!
Не скрывайся в хороводе,
Выходи —
И я с тобой!..

Гармонист ведет-выводит,
Помогает головой.

Выходит девочка бедовая,
Раздайся, хоровод!
Платье беленькое, новое
В два пальчика берет.

— Меня высватать хотели,
Не сумели убедить.
Неохота из артели
Даже замуж выходить.

А ты кто такой, молодчик? —
Я спрошу молодчика.—
Ты молодчик, да не летчик,
А мне надо летчика.

У колодца
Вода льется,
Подается по трубе.
Хорошо тебе живется,
Мне не хуже, чем тебе.

— Раздайся, хоровод:
Тимофеевна идет.

— Кому девки надоели,
Тот старуху подберет.

Ничего про вас худого,
Девочки, не думала.
Отбить парня молодого
Одного надумала.

Эх, думала,
Подумала,
Веселые дела.
Дунула,
Плюнула,
Другого завела.

Бабий век —
Сорок лет.
Шестьдесят —
Износу нет.
Если смерти не случится,
Проживу еще сто лет.

Эх, кума,
                кума,
                        кума,
Я сама себе — сама.
Я сама себе обновку
Праздничную справила.
Я за двадцать лет коровку
На дворе поставила.

Дед стар,
                стар,
                        стар,—
Заплетаться стал.
Никуда он не годится:
Целоваться перестал.

Проведу его, злодея,
Накажу, кудлатого:
Восьмерых сынов имею,
Закажу девятого.

— Раздайся, хоровод:
Моргунок плясать идет.
Он сам идти не хочет,
Бабка за полу ведет.

Бабка задом отступает,
Заводило знак дает.
Батька сына вызывает,
Выступает наперед.

Вышли биться
Насовсем.
Батьке — тридцать,
Сыну — семь.

Батька — щелком,
Батька дробью,
Батька с вывертом пошел,
Сын за батькой исподлобья
Наблюдает, как большой.

Батька кругом,
Сын волчком,
Не уступает нипочем.

А батька — рядом,
Сын вокруг
И не дается на испуг.

А батька — этак,
Сын вот так
И не отходит ни на шаг.

И оба пляшут от души,
И оба вместе хороши,
И оба — в шутку и всерьез,
И оба дороги до слез.

И расстаются, как друзья...
Ах, надо б лучше, да нельзя!..

И вот, еще не стихнул пол
Под крепкой дробью ног,—
То ль нищий, то ли гость взошел
Тихонько на порог.

На нем поповский балахон
Подрезан и подшит.

Зовет хозяйку в сени он,
Хлопочет и спешит.

Толкуют гости: кто такой?
Портной ли, коновал?..
У палисада серый конь
На привязи стоял.

Идет к гостям старуха мать,
Не поднимает глаз:

— Проезжий батюшка. Венчать
Согласен хоть сейчас.

Подсела робко к старику:
— Ругать повремени.
На яйца,— говорит,— могу,
Могу — на трудодни.

И вдруг без шапки на порог
Метнулся Моргунок.

С крыльца на двор простукал вниз.
Бегом, как из огня...
И, повод оборвав, повис
На шее у коня.

ГЛАВА 19

От стороны, что всех родней,
За тридевять земель,
Знакомым скрипом вдруг о ней
Напомнит журавель.

Листвой и яблоками сад
Повеет на заре,
И петухи проголосят,
Как дома на дворе.

И свет такой, и дым такой,
И запахи родны,
Лишь солнце будто бы с другой
Восходит стороны...

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон,
И сверху — облака.

Поют над полем провода,
И впереди — вдали —
Встают большие города,
Как в море корабли.

Поют над полем провода,
Понуро конь идет.
Растут хлеба. Бредут стада.
В степи дымит завод.

— Что, конь, не малый мы с тобой
По свету дали крюк?..
По той, а может, не по той
Дороге едем, друг?..

Не видно — близко ль, далеко ль,
Куда держать, чудак?
Не знаю, конь. Гадаю, конь.
Кидаю так и так...

Посмотришь там, посмотришь тут,
Что хочешь — выбирай:
Где люди веселей живут,
Тот вроде лучше край...

Кладет Никита на ладонь
Всю жизнь, тоску, и боль...

— Не знаю, конь. Гадаю, конь.
И нам решаться, что ль?..

За днем — в пути — проходит ночь,
Проходит день второй...

И вот на третий день точь-в-точь
В лощинке под горой
Глядит и видит в стороне
Никита Моргунок:
Сидит старик на белом пне
С котомкою у ног.

У старика суровый вид,
Почтенные лета,
Дубовый посох шляпкой сбит,
Как ручка долота.

Сидит старик, глядит молчком...
Занятно Моргунку:
— На лавру, что ли, прямиком
Стучишь по холодку?

И дед неспешно отвечал,
На разговор тяжел:
— Как раз на лавру путь держал,
Однако не дошел.

— Тпру, конь!.. Да как случилось, дед,
Что ты бредешь назад? —
А пеший конному в ответ:
— Не то бывает, брат.

Сквозь города, сквозь села шел,
Упрям, дебел и стар,
Один, остатний богомол,
Ходок к святым местам.

И вот в пути, в дороге дед
Был помыслом смущен:
— Что ж бог! Его не то чтоб нет,
Да не у власти он.

— А не слыхал ли, старина,
Скажи ты к слову мне,
Скажи, Муравская страна
В которой стороне?..

И отвечает богомол:
— Ишь, ты шутить мастак.
Страны Муравской нету, мол.
— Как так?
— А просто так.

Была Муравская страна,
И нету таковой.
Пропала, заросла она
Травою-муравой.

В один конец,
В другой конец
Открытый путь пролег...

— Так, говоришь, в колхоз, отец? —
Вдруг молвил Моргунок.

— По мне —верней;
Тебе — видней:
По воле действуй по своей...

— Нет, что уж думать,— говорит
Печально Моргунок.—
Все сроки вышли. Конь подбит...
Не пустят на порог.

Объехал, скажут, полстраны,
К готовому пришел...
— Для интересу взять должны,—
Толкует богомол.

— А что ты думаешь, родной! —
Повеселел ездок.—
Ну, посмеются надо мной.
А смех — он людям впрок.

Зато мне всё теперь видней
На тыщи верст кругом.
Одно вот — уйму трудодней
Проездил я с конем...

— Прощай пока! — поднялся дед.—
Спешу и я, сынок...

И долго, долго смотрит вслед
Никита Моргунок.

1934—1936

65. ВСТРЕЧА

Не тебя ль в твой славный день,
На запруженном вокзале,
Столько сел и деревень
С громкой музыкой встречали?..

Смотришь — все перед тобой,
Всем родна и всем знакома.
Смотришь — где ж он, старый твой,—
Знать, один остался дома?..

Век так жили. Бить — не бил.
Соблюдал в семье согласье,
Но за двадцать лет забыл,
Что зовут тебя Настасьей.

Жили, будто старики:
Не смеялись и не пели,
Приласкаться по-людски,
Слова молвить не умели...

Столько лиц и столько рук!
Одного его не видно.
И до боли стало вдруг
Горько, стыдно и обидно.

Ради радостного дня
Не пришел, не встретил даже.
Ты б уважил не меня,
Орден Ленинский уважил...

— Здравствуй! — все кричат вокруг
И совсем затормошили.
Чемодан берут из рук,
Под руки ведут к машине.

— Здравствуй...— Слышит — не поймет.
Голос жалостный и слабый:
— Да наступит ли черед
Поздороваться мне с бабой?..

Оглянулась — вот он сам.
Говорить ли ей иль слушать?
— Здравствуй...— Слезы по усам.—
Здравствуй,— говорит,— Настюша...

Плачет,— разве ж он не рад?
Оробев, подходит ближе,
Чем-то словно виноват,
Чем-то будто бы обижен.

Вот он рядом, старый твой,
Оглянулся, губы вытер...
— Ну, целуйся, муж, с женой!
Люди добрые, смотрите...

1936

66. ПОДРУГИ

Выходили в поле жать,
Любовалась дочкой мать.

Руки ловкие у дочки.
Серп играет, горсть полна.
В красном девичьем платочке
Рядом с матерью она.

Мать нестарая гордится:
— Хорошо, девчонка, жнешь,
От мамаши-мастерицы
Ни на шаг не отстаешь.

Выходила дочь плясать,
Любовалась дочкой мать.

Ноги легкие проворны,
Щеки смуглые горят.
Пляшет плавно и задорно,—
Вся в мамашу, говорят.

Год за годом вместе жили,
На работу — в день и в ночь.
Песни пели и дружили,
Как подруги, мать и дочь.

Только мать всегда желала,
Чтобы дочка первой шла —
Лучше пела, лучше жала,
Лучше матери жила.

Дочке в город уезжать.
Снаряжает дочку мать.

Полотенце, да подушка,
Да корзиночка белья.
— До свиданья, дочь-подружка,
Радость светлая моя.

Целовала торопливо,
Провожала в добрый путь:
— Будь ученой и счастливой,
Кем ты хочешь —
Тем и будь.

1936

67. КАТЕРИНА

Тихо, тихо пошла грузовая машина,
И в цветах колыхнулся твой гроб, Катерина.

Он проплыл, потревоженный легкою дрожью,
Над дорогой, что к мосту ведет из села,
Над зеленой землей, над светлеющей рожью,
Над рекой, где ты явор девчонкой рвала.

Над полями, где девушкой песни ты пела,
Где ты ноги свои обмывала росой,
Где замужнюю бил тебя муж, от нужды
одурелый,
Где ты плакала в голос, оставшись вдовой...

Здесь ты борозды все босиком исходила,
Здесь бригаду впервые свою повела,
Здесь легла твоя женская бодрость и сила —
Не зазря — за большие, родная, дела.

Нет, никем не рассказано это доныне,
Как стояла твоя на запоре изба,
Как ты, мать, забывала о маленьком сыне,
Как ты первой была на полях и в овине,
Как ты ночью глухой сторожила хлеба...

Находила ты слово про всякую душу —
И упреком, и лаской могла ты зажечь.
Только плохо свою берегли мы Катюшу —
Спохватились, как поздно уж было беречь...

И когда мы к могиле тебя подносили
И под чьей-то ногою земля, зашумев, сорвалась,
Вдруг две бабы в толпе по-старинному заголосили:
— А куда же ты, Катя, уходишь от нас...

Полно, бабы. Не надо.
Не пугайте детей.
По-хорошему, крепко
Попрощаемся с ней.

Мы ее не забудем. И вырастим сына.
И в работе своей не опустим мы рук.
Отдыхай, Катерина.
Прощай, Катерина,
Дорогой наш товарищ и друг.

Пусть шумят эти липы
Молодой листвой,
Пусть веселые птицы
Поют над тобой.

1936

68

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

И только я здесь был не дома,
Я песню узнавал едва.
Звучали как-то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.

Веселый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая родина моя.

1936

69. НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.

Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нем, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.

И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны
Столько нежности подруги,
Столько гордости жены.

Вся ты им живешь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего писать.

Я за встречу благодарен.
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.

Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Черт!..

1936

70. СЫН

Снарядившись в путь далекий,
Пролетал он мимо.
Покружился невысоко
Над селом родимым.

Над селом, над речкой старой
Опустился низко.
Сбросил матери подарок,
Землякам записку.

Развернулся, канул в небо
За лесной опушкой.
— До свиданья! — Был иль не был,—
Смотрит мать-старушка.

Смотрит — сын куда поднялся!
Славно ей и горько.
Не спросился, не сказался,
Попрощался только.

Он летит за доброй славой,
Путь ему просторный.
И леса под ним, как травы,
Стелются покорно.

За морями, за горами
Стихнул гул громовый.
И бежит к избе, играя,
Внук белоголовый.

Дворик. Сад. Налево — ели,
Огород — направо.
Над крыльцом трещит пропеллер —
Детская забава.

1936

71. РАЗМОЛВКА

На кругу в старинном парке —
Каблуков веселый бой.
И гудит, как улей жаркий,
Ранний полдень над землей.

Ранний полдень, летний праздник,
В синем небе — самолет.
Девки, ленты подбирая,
Переходят речку вброд...

Я скитаюсь сиротливо.
Я один. Куда идти?..
Без охоты кружку пива
Выпиваю по пути.

Все знакомые навстречу.
Не видать тебя одной.
Что ж ты думаешь такое?
Что ж ты делаешь со мной?..

Праздник в сборе. В самом деле,
Полон парк людьми, как дом.
Все дороги опустели
На пятнадцать верст кругом.

В отдаленье пыль клубится,
Слышен смех, пугливый крик.
Детвору везет на праздник
Запоздалый грузовик.

Ты не едешь, не прощаешь,
Чтоб самой жалеть потом.
Книжку скучную читаешь
В школьном садике пустом.

Вижу я твою головку
В беглых тенях от ветвей,
И холстинковое платье,
И загар твой до локтей.

И лежишь ты там, девчонка,
С детской хмуростью в бровях.
И в траве твоя гребенка,—
Та, что я искал впотьмах.

Не хотите, как хотите,
Оставайтесь там в саду.
Убегает в рожь дорога.
Я по ней один пойду.

Я пойду зеленой кромкой
Вдоль дороги. Рожь по грудь.
Ничего. Перехвораю.
Позабуду как-нибудь.

Широко в полях и пусто.
Вот по ржи волна прошла...
Так мне славно, так мне грустно,
И до слез мне жизнь мила.

1936

72. ПЕСНЯ

Сам не помню и не знаю
Этой старой песни я.
Ну-ка, слушай, мать родная,
Митрофановна моя.

Под иголкой на пластинке
Вырастает песня вдруг,
Как ходили на зажинки
Девки, бабы через луг.

Вот и вздрогнула ты, гостья,
Вижу, песню узнаешь...
Над межой висят колосья,
Тихо в поле ходит рожь.

В знойном поле сиротливо
День ты кланяешься, мать.
Нужно всю по горстке ниву,
По былинке перебрать.

Бабья песня. Бабье дело.
Тяжелеет серп в руке.
И ребенка плач несмелый
Еле слышен вдалеке.

Ты присела, молодая,
Под горячею копной.
Ты забылась, напевая
Эту песню надо мной.

В поле глухо, сонно, жарко.
Рожь стоит — не перестой.
...Что ж ты плачешь? Песни ль жалко
Или горькой жизни той?

Или выросшего сына,
Что нельзя к груди прижать?..
На столе поет машина,
И молчит старуха мать.

1936

73. ПУТНИК

В долинах уснувшие села
Осыпаны липовым цветом.
Иду по дороге веселой,
Шагаю по белому свету.

Шагаю по белому свету,
О жизни пою человечьей,
Встречаемый всюду приветом
На всех языках и наречьях.

На всех языках и наречьях,
В родимой стране, без изъятья,
Понятны любовь и сердечность,
Как доброе рукопожатье.

Везде я и гость и хозяин,
Любые откроются двери,
И где я умру, я не знаю,
Но места искать не намерен.

Под кустиком первым, под камнем
Копайте, друзья, мне могилу.
Где лягу, там будет легка мне
Земля моей родины милой.

1936

74

Ты робко его приподымешь:
Живи, начинай, ворошись.
Ты дашь ему лучшее имя
На всю его долгую жизнь.

И, может быть, вот погоди-ка,
Услышишь когда-нибудь, мать,
Как с гордостью будет великой
То имя народ называть.

Но ты не взгрустнешь ли порою,
Увидев, что первенец твой
Любим не одною тобою
И нужен тебе не одной?

И жить ему где-то в столице,
Свой подвиг высокий творить.
Нет, будешь ты знать и гордиться
И будешь тогда говорить:

— А я его, мальчика, мыла,
А я иной раз не спала,
А я его грудью кормила,
И я ему имя дала.

1936

75. СТАНЦИЯ ПОЧИНОК

За недолгий жизни срок,
Человек бывалый,
По стране своей дорог
Сделал я немало.

Под ее шатром большим,
Под широким небом
Ни один мне край чужим
И немилым не был.

Но случилося весной
Мне проехать мимо
Маленькой моей, глухой
Станции родимой.

И успел услышать я
В тишине минутной
Ровный посвист соловья
За оградкой смутной.

Он пропел мне свой привет
Ради встречи редкой,
Будто здесь шестнадцать лет
Ждал меня на ветке.

Счастлив я.
Отрадно мне
С мыслью жить любимой,
Что в родной моей стране
Есть мой край родимый.

И еще доволен я,—
Пусть смешна причина,—
Что на свете есть моя
Станция Починок.

И глубоко сознаю,
Радуюсь открыто,
Что ничье в родном краю
Имя не забыто.

И хочу трудиться так,
Жизнью жить такою,
Чтоб далекий мой земляк
Мог гордиться мною.

И встречала бы меня,
Как родного сына,
Отдаленная моя
Станция Починок.

1936

76

Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?

Сумку да кнут по наследству носил,—
Только всего, что родился красив.

Двор без ворот да изба без окон,—
Только всего, что удался умен.

Рваный пиджак, кочедыг да копыл,—
Только всего, что ты дорог мне был.

Кто ж тебя знал, невеселый ты мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?

Не было писано мне на роду
Замуж пойти из нужды да в нужду.

Голос мой девичий в доме утих.
Вывел меня на крылечко жених.

Пыль завилась, зазвенел бубенец,
Бабы запели — и жизни конец...

Сказано было — иди да живи,—
Только всего, что жила без любви.

Жизнь прожила у чужого стола,—
Только всего, что забыть не могла.

Поздно о том говорить, горевать.
Батьке бы с маткой заранее знать.

Знать бы, что жизнь повернется не так,
Знать бы, чем станет пастух да батрак.

Вот посидим, помолчим над рекой,
Будто мы — парень да девка с тобой.

Камушки моет вода под мостом,
Вслух говорит соловей за кустом.

Белые звезды мигают в реке.
Вальсы играет гармонь вдалеке...

1936

77. ЛЕДОХОД

Лед идет, большой, громоздкий,
Ночью движется и днем.
Всё заметнее полоска
Между берегом и льдом.

Утром ранним, утром дымным
Разглядел я вдалеке,
Как куски дороги зимней
Уплывали по реке.

Поперек реки широкой
Был проложен путь прямой.
Той дорогой, той дорогой
Я ходил к тебе зимой...

Выйду, выйду напоследки,
Ой, как воды высоки.
Лед идет цепочкой редкой
Серединою реки.

Высоки и вольны воды,
Вот пройдет еще два дня —
С первым, с первым пароходом
Ты уедешь от меня.

1936

78

Прошло пять лет. Объехав свет,
Со станции знакомой,
Один как перст, потрепан, сед,
Он приближался к дому.

И нес в котомке как залог
Любви и жизни дружной
Веселый ситцевый платок —
Жене подарок мужний.

То ль где-то он его стащил
В чужой толпе базарной,
То ль на Магнитке получил
По карточке ударной...

И вдруг он видит по пути
В лавчонке захолустной
Платков таких — хоть пруд пруди.
И стало очень грустно.

1936

79

Шумит, пробираясь кустами,
Усталое, сытое стадо.
Пастух повстречался нестарый
С насмешливо-ласковым взглядом.

Табак предлагает отменный,
Радушною радует речью.
Спасибо, товарищ почтенный,
За добрую встречу.

Парнишка идет босоногий,
Он вежлив, серьезен и важен.
Приметы вернейшей дороги
С готовностью тотчас укажет.

И следует дальше, влекомый
Своею особой задачей.
Спасибо, дружок незнакомый,
Желаю удачи!

Девчонка стоит у колодца,
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется,
Гребенку слегка поправляя.

Другая мне девушка снится,
Но я не боюсь порицанья:
Спасибо и вам, озорница,
За ваше вниманье.

1936

80

За распахнутым окном,
На просторе луга
Лошадь сытая в ночном
Отряхнулась глухо.

Чуял запах я воды
И остывшей пыли.
Видел — белые сады
В темноте светили.

Слышал, как едва-едва
Прошумела липа,
Как внизу росла трава
Из земли со скрипом.

1936

81

Есть обрыв, где я, играя,
Обсыпал себя песком.
Есть лужайка у сарая —
Там я бегал босиком.

Есть речушка — там я плавал,
Как бывало, не дыша,
Там я рвал зеленый явор,
Плетки плел из камыша.

Есть береза вполобхвата,
Та береза на дворе,
Где я вырезал когда-то
Буквы САША на коре...

Но во всей отчизне славной
Нет такого уголка,
Нет такой земли, чтоб равно
Мне была не дорога.

1936

82

Что он делал, что он думал
В этот день в избе пустой,
Работящий и угрюмый
Человек, хозяин твой?

Довидна́ возился с печкой,
Снаряжался у дверей,
Подпоясанный уздечкой,
Гнал на речку лошадей?

Может, всё ж зашел к соседям,
Хоть промолвил те слова:
«Что́-то баба долго едет,
Знать, понравилась Москва?»

Иль сидел в избе одетый,
У окна, как старый дед,
Пыхал трубкой за газетой,
Понимал, а может, нет?

Иль на радостях собрался,
Выпив, с кем-нибудь сидел
И тобою похвалялся:
«Баба — о! Политотдел!»

1936

83

Столбы, селенья, перекрестки,
Хлеба, ольховые кусты,
Посадки нынешней березки,
Крутые новые мосты.

Поля бегут широким кругом,
Поют протяжно провода,
А ветер прет в стекло с натугой,
Густой и сильный, как вода.

1936

84

Дождь надвигается внезапный,
Ты выбегаешь на дорожку,
Чтоб воротиться с первой каплей,
Зажатой в смуглую ладошку.

В игре, в забавах хлопотливых,
Моя веселая, родная,
Растешь ты шумно и счастливо,
О том не думая, не зная.

Ты по траве гоняешь мячик,
На плечи мне влезаешь ловко.
И пахнет солнышком горячим
Светловолосая головка.

О детстве горьком, захолустном
Я вспоминаю потихоньку
И чуть завистливо, чуть грустно
Смотрю на милую девчонку.

Целую русую без счета,
Запорошенную песочком.
И всё хочу тебе я что-то
Сказать, но не умею, дочка.

1936

85

Здравствуй, сверстница и тезка,
Я — большой, и вы — большая.
Ваша взрослая прическа
Что-то вспомнить мне мешает.

Да, как были вы девчонкой,
Лет пяти, не больше были,—
Вы песочком волосенки
Обсыпать свои любили.

— Правда? — Правда. Вот и вспомнил.
А песочек был сухой.
Вот и стало вдруг легко мне
Разговаривать с тобой.

1936

86

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез,
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая — рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста,—
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль, женщины в поле поют,—
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

1937

87. В ПОСЕЛКЕ

Косые тени от столбов
Ложатся край дороги.
Повеет запахом хлебов —
И вечер на пороге.

И близок, будто на воде,
В полях негромкий говор.
И радио, не видно где,
Поет в тиши садовой.

А под горой течет река,
Чуть шевеля осокой,
Издалека-издалека
В другой конец далекий.

По окнам вспыхивает свет.
Час мирный. Славный вечер.
Но многих нынче дома нет,
Они живут далече.

Кто вышел в море с кораблем,
Кто реет в небе птицей,
Кто инженер, кто агроном,
Кто воин на границе.

По всем путям своей страны,
Вдоль городов и пашен,
Идут крестьянские сыны,
Идут ребята наши.

А в их родном поселке — тишь
И ровный свет из окон.
И ты одна в саду сидишь,
Задумалась глубоко.

Быть может, не привез письма
Грузовичок почтовый.
А может, ты уже сама
В далекий путь готова.

И смотришь ты на дом, на свет,
На тени у колодца,—
На всё, что, может, много лет
Видать во сне придется...

1937

88. ШОФЕР

Молодой, веселый, важный
За рулем шофер сидит,
И, кого ни встретит, каждый
Обернется, поглядит.

Едет парень, припорошен
Пылью многих деревень.
Путь далекий, день хороший.
По садам цветет сирень.

В русской вышитой рубашке
Проезжает он селом.
У него сирень в кармашке,
А еще и на фуражке,
А еще и за стеклом.

И девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнется,
Вода льется на песок.

Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня.
— Разрешите, если можно,
Напоить у вас коня.

Та краснеет и смеется,
Наклонилась над ведром:
— Почему ж? Вода найдется,
С вас и денег не возьмем.
Где-то виделись, сдается?..—
А вода опять же льется,
Рассыпаясь серебром.

Весь — картина,
Молодчина
От рубашки до сапог.
Он, уже садясь в кабину,
Вдруг берет под козырек.

На околице воротца
Открывает сивый дед,
А девчонка у колодца
Остается,
Смотрит вслед:
Обернется или нет?..

1937

89. ДОРОГА

Вдоль дороги, широкой и гладкой,
Протянувшейся вдаль без конца,
Молодые, весенней посадки,
Шелестят на ветру деревца.

А дорога, сверкая, струится
Меж столбов, прорываясь вперед,
От великой советской столицы
И до самой границы ведет.

Тени косо бегут за столбами,
И столбы пропадают вдали.
Еду вровень с густыми хлебами
Серединой родимой земли.

Ветер, пой, ветер, вой на просторе!
Я дорогою сказочной мчусь.
Всю от моря тебя и до моря
Вижу я, узнаю тебя, Русь!

Русь! Леса твои, степи и воды
На моем развернулись пути.
Города, рудники и заводы
И селенья — рукой обвести.

Замелькал перелесок знакомый,
Где-то здесь, где-то здесь в стороне
Я бы крышу родимого дома
Увидал. Или кажется мне?

Где-то близко у этой дороги,—
Только не было вовсе дорог,—
Я таскался за стадом убогим,
Босоногий, худой паренек.

Детство бедное. Хутор далекий.
Ястреб медленно в небе кружит.
Где-то здесь, на горе невысокой,
Дед Гордей под сосенкой лежит...

Рвется ветер, стекло прогибая,
Чуть столбы поспевают за мной.
Паровоз через мост пробегает
Высоко над моей головой.

По дороге, зеркально блестящей,
Мимо отчего еду крыльца.
Сквозь тоннель пролетаю гудящий,
Освещенный, как зала дворца.

И пройдут еще годы и годы,
Будет так же он ровно гудеть.
Мой потомок на эти же своды
С уважением будет глядеть.

И дорога, что смело и прямо
Пролегла в героический срок,
Так и будет одною из самых
На земле величайших дорог.

Всё, что мы возведем, что проложим,—
Всё столетиям славу несет...
Дед, совсем ты немного не дожил,
Чтоб века пережить наперед.

1937

90. ПРОЩАНИЕ

Сын к отцу прилетел попрощаться.
— Здравствуй, сын! Помираю, сынок...—
И хотел было он приподняться,
Но уже приподняться не мог.

Улыбнулся он, песенник, плотник,
Наделенный веселой душой,
И лихой на работе работник,
И до жизни охотник большой.

И сказал он, подумавши: — Ладно,—
Так вот просто сказал, не скорбя,—
Хорошо мне, сынок, и отрадно
В час последний смотреть на тебя.

Высоко, высоко ты поднялся,
Кто бы думал, сказал наперед:
Выше крыши отец не взбирался,
Сын по небу машину ведет.

Ну, живи. Оставайся. Легко мне.
Только знай, что отец-то один.
Ты отца-то нет-нет да и вспомни,—
Был такой на земле гражданин!

И последней слезой заблестели
И закрылись глаза старика.
И в своей еще теплой постели
Он затих и забылся слегка.

Умирал человек и родитель.
Видел сын: наступает конец...
Вдруг: — Возьмите меня, поднимите!..—
Стал просить, заметался отец.

То ль земли начинал он пугаться,
Как шепнула, заплакавши, мать;
То ль хотел он за сыном подняться,
Высоко, высоко побывать.

Но уже отходил торопливо,
Всё терял: и желанья, и страх.
И приподнял его бережливо
Сын-герой на могучих руках.

И не выразить было любовней,
Не сказать, не представить сильней
Этой нежности лучшей — сыновней,
Отличающей добрых людей...

Самолет поднимался над лугом.
Сын покинул родительский дом.
Три прощальных торжественных круга
Сделал он за селом над холмом,

Где покоится песенник, плотник,
Честно проживший век трудовой,
И лихой на работе работник,
И до жизни охотник большой.

1937

91. МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силен.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому,—
Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал,—
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудиться,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Сын тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдет.
Что бы ни сказала —
Ясно наперед.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Верит — не напрасно
Сын летать учен.
Как ему беречься,—
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери — да чтобы
Этого не знать!

Он летал далёко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придется
Встретиться в бою —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

1937

92. СОПЕРНИКИ

Он рядом сидит,
    он беседует с нею,
Свисает гармонь
    на широком ремне.
А я на гармони
    играть не умею.
Завидно, обидно,
    невесело мне.

Он с нею танцует —
    особенно как-то:
Рука на весу
    и глаза в полусне.
А я в этом деле,
    действительно, трактор,—
Тут даже и пробовать
    нечего мне.

Куда мне девать
    свои руки и ноги,
Кому рассказать
    про обиду свою?
Пройдусь, постою,
    закурю, одинокий,
Да снова пройдусь,
    да опять постою.

Добро бы я был
    ни на что не умелый,
Добро бы какой
    незадачливый я.

Но слава моя
    до Москвы долетела.
И всюду работа
    известна моя.

Пускай на кругу
    ничего я не стою,'
А он на кругу —
    никому не ровня.
Но дай-ка мы выедем
    в поле с тобою,—
Ты скоро бы пить
    запросил у меня.

Ты руку ей жмешь.
    Она смотрит куда-то.
Она меня ищет
    глазами кругом.
И вот она здесь
    и глядит виновато,
И ласково так,
    и лукаво притом.

Ты снова играешь
    хорошие вальсы,
Все хвалят, и я тебя
    тоже хвалю.
Смотрю, как работают
    хитрые пальцы,
И даже тебя
    я ценю и люблю.

За то, что кругом
    все хорошие люди,
За то, что и я
    не такой уж простак.
За то, что всерьез
    не тебя она любит,
А любит меня.
    А тебя только так...

1937

93

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой.

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты,
Милый мой, не зазнавайся:
Не один на свете ты.

Разреши тебе заметить,
Мой мальчишка дорогой,
Был бы ты один на свете —
И вопрос тогда другой.

За глаза и губы эти
Всё простилось бы тебе.
Был бы ты один на свете —
Равных не было б тебе.

Ну, а так-то много равных,
Много, милый, есть таких.
Хорошо еще, мой славный,
Что и ты один из них.

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой...

1937

94. ПРО ДАНИЛУ

Дело в праздник было.
Подгулял Данила.

Праздник — день свободный,
В общем, любо-мило,
Чинно, благородно
Шел домой Данила.

Хоть в нетрезвом виде
Совершал он путь,
Никого обидеть
Не хотел отнюдь.

А наоборот —
Грусть его берет,
Что никто при встрече
Ему не перечит.

Выпил — спросу нет.
На здоровье, дед!

Интересней было б,
Кабы кто сказал:
Вот, мол, пьян Данила,
Вот, мол, загулял.

Он такому делу
Будет очень рад.
Он сейчас же целый
Сделает доклад.

— Верно, верно,— скажет
И вздохнет лукаво,—
А и выпить даже
Не имею права.

Не имею права,
Рассуждая здраво.
Потому-поскольку
За сорок годов
Вырастил я только
Пятерых сынов.

И всего имею
В книжечке своей
Одну тыщу двести
Восемь трудодней.

— Выпил, ну и что же?
Отдыхай на славу.
— Нет, постой, а может,
Не имею права?..

Но никто — ни слова.
Дед работал век.
Выпил, что ж такого? —
Старый человек.

«То-то и постыло»,—
Думает Данила.
— Чтоб вам пусто было,—
Говорит Данила.

Дед Данила плотник,
Удалой работник,
Запевает песню:
«В островах охотник»:

«В островах охотник
Целый день гуляет,
Он свою охоту
Горько проклинает...»

Дед поет, но нету
Песни петь запрету.
И тогда с досады
Вдруг решает дед:
Дай-ка лучше сяду,
В ногах правды нет!

Прикажу-ка сыну:
Подавай машину,
Гони грузовик —
Не пойдет старик.

Не пойдет, и только,
Отвались язык.
Потому-поскольку —
Мировой старик.

— Что ж ты сел, Данила,
Стало худо, что ль?
Не стесняйся, милый,
Проведем, позволь.

Сам пойдет Данила,
Сам имеет ноги.

Никакая сила
Не свернет с дороги.

У двора Данила.
Стоп. Конец пути.
Но не тут-то было
На крыльцо взойти.

И тогда из хаты
Сыновья бегут.
Пьяного отца-то
Под руки ведут.

Спать кладут, похоже,
А ему не спится.
И никак не может
Дед угомониться.

Грудь свою сжимает,
Как гармонь, руками
И перебирает
По стене ногами.
А жена смеется,
За бока берется:

— Ах ты, леший старый,
Ах ты, сивый дед,
Подорвал ты даром
Свой авторитет...

Дело в праздник было,
Подгулял Данила.

1937

95. КАК ДАНИЛА ПОМИРАЛ

Жил на свете дед Данила
Сто годов да пять.
Видит, сто шестой ударил,—
Время помирать.

Вволю хлеба, вволю сала,
Сыт, обут, одет.
Если б совесть позволяла,
Жил бы двести лет.

Но невесело Даниле,
Жизнь сошла на край:
Не дают работать деду.
Говорят: — Гуляй.

А гулять бесперемённо —
Разве это жизнь?
Говорили б откровенно:
Помирать ложись.

Потихоньку дед Данила
Натаскал досок.
Достает пилу, рубанок,
Гвозди, молоток.

Тешет, пилит — любо-мило,
Доски те, что звон!
Всё, что делал дед Данила,—
Делал крепко он.

Сколотил он гроб надежный,
Щитный, что ладья.
Отправляется Данила
В дальние края.

И в своем гробу сосновом
Навзничь дед лежит
В пиджаке, рубахе новой,
Саваном прикрыт.

Что в селе народу было —
Все пришли сполна.
— Вот и помер дед Данила.
— Вот тебе и на...

Рассуждают: — Потрудился
На своем веку.—
И весьма приятно слышать
Это старику.

— Ох и ветох был, однако,—
Кто-то говорит.
«Ох и брешешь ты, собака»,—
Думает старик.

— Сыновей зато оставил —
Хлопцам равных нет.
«Вот что правда, то и правда»,—
Чуть не молвил дед.

Постоял народ пристойно
И решает так:
— Выпить надо. Был покойник
Выпить не дурак.

И такое заключенье
Дед услышать рад:
Не в упрек, не в осужденье
Люди говорят.

Говорят: — Прощай, Данила,
Не посетуй, брат,
Дело ждет, по бревнам наши
Топоры торчат.

Говорят: — У нас ребята
Плотники — орлы.
Ты их сам учил когда-то
Вырубать углы.

Как зачешут топорами
Вперебой и в лад,
Басовито, громовито
Бревна загудят.

Эх, Данила, эх, Данила,
Был ты молодым!
С молодым бы впору было
Потягаться им.

Не обижен был ты силой,
Мы признать должны...
— Ах вы,— крикнул дед Данила,—
Сукины сыны!

Не желаю ваш постылый
Слушать разговор.
На леса! — кричит Данила.—
Где он, мой топор?!

1937

96. МАТЕРИ

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

1937

97. ПЕРЕД ДОЖДЕМ

У дороги дуб зеленый
Зашумел листвой каляной.
Над землею истомленной
Дождь собрался долгожданный.

Из-за моря поспешая,
Грозным движима подпором,
Туча темная, большая
Поднималась, точно в гору.

Добрый гром далёко где-то
Прокатился краем неба.
Потянуло полным летом,
Свежим сеном, новым хлебом.

Наползая шире, шире,
Туча землю затеняла.
Капли первые большие
Обронились где попало.

Стало тише и тревожней
На земле похолоделой...
Грузовик рванул порожний
По дороге опустелой.

1937

98. ИВУШКА

Умер Ивушка-печник,
Крепкий был еще старик...

Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак.
Пить и есть не так любил он,
Как любил курить табак.

И махоркою добротной
Угощал меня охотно.

— На-ко,— просит,— удружи,
Закури, не откажи.
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

И при каждом угощенье
Мог любому подарить
Столько ласки и почтенья,
Что нельзя не закурить.

Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Правда ль, нет — слова такие
Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил...

Будто тем одним и славен,
Будто, прожив столько лет,
По себе печник оставил
Только трубку да кисет.

Нет, недаром прожил Ива,
И не всё курил табак,
Только скромно, не хвастливо
Жил печник и помер так.

Золотые были руки,
Мастер честью дорожил.
Сколько есть печей в округе —
Это Ивушка сложил.

И с ухваткою привычной,
Затопив на пробу печь,
Он к хозяевам обычно
Обращал такую речь:

— Ну топите, хлеб пеките,
Дружно, весело живите.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

На полях трудитесь честно,
За столом садитесь тесно.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

Жизнью полной, доброй славой
Славьтесь вы на всю державу.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

И на каждой печке новой,
Ровно выложив чело,
Выводил старик бедовый
Год, и месяц, и число.

И никто не ждал, не думал...
Взял старик да вдруг и умер,
Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Умер скромно, торопливо.
Так и кажется теперь,
Что, как был, остался Ива,
Только вышел он за дверь.

Люди Иву поминают,
Люди часто повторяют:
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

А морозными утрами
Над веселыми дворами
Дым за дымом тянет ввысь.

Снег блестит всё злей и ярче,
Печки топятся пожарче,
И идет, как надо, жизнь.

1938

99. НА СВАДЬБЕ

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен,
Из-за нее гармонь купил,
Стал гармонистом он.

Он гармонистом славным был,
И то всего чудней,
Что он три года к ней ходил,
Женился ж я на ней.

Как долг велит, с округи всей
К торжественному дню
Созвал я всех своих друзей
И всю свою родню.

Все пьют за нас, за молодых,
Гулянью нет конца.
Две легковых, три грузовых
Машины у крыльца.

Но вот прервался шум и звон,
Мелькнула тень в окне,
Открылась дверь — и входит он
С гармонью на ремне.

Гармонь поставил у окна,
За стол с гостями сел,
И налил я ему вина,
И разом налил всем.

И, подняв чарку, он сказал,
Совсем смутив иных:
— Я поднимаю свой бокал
За наших молодых...

И снова всё пошло смелей,
Но я за ним смотрю.
Он говорит: — Еще налей.
— Не стоит,— говорю,—

Спешить не надо. Будешь пьян
И весь испортишь бал.
А лучше взял бы свой баян
Да что-нибудь сыграл.

Он заиграл. И ноги вдруг
Заныли у гостей.
И все, чтоб шире сделать круг,
Посдвинулись тесней.

Забыто всё, что есть в дому,
Что было на столе,
И обернулись все к нему,
Невеста в том числе.

Кидает пальцы сверху вниз
С небрежностью лихой.
Смотрите, дескать, гармонист
Я всё же не плохой...

Пустует круг. Стоит народ.
Поют, зовут меха.
Стоит народ. Чего-то ждет,
Глядит на жениха.

Стоят, глядят мои друзья,
Невеста, теща, мать.
И вижу я, что мне нельзя
Не выйти, не сплясать.

В чем дело? — думаю. Иду,
Не гордый человек.
Поправил пояс на ходу
И дробью взял разбег.

И завязался добрый спор,
Сразились наравне:
Он гармонист, а я танцор,—
И свадьба в стороне.

— Давай бодрей, бодрей! — кричу,
Строчу ногами в такт.
А сам как будто я шучу,
Как будто только так.

А сам, хотя навеселе,
Веду свой строгий счет.
Звенит посуда на столе,
Народ в ладони бьет.

Кругом народ, кругом родня —
Стоят, не сводят глаз.
Кто за него, кто за меня,
А в общем — все за нас.

И все один — и те, и те —
Выносят приговор,
Что гармонист на высоте,
На уровне танцор.

И, утирая честный пот,
Я на кругу стою,
И он мне руку подает,
А я ему свою.

И нет претензий никаких
У нас ни у кого.
Невеста потчует двоих,
А любит одного.

1938

100. СВЕРСТНИКИ

Давай-ка, друг, пройдем кружком
По тем дорожкам славным,
Где мы с тобою босиком
Отбегали недавно.
Еще в прогалинах кустов,
Где мы в ночном бывали,
Огнища наши от костров
Позаросли едва ли.
Еще на речке мы найдем
То место возле моста,
Где мы ловили решетом
Плотвичек светлохвостых.

Пойдем-ка, друг, пойдем туда,
К плотине обветшалой,
Где, как по лесенке, вода
По колесу бежала.

Пойдем, посмотрим старый сад,
Где сторож был Данила.
Неделя без году назад
Всё это вправду было.
И мы у дедовской земли
С тобой расти спешили.
Мы точно поле перешли —
И стали вдруг большие.
Наш день рабочий начался,
И мы с тобой мужчины.
Нам сеять хлеб, рубить леса
И в ход пускать машины.
И резать плугом целину,
И в океанах плавать,
И охранять свою страну
На всех ее заставах.

Народ мы взрослый, занятой.
Как знать, когда случится
Вот так стоять, вдвоем с тобой,
Над этою криницей?
И пусть в последний раз сюда
Зашли мы мимоходом,
Мы не забудем никогда,
Что мы отсюда родом,
И в грозных будущих боях
Мы вспомним, что за нами —
И эти милые края,
И этот куст, и камень...

Давай же, друг, пройдем кружком
По всем дорожкам славным,
Где мы с тобою босиком
Отбегали недавно.

1938

101

Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие,
Расстаемся навсегда.

Ты вернулась за вещами,
Ты спешила уходить
И решила на прощанье
Только печку затопить.

Занялась огнем береста,
И защелкали дрова.
И сказала ты мне просто
Настоящие слова.

Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое —
Так сейчас же топим печь.

1938

102. МАТЬ И ДОЧЬ

Мчится в поле машина,
Пыль клубится за ней...
— Не к тебе ль, Катерина?..
— Видно, к дочке моей...

Мимо льна молодого
Проезжают как раз.
— Кто здесь будет Фролова?
— Две Фроловых у нас.

Катерина Фролова —
Это вот она — я,
А Наталья Фролова
Будет дочка моя.

Вон в платочке бордовом,
Можно кликнуть сейчас.
— Нет, товарищ Фролова,
Мы-то лично до вас...

Усмехнулась и руки
Отряхнула она.
— Ну, бросайте, подруги,
Что ж я выйду одна?..

И по льну осторожно,
Точно вброд босиком,
На лужок придорожный
Все выходят гуськом.

А в тени от машины
Встали строем одним —
Седоусый мужчина
И две женщины с ним.

— Вот, товарищ Фролова,
За высокий ваш лен
От колхоза «Основа»
Вам привет и поклон.

Весь колхоз вам желает
Жить в здоровье сто лет.
Весь колхоз выдвигает
Вас в Верховный Совет.

За уход ваш любовный,
За талант и за труд
Все кругом поголовно
Голоса отдадут...

Отступив, побледнела,
Губы вытерла мать.
На своих поглядела,
На приезжих опять.

Поклонилась: — Ну, что же...
Всем спасибо мое...
Только дочь... помоложе,
Может, лучше ее?..

И тогда виновато
Гость руками развел:
— Если б ехали в сваты,
Так о чем разговор!..

И, как ветром волнуем,
Колыхнулся народ:
Мать поздравить родную
Дочь родная идет.

Мать смуглее и строже,
Дочь светлей и стройней.
Но глазами похожи
И осанкою всей.

Столько сдержанной силы
И у той и у той.
И одною красивы
Строгой кровной красой.

Взгляд и облик тот самый,
И простые черты...
— Мама, что же ты, мама,
Уж не плачешь ли ты?..

1938

103. ПОЛИНА

Над великой русскою равниной,
Над простором нив, лесов и вод
Летчица, по имени Полина,
Совершила славный перелет.

Были с ней ее подруги смелые,
Женщины под стать — одна в одну.
И от моря Черного до Белого
Путь лежал их через всю страну.

Глубоко внизу прошла под ними
Хлебная украинская степь,
Города, сады и темно-синий,
В берегах зеленых, вольный Днепр.

И остался по пути, наверно,
Где-то в стороне один колхоз,
За оградкой низкой — птичья ферма
И постройки белые вразброс...

Там стоит немолчный
Крик куриный,
Там — всего лишь восемь лет назад —
Птичница, по имени Полина,
Созывала на дворе цыплят.

Там она вела им счет свой строгий,
Чтоб ни одного не потерять.
И клевала ей босые ноги
Хлопотливая цыплячья рать.

И в какой-то летний день обычный,
Заглушая писк и гомон птичий,
Пролетел над фермой самолет.
Птичница стояла у ворот

И смотрела, сколько видеть можно,
Против солнца заслонясь рукой.
И могучей, сладкой и тревожной
Грудь ее наполнилась тоской...

1938

104. СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Поля обветрились едва —
Ступить с дороги топко.
Как хвоя тонкая, трава
Показывалась робко.

И колесо еще следа
Прорезать не успело.
И запоздалая вода
По всем овражкам пела...

В такой-то день мы шли гулять,
Кино прослышав где-то.
И были оба мы под стать,
Как лорды, разодеты.

И с виду будто от собак,
Для красоты на деле,
Мы с другом прутики в руках
Изящные имели.

Хотя обочные уже
Тропинки были сухи,
Шагали мы настороже,
Оберегая брюки.

А воздух весь звенел вокруг,
И грело солнце так-то!
И вот идем и слышим вдруг:
Стучит, буксуя, трактор.

Понять не трудно, что и как:
Имеет ухо опыт.
Какой-то, думаем, дурак
В грязи машину топит.

Слова готовы наперед:
— Позор! В нетрезвом виде...—
С горы спускаемся — и вот
Мы видим... Что ж мы видим?

Девчонка лет семнадцати
Хлопочет за рулем:
Обволокло по ступицы
Колеса киселем.

Девчонка лет семнадцати
Берет на полный ход.
Но, видно, не податься ей
Ни взад и ни вперед.

Подходят к ней смущенные
Два лорда молодых.
— Позвольте, мы вас вытащим,—
Сказал один из них.

Понятно, соглашается,
Хотя глядит зверьком,
И даже улыбается,
Несчастная, мельком.

Но это дело личное,
А медлить не с руки.
И лорды, не задумавшись,
Снимают пиджаки.

Мости побольше хворосту,—
Кустарник под бокóм.
И трактор вылез вскорости,
Однако суть не в том...

Девчонка, смех стараясь скрыть,
Сидит, глядит понуро.
— Позвольте вас благодарить...—
И руку протянула.

Но мы стоим, мы как без рук:
В грязи по локти руки.
А тут еще мы видим вдруг,
Какие наши брюки.

Стоим. Нельзя подать руки.
Умыться тоже нечем.
Она, смеясь, нам пиджаки
Накинула на плечи.

Он на меня, я на него —
Идем, косясь, бок о бок.
— Ты что?
— А что?
— Да ничего...—
И рассмеялись оба.

Была погода хороша,
Приветлива девчонка.
Шел в гору «Интер» не спеша.
И мы пошли сторонкой.

Потерян был наш прежний лоск,
И нас томила робость.
Знакомство всё же началось.
Но тут — сюжет особый...

1938

105. ЕЩЕ ПРО ДАНИЛУ

Солнце дымное встает,—
Будет день горячий.
Дед Данила свой обход
По усадьбе начал.

Пыль дымит, дрожит земля,
Люди в поле едут.
Внук-шофер из-за руля
Кланяется деду.

День по улице идет,
Окна раскрывает,
Квохчут куры у ворот,
Кролики шныряют.

Всё проснулось, всё пошло
И заговорило.
А на сердце тяжело.
Темен дед Данила.

Как всегда, при нем кисет,
Спички — всё чин чином,
И невесел белый свет
По иным причинам...

Он идет. Наискосок
Тень шагает в ногу,
Протянувшись поперек
Через всю дорогу.

Вьются весело дымки:
Всюду топят печки.
Мажет дегтем сапоги
Сторож на крылечке.

— Здравствуй, сторож! Как дела? —
Говорит Данила.—
Хорошо ли ночь прошла?
Всё ли тихо было?

По ухватке сторож лих,
Кроет честь по чести:
— Не случилось никаких
За ночь происшествий.

Никакой такой беды —
Ни большой, ни малой.
Только с неба три звезды
На землю упало.

Да под свет невдалеке
Пес от скуки лаял,
Да плеснулась на реке
Щука — вот такая...

Дед качает головой,
Грустен, строг и важен:
— Ничего ты, страж ночной,
И не знаешь даже.
А прошел бы нынче, брат,
Близ моей ты хаты,
Услыхал бы, как стучат
Ведра и ухваты.
Мог бы ухо приложить
К двери осторожно,
И сказал бы сам, что жить
С чертом невозможно.
Ни покоя нет, ни сна —
Всё грызет и точит...
— Это, стало быть, жена?..
— Называй как хочешь...

И, едва махнув рукой,
Дед проходит мимо,
Оставляя за собой
Паутинку дыма...

Чуя добрую жару,
Свиньи ищут места.
Солнце, словно по шнуру,
Поднялось отвесно.
Воздух будто недвижим,
Золотой, медовый.
Пахнет сеном молодым
И смолой вишневой.
И среди дерев укрыт,
Выстроившись чинно,
Дружно воет и гудит
Городок пчелиный.
Луг некошеный душист,
Как глухое лядо.
Вот где благо, вот где жизнь —
Помирать не надо.

Между ульев дед прошел,
Будто проверяя,
С бороды звенящих пчел
Бережно сдувая.
Ходят дед и пчеловод,
Рассуждая тихо:
— Скоро липа зацветет...
— Тоже и гречиха...

И приятна и легка
Дельная беседа,
Но свое исподтишка
Беспокоит деда.

— Вот живу я,— говорит,—
Столько лет на свете.
Спору нету — сыт, прикрыт
И табак в кисете.
Кликну — встанет целый взвод
Сыновей и внуков.
Ото всех кругом — почет,
А от бабы — мука.
Чем бы ни было — корит,
Всё ей не по нраву.
Будто завистью горит
На мою на славу.
Ноль ты, дескать, без меня,
Мол, гордишься даром...
Места нет, как от огня,
Как от божьей кары.

Пчеловод считает пчел,
Слушает, зевает:
— Э, Данила, нипочем,—
В жизни всё бывает...

— Так-то так...— Встает старик,
Вроде легче стало.
Долог день, колхоз велик,
Путь еще не малый.

Над рекою, над водой,
Чуть пониже сада
Сруб выводит золотой
Плотничья бригада.

Сам Данила плотник был,
Сам всю жизнь работал,
Сколько строил и рубил —
Просто нету счета.
И доныне по своей
Деревянной части,
Может, в области во всей
Он первейший мастер.
Каждый выруб, каждый паз,
И венец, и угол
Проверяет дед на глаз —
Хорошо ль приструган.
Вся бригада старика
Разом окружила.
Тормошат его слегка:
— Похвали, Данила.

А Данила: — Что хвалить?
Надобно проверить:
Полон сруб воды налить,
Затворивши двери.
Как нигде не потечет,—
Разговор короткий:
Всем вам слава и почет
И по чарке водки.

Шутке этой — тыща лет,
Всем она известна,
Но и сам доволен дед,
И бригаде лестно.

Ус погладив, бригадир
Молвит горделиво:
— Как закончим — будет пир
С музыкой и пивом.
Только ты не подведи,
Чтоб уж верно было:
Со старухой приходи,
С Марковной, Данила.

— Благодарствую, друзья...—
И бормочет глухо: —
Без старухи, что ль, нельзя?
Для чего старуха?

— Как бы ни было — жена.
Сыновей рожала,
Внуков нянчила она,
Правнуков качала.
Как ни что — не близкий путь,
Жизнь прошли вы рядом.
Ну смотри же, не забудь,—
Просит вся бригада...

Двери настежь по пути
Кузница открыла.
Мимо кузницы пройти
Может ли Данила?
Хрипло воет горн в углу,
Клещи в пекло лезут.
А повсюду на полу —
Сколько тут железа!
Лемеха, обломки шин,
Обручи, рессоры,
Шестеренки от машин,
Тракторные шпоры,
Рельс погнутый с полотна,
Кузов от пролетки,
Из церковного окна
Ржавые решетки...
И щекочет деду нос
Запах самовитый —
Краски, мази от колес,
Дыма и копыта.
И готов он без конца,
В строгом восхищенье,
Всё глядеть на кузнеца,
На его уменье.
Вот он что-то греет, бьет,
Плющит и корежит.
«Ножик»,— скажет наперед.
И выходит ножик.

Сам кузнец форсист и горд,—
Что ж, нельзя иначе,
И прикуривает, черт,
От клещей горячих.

Подавляя вздох в груди,
Дед встает с порога.
А кузнец: — Ты погоди,
Посиди немного.
На минуту на одну
Задержись, Данила,
Кочергу сейчас загну,
Марковна просила...

Дед оказии такой
Рад невероятно.
К дому с теплой кочергой
Шествует обратно.

Дело в том, что не был дед
Злобен по природе,
Да и близится обед,
Да и скучно вроде.
Да и все-таки — жена,
Сыновей рожала,
Внуков нянчила она,
Правнуков качала.
Да и правду — как ни прячь —
Спрятать не во власти:
Сам отчасти был горяч.
Виноват отчасти.

Нерешительны шаги,
Сердце трусу служит.
Но прийти без кочерги
Было б даже хуже.
Потому, как ни суди,
Все-таки услуга.
Дрогнет что-нибудь в груди
У тебя, супруга!

Только вдруг издалека,
И совсем некстати,
Окликает старика
Власов, председатель.
Сели рядом на бревне:
— Вот что, дед Данила,
Заявление ко мне
Нынче поступило...

Снял со лба фуражку дед,
Вытер пот с изнанки.
— От кого же? Ай секрет?
— От одной гражданки.
Ты старик передовой,
Для чего же ради
Со старухою женой
Миром не поладить?
Скажем попросту — подчас
Ей, жене, обидно:
Всюду ты да ты у нас,
А ее не видно.
Сам-то ты идешь вперед —
Молодому впору,—
А старуха не растет —
Оттого и ссоры...

— Нет, позволь, уже позволь,—
Дед перебивает,—
Не бывает в жизни, что ль?
В жизни всё бывает.
Про себя ж сказать могу —
Разве я сердитый?
Вот несу ей кочергу —
Значит, всё забыто.
И жена от слов своих
Отреклась, я знаю.
Только нация у них
Женская такая.
Днями дружно всё у нас,
Неполадки часом...
— Ну смотри ж, в последний раз,—
Заключает Власов.

И встает.— Пока прощай.
День удался знатный.
Клевера-то, брат, как чай,—
Сухи, ароматны.
Только б тучки,— говорит,—
Не собрались за ночь.
Как погода — постоит,
Данила Иваныч? —
И, задумавшись слегка,
Молвит дед солидно:

— Постоять должна пока,
Постоит, как видно...

Подступает к дому дед
Не особо смело.
У крыльца велосипед.
Гости. Лучше дело.
У старухи прибран дом,
Пол сосновый вымыт.
И Сережка за столом,
Внук ее любимый.
От порога дед спешит
Сразу всё заметить:
Вот яичница шипит
С треском на загнете.
У старухи добрый вид,
Будто всё забыла:
— Где ж так долго,— говорит,—
Пропадал, Данила?

— Обошел я весь колхоз,
В кузнице промешкал,
Да зато тебе принес,
Видишь, кочережку.

— Так и знала — принесешь...—
Голос полон ласки.
Кочергу вручает всё ж
Дед не без опаски.
Но, усевшись за столом,
Видит — всё в порядке.
— Ну, так выпьем, агроном,
По одной лампадке?

— Всем ты, дед, весьма хорош
И всегда мне дорог.
Вот одно, что водку пьешь...
— Пью, но к разговору.
А не пить,— смеется дед,—
До чего ты ловкий!
Ведь в законе даже нет
Этой установки.

— Пей-ка! — сдался агроном.
Выпили помалу.
Закусили огурцом,
Закусили салом.
Веселее от вина
Повелися речи.
Только смотрит дед — жена
Всё стоит у печи.
Будто в хате зябко ей.
Руки сощепила.
Так всю жизнь она гостей
За столом кормила.
Только б кушали они,
Только б сыты вышли.
А сама всегда в тени,
В стороне, как лишний.
Смотрит, думает свое,
Как жила когда-то...
Дед со внуком для нее
Равные ребята.
И тепло, тепло в груди,
И чему-то рада...

— Ну-ка, Марковна, ходи
Да садись-ка рядом.

Вздрогнув, кланяется им:
— Пейте, пейте, что вы...
Уж куда с питьем моим,—
Кланяется снова.
— Подходи, не стой в углу,
Не хозяйка вроде.
— Пейте, пейте... — И к столу
Медленно подходит.
Утирает скромно рот.—
Пейте, пейте. Что вы...—
Рюмку бережно берет: —
Будьте все здоровы.

Мирно старые сидят
Строгой, славной парой.
Внук с улыбкой аппарат
Тащит из футляра.

Дед и бабка за столом
Замерли совместно.
И сидят они рядком,
Как жених с невестой.
А над ними на стене,
Рядом с образами,
Ворошилов на коне
В самодельной раме.
Как получше норовит
Снять их внук форсистый.
И, серьезный сделав вид,
Щелкнул кнопкой быстро.

— Эх, живешь, не знаешь, дед,
О своей ты славе!
Про тебя один поэт
Целый стих составил.

Дед Данила весел, сыт,
Курит бестревожно.
— Всё возможно,— говорит,—
Это всё возможно...

1938

106. ДЕД ДАНИЛА В БАНЕ

За рекой над крышей бани
Пар густой валит клубами,
И вокруг на полверсты
Берега, обрывы, склоны
Пахнут каменкой каленой,
Пахнут веником зеленым
Все деревья и кусты.

Баня вытоплена жарко.
Поддавай, воды не жалко:
Речка близко, лей смелей,
Парься, лесу не жалей.

Дед Данила влез на полку,
Дед Данила лег надолго,
Дед Данила лег — так лег,—
Дубом ноги в потолок.

Дед Данила старый плотник,
Он попариться охотник.
В год не реже, как два раза,
Он, бывало, в печку лазал.
На снегу, среди двора,
Обливался из ведра.
И, однако, дед Данила
Отличался редкой силой.
Он об этом скажет сам.
Потаскал кряжей в охоту,
Тыщи бревен обтесал.

А и что бы только было,
Если б смолоду Данила
Мылся в бане, как теперь!
Он бы ростом был повыше,
Он бы притолоку вышиб,
Как вошел бы в эту дверь.

Плотник хвалится здоровьем,
Веселит, смешит народ.
То примером, то присловьем
Славу бане воздает.

— Если хочешь, чтобы тело
На жаре легко потело,
Чтобы сила не сдавала,
Чтоб работа ладом шла,
Чтобы хворь не приставала,
Чтоб не жалила пчела,
Чтоб жена добра была,
Чтобы речь была толкова,
Чтобы шутка — весела,—
Парься веником дубовым,
Мойся в бане добела.

Мойтесь, люди. Парьтесь вволю,
Завтра праздник — выезд в поле.
Хоть земля сама черна,
Любит чистого она.

За рекой, над крышей бани,
Пар густой валит клубами.

Пар над теплою землей.
Пахнет мокрою золой,
Молодой смолой — живицей,
Молоком парным,
Весной.

1938

107. СЕМЬЯ КУЗНЕЦА

Машина под флагом стоит у крыльца,
Цветы по бортам полевые.
Сегодня большая семья кузнеца
Места покидает родные.

Не ведавший прежде далеких дорог,
Старик, человек домовитый,
Кузнец уезжает на Дальний Восток
К своим сыновьям знаменитым.

Не в гости. Еще от работы не прочь
Умелые старые руки.
С ним едет старуха и младшая дочь,
Невестки и первенцы-внуки.

Веселая, дружная эта семья
Жила, подрастала при кузнице темной,
Ухваткой и силой в отца сыновья,
А в мать красотой, моложавой и скромной.

Любил их отец. За вечерним столом
Сидели, как равные, вместе,
Вели деловитые речи втроем,
Втроем затевали и песни.

Давно ли то было? А дети росли,
И вот они вправду мужчины.
У самого края советской земли
Ведут боевые машины.

Своими сынами зовет их страна,
Знакомы народу их лица.
И носят они на груди ордена
За подвиг в бою у границы.

Родительской гордости полон старик,
За шуткой скрывает волненье:
Мол, жить мне теперь интерес не велик
От славы своей в отдаленье.

Мол, еду гулять. Ни забот, ни хлопот,
Живи, отдыхай за сынами.
А смерть подойдет — и опять же почет:
Положат под красное знамя.

И будто бы он по природе простак —
О чем еще думать такому?
А правду сказать — не совсем оно так,
И даже как раз — по-другому.

Охота ему не отстать от детей,
Водить с ними прежнюю дружбу,
Чтоб было ребятам еще веселей
Нести свою трудную службу.

Пускай они все-таки,— думает он,—
С позиции слышат недальней
Знакомый им с детства, уверенный звон
Отцовской простой наковальни.

И, глядя в глухую тревожную мглу,
Готовясь к атаке горячей,
Пускай они знают, что батька в тылу
Свою выполняет задачу.

И пусть, как товарища, чуют плечом,
Чему бы в бою ни случиться,
И многое пусть они знают, о чем
Вперед говорить не годится...

Машина под флагом стоит у крыльца,
Цветы по бортам полевые.
Сегодня большая семья кузнеца
Места покидает родные.

У той, у какой-то далекой версты,
Далёко от этого дома,
Наверно, другие цветут и цветы,
И птицы поют по-иному.

Снял шапку старик, обернулся, взглянул
На дом, на колодец, на крышу с трубою.
— Что ж, трогай! — И молодо, гордо тряхнул
Курчавой седой головою.

И жизнь как бы снова начнется вдали.
Но, дедовский край покидая,
Не брал он на память щепотку земли:
Своя она вся и родная.

1938

108. ПРО ТЕЛЕНКА

Прибежал пастух с докладом
К Поле Козаковой:
Не пришла домой со стадом
Бурая корова.

Протрубил до полдня в рог
И нигде найти не мог.

Надо ж этому случиться
Горю и тревоге —
В самый раз, как ей телиться —
На последнем сроке.

Забредет, куда не след,
Пропадет — коровы нет.

Да еще совпало это,
Ради злой напасти,
Что самой хозяйки нету,
Скотницы Настасьи.

А характер у самой —
Не сказать, чтоб золотой.

Никому не будет мало,
Как сама вернется,
Вот и знала, скажет, знала —
Что-нибудь стрясется...

И пойдет, пойдет по всей
Улице хвалиться,
Что и не на кого ей
Даже положиться.

Что беды не видели,
Спали все подряд,
Что в хлеву вредители
У нее сидят.

Им с коровами не любо,
Подыхай коровы.
А с шофером скалить зубы
День и ночь готовы...

Что теперь сказать в ответ?
Правда всё. Коровы нет.

Не пришла корова с поля,
Пропадет корова.
Что ж ты будешь делать, Поля,
Поля Козакова?..

Вышла за околицу,
В лес пошла одна.
Ходит Поля по лесу.
Полдень. Тишина.

Ходит Поля ельником,
Топчет мох сухой.
Пахнет муравейником,
Хвойною трухой.

В глушь непроходимую,
Жмурясь, пробралась,
Липкой паутиною
Вся обволоклась...

Лес и вдоль и поперек
Поля исходила.
Как девчонка, сбилась с ног,
Села, приуныла.

С чем прийти на скотный двор,
Что сказать Настасье?
Да и тут еще шофер
Виноват отчасти.

Что недаром ходит он —
Это всем известно.
Ну и пусть себе влюблен,—
Ей неинтересно.

Хоть сто лет не будь его,
И на то согласна.
Но попреки каково
Слушать занапрасно.

Спотыкаясь, бродит снова
Девушка усталая.
Ах ты, бурая корова,
Ах ты, дура старая...

Ходит девушка — и вдруг
Где-то за кустами
Будто хрустнул тонкий сук,
Звук тревожный замер...

Притаилась в тишине,
Приподнявши брови.
Слышит: близко, в стороне
Грустный вздох коровий...

Вздох — и снова тишина,
Сонная, лесная...
Покачнулся куст — она!
Бурая, родная.

Повернула чуть рога,
Тихо промычала.
На опавшие бока
Будто показала.

Отступила, и у ног,
На траве зеленой,
Мажет слюнями листок
Рыженький теленок.

Длинноногий добрый бык,
И назвать его — Лесник!

Подхватила, как ребенка,
Понесла — и следом мать.
Слышит — выпала гребенка.
Ладно, некогда искать.
Дотащилась до дороги —
Лесом, лядом напрямик.
Ох, тяжел ты, длинноногий,
Теплый, потный, рыжий бык.

Потемнели в поле тени,
Солнце спряталось в лесу.
Млеют девичьи колени,
Мочи нет: — Не донесу...

И, шатаясь, через силу,
Сзади бурая идет.
Мол, и я его носила,
А теперь уж твой черед.

Тихо Поля Козакова
С ношей движется домой.
Жалко рыжего, коровы,
Жалко ей себя самой...

Будто нет ни ног, ни рук —
Повалиться впору.
Только видит Поля вдруг
Своего шофера.

Он идет с горы к реке
С полотенцем на руке.

Он идет, ее не видя,
У него свои дела.
Закричала: — Виктор, Витя! —
Села, дальше не могла.

Подбегает он в испуге,
Плачет девушка навзрыд:
— Ты гуляешь, руки в брюки,
Я страдаю,— говорит.

Опечален и растерян,
Он бормочет: — Виноват...—
Но ему теперь не верят,
Даже слушать не хотят.

— Ты прощенья не проси.
Вот теленок. Сам неси.

Не сказал шофер ни слова,
Взял теленка и понес.
Следом — Поля Козакова,
Покрасневшая от слез.

С ношей бережно шагая,
На нее глядит шофер.
— Что ж ты нервная такая? —
Затевает разговор.

Голос ласков и участлив,
Но еще молчит она.
И своей довольна властью,
Точно строгая жена.

Пусть молчит, а всё же видит —
Славный парень, верный друг.
Не оставит, не обидит
И не выпустит из рук.

Молчаливое согласье.
Что минуло — то не в счет.
И навстречу им Настасья
Выбегает из ворот.

Завела свое сначала:
— Так и знала, так и знала...—
Присмотрелась и — молчок.
Дело к свадьбе — угадала,
Улыбнулась и сказала:
— Так и знала, что бычок...

1938

109. ЗА ТЫСЯЧУ ВЕРСТ...

За тысячу верст
От родимого дома
Вдруг ветер повеет
Знакомо-знакомо...

За тысячу верст
От родного порога
Проселочной, белой
Запахнет дорогой;

Ольховой, лозовой
Листвой запыленной,
Запаханным паром,
Отавой зеленой;

Картофельным цветом,
Желтеющим льном
И теплым зерном
На току земляном;

И сеном, и старою
Крышей сарая...
За тысячу верст
От отцовского края...

За тысячу верст —
В стороне приднепровской —
Нежаркое солнце
Поры августовской.

Плывут паутины
Над сонным жнивьем,
Краснеют рябины
Под каждым окном.

Хрипят по утрам
Петушки молодые,
Дожди налегке
Выпадают грибные.

Поют трактористы,
На зябь выезжая,

Готовятся свадьбы
Ко Дню урожая.

Страда отошла,
И земля поостыла.
И веники вяжет
Мой старый Данила.

Он прутик до прутика
Ровно кладет:
Полдня провозиться,
А париться — год!

Привет мой сыновний
Далекому краю.
Поклон мой, Данила,
Тебе посылаю.

И всем старикам
Богатырской породы
Поклон-пожеланье
На долгие годы.

Живите, красуйтесь
И будьте здоровы —
От веников новых
До веников новых.

Поклон чудакам,
Балагурам непраздным,
Любителям песен
Старинных и разных,

Любителям выпить
С охоты — не с горя,
Рассказчикам всяческих
Славных историй...

Поклон землякам —
Мастерам, мастерицам,
Чья слава большая
Дошла до столицы,

Поклон одногодкам,
С кем бегал когда-то:
Девчонкам, ребятам —
Замужним, женатым.

Поклон мой лесам,
И долинам, и водам,
Местам незабвенным,
Откуда я родом,

Где жизнь начиналась,
Береза цвела,
Где самая первая
Юность прошла...

Родная страна!
Признаю, понимаю:
Есть много других
Кроме этого края.

И он для меня
На равнине твоей
Не хуже, не лучше,
А только милей.

И шумы лесные,
И говоры птичьи,
И бедной природы
Простое обличье;

И стежки, где в поле
Босой я ходил
С пастушеским ветром
Один на один;

И песни, и сказки,
Что слышал от деда,
И всё, что я видел,
Что рано изведал,—

Я в памяти всё
Берегу, не теряя,
За тысячу верст
От родимого края.

За тысячу верст
От любимого края
Я все мои думы
Ему поверяю.

Я шлю ему свой
Благодарный привет,
Загорьевский парень,
Советский поэт.

1938

110. СЕЛЬСКОЕ УТРО

Звон из кузницы несется,
Звон по улице идет,
Отдается у колодца,
У заборов, у ворот.
Дружный, утренний, здоровый
Звон по улице идет.
Звонко стукнула подкова,
Под подковой хрустнул лед;
Подо льдом ручей забулькал,
Зазвенело всё кругом;
Тонко дзинькнула сосулька,
Разбиваясь под окном;
Молоко звонит в посуду,
Бьет рогами в стену скот,—
Звон несется отовсюду —
Наковальня тон дает.

1938

111

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
— Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Всё на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

1938

112. ДЕТИ

Стол красуется накрытый.
День не просто выходной:
В доме летчик знаменитый,
Гость желанный — сын родной.

Загорелый, синеглазый.
— Вырос,— шутят старики.—
Как вошел в избу, так сразу
Стали ниже потолки...

А у дома, у машины —
Сходка целая ребят.
Все, как взрослые мужчины,
Руки за спину, стоят.

И, наверно, мыслит каждый:
Погодите, дайте срок,
Точно так и я однажды
В гости гряну на порог.

1938

113

Сын мой уснул, разметавшись,
Руки подняв к голове,
Как богатырь подгулявший
В праздничный день на траве.

Щеки его розовеют,
Губы подсохли слегка.
Спит он — нельзя здоровее,
Жизнь у него велика.

Знаю, он вырастет скоро,
Думать и верить хочу,
Гору воздвигнуть на гору
Будет ему по плечу.

Мужеством, доблестью, силой
Будешь ты многих славней,
Сын моей родины милой,
Мой и подруги моей.

Но это было бы горько,
Как бы ни славен ты был,
Мне-то прославиться только
Тем, что тебя я родил.

Нет, но я верю, наследник,
Будет известно тебе,
Что человек не последний
Был я и сам по себе.

Браться за дело — так браться.
Каждому вольная ширь.
Даже с тобой потягаться
Хочется мне, богатырь.

1938

114. НА СТАРОМ ДВОРИЩЕ

Во ржи чудно и необычно —
С полуобрушенной трубой,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она сама собой.

Вокруг солома в беспорядке,
Костра сухая с потолка,
Плетень, поваленный на грядки,
И рытый след грузовика.

Пустынно. Рожь бушует глухо,
Шумит — и никого кругом.
И только с граблями старуха
На бывшем дворище своем.

Бегут дымки ленивой пыли.
С утра старуха на ногах,
Всё ищет,— может, что забыли
На старом месте второпях.

И хоть вокруг ни сошки нету,
От печки той одной — нет-нет
Повеет деревом согретым,
Прокопченным за много лет.

Повеет вдруг жильем обжитым:
Сенями — сени, клетью — клеть.
И что-то вправду здесь забыто,
И жаль, хоть нечего жалеть.

А солнце близится к обеду,
Глядит старуха, ждет людей —
В последний раз сюда приедут,—
Живи, живи да молодей!

Там, где отныне двор, где люди,
Где всем углам иная стать,
В других окошках солнце будет
Всходить, в других в полдни стоять.

Там, где и улица и речка,
Где ближе к дому белый свет,—
Дымить уже не будет печка,
Как эта здесь от ветхих лет.

Во ржи — чудно и необычно,
Кидая на подворье тень,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она. Последний день.

Кирка и лом покончат с нею,
И плуг проедет прицепной.
И только гуще и темнее
Здесь всходы выбегут весной.

1939

115. НА ХУТОРЕ ЗАГОРЬЕ

На хуторе Загорье
Росли мы у отца.
Зеленое подворье
У самого крыльца.
По грядкам — мак махровый,
Подсолнух, лук, морковь,
На полдень — сад плодовый:
Пять яблонь — пять сортов.

На хуторе Загорье
В былые времена
Леса, поля и взгорья
Имели имена.

На Белой горке солнце
Вставало поутру,
На Желтой горке — елки
Темнели ввечеру.
А поле, что за баней
Легло правей гумна,
Мы Полем под дубами
Назвали издавна.

Свой клин, своя держава
Лежала у крыльца,
Налево и направо —
До первого копца.[1]
На том большом просторе,
Все как один с лица,
На хуторе Загорье
Росли мы у отца.

На хуторе корову
Пасли мы впятером,
Сад стерегли плодовый,
Смотрели за двором.
В овине хлеб сушили,
Брели за бороной.
Ходили, как большие,
С руками за спиной.

[1] Копец — межевой знак.

Мы были хуторяне.
Отец нам не мешал.
Мы хутор свой заране
Делили по душам.
В избе и в поле часто
Вели мы жаркий спор,
Кому какой участок,
Кому где ставить двор.

Согласно поговорке,
Старались так решить,
Чтоб не тебе задворки,
А мне одни оборки,
А чтоб на Белой горке
И чтоб на Желтой горке
Всем братьям ровно жить.

Дворов, дворов — деревня,
Все батькины сыны.
На пятерых деревья
В саду разделены.
На пятерых коровка,
И лошадь, и хомут,
На пятерых веревка
И наш ременный кнут.
На пятерых, по силе,
Лопата, плуг, коса,
На пятерых — четыре
Тележных колеса...

О детство! Смех и горе!
Десятою травой
На хуторе Загорье
Порос участок мой.

Ни знака, ни приметы
Бывалой не найдешь,
Ни Белой горки нету,
Ни Желтой горки — рожь,
Высоко, гордо вскинув
Свой колос молодой,
Границы хуторские
Укрыла под собой.

На хутор свой Загорье —
Второй у батьки сын,—
На старое подворье
Приехал я один.

А где ж вы, братья, братцы,
Моя родная кровь?
Нам съехаться б, собраться
На старом месте вновь.

Как в песне либо в сказке,
Слететься б вам, друзья,
Слететься б вам, подпаски
Загорьевской закваски,—
Да нет! Как раз нельзя.

Как в песне либо в сказке —
Забот моей родне:
Великие участки
У всех в родной стране.

Налево и направо
Лежит во все концы
Свой край, своя держава,—
Служите, молодцы!

По долгу и по праву,
Когда настанет час,
На смерть, на бой, на славу
За родину-державу
Идите, не страшась!

На хутор свой Загорье —
Второй у батьки сын,—
На старое подворье
Пришел, стою один.
Стою во ржи молочной,
И так далек, далек
Глухой, чудной, нарочный
Наш хутор-хуторок.

Сошло, прошло, забыто,
Давно, как пыль дождем,
К земле сырой прибито,
Пластом земли покрыто,
И дымным цветом жито
Цветет на месте том.

1939

116. ДРУЗЬЯМ

Друзья, с кем я коров стерег,
Костры палил, картошку пек,
С кем я сорочьи гнезда рыл,
Тайком ольховый лист курил,—
Друзья, когда кому-нибудь
Еще случится заглянуть
В Загорье наше,— это я
Все наши обошел края,
По старым стежкам я бродил,
За всех вас гостем я здесь был.

Пойду в поля — хлеба стеной,
Во ржи не виден верховой.
Гречихи, льны, овсы — по грудь,
Трава — косы не протянуть.

Земля в цвету — и всё по ней:
В домах — светлей, народ — добрей.
А нынче, в самый сенокос,
На гармониста всюду спрос.

Как вечер — танцы при луне,
Как вечер, братцы, грустно мне —
В своих местах, в родных кустах
Без вас, друзей, гулять в гостях.

Я даже думал в эти дни:
А вдруг как съедутся они
Со всех концов, краев, столиц,
С военных кораблей, с границ,
И сядем мы за стол в кружок,
И за вином пошлем в ларек.
И выпьем мы, как долг велит,

Без лишних споров и обид,
Друг перед дружкою гордясь,
На ордена свои косясь.

Но вы, друзья, кто там, кто там,
У дела, по своим постам,
Вы в одиночку, как и я,
В родные ездите края.
Наш год, наш возраст самый тот,
Что службу главную несет.
И быть на месте в должный час
Покамест некому за нас...

Друзья, в отцовской стороне,
Не знаю, что не спится мне.
Так зори летние близки,
Так вкрадчиво поют сверчки,
Так пахнут липы от росы,
И в сене тикают часы,
А щели залиты луной,
А за бревенчатой стеной,
Во сне, как много лет назад,
Считает листья старый сад.
Глухой, на ощупь, робкий счет —
Всё тот, а все-таки не тот...

И всяк из вас, кто вслед за мной
Свой угол посетит родной,
Такую ж, может быть, точь-в-точь
Здесь проведет однажды ночь.
Наверно, так же будет он,
Взволнован за день, возбужден,
Лежать, курить, как я сейчас,
О детстве думая, о нас,
О давних днях, о старине,
О наших детях, о войне,
О множестве людских путей,
О славе родины своей.

1939

117. ПОЕЗДКА В ЗАГОРЬЕ

Сразу радугу вскинув,
Сбавив солнечный жар,
Дружный дождь за машиной
Три версты пробежал
И скатился на запад,
Лишь донес до лица
Грустный памятный запах
Молодого сенца.

И повеяло летом,
Давней, давней порой,
Детством, прожитым где-то,
Где-то здесь, за горой.

Я смотрю, вспоминаю
Близ родного угла,
Где тут что: где какая
В поле стежка была,
Где дорожка...
А ныне
Тут на каждой версте
И дороги иные,
И приметы не те.
Что земли перерыто,
Что лесов полегло,
Что границ позабыто,
Что воды утекло!..

Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона!
Сколько раз
Пережил я заране
Этот день, этот час...

Не с нужды, как бывало,—
Мир нам не был чужим,—
Не с котомкой по шпалам
В отчий край мы спешим
Издалёка.
А всё же —
Вдруг меняется речь,
Голос твой, и не можешь
Папиросу зажечь.

Куры кинулись к тыну,
Где-то дверь отперлась.
Ребятишки машину
Оцепляют тотчас.

Двор. Над липой кудлатой
Гомон пчел и шмелей.
— Что ж, присядем, ребята,
Говорите, кто чей?..

Не имел на заметке
И не брал я в расчет,
Что мои однолетки —
Нынче взрослый народ.

И едва ль не впервые
Ощутил я в душе,
Что не мы молодые,
А другие уже.

Сколько белого цвета
С липы смыло дождем.
Лето, полное лето,
Не весна под окном.
Тень от хаты косая
Отмечает полдня.

Слышу, крикнули:
— Саня! —
Вздрогнул — нет, не меня.
И друзей моих дети
Вряд ли знают о том,
Что под именем этим
Бегал я босиком.

Вот и дворик, и лето,
Но всё кажется мне,
Что Загорье не это,
А в другой стороне...

Я окликнул не сразу
Старика одного.
Вижу, будто бы Лазарь.
— Лазарь!
— Я за него...

Присмотрелся — и верно:
Сед, посыпан золой
Лазарь, песенник первый,
Шут и бабник былой.

Грустен.— Что ж, мое дело,—
Годы гнут, как медведь.
Стар. А сколько успело
Стариков помереть...

Но подходят, встречают
На подворье меня,
Окружают сельчане,
Земляки и родня.

И знакомые лица,
И забытые тут.
— Ну-ка, что там в столице,
Как там наши живут?

Ни большого смущенья,
Ни пустой суеты,
Только вздох в заключенье:
— Вот приехал и ты...

Знают: пусть и покинул
Не на шутку ты нас,
А в родную краину,
Врешь, заедешь хоть раз...

Всё Загорье готово
Час и два простоять,
Что ни речь, что ни слово —
То про наших опять.

За недолгие сроки
Здесь прошли-пролегли
Все большие дороги,
Что лежали вдали.

И велик, да не страшен
Белый свет никому.
Всюду наши да наши,
Как в родимом дому.

Наши вверх по науке,
Наши в дело идут.
Наших жителей внуки
Только где не растут!

Подрастут ребятишки,
Срок пришел — разбрелись.
Будут знать понаслышке,
Где отцы родились.

И как возраст настанет
Вот такой же, как мой,
Их, наверно, потянет
Не в Загорье домой.

Да, просторно на свете
От крыльца до Москвы.
Время, время, как ветер,
Шапку рвет с головы...

— Что ж мы, добрые люди,—
Ахнул Лазарь в конце,—
Что ж, мы так-таки будем
И сидеть на крыльце?

И к Петровне, соседке,
В хату просит народ,
И уже на загнетке
Сковородка поет.

Чайник звякает крышкой,
Настежь хата сама.
Две литровки под мышкой
Молча вносит Кузьма.

Наш Кузьма неприметный,
Тот, что из году в год,
Хлебороб многодетный,
Здесь на месте живет.

Вот он чашки расставил,
Налил прежде в одну,
Чуть подумал, добавил,
Поднял первую:
— Ну!

Пить — так пить без остатку,
Раз приходится пить...

И пошло по порядку,
Как должно оно быть.

Все тут присказки были
За столом хороши.
И за наших мы пили
Земляков от души.
За народ, за погоду,
За уборку хлебов,
И, как в старые годы,
Лазарь пел про любовь.

Пели женщины вместе,
И Петровна — одна.
И была ее песня —
Старина-старина.
И она ее пела,
Край платка теребя,
Словно чье-то хотела
Горе взять на себя.

Так вот было примерно.
И покинул я стол
С легкой грустью, что первый
Праздник встречи прошел;
Что, пожив у соседей,
Встретив старых друзей,
Я отсюда уеду
Через несколько дней.
На прощанье помашут —
Кто платком, кто рукой,
И поклоны всем нашим
Увезу я с собой.
Скоро ль, нет ли, не знаю,
Вновь увижу свой край.

Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона.
И — прощай!..

1939

118

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого.
Чуть видишь — где-нибудь вдали
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывет в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос, туго начиненный,
Четырехгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землей.

1939

119. ЖЕНИТЬБА ШОФЕРА

Все ровесники-ребята,
Все товарищи женаты.
Все женаты, а шофер —
Одинокий до сих пор.

И всему тому причина —
За рулем шофер чуть свет.
Не стоит ни дня машина,
Рад жениться — часу нет.

Дни и месяцы минуют,
А шоферу жизнь — не жизнь.
— Вот закончим посевную —
Мойся в бане и женись!

За дорогою дорога,
Перевозки день за днем.
— Потерпи еще немного,—
Только сено уберем.

От поры к поре горячей.
Скошен луг — поспела рожь.
— Погоди, брат, а иначе
Всю кампанию сорвешь.

Ждет да терпит малый честный:
Отказаться как же вдруг?
Третью за лето невесту
Упустил уже из рук.

Видит сам: дела ни к черту,
Нет кампаниям конца.
Подкатил к своей четвертой,
Развернулся у крыльца,

Надавил рожок сигнальный...
Да — так да, а нет — так нет.
Заявил официально:
Точка. Едем в сельсовет.

Все ровесники-ребята,
Все товарищи женаты.
Все женаты, и шофер,
Говорят, женат с тех пор.

1939

120. ДЕД ДАНИЛА В ЛЕС ИДЕТ

Неизменная примета,
Что самой зиме черед,—
В шубу, в валенки одетый,
Дед Данила в лес идет.

Ходит по лесу тропою,
Ищет понизу на глаз:
Что ни самое кривое,
То ему и в самый раз.

Подыскать дубок с коленцем,
Почуднее что-нибудь,
Ловко вырубить поленце,
Прихватить — и дальше в путь.

Дело будто бы простое,
Но недаром говорят:

Как пойдешь искать прямое —
То кривое всё подряд,
А пойдешь искать кривое —
Всё прямое аккурат.

Нарубил дубья Данила
Добрый на зиму запас,
Чтобы чем заняться было
В долгий вечер, в поздний час.

Не прошел большой науки,
Плотник — всё же не столяр,
Но от скуки — на все руки,
Чтоб верстак не зря стоял.

Чуть нужда — к Даниле сразу
Конюх, сторож, кладовщик.
Крюк ли, обруч — нет отказу,
Санки, грабли — рад старик.

Ничего не жаль Даниле —
И запаслив и не скуп.
Только любит, чтоб спросили
У него про клен и дуб.

До того Даниле любо
Вновь подробно изложить,
Что нельзя, мол, жить без дуба,
А без клена можно жить;
Что не может клен для сруба
Так, как дуб, столбом служить.

Что береза клену впору —
Тот же слой и тот же цвет.
Но не может быть и спору,
Что замены дубу нет.

Дуб — один. На то и слово:
Царь дерев. Про то и речь.
Правда, лист хорош кленовый —
Хлеб сажать хозяйке в печь.

И давно ли это было —
Год назад, не то вчера,—

Так не так, а деду мило
Вспомнить эти вечера.

Ходит он неутомимый,
И желательно ему,
Чтоб и в нынешнюю зиму
Разговор вести любимый
За работою в дому.

Крепок дуб, могуча сила,
Но и дубу есть свой век.
Дубу, думает Данила,
А Данила — человек.

Ходит старый, гаснет трубка,
Остановка что ни шаг.
Ходит, полы полушубка
Подоткнувши под кушак.

Лес притихнул. Редко-редко
Белка поверху стрельнет,
Да под ней качнется ветка,
Лист последний упадет.

И как будто в сон склонило.
День к концу. Пора назад.
Вышел из лесу Данила —
Мухи белые летят.

С рукава снежинку сдунул.
Что-то ноша тяжела.
«Вот зима пришла,— подумал,
Постоял.— За мной пришла».

Час придет — и вот он сляжет.
И помрет. Ну что ж! Устал.
И, наверно, кто-то скажет:
— Дед Данила дуба дал.

Шутка издавна известна.
Шутка — шуткой. А дубье
Нарубил — неси до места.
Дослужи, Данила, честно,
Дальше дело не твое.

1939

121

День пригреет — возле дома
Пахнет позднею травой,
Яровой сухой соломой
И картофельной ботвой.
И хотя земля устала,
Всё еще добра, тепла:
Лен разостланный отава
У краев приподняла.
Но уже темнеют реки,
Тянет кверху дым костра,
Отошли грибы, орехи.
Смотришь, утром со двора
Скот не вышел. В поле пусто.
Белый утренник зернист.
И свежо, морозно, вкусно
Заскрипел капустный лист.
И за криком журавлиным,
Завершая хлебный год,
На ремонт идут машины,
В колеях ломая лед.

1939

122. СЛОВО О ЗЕМЛЕ

С покосом, со всем урожаем,
Кругом — от села до села —
Родная земля, что чужая,
У нас под ногами была.

Не пан поднимал ее в поле,
Не пан ее рыл и копал,
Не пан ее издавна холил,
Берег и лелеял не пан.

То мы от рожденья до гроба,
От века до нынешних дней,
То мы — мужики-землеробы —
Бессменно трудились на ней.

Родная земля, не чужая,
Кругом — от села до села —
У нас под ногами лежала,
Да в наших руках не была.

На пана ее мы орали,
Ворочали из года в год,
А хлеба с нее Христа ради
Просили у панских ворот.

Неправой и проклятой власти
Настал долгожданный конец:
Мы встретили красные части
И панский зарыли копец.[1]

Пускай мы не ленту стальную,
Что возит с собой межевой,—
Простую веревку тянули,
Народ наделяя землей.

Кто скажет, кто словом осудит?
На честное дело мы шли.
Где видано, добрые люди,
Своей нам чураться земли?

Батрацкие бедные семьи,
Голодный народ горевой,
Все те, что мечтали про землю,
Отныне владейте землей!

Под крепкой, надежной защитой
Поглубже взрыхляйте ее,
Чтоб славное выросло жито,
Чтоб славное было житье.

1939
Западная Белоруссия

123. ВДОВИЙ ФЛАГ

У вдовы у многодетной
В честь товарищей-бойцов
Головной платок заветный,
Береженый — над крыльцом.

---

[1] Копец — межевой знак.

Флаг как флаг. Одно — что цветом
Отличается чуть-чуть.
Что ж, и рада бы, да нету,
Обойдется как-нибудь.

И сама стоит у хаты,
И, держась за юбку, в ряд
Лесенкой живой ребята
Босоногие стоят.

Мимо движутся колонны,
Тверд и дружен мерный шаг.
И с улыбкой, оживленно
Смотрят все на вдовий флаг.

Командир его заметил,
Придержал коня: — Хорош!..
Хорошо под флагом этим
Ты, хозяйка, заживешь.

Будет старое забыто:
Слезы, голод, панский гнет.
Наша армия в обиду
Вдов и бедных не дает.

На земле свободной краше
Вдовья жизнь пойдет со дня.
А за флаг — спасибо наше
От бойцов и от меня...

1939
Западная Белоруссия

124. ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти —
По-хозяйски руку в бок,—
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе —
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! —
Да сплеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.
А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь,—
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая,—
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин,— просто отвечает.
— Ленин! — Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

А по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то?
Свесил руки:
— Вот он я...

— Собирайтесь! —
Взял он шубу,
Не найдет, где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу,— сказал военный,—
Ваш инстру́мент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки прямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом,—
Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал:
— Хорошо ругаться можешь,—
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно всё, что было,— прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инстру́мент.— Ну-ка...—
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда,
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Всё нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал,— тех слов дороже
Не слыхал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то всё запнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощеньем
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу,
Сознаю свою ошибку...

Только Ленин перебил:
— Вон ты что,— сказал с улыбкой,—
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей,—
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся,— говорит...

1939—1940

125

Зашел я в дом, где жил герой,
А нынче мать его осталась
Да с ней парнишка — сын второй,
Что стал опорою под старость.

Большому горю скоро год,
А мать по-прежнему украдкой
Нет-нет и снова перечтет
Все те слова бумаги краткой.

Знать, с каждым разом в том письме
Дороже буква ей любая.
Сидит, забывшись, как во сне,
Из рук платок не выпуская.

С пеленок сына никому
Не уступали эти руки,
Кроили курточки ему,
Обнять спешили в день разлуки.

И вот молва гремит о нем,
Все почести ему отдали.
А здесь его, в селе родном,
Еще по отчеству не звали —

Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.

Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопка книг на этажерке.

И на меньшого смотрит мать:
Ничем тут, видно, не поможешь.
Ему играть, ему читать
И быть на старшего похожим.

1940

126

Садик в поле открытом,
Ни избы, ни трубы.
В землю новые врыты
В новом месте столбы.
Стены новые выше
И не первый им год.
И под самую крышу
Новый сад достает...
Клонит яблоньки ветер,
Гонит по полю рожь.
Всё другое на свете,
Всё — куда ни пойдешь.

1940

127. НАСТУПЛЕНИЕ

Сто двадцать третьей
ордена Ленина дивизии
посвящается

Еще курились на рассвете
Землянок редкие дымки,
Когда полки Сто двадцать третьей
К опушке вынесли штыки.

В лесу, не стукнув, сняли лыжи,
Исходный заняли рубеж.
Был воздух сух, морозом выжат
И необычно детски свеж.

А тишина была такая,
Как будто всё, что есть вокруг,
Весь мир от края и до края
Прислушивался...
И вдруг
Земля — вперед! Качнулись сосны,
А иней — точно дым с ветвей.
Огонь рванулся смертоносный
С укрытых наших батарей.

И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось, что это — бой.

И небо всех и всё пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

Под канонаду со стоянки
В снегу, как в мельничной пыли,
С разгону вздыбленные танки,
Почти неслышные, прошли.

И вслед за огневым налетом
К высотам, где укрылся враг,
Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая!
Да как!

Еще орудья не остыли
От краткой яростной пальбы,
Еще стволы деревьев ныли,
Как телеграфные столбы,—

Бойцы уже едва виднелись
На сером вспаханном снегу.
Бежали в рост, у самой цели,
Шинели сбросив на бегу.

Одни из тех, что шли вначале,
На полпути еще легли.
Живые знамя расправляли
В дыму, вдали.

И к тем живым — свои, живые,
Бежали, шли, тянули связь,
И даже кухни полевые
В тылу подвинулись, дымясь.

Вперед, вперед катилась лавой
Дивизия. Была она
Своей сегодняшнею славой
Еще в тот день озарена.

1940

128. ЖЕРЕБЕНОК

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неровно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то,
Заслышав первую стрельбу.

И суток пять в снегу по брюхо
Он пробивался по тылам.
И чуть живой на дым от кухонь,
Как перебежчик, вышел к нам.

Под фронтовым суровым небом
Прижился он, привык у нас,
Где для него остатки хлеба
Бойцы носили про запас.

Бойцы ему попонку сшили —
Живи, расти, гуляй пока,
И наши лошади большие
Не обижали стригунка.

И он поправился отменно,
Он ласку знал от стольких рук,
Когда один из финских пленных
Его у нас увидел вдруг...

Худой, озябший, косоротый,
Он жеребенка обнимал,
Как будто вечером в ворота
Его шутливо загонял.

А тот стоит и вбок куда-то
Косит смущенно карий глаз.
Его, хозяина, солдатом
Он здесь увидел в первый раз.

1940

129

Зима под небом необжитым
Застала тысячи людей.
И от зимы была защита
Земля. Что глубже, то теплей.

Две-три ступеньки для порядка,
Пригнись пониже всякий раз.
Заиндевелою палаткой
Завешен в землю темный лаз.

А там внизу, под тем накатом,
Под потолком из кругляшей,
Там, как вползешь,— родная хата,
Махорки дым и запах щей.

Там рай земной. И в самом деле,
Зима любая не страшна.
И на разостланной шинели
Считает сахар старшина.

И, шевеля в губах окурок,
Сонливо глядя на огонь,
Боец, парнишка белокурый,
Тихонько трогает гармонь.

И все пришедшие погреться
Сидят сговорчивым кружком,
Сидят на корточках, как в детстве,
Как в поле где-нибудь, в ночном...

1940

130. СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке —
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге.
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метет за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца...

И чует жесткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

И завились, как червячки,
Сучки — сушья пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щек.

Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло.

Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!
Вот как бывает дорога
И спичка на войне.

1940

131

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком,—

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижном,
Остекленевшем — вот зима...

1940

132

То к сыну старик, то к шинели сыновней,
То сядет за стол, то к порогу опять.
— Нет, шутка ли слово такое: полковник!
Полковник! Герой! Это надо понять.

И смотрит на сына с тревогой любовной,
И снова встает, не уймется отец.
— Полковник! А скажем и так: ну, полковник,
Ну, даже полковник! А я вот кузнец.

Ну что ж, повстречались. Ну, выпили вместе
За милого гостя в отцовской избе.
А то, что касается службы да чести,
Ты — сам по себе, я — сам по себе.

1940

133. ТАНК

Взвоют гусеницы люто,
Надрезая снег с землей,
Снег с землей завьется круто
Вслед за свежей колеей.

И как будто первопуток
Открывая за собой,
В сталь одетый и обутый,
Танк идет с исходной в бой.

Лесом, полем мимолетным
Сам себе кладет мосты,
Только следом неохотно
Выпрямляются кусты.

В гору, в гору, в гору рвется,
На дыбы встает вдали,
Вот еще, еще качнется,
Оторвется от земли!

И уже за взгорьем где-то
Путь прокладывает свой,
Где в дыму взвилась ракета,
Где рубеж земли,
Край света —
Бой!..

1940

134

Давай-ка, товарищ, вставай, помогу,
Мороз подступает железный.
На голом снегу лежать на боку
Совсем тебе не полезно.

Держись-ка за шею, берись вот так,
Шагаем в полном порядке.
Замерзли руки? Молчишь, чудак.
Примерь-ка мои перчатки.

Ну как, товарищ? Опять — плечо?
А вот и лесок. Постой-ка.
Теперь пройти нам столько еще,
Полстолько да четвертьстолько.

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ли?
Не хочешь идти — на себе донесу.
А нет — дотащу на шинели.

1940

II

1941—1946

135

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь — война иная
Для нее как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть прибитый той зимою
След ее травой порос,
И прибой залива моет
Корни сосен и берез,

Пусть в тот край вернулись птицы,
И пришло зверье в леса,
И за старою границей
День обычный начался,—
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

1941

136. ТЕБЕ, УКРАИНА

Какие хлеба поднялись от границы,
Как колосом к колосу встали они,
Как пахнут поля этой ржи и пшеницы
На утреннем солнце. Всей грудью вздохни.

Вздохни, оглянись — и увидишь впервые,
Как вольно раскинулась эта земля —
Поля золотые, леса молодые,
Луга заливные и снова поля.

Как мирно стоят эти белые хаты,
Скамьи у ворот — отдыхай, пешеход!
Какой это радостный край и богатый!
Какой урожайный он встретил бы год.

Земля золотая, долины и горы,
Заводы и села, хлеба и луга,
В суровую эту и грозную пору
Ты сердцем любому стократ дорога.

Как будто я сам в Украине родился.
И белую пыль эту с детства топтал,
И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой впервые узнал.

Пускай я иной уроженец и житель
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей, в созревающем жите
И детство, и всё мое милое — тут.

С твоими сынами и я посвящаю
Тебе, Украина, дыханье и кровь.
Не край мы один от врага защищаем,
А Родину — мать всех родимых краев.

1941

137

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

138. РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас, как дорогих гостей,

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперед.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,
И черт его поймет, откуда бьет.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр.
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?..— А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждет.— Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырем.

Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
Заходим в тыл, и полный газ даем.
И эту пушку, заодно с расчетом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозем.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шел большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

1941

139. БОЙЦУ ЮЖНОГО ФРОНТА

Когда прочла твоя родная,
Что под Ростовом сломлен враг,
Прочла, быть может и не зная,
Что ты сражался в тех краях,—
То вновь к работе кропотливой
Она, наверно, взяв клубок,
Вернулась с мыслью горделивой:
«Не там ли нынче мой сынок?»

Когда прочла твоя подруга,
Как сотни тысяч наших жен,
Что на Дону войсками юга
Противник в бегство обращен,—
С волненьем искренним, сердечным,
Встречая день обычный свой,
Она подумала, конечно,
Не там ли ты и что с тобой?

Когда твой мальчик краснощекий
От школьных сверстников узнал,
Что где-то там, в степях далеких,
Разбит фашистский генерал,—
Он, твой любимец незабытый,

Твой сын и будущий боец,
Он так и понял,— немцы биты:
«Что ж, это бил их мой отец».

Когда твой друг на фронте где-то,
Как ты, мужающий в борьбе,
Читал в тот день свою газету,—
Он тоже вспомнил о тебе.
Не там ли ты, товарищ давний,
С кем он гулял, с кем чарку пил,
Не там ли ты, в той схватке славной
Под Таганрогом немца бил?

И вся родимая держава,
И весь наш тыл, и фронт любой
Несут хвалу и честь по праву
Тебе, товарищ боевой.
Москва и дальний заполярный,
В снега ушедший городок
С одною думой благодарной
Обращены к тебе, браток.

А ты в бою. И бородатый,—
Не до бритья, коль взят разгон,—
Похож на русского солдата
Всех войн великих и времен.
На неостывшем вражьем танке,
Подбитом, может быть, тобой,
Ты примостился, чтоб портянки
Перевернуть,— и снова в бой.

Хоть, спору нет, тебе досталось.
Не смыты копоть, кровь и пот,
Но та усталость — не усталость,
Когда победа жить дает.
Ты поработал не задаром:
Настанет срок — народ-герой
Сметет врага с земли родной,
И слава первого удара —
Она навеки за тобой.

1941

140. БАЛЛАДА О ТОВАРИЩЕ

Вдоль развороченных дорог
И разоренных сел
Мы шли по звездам на восток,—
Товарища я вел.

Он отставал, он кровь терял,
Он пулю нес в груди
И всю дорогу повторял:
— Ты брось меня. Иди...

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой.

А если б он тащил меня,
Товарища-бойца,
Он точно так же, как и я,
Тащил бы до конца...

Мы шли кустами, шли стерней,
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть.

О пище что же говорить —
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить — вот это да...

Где разживалися огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас,
Как горько по земле родной
Идти, в ночи таясь.

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.

Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень.

Как зябко спать в сырой копне
В осенний холод, в дождь,
Спиной к спине — и всё ж во сне
Дрожать. Собачья дрожь.

И каждый шорох, каждый хруст
Тревожит твой привал...
Да, я запомнил каждый куст,
Что нам приют давал.

Запомнил каждое крыльцо,
Куда пришлось ступать,
Запомнил женщин всех в лицо,
Как собственную мать.

Они делили с нами хлеб —
Пшеничный ли, ржаной,—
Они нас выводили в степь
Тропинкой потайной.

Им наша боль была больна,—
Своя беда не в счет.
Их было много, но одна...
О ней и речь идет.

— Остался б,— за руку брала
Товарища она,—
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь, на беду,
В пути перед зимой.
Остался б лучше.— Нет, пойду,—
Сказал товарищ мой.

— А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы,— муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,

И сала хватит.— Нет, пойду,—
Вздохнул товарищ мой.

— Ну что ж, иди...— И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то всё из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы.— А всё ж пойду,—
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
— Прощайте,— говорит,—
Да не подумайте чего...—
Заплакала навзрыд.

На подоконник локотком
Так горько опершись,
Она сидела босиком
На лавке. Хоть вернись.

Переступили мы порог,
Но не забыть уж мне
Ни тех босых сиротских ног,
Ни локтя на окне.

Нет, не казалася дурней
От слез ее краса,
Лишь губы детские полней
Да искристей глаза.

Да горячее кровь лица,
Закрытого рукой.
А как легко сходить с крыльца,—
Пусть скажет кто другой...

Обоих жалко было мне,
Но чем тут пособить?
Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать — не потерять.

И чуять рядом по ночам,—
Такую вел я речь.
А мой товарищ? Он молчал,
Не поднимая плеч...

Бывают всякие дела,—
Ну что ж, в конце концов
Ведь нас не женщина ждала —
Ждал фронт своих бойцов.

Мы пробирались по кустам,
Брели, ползли кой-как.
И снег нас в поле не застал,
И не заметил враг.

И рану тяжкую в груди
Осилил спутник мой.
И всё, что было позади,
Занесено зимой.

И вот теперь по всем местам
Печального пути
В обратный путь досталось нам
С дивизией идти.

Что ж, сердце, вволю постучи,—
Настал и наш черед.
Повозки, пушки, тягачи
И танки — всё вперед!

Вперед — погода хороша,
Какая б ни была!
Вперед — дождалася душа
Того, чего ждала!

Вперед дорога — не назад,
Вперед — веселый труд;
Вперед — и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди — каждый молодцом —
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой.

Привал — приляг. Кто рядом — всяк
Приятель и родня.
— Эй ты, земляк, тащи табак!
— Тащу. Давай огня!

Свояк, земляк, дружок, браток —
И все добры, дружны.
Но с кем шагал ты на восток —
То друг иной цены...

И хоть оставила война
Следы свои на всем,
И хоть земля оголена,
Искажена огнем,

Но всё ж знакомые места,
Как будто край родной.
— А где-то здесь деревня та? —
Сказал товарищ мой.

Я промолчал, и он умолк,
Прервался разговор.
А я б и сам добавить мог,
Сказать: — А где тот двор?

Где хата наша и крыльцо
С ведерком на скамье?
И мокрое от слез лицо,
Что снилося и мне?..

Дымком несет в рядах колонн
От кухни полевой.
И вот деревня с двух сторон
Дороги боевой.

Неполный ряд домов-калек,
Покинутых с зимы.
И там на ужин и ночлег
Расположились мы.

И два бойца вокруг глядят,
Деревню узнают,
Где много дней тому назад
Нашли они приют.

Где печь для них, как для родных,
Топили в ночь тайком.
Где, уважая отдых их,
Ходили босиком.

Где ждали их потом с мольбой
И мукой день за днем...
И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.

Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам,
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.

Стой! Это было здесь жилье,
Людской отрадный дом.
И здесь мы видели ее,
Ту, что осталась в нем.

И проводила, от лица
Не отнимая рук,
Тебя, защитника, бойца.
Стой! Оглянись вокруг...

Пусть в сердце боль тебе, как нож,
По рукоять войдет.
Стой и гляди! И ты пойдешь
Еще быстрей вперед.

Вперед, за каждый дом родной,
За каждый добрый взгляд,
Что повстречался нам с тобой,
Когда мы шли назад.

И за кусок, и за глоток,
Что женщина дала,
И за любовь ее, браток,
Хоть без поры была.

Вперед — за час прощальный тот,
За память встречи той...
— Вперед, и только, брат, вперед,—
Сказал товарищ мой...

Он плакал горестно, солдат,
О девушке своей,
Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват
И не любовник ей.

И я тогда подумал: «Пусть,
Ведь мы свои, друзья,
Ведь потому лишь сам держусь,
Что плакать мне нельзя.

А если б я,— случись так вдруг,—
Не удержался здесь,
То удержался б он, мой друг,
На то и дружба есть...»

И, постояв еще вдвоем,
Два друга, два бойца,
Мы с ним пошли. И мы идем
На запад. До конца.

1941—1942

141. ПАРТИЗАНАМ СМОЛЕНЩИНЫ

Ой, родная, отцовская,
Что на свете одна,
Сторона приднепровская,
Смоленская сторона,
Здравствуй!..
Слова не выдавить.
Край в ночи без огня.
Ты как будто за тридевять
Земель от меня.

За высокою кручею,
За чужою заставою,
За немецкой колючею
Проволокой ржавою.

И поля твои мечены
Рытым знаком войны,
Города покалечены,
Снесены, сожжены...
И над старыми трактами
Тянет с ветром чужим
Не дымком наших тракторов,—
Вонью вражьих машин.
И весна деревенская
Не красна, не шумна.
Песня на поле женская —
Край пройди — не слышна...
Ой, родная, смоленская
Моя сторона,
Ты, огнем опаленная
До великой черты,
Ты, за фронтом плененная,
Оскорбленная,—
Ты
Никогда еще ранее
Даже мне не была
Так больна, так мила —
До рыдания...

Я б вовеки грабителям
Не простил бы твоим,
Что они тебя видели
Вражьим оком пустым;
Что земли твоей на ноги
Зацепили себе;
Что руками погаными
Прикоснулись к тебе;
Что уродливым именем
Заменили твое;
Что в Днепре твоем вымыли
Воровское тряпье;
Что прошлися где по двору
Мимо окон твоих
Той походкою подлою,
Что у них у одних...

Сторона моя милая,
Ты ль в такую весну

Под неволей постылою
Присмиреешь в плену?
Ты ль березой подрубленной
Будешь никнуть в слезах
Над судьбою загубленной,
Над могилой неубранной,
Позабытой в лесах?

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной,
Нет, не только страдалицей
Ты встаешь предо мной,
Земляная, колхозная,—
Гордой чести верна,—
Партизанская грозная
Сторона!

Знай, убийца без совести,
Вор, ограбивший дом,
По старинной пословице,
Не хозяин ты в нем.

За Починками, Глинками
И везде, где ни есть,
Потайными тропинками
Ходит зоркая месть.
Ходит, в цепи смыкается,
Обложила весь край,
Где не ждут, объявляется
И карает...
Карай!

Бей, семья деревенская,
Вора в честном дому,
Чтобы жито смоленское
Боком вышло ему.
Встань, весь край мой поруганный,
На врага!
Неспроста
Чтоб вороною пуганой
Он боялся куста;
Чтоб он в страхе сутулился
Пред бессонной бедой;

Чтоб с дороги не сунулся
И за малой нуждой;
Чтоб дорога трясиною
Пузырилась под ним;
Чтоб под каждой машиною
Рухнул мост и — аминь!
Чтоб тоска постоянная
Вражий дух извела,—
Чтобы встреча желанная
Поскорее была.

Ой, родная, отцовская
Сторона приднепровская,
Земли, реки, леса мои,
Города мои древние,
Слово слушайте самое
Мое задушевное.
Всё верней, всё заметнее
Близкий радостный срок.
Ночь короткую, летнюю
Озаряет восток.

Полстраны под колесами
Боевыми гудит.
Разве Родина бросила
Край родной хоть один?
Хоть ребенка, хоть женщину
Позабыла в плену?
Где ж забудет Смоленщину —
Сторону!

Сторона моя милая,
Боевая родня,
Бей же силу постылую
Всей несчетною силою
Ножа и огня.
Бей! Вовек не утратится
Имя, дело твое,
Не уйдет в забытье,
Высшей славой оплатится.

Эй, родная, смоленская,
Сторона деревенская,
Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

1942

142. АРМЕЙСКИЙ САПОЖНИК

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне.

Сидит без ремня, без пилотки,
Орудует в поте лица.
В коленях — сапог на колодке,
Другой — на ноге у бойца.

И нянчит и лечит сапожник
Сапог, что заляпан такой
Немыслимой грязью дорожной,
Окопной, болотной, лесной,—
Не взять его, кажется, в руки,
А доктору всё нипочем,
Катает согласно науке
Да двигает лихо плечом.

Да щурится важно и хмуро,
Как знающий цену себе.
И с лихостью важной окурок
Висит у него на губе.

Всё точно, движенья по счету,
Удар — где такой, где сякой.
И смотрит боец за работой
С одною разутой ногой.

Он хочет, чтоб было получше
Сработано, чтоб в аккурат.
И скоро сапог он получит,
И топай обратно, солдат.

Кто знает — казенной подковки,
Подбитой по форме под низ,
Достанет ему до Сычевки,
А может, до старых границ.

А может быть, думою сходной
Он занят, а может — и нет.
И пахнет от кухни походной,
Как в мирное время, обед.

И в сторону гулкой, недальней
Пальбы — перелет, недолет —
Неспешно и как бы похвально
Кивает сапожник:
— Дает?
— Дает,— отзывается здраво
Боец. И не смотрит. Война.
Налево война и направо.
Война поперек всей державы,
Давно не в новинку она.
У Волги, у рек и речушек,
У горных приморских дорог,
У северных хвойных опушек
Теснится колесами пушек,
Мильонами грязных сапог.
Наломано столько железа,
Напорчено столько земли
И столько повалено леса,
Как будто столетья прошли.
А сколько разрушено крова,
Погублено жизни самой.
Иной — и живой и здоровый,—
Куда он вернется домой?
Найдет ли окошко родное,
Куда постучаться в ночи?
Всё — прахом, всё — пеплом-золою.
Сынишка сидит сиротою
С немецкой гармошкой губною
На чьей-то холодной печи.
Поник журавель у колодца,
И некому воду носить.
И что еще встретить придется —

Само не пройдет, не сотрется,—
За всё это надо спросить...

Привстали, серьезные оба.
— Кури.
— Ну давай, закурю.
— Великое дело, брат, обувь.
— Молчи, я и то говорю.—
Беседа идет, не беседа,
Стоят они, курят вдвоем.
— Шагай, брат, теперь до победы.
Не хватит — еще подобьем.
— Спасибо.— И словно бы другу,
Который его провожал,
Товарищ товарищу руку
Внезапно и крепко пожал.
В час добрый. Что будет — то будет.
Бывало! Не стать привыкать!..
Родные великие люди.
Россия, родимая мать!

1942

143

...И цветут — и это страшно —
На пожарищах сады.

Белым-белым, розоватым
Цветом землю облегли,
Словно выложили ватой
Раны черные земли.

Журавель. Труба без хаты.
Мертвый ельник невдали.

Где елушка, где макушка
Устояла от огня.
Пни, стволы торчат в окружку,
Как неровная стерня.

Ближе — серая церквушка
За оградой из плетня.

Кирпичи, столбы, солома,
Уцелевший угол дома,
Посреди села — дыра,—
Бомба памяти дала...

1942

144

Отцов и прадедов примета,
Как будто справдилась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землей.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто всё, что в почве было,—
Ее добро, ее тепло,—
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета,
Как будто справдилась она:

Гром грянул — началась война...

1942

145. БОЛЬШОЕ ЛЕТО

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Густой, дремучею травою,
Уставшей думать о косе.

И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки,
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки...

Но каждый холмик придорожный
И лес недвижный в стороне,
Безлюдьем, скрытностью тревожной
Напоминали о войне...

И тишина была до срока.
А грянул срок — и началось!
И по шоссе пошли потоком
На запад тысячи колес.

Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля уже дрожмя дрожала
И пылью присыпала кровь...

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета,
Грозилась вырваться сюда.

Грозилась прянуть в глубь России,
Заполонив ее поля...
И силой встать навстречу силе
Спешили небо и земля.

Кустами, лесом, как попало,
К дороге, ходок и тяжел,
Пошел греметь металл стоялый,
Огнем огонь давить пошел.

Бензина, масел жаркий запах
Повеял густо в глушь полей.

Войска, войска пошли на запад,
На дальний говор батарей...

И тот, кто два горячих лета
У фронтовых видал дорог,
Он новым, нынешним приметам
Душой порадоваться мог.

Не тот был строй калужских, брянских,
Сибирских воинов. Не тот
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход.

Не тот в пути порядок чинный,
И даже выправка не та
У часового, что картинно
Войска приветствовал с поста.

И, фронта вестница живая,
Вмещая год в короткий час,
Не тот дорога фронтовая
Сегодня в тыл несла рассказ.

Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда порой боец не всякий
До места доползал живым;

Откуда пыль и гарь на каске
Провез парнишка впереди,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, на груди;

Оттуда лица были строже;
Но день иной и год иной,
И возглас: «Немцы!» — не встревожил
Большой дороги фронтовой.

Они прошли неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Прошли с поспешностью покорной,
Кто как, шагая вразнобой.

Гуртом сбиваясь к середине,
Они оттуда шли, с войны.
Колени, локти были в глине
И лица грязные бледны.

И было всё обыкновенно
На той дороге фронтовой,
И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

А кто-то воду пил из фляги
И отдувался, молодец.
А кто-то ждал, когда бумаги
Проверит девушка-боец.

А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,
Зубами белыми блестя.

А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

И третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухою, пыльною травою,
Забывшей думать о косе.

1943

146

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.
Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда — науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится —
Можно жить
И можно умирать.

1943

147. У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступать
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя отца,
Меняясь по двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали лопатой саперной,
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот, и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

1943

148. ОГОНЬ

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит,—
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но только в силу вступит —
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром несся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли
Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот думать мог, что этот жар
Смертелен для России.

И с болью думать мог в пути,
Тех, что прошли, сменяя:
«Земля отцовская, прости,
Страдалица родная...»

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже как день рабочий.

И долг борьбы — за словом «власть» —
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.

И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт.
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич: «Вперед, на Запад!»

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, неимоверный,
И новый страшен был удар,—
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть третьим летом новый жар
Дохнул — его с восхода
С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел,
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

1943

149. В СМОЛЕНСКЕ

1

Два только года — или двести
Жестоких нищих лет прошло,
Но то, что есть на этом месте,—
Ни город это, ни село.

Пустырь угрюмый и безводный,
Где у развалин ветер злой
В глаза швыряется холодной
Кирпичной пылью и золой;

Где в бывшем центре иль в предместье
Одна в ночи немолчна песнь:
Гремит, бубнит, скребет по жести
Войной оборванная жесть.

И на проспекте иль проселке,
Что меж руин пролег, кривой,
Ручные беженцев двуколки
Гремят по древней мостовой.

Дымок из форточки подвала,
Тропа к колодцу в Чертов ров...
Два только года. Жизнь с начала —
С огня, с воды, с охапки дров.

2

Какой-то немец в этом доме
Сушил над печкою носки,
Трубу железную в проломе
Стены устроив мастерски.

Уютом дельным жизнь-времянку
Он оснастил, как только мог:
Где гвоздь, где ящик, где жестянку
Служить заставив некий срок.

И в разоренном доме этом
Определившись на постой,
Он жил в тепле, и спал раздетым,
И мылся летнею водой...

Пускай не он сгубил мой город,
Другой, что вместе убежал,—
Мне жалко воздуха, которым
Он год иль месяц здесь дышал.

Мне жаль тепла, угла и крова,
Дневного света жаль в дому,
Всего, что, может быть, здорово
Иль было радостно ему.

Мне каждой жаль тропы и стежки,
Где проходил он по земле,
Заката, что при нем в окошке
Играл вот так же на стекле.

Мне жалко запаха лесного,
Дровец, наколотых в снегу,
Всего, чего я вспомнить снова,
Не вспомнив немца, не могу.

Всего, что сердцу с детства свято,
Что сердцу грезилось светло
И что навеки, без возврата,
Тяжелой черною утратой
Отныне на сердце легло.

1943

150

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен;
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год —
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед?

Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом,
Зачем?
Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто назло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.
Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.
Есть где-то, есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!
1943

151. НОЯБРЬ

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И, оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

1943

152. СО СЛОВ СТАРУШКИ

Не давали покоя они петуху,
Ловят по двору, бегают, слышу,
И загнали куда-то его под стреху,
И стреляли в беднягу сквозь крышу.

Но, как видно, и он не дурак был, петух,
Помирать-то живому не сладко.
Под стрехой, где сидел, затаил себе дух
И подслушивал — что тут — украдкой.

И как только учуял, что наша взяла,
Встрепенулся, под стать человеку,
И на крышу вскочил — как ударит в крыла:
— Ку-ка-реку! Ура! Кукареку!

1943

153. ОТЕЦ И СЫН

Быть может, всё несчастье
От почты полевой:
Его считали мертвым,
А он пришел живой.

Живой, покрытый славой,
Порадуйся, семья!
Глядит — кругом чужие.
— А где жена моя?

— Она ждала так долго,
Так велика война.
С твоим бывалым другом
Сошлась твоя жена.

— Так где он? С ним по-свойски
Поговорить бы мне.
Но люди отвечают:
— Погибнул на войне.

Жена второго горя
Не вынесла. Она
Лежит в больнице. Память
Ее темным-темна.

И словно у солдата
Уже не стало сил.
Он шепотом чуть слышно:
— А дочь моя? — спросил.

И люди не посмели,
Солгав, беде помочь:
— Зимой за партой в школе
Убита бомбой дочь.

О, лучше б ты не ездил,
Солдат, с войны домой!
Но он еще собрался
Спросить: — А мальчик мой?

— Твой сын живой, здоровый,
Он ждал тебя один.—
И обнялись, как братья,
Отец и мальчик-сын.

Как братья боевые,
Как горькие друзья.
— Не плачь,— кричит мальчишка,—
Не смей,— тебе нельзя!

А сам припал головкой
К отцовскому плечу.
— Возьми меня с собою,
Я жить с тобой хочу.

— Возьму, возьму, мой мальчик,
Уедешь ты со мной
На фронт, где я воюю,
В наш полк, в наш дом родной.

1943

154. ЗА ВЯЗЬМОЙ

По старой дороге на запад, за Вязьмой,
В кустах по оборкам смоленских лощин,
Вы видели, сколько там наших машин,
Что осенью той, в отступленье, завязли?

Иная торчит, запрокинувшись косо,
В поломанном, втоптанном в грязь лозняке,
Как будто бы пить подползала к реке —
И не доползла. И долго в тоске,
Во тьме, под огнем буксовали колеса.

И мученик этой дороги — шофер,
Которому всё нипочем по профессии,
Лопату свою доставал и топор,
Капот поднимал, проверяя мотор,
Топтался в болотном отчаянном месиве.

Погиб ли он там, по пути на восток,
Покинув трехтонку свою без оглядки,
В зятья ли пристал к подходящей солдатке,
Иль фронт перешел и в свой полк на порог
Явился, представился в полном порядке
И нынче по этому ездит шоссе —
Шофер как шофер, неприметный, как все,
Угревший свое неизменное место,—
Про то неизвестно...

1943

155. ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,—
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

1943

156

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.

Стремглав попутные машины
Проносят пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть, сирота?

И на лице, в глазах, похоже,—
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый всё про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота.— И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

1943

157. НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меняя места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот сверток она из пожара
Спасла.

И полк под спасенное знамя
Весь новый, с иголочки, встал.
И с орденом «Красное Знамя»
Поздравил ее генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела:
— Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...

1943

158

Ветром, что ли, подунуло
С тех печальных полей,—
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,

Незавидной, негромкою,
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

На гнездовья те самые
За Днепром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди счетом уменьшены,
Молча дышат, живут.
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано,
Смыло начисто след?
И как будто, что так оно,
И похоже... А — нет!..

1943

159. МИНСКОЕ ШОССЕ

Всё, как тогда, в то лето злое:
И жесткий шорох пыльных трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,

И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший раненый на бровке,—
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалекий,
И гул шоссейного моста,
И тот же стон большой дороги,

И те же самые места:
Низины, дробные сосенки,
Где, отмечая срок войны,
Трехлетней давности воронки
Меж новых, нынешних, видны.

И жженой жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым.
Но только — мы идем на запад.
Мы наступаем. Мы громим.
Мы бьем *его* что день то пуще,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг броней своей.
Ему ни отдыху, ни сроку,
Беги, куда бежать — гляди:
На пятки жмем, всыпаем сбоку,
И — стой! — встречаем впереди.

Идет, вершится суд суровый.
Священна месть, и казнь права.
И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлет Москва.
И отзвук славы заслуженной
Гудит на тыщи верст вокруг.
И только плачут наши жены
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля,
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней
И сердцу русскому больней.

Вот дождик вкрадчиво прокрапал.
Как тонок грустный дух сенца!..

Войска идут вперед на запад.
Вперед на запад. До конца!..

1944

160. ВОЗМЕЗДИЕ

1

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

Из боя в бой мы шли, из боя в бой,
И, отступая в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, что к нам протягивали руки.

Мы покидали милые поля,
Где провожал нас каждый колос хлеба
И каждый кустик сизый ковыля.
Да, то была родимая земля,
Хотя над ней чужое было небо,

Хотя над ней медовый вянул цвет,—
Так смертной гарью от дорог разило,
Хотя по ней прокладывала след
Чужих колес и гусениц резина.

Мы шли от рубежа до рубежа
Родной земли, прощаясь молча с нею,
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.

И все места, где немец проходил,
Куда вступал бедой неотвратимой,
Рядами вражьих и своих могил
Мы отмечали на земле родимой...

От стен Москвы в морозной жесткой мгле,
Живые мертвых на ходу сменяя,
Его мы гоном гнали по земле,
Но то земля была своя, родная.

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым.
И, чуя гибель, враг от нас бежал,
Гонимый вспять оружьем нашим правым.

То был залог, порука из порук,
Что мы его угомоним навеки,
Но Дон, Донец, но старый Днепр и Буг —
Еще родные наши были реки.

В степи, в горах мы смерть ему несли
И в море опрокидывали с суши.
Но скорбь войной потоптанной земли,
Родной земли томила наши души.

Нам, только нам горька она была,
Ее сынам, печаль земли родимой,
Земли, что столько горя приняла,
Чьи муки, может, невознаградимы...

Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска,— вперед, презрев усталость...
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.

И гром гремел у старых стен Кремля
Во имя славы нашей запредельной,
Но то была не та еще земля,
Не та, с которой счет у нас отдельный.

В тяжелый воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год! Четвертый год войны!..
И вот земля — та самая, чужая...

Вот крыша дома в виде корабля,
Вот садика притихшие верхушки,
Осенние смиренные поля.
Но то она — немецкая земля,
Чьи под Москвой месили землю пушки.

И ветер дышит жаркою золой,—
То час настал для исполненья гнева.
И низко виснет над чужой землей
Ревущее грозою наше небо.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной,
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий,
О мести не расспрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?

Ее завет и краток и суров,
И с нами здесь никто не будет в споре:
Да, смерть — за смерть! Да, кровь — за кровь!
За горе — горе!..

2

Хрустит чужое под ногой
Стекло и черепица.
Вдали за нами край родной,
Земли родной граница.
Да, мы иных, чем ты, кровей,
Иных знамен солдаты,
И мы сегодня по твоей
Земле идем с расплатой.
Как занялся огнем твой дом,
Ты увидал впервые,
А нам тот запах так знаком
И дым тот очи выел.
Прошло, сменилось три травы
Вдоль той дороги долгой:
От Верхней Волги, от Москвы,
Да что! — от Нижней Волги.
И память — боль,— на том стоим,—
Она не убавлялась,
Она от мертвых к нам, живым,
В пути передавалась.
И тот, кто нынче приведен
В твои края войною,
Двойною ношей нагружен,
А может быть, тройною.
И мы не с тем сюда пришли,
Чтоб здесь селиться хатой.
Не надо нам твоей земли,
Твоей страны проклятой.
Нас привела сюда нужда,
Неволя — не охота.
Нам только надо навсегда
Свести с тобою счеты.

И мы тревожим чуждый кров
Священной мести ради.
И суд наш праведный суров,
И места нет пощаде.
И не у нас ее проси,
Мы будем мертвых глуше.
Проси у тех, чьи на Руси
Сгубил безвинно души.
Проси у тех, кого ты сжег,
Зарыл в земле живыми —
Не шевельнется ли песок,
Притоптанный над ними?
Проси у тех, кому велел
Самим копать могилу,
Проси у тех, кого раздел
В предсмертный час постылый.
Проси у девочки у той,
Что, в дула ружей глядя,
Спросила с детской простотой:
— Чулочки тоже, дядя? —
У той, худое тельце чье
У края рва поставил.
Проси пощады у нее,
А мы щадить не вправе.
У нас оглохшие сердца
К твоим мольбам бесстыдным.
Мы справим суд наш до конца,
А после будет видно.

Четвертый год солдат в борьбе,
И сколько дней в чужбине!

Земля родная, о тебе
И сны и думы ныне!

1944

161. У ДНЕПРА

Я свежо доныне помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром.

За неведомой, студеной
Полосой днепровских вод
Стороною отдаленной
Нам казался берег тот...

И не чудо ль был тот случай:
Старый Днепр средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

И, блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Страсть как жутко и высоко
Стало хлопцу на возу.

Вот отец неторопливо
Заложил в колеса кол
И, обняв коня, с обрыва
Вниз, к воде тихонько свел.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом,
И под говор мокрых бревен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли,
И недвижные колеса,
Воз и я — пошли, пошли...

И едва ли сердце знало,
Что оно уже тогда
Лучший срок из жизни малой
Оставляло навсегда.

1944

162. НОЧЛЕГ

Разулся, ноги просушил,
Согрелся на ночлеге,—
И человеку дом тот мил,
Неведомый вовеки.

Уже не первый, не второй,
Ни мой, ни твой, ничейный,
Пропахший обувью сырой,
Солдатским потом, да махрой,
Да смазкою ружейной.

И, покидая угол тот,
Солдат, жилец бездомный,
О нем, бывает, и вздохнет,
И жизнь пройдет, а вспомнит!

1944

163. СТИХОТВОРЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО БОЙЦА

Ласточка, в траншейной нише
Ты с весны у нас жила,
Не найдя родимой крыши
На пожарище села.

Легкая в дому жиличка,
Скоро мы вперед уйдем,
Скучно тебе будет, птичка,
Прилетать в затихший дом.

1944

164

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

1944

165. НА ПОХОДЕ

Хорошо иметь в догадке
Ту примету на Руси,
Что в дому, где бабы гладки,
Там напиться не проси.

Там воды не будет свежей.
— Почему?
— А потому:
Норовят ходить пореже,
Держат теплую в дому.

— Что же, пейте на здоровье,
Если нравится вода.
Жаль, по вашему присловью,
Я, должно быть, так худа.

— Нет, не так, еще в порядке,
И сказать со стороны:
Ни к чему добреть солдатке,
Если мужа ждет с войны.

1944

166. В ЛИТОВСКОЙ УСАДЬБЕ

Зернистый туман августовский
На утре погожего дня
Под стогом в усадьбе литовской
Заставил проснуться меня.

Холодной росою капустной
Он тек по соломе сухой.
И было так тихо и грустно,
Как будто войны никакой.

На самые малые сроки
Зашла она в это жилье,
Уже далеко по дороге
Катились колеса ее...

Я сел на подножке машины,
Курю, а пернатый юнец
Поет фистулой петушиной
Четвертому лету конец,

Поет он под крышей поветки,
И, сонно-угрюмый с лица,
В шляпенке и ветхой жилетке
Мужик соступает с крыльца,

Подошвой гремя деревянной.
Хозяин. Мужик — как мужик.
И слышать занятно и странно
Его «иностранный» язык...

1944

167. О СКВОРЦЕ

На крыльце сидит боец,
На скворца дивится:
— Что хотите, а скворец
Правильная птица.

День-деньской, как тут стоим,
В садике горелом,
Занимается своим
По хозяйству делом.

Починяет домик свой,
Бывший без пригляда.
Мол, война себе войной,
А плодиться надо!

1945

168

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне:

Полой водой и — нежданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

1945

169

Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,
Морозами неслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.

И тяжко было сердцу удрученному
Средь буйной видеть зелени иной
Торчащие по-зимнему, по-черному
Деревья, что не ожили весной.

Под их корой, как у бревна отхлупшею,
Виднелся мертвенный коричневый нагар.
И повсеместно избранные, лучшие
Постиг деревья гибельный удар...

Прошли года. Деревья умерщвленные
С нежданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...

Прошла война. А ты всё плачешь, мать.

1945

170. БЕРЛИН

Не в самый полдень торжества
Приходят лучшие слова...

И сердцу радостно и страшно
Себя доверить той строке,
В которой лозунг наш вчерашний
Сегодня — ноша на штыке.

Отчизна, мать моя, сурово
Не осуди, я слов ищу,

И я лишь первые два слова
Об этом празднике пишу.

Я их сложил, как мог, в минуты
Волненья, что лишают слов,
Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов.

С твоими равными сынами
Я плакал теми же слезами,
Слезами радости, твой сын.

Берлин, о Родина, за нами,
Берлин, товарищи, Берлин!

2 мая 1945

171. В ЧАС МИРА

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.
Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог...

3 августа 1945

172. ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

Книга про бойца

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,—
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой,—
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей,—
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.

Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,—
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее с начала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.—
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой,—
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже,—
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,

Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маета:
Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или попросту в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,

Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей-бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:

Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает всё, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, за́втра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впо́кат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один как перст подчас.

Полем шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,

Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а всё ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.

Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — всё вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой ру́беж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он всё думал, думал...
— Брось ты думать,— говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далёко,
Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,

Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а всё иначе...
— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечь.

Дети спят. Жена хлопочет
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И немалые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх,— и всё — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель,—
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая,—
Кому не дорога!

Упадешь ли как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.
— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец.
Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
«Полагаю,— жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и всё, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудою взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было,— жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, по́том,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно

Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах —
Мертвым всё равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрей идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодною водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:

То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было,— впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы — он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.

Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О ВОЙНЕ

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про всё забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину,—
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже,—
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить,—
Ясно всё до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про всё забудь
И пенять не вправе.
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груде,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,

В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,—
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет,—
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру всё в привычку,—
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Всё в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что́ за жизнь, когда в бою

За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом,—
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится,— говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полати,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,

И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример,
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,— чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это — наши,— понял парень,—
Наши бьют,— теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженых ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?

Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина.— Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди,— нигде не сыщешь,
Не случалось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.

И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно всё же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет,— сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далёко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвой.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронто́вой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути всё туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,—
Смолк шофер,
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,

Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток...—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так...— С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.

И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что,— сказал водитель,—
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
                    — Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.

И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежа,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что,— бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего,— сказал водитель,—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин,—
Это был, конечно, он.

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха.—
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..—
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка...—
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалящая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инстру́мент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами,
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Всё ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь,— пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.

— Вот что значит мы, солдаты,—
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Всё равно такою каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—
Дед расхвастался,— пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...
— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,

И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — всё ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Всё припомнил, всё проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Заискался — нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так нá тебе — кисет!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кисет.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...

Потерял края родные,
Всё на свете — и кисет.

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета как без рук.

В неприютном школьном доме —
Мужики, не детвора.
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:
— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке,—
Начал Теркин,— сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий,—
Просто гордость у меня.
Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.

А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей,— молвит,— нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь,— говорит
И своей ручонкой белой
Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть,
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.

Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.

И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом

Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.

Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько,—
Четверть столько! —
Только знал.

— Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.

Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:

Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал всё вокруг:
— Без кисета как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот.
Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берет кисет потертый.
Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.

Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,—
Я не спорю,— тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Сколько жить еще на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет,—
Мы с тобой за всё в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженый,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не стращая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была как кость большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся — бейся и молчи,—
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленье — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли сяк,
В наступленье — натощак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,

Автоматы — к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь,—
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь.

Но покуда Теркин санки,
Сколько мог,
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?
Не калека ли убогий
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам,—
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка всё решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,

Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытьи глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
— Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты черт,
Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —
И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжко,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка» — добычу ночи,—
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный — это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про всё по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят,—
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Всё про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за всё расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза

И о чем, друзья, покамест
Всё равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море,
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,
Я — любитель жизни мирной —
На войне пою войну.

Что ж еще? И всё, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!..— Вперед.
Есть приказ: умри!..— Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться,
Он не может,— нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Буде случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,
От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся — точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкою иной.

Пушки к бою едут задом —
Это сказано не мной.

«КТО СТРЕЛЯЛ?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
По немыслимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,
Дóбрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пятачок».

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно.

Мать заждалася...
                                    И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, ноет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята;
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.—
Жизни даст!
                                    Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Всё кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...

Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если всё пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом,—
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба.—
Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял? —
А кто стрелял?
Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.
Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
— Не горюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин,—
Это был, понятно, он.

О ГЕРОЕ

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
Недолеток-стригунок.

И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:
— А вы откуда? —
Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы,— вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Теркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно,—
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а всё ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края,
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведет, задует сивая
Лихая борода:
«Ты куда, моя красивая,
Куда идешь, куда...»

И ведет, поет, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошел.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...
Где-то яблоня цветет
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

Где-то будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
Проберешься без труда,

Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною,
Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечешь дорогой кружною
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный,
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а всё же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежу
Спешно пялит на себя.
Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет,—
Всё ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг,—
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами,—
Оробеть при нем не грех,—
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,

На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада,—
Тут война — парад потом,—
Говорят: орел,— так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовской гимнастерке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью —
— Вот, брат Теркин,—
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял,
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустяшный путь...

— Ну а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне по крайности вначале
Днем соваться не с руки.

Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул:
— Понятно!
Дело с отпуском — табак.—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?
— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а *он* — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток,
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.
На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
За тобой прошу учесть.

И боец сказал:
— Понятно.—
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну...

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну?..

Скольких он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к росстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,—
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом,

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
Прямиком через войну.

О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом;

Блиндажами не изрытый,
Не обкуренный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.

И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко всё это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,—
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил,— за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил — за той, за той —
За неписаной границей,
Поперек страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге, там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за всё кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Всё же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,

Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат?

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть;

И ни спичек, ни махорки —
Всё раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.

Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат,— это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле...
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют худые черти,
Сам слыхал: «Москва моя».

Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,

И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно,— печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не пе̂вец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает...

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул:
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел,— ну, ну! — сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.

Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

Заключить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте,— скажут снова,—
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,—
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых

Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный,
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно,—
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены,—
Кто не знал — проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова
Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?

Жены думают, любя,
Что иное слово
Всё ж скорей найдет тебя
На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны вдосталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены,—
Сотню раз проверьте,—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу
Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.

А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата

Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.

Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.

Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Всё, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотрись вокруг детально,
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно

Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты помимо сна обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корежить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрого дана,
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин
И решил:
— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
— Как вам нравится у нас?

— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на́, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.

Хороша, при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна!
Ах, как трудно всё на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой!

Что ж не спится, в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казнись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна всё нет.
— Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:
— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,—

Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая,— так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь,—

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока.
С чувством редкостным — точь-в-точь
Словно где-нибудь далёко
Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка,
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет,— заслышал,
Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далёко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота,—
Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.
А там — вперед.

В НАСТУПЛЕНИИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалей —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали
На досуге.
Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ: конец стоянке.
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война, и всё пройдет...

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим.
А покамест
Далеко до той поры.

* * *

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идет Василий,
Под огнем идет в село.

И до отчего порога,
До родимого села

Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь.
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнем —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин так же ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слыхал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за всё ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.

И пролег уже далёко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли саперы молодцом.

— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
— А пехота!
— Как по нотам
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —
Смерть подумала.
— Ну что же,
Подпишись — и на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.
— Не торгуйся, дорогой.

Всё равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—
Всё равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.

Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Всё равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—
Отвернул с трудом плечо.—
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—
Продолжала Смерть, смеясь.—
А и встанешь — всё сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу:
Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Всё в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник...
— Печки нету.
— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,—
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условье,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко

Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко,—
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.
— Где, чудак?
— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Всё равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

— А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натощак.

— Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.

— Кабы так — один глоток.
— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело,—
Рассуждают не спеша.—
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.—
А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.—
Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога,—
Целина, по пояс снег.

— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек,—
Говорит земляк толково,—
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,—
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке,—
Заключают земляки.—
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

ТЕРКИН ПИШЕТ

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
Вскоре без подмоги
Той ногой траву топтать,

Встав на обе ноги...
Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей,
Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил,
Отступая, пыль глотал,
Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Всё на свете, всё сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться
И, дождавшись добрых дней,
По Смоленщине своей
Топать до границы.

Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
До конца идти,— пойдем
Где угодно с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То по крайности средь вас,
Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
Как сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

Полагаю, генерал
Как-никак уважит,—
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

За письмом, надеюсь, вслед
Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
Заключить хочу я:
Что великие бои,
Как погоду, чую.

Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

Сплю скорей да жду вестей.
Всё сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш
Василий Теркин.

ТЕРКИН — ТЕРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
Тому надо обогрев.

Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберет.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.

Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

Тот сидит разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго,—
Узнает — его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.

— Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы. Темень...
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.

— Ну, брат, он еще дает,
Отпускает, не скупится...
— Всё же с прежним не сравнится,—
Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное, беги!

— Охо-хо. Война, ребятки.
— А ты думал! Вот чудак.
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
— Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Так ли, сяк ли, Теркин дома,
То есть — снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Всё не то: иное место
И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...

— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь.

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя? —
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.
— Почему?
— Так я же Теркин.

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:
— Теркин — лично?
— Я и есть.
— В самом деле?
— В самом деле.
— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

— Не свернете ли махорки? —
Кто-то вытащил кисет.
И не мой, а тот уж Теркин
Говорит:
— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий —
Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Теркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Теркин,
Промолчал бы мой герой.

Но, поскольку водит носом,
Задается человек,
Теркин мой к нему с вопросом:
— А у вас небось «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.—
Возьми его!

Видит мой Василий Теркин —
Не с того зашел конца.
И не то чтоб чувством горьким
Укололо молодца,—

Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Всё же Теркин — это я...

Смех, волненье.
— Новый Теркин!
— Хлопцы, двое...
— Вот беда...
— Как дойдет их до пятерки,
Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь,— отвечает
Теркин тот, поджав губу,—
Теркин — я.

— Да кто их знает,—
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки
Рыжий — книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...
— Только Теркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:
— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:
— Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинелку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Теркин-бронебойщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
— Гармонь найдется,
Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснется...
— Пусть проснется.
— Есть гармонь!

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть не брит,
И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,— говорит,—
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Теркин тот.

Теркин сам уже хохочет,
Сердцем щедрым наделен.
И не так уже хлопочет
За себя,— что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Теркин?
— Ну и лихо!..—
Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберете,
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойтись! —
И я согласен

С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья...

Впрочем, всё тут мимоходом
К разговору вставил я.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть,—
Той и славушку творить...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придешься ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.
Теркин? Кто такой? А ныне —
Теркин кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

— Словом, Теркин, тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...
Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

— Не могло того случиться.
— Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.

В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядом
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слыхали так, что мина...

— Пуля-дура...
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Всё равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнес?

— Говорил насчет победы.
Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль,— сказал,— что до обеда
Я убитый, натощак.
Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,
Как там, что: без аттестата
Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне — конец».

Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! — Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Всё худое он изведал,
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай!

С первых дней годины горькой
Мир слыхал сквозь грозный гром,—
Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?!

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелося
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья
Вдаль на запад сторона,—

Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то,—
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину,—
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег,—
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
— Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух.

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной,—
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето.
Немец жить велел живым.
Шла война далёко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоем сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей,—
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди.— Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег.

Словно думал подороже
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
Грохот наших батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай еще! Добавь! Погрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду,—
Сам хотел того иль нет,—
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину,
И придумывал резон.

Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

* * *

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать в часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой,—
Всё равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.

Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,
За топор — и наперед:
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Всё же вроде как жива,—
Наше место свято,—
Слышит русские слова:
— Жители, ребята?..

— Детки! Родненькие... Детки!..—
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
И старшой у аппарата,—
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Верти, папаша.—
Дед садится, вытер лоб.
— Ну, ребята, счастье ваше —
Голос подали. А то б...

И старшой ему кивает:
— Ничего. На том стоим.
На войне, отец, бывает —
Попадает по своим.

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз, что покурить,
В самый раз продлить беседу:
Столько ждал! — Поговорить.

Но они спешат не в шутку.
И еще не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди, скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а всё же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой.—
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.

Откажи мне в черствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,

За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Всё смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще,— просила,—
Закуси, поешь пока...

И спешил, а всё ж отведал,
Угостился, как родной.
Табаку отсыпал деду
И простился.

— Связь, за мной! —
И уже пройдя немного,—
Мастер памятлив и тут,—
Теркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?

— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

НА ДНЕПРЕ

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
Жизнью тертый человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Всё же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль!

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так!..

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!..

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война — ей всё едино,
Все — хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпях забыл в саду.

Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!
— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
Всё, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

Хлам войны — понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорища,
Что сапер держал в руке.

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—
Я ступал в тот след горячий..
Я там был. Я жил тогда...

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,
И когда-то мост понтонный
Доберется до реки,—

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, бревна — за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет...
Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно,—
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной

До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! На то десант.
— Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются,
Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души —
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
Некий немец беспорточный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.

Только-только из Днепра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара...

— Сытый, черт!
Чистопородный.
— В плен спешит, как на привал...

Но уже любимец взводный —
Теркин в шутки не встревал.
Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек,—
Просто больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!
Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.
Минул срок годины горькой,
Не воротится назад.

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..
— Виноват...

ПРО СОЛДАТА-СИРОТУ

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь — подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,

Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня
И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед, на запад»,
Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

И по странности, бывало,
Одному ему почет,
Так что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем, битый, тертый, жженый,
Раной меченный двойной,
В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..»

И, в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далёко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

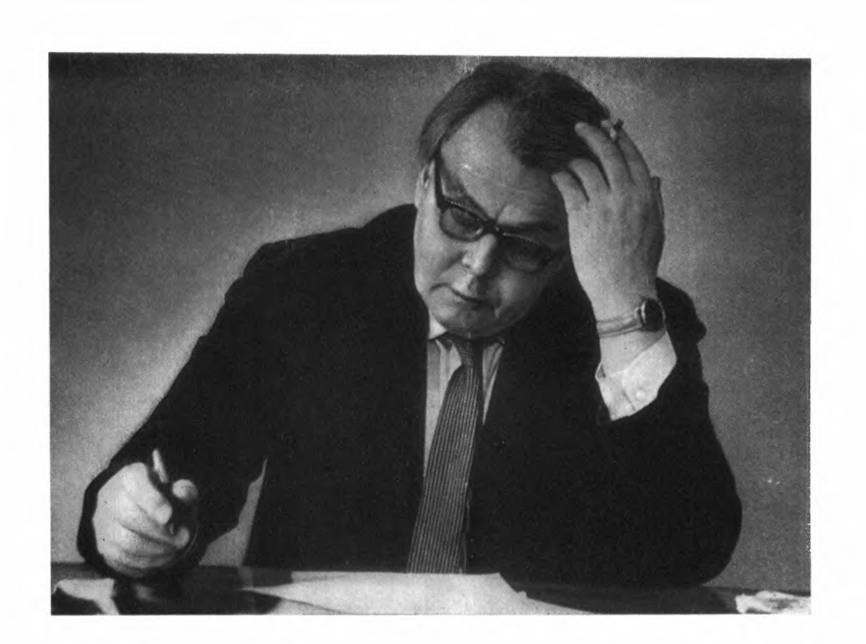
И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету! —
Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...
Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
Брат, сестра, отец иль мать

У тебя вот есть на свете,—
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата —
Адресатом белый свет.
Кроме радио, ребята,
Близких родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

На походе за границей,
В чужедальней стороне,
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,—

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают в меру срока...
Край известный до куста.
Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Всё по правде, что служивый —
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой,— сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.

А война пошла такая —
Кухни сзади, черт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная —
Бей, гони, перенимай.
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Где он нынче на поверку?
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю.
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой,
Так ли, нет,— должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести,— прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой
Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За мильоны душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли,—
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый день победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,

Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека.
Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Всё нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:

Воевал четыре го́да,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
Пух перин клубится тучей.
Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, вьючный, пеший люд...
На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
— А туда ж — домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

Старость вроде, да не дряхлость
В ту котомку впряжена.
По-дорожному крест-накрест
Вся платком оплетена.

Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей;

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат;

И живут, и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

Мать одна в чужбине где-то!
— Далеко ли до двора?
— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведерко про запас,
Да перинку, да подушку,—
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать! —
Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай.
Что касается начальства,—
Свой у всех передний край.

Поезжай, кати, что́ с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не позабудь:
Мол, снабдил Василий Теркин,—
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.
— Дай господь тебе здоровья
И от пули сбереги...

Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта,
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской —
Белый цвет родных берез.

Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..

Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

В БАНЕ

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, за́мок, всё равно,
Дело безобманное:
Банный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь,
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел,— который год
Загорал в одеже.

И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
Пусть не спереди она,—
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки точно письмена
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с заграницей.

Столько верст и столько вех,
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой:
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий;

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крякает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок,
Ну-ка, с ходу на полок!

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка ты, псковской, елецкий
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да уважь, плесни черпак.

Не жалей, добавь на пфенниг,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,

Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу на полок
Не втянуть и на веревке,—
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
Бра́ться париться с солдатом,—
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.

Пусть он, в общем, тертый малый,
Хоть, понятно, черта нет,
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полке́, полке́, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай.—
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —
Всё равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле —
Истолочь живьем в «котле».

И за всю войну впервые —
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война — не та работа,
Если праздник недалек.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать,
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит;

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,
Моет мыльною водой,
Дармовою, банной.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.

Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
Издавна, извечно
За лихое удальство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники
Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все,—
Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..

— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
Всё равно что Теркин.

ОТ АВТОРА

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца —

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.
И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца,—
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,

Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал,—
Он-то скажет непременно,—
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а всё понятно,
Всё на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной године,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

173. ДОМ У ДОРОГИ

Лирическая хроника

ГЛАВА 1

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Но я с тобою был, солдат,
С тобою неизменно —
До той и с той зимы подряд
В одной страде военной.

Твоей судьбой я только жил
И пел ее доныне,
А эту песню отложил,
Прервав на половине.

И как вернуться ты не мог
С войны к жене-солдатке,
Так я не мог
Весь этот срок
Вернуться к той тетрадке.

Но как ты помнил на войне
О том, что сердцу мило,
Так песня, начавшись во мне,
Жила, кипела, ныла.

А я ее в себе берег,
Про будущее прочил,
И боль и радость этих строк
Меж строк скрывая прочих.

Я нес ее и вез с собой
От стен родной столицы —
Вслед за тобой,
Вслед за тобой —
До самой заграницы.

От рубежа до рубежа —
На каждом новом месте
Ждала с надеждою душа
Какой-то встречи, вести...

И где бы ни переступал
Каких домов пороги,
Я никогда не забывал
О доме у дороги,

О доме горестном, тобой
Покинутом когда-то.
И вот в пути, в стране чужой
Я встретил дом солдата.

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи верст от дому.

Она тянула кое-как
Вдоль колеи шоссейной —
С меньшим, уснувшим на руках,
И всей гурьбой семейной.

Кипели реки подо льдом,
Ручьи взбивали пену,
Была весна, и шел твой дом
На родину из плена.

Он шел в Смоленщину назад,
Что так была далече...
И каждый наш солдатский взгляд
Теплел при этой встрече.

И как там было не махнуть
Рукой: «Бывайте живы!»,
Не обернуться, не вздохнуть
О многом, друг служивый.

О том хотя бы, что не все
Из тех, что дом теряли,
На фронтовом своем шоссе
Его и повстречали.

Ты сам, шагая в той стране
С надеждой и тревогой,
Его не встретил на войне,—
Другою шел дорогой.

Но дом твой в сборе, налицо.
К нему воздвигнуть стены,
Приставить сени и крыльцо —
И будет дом отменный.

С охотой руки приложить —
И сад, как прежде, дому
Заглянет в окна.
Жить да жить,
Ах, жить да жить живому!

А мне бы петь о жизни той,
О том, как пахнет снова
На стройке стружкой золотой,
Живой смолой сосновой.

Как, огласив войне конец
И долголетье миру,
Явился беженец-скворец
На новую квартиру.

Как жадно в рост идет трава
Густая на могилах.
Трава — права,
И жизнь жива,
Но я про то хочу сперва,
Про что забыть не в силах.

Так память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стишится, пока
Не выскажется вволю.

И в самый полдень торжества,
На праздник возрожденья

Она приходит, как вдова
Бойца, что пал в сраженье.

Как мать, что сына день за днем
Ждала с войны напрасно,
И позабыть еще о нем,
И не скорбеть всечасно
Не властна.

Пусть меня простят,
Что снова я до срока
Вернусь, товарищи, назад,
К той памяти жестокой.

И всё, что выразится здесь,
Да вникнет в душу снова,
Как плач о родине, как песнь
Ее судьбы суровой.

ГЛАВА 2

В тот самый час воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росою белой.

Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло,
И дело шло,
И всё, казалось, пело:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

И палисадник под окном,
И сад, и лук на грядах —
Всё это вместе было дом,
Жилье, уют, порядок.

Не тот порядок и уют,
Что, никому не веря,
Воды напиться подают,
Держась за клямку двери.

А тот порядок и уют,
Что всякому с любовью
Как будто чарку подают
На доброе здоровье.

Помытый пол блестит в дому
Опрятностью такою,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

И хорошо за стол свой сесть
В кругу родном и тесном,
И, отдыхая, хлеб свой есть,
И день хвалить чудесный.

Тот вправду день из лучших дней,
Когда нам вдруг с чего-то —
Еда вкусней,

Жена милей
И веселей работа.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завыла.

И, опершися на косье,
Босой, простоволосый,
Ты постоял — и понял всё,
И не дошел прокоса.

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясался,
А в том саду всё тот же звук
Как будто раздавался:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

И был ты, может быть, уже
Забыт самой войною,
И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, тот же звук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.

Он сердце ей насквозь изжег
Тоскою неизбытой,
Когда косила тот лужок
Сама косой небитой.

Слепили слезы ей глаза,
Палила душу жалость.

Не та коса,
Не та роса,
Не та трава, казалось...

Пусть горе женское пройдет,
Жена тебя забудет
И замуж, может быть, зайдет
И будет жить, как люди.

Но о тебе и о себе,
О давнем дне разлуки
Она в любой своей судьбе
Вздохнет при этом звуке:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

ГЛАВА 3

Еще не здесь, еще вдали
От этих нив и улиц
Стада недоеные шли
И беженцы тянулись.

Но шла, гудела, как набат,
Беда по всей округе.
За черенки взялись лопат,
За тачки бабьи руки.

Готовы были день и ночь
Копать с упорством женским,
Чтоб чем-нибудь войскам помочь
На рубеже смоленском.

Чтоб хоть в родимой стороне,
У своего порога,
Хотя б на малый срок войне
Перекопать дорогу.

И сколько рук — не перечтешь! —
Вдоль той канавы длинной
Живьем приваливали рожь
Сырой тяжелой глиной.

Живьем хлеба, живьем траву
Приваливали сами.

А *он* уж бомбы на Москву
Возил над головами.

Копали ров, валили вал,
Спешили, будто к сроку.

А *он* уж по земле ступал,
Гремел неподалеку.

Ломал и путал фронт и тыл
От моря и до моря,
Кровавым заревом светил,
В ночи смыкая зори.

И страшной силой буревой,
В медовый срок покоса,
В дыму, в пыли перед собой
От фронта гнал колеса.

И столько вывалило вдруг
Гуртов, возов, трехтонок,
Коней, подвод, детей, старух,
Узлов, тряпья, котомок...

Моя великая страна,
У той кровавой даты
Как ты была еще бедна
И как уже богата!

Зеленой улицей села,
Где пыль легла порошей,
Огромный край война гнала
С поспешно взятой ношей.

Смятенье, гомон, тяжкий стон
Людской страды горячей.

И детский плач, и патефон,
Поющий, как на даче,—
Смешалось всё, одной беды —
Войны знаменьем было...

Уже до полудня воды
В колодцах не хватило.

И ведра глухо грунт скребли,
Гремя о стенки сруба,
Полупустые кверху шли,
И к капле, прыгнувшей в пыли,
Тянулись жадно губы.

А сколько было там одних —
С жары совсем соловых —
Курчавых, стриженых, льняных,
Чернявых, русых и иных
Ребяческих головок.

Нет, ты смотреть не выходи
Ребят на водопое.
Скорей своих прижми к груди,
Пока они с тобою.

Пока с тобой,
В семье родной,
Они, пускай не в холе,
В любой нужде
В своем гнезде —
Еще на зависть доля.

И приведись на горький путь
Сменить свое подворье —
Самой детей одеть, обуть —
Еще, поверь, полгоря.

И, притерпевшись, как-никак
Брести в толпе дорожной
С меньшим, уснувшим на руках,
С двумя при юбке — можно!

Идти, брести,
Присесть в пути
Семьей на отдых малый.
Да кто сейчас
Счастливей вас!
Смотри-ка, есть, пожалуй.

Где светит свет хоть краем дня,
Где тучей вовсе застится.
И счастье счастью не ровня,
И горе — горю разница.

Ползет, скрипит кибитка-дом,
И головы детишек
Хитро укрыты лоскутом
Железной красной крыши.

И служит кровлей путевой
Семье, войной гонимой,
Та кровля, что над головой
Была в краю родимом.

В краю ином
Кибитка-дом,
Ее уют цыганский
Не как-нибудь
Налажен в путь,—
Мужской рукой крестьянской.

Ночлег в пути, ребята спят,
Зарывшись в глубь кибитки.
И в небо звездное глядят
Оглобли, как зенитки.

Не спит хозяин у огня.
На этом трудном свете
Он за детей, и за коня,
И за жену в ответе.

И ей, хоть лето, хоть зима,
Всё ж легче путь немилый.
А ты реши-ка всё сама,
Своим умом и силой.

В полдневный зной
И в дождь ночной
Укрой в дороге деток.

Далекий мой,
Родимый мой,
Живой ли, мертвый — где ты?..

Нет, ни жена, ни даже мать,
Что думала о сыне,
Не в силах были угадать
Всего, что станет ныне.

Куда там было в старину,—
Всё нынче по-иному:
Ушел хозяин на войну,
Война подходит к дому.

И, чуя гибель, этот дом
И сад молчат тревожно.
И фронт — уж вот он — за холмом
Вздыхает безнадежно.

И пыльных войск отход, откат
Не тот, что был вначале.
И где колонны кое-как,
Где толпы зашагали.

Всё на восток, назад, назад,
Всё ближе бьют орудья.
А бабы воют и висят
На изгороди грудью.

Пришел, настал последний час,
И нет уже отсрочки.
— А на кого ж вы только нас
Кидаете, сыночки?..

И то, быть может, не упрек,
А боль за них и жалость.
И в горле давящий комок
За всё, что с жизнью сталось.

И сердце женское вдвойне
Тоска, тревога гложет,
Что своего лишь там, в огне,
Жена представить может.

В огне, в бою, в чадном дыму
Кровавой рукопашной.
И как, должно быть, там ему,
Живому, смерти страшно.

Не подсказала б та беда,
Что бабьим воем выла,
Не знала б, может, никогда,
Что до смерти любила.

Любила — взгляд не оброни
Никто, одна любила.
Любила так, что от родни,
От матери отбила.

Пускай не девичья пора,
Но от любви на диво —
В речах остра,
В делах быстра,
Как змейка вся ходила.

В дому — какое ни житье —
Детишки, печь, корыто —
Еще не видел он ее
Нечесаной, немытой.

И весь она держала дом
В опрятности тревожной,
Считая, может, что на том
Любовь вовек надежней.

И та любовь была сильна
Такою властной силой,
Что разлучить одна война
Могла.
И разлучила.

ГЛАВА 4

Томила б только ты бойца,
Война, тоской знакомой,
Да не пылила б у крыльца
Его родного дома.

Давила б грузным колесом
Тех, что твои по списку,
Да не губила б детский сон
Пальбой артиллерийской.

Гремя, бесилась бы спьяна
У своего предела,—
И то была бы ты, война,
Еще святое дело.

Но ты повыгнала ребят
В подвалы, в погребушки,
Ты с неба наземь наугад
Свои кидаешь чушки.

И люди горькой стороны
У фронта сбились тесно,
Боясь и смерти и вины
Какой-то неизвестной.

А ты всё ближе ко двору,
И дети, чуя горе,
Пугливым шепотом игру
Ведут в углу, не споря...

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел детей и дом беречь,—
Жена за всё в ответе.
Но не сказал, топить ли печь
Сегодня на рассвете.

Но не сказал, сидеть ли тут,
Бежать ли в свет куда-то.
Всё бросить вдруг.
А где нас ждут,
Где просят?
Свет — не хата.

Здесь потолок над головой,
Здесь — дом, в хлеву — корова...
А немец, может, он иной
И не такой суровый,—
Пройдет, минет.

А вдруг как нет?
Не тою славен славой.
А что ж, тогда ты в сельсовет
Пойдешь искать управы?

Каким сгрозишь ему судом,
Как встанет на пороге,
Как в дом войдет?
Нет, кабы дом
Подальше от дороги...

...Последних четверо солдат
Калитку в сад открыли,
Железом кованых лопат .
Устало грюкнули не в лад,
Присели, закурили.

И улыбнулся, обратясь
К хозяйке, старший вроде:
— Хотим тут пушечку у вас
Поставить в огороде.

Сказал, как будто человек
Проезжий, незнакомый,
С конем просился на ночлег,
С телегой возле дома.

Ему и ласка и привет.
— Не уходите только,
Не покидайте нас...
— Да нет,—
Переглянулись горько.

— Да нет, от этой конопли
Мы не уйдем, мамаша.
Затем, чтоб все уйти могли,—
Такая служба наша.

— И ты спеши,— сказал боец,—
Поскольку эту пушку,
А заодно и твой дворец
Уж *он* возьмет на мушку.
А впрочем, малость погоди,—
Прислушавшись, добавил: —

Кладет уж вон где, впереди,
Как раз по переправе.

Земля вокруг как на волне,
И день оглох от грома.
— Вот жизнь: хозяин на войне,
А ты, выходит, дома.

А у нее про всех готов
Один вопрос печальный:
— Сивцов — фамилия. Сивцов.
Не слышали случайно?

— Сивцов? Постой, подумать дай.
Ну да, слыхал Сивцова.
Сивцов — ну как же, Николай,
Так он — живой, здоровый.
Не твой? Ага, а твой Андрей?
Андрей, скажи на милость...

Но чем-то вроде дорог ей
И тот однофамилец.

— Ну что, друзья, кончай курить.—
Разметил план лопатой
И стал усердно землю рыть
Солдат в саду солдата.

Не для того, чтоб там взросла
Какая-либо штука,
И не нарочно, не со зла,
А как велит наука.
Он рыл окоп, по форме чтоб
И глубина и бруствер...

Ах, сколько в том рытье одном
Покорной делу грусти.

Он делал дело — землю рыл,
Но, может, думал мельком
И даже, может, говорил,
Вздыхал:
— Земля, земелька...

Уже они по грудь в земле,
Зовет к столу солдатка,
Как будто помочи в семье,
Обед и отдых сладкий.

— Устали, кушайте.
— Ну что ж,
Горячего, покамест...

— Еще, признаться, грунт хорош,
А то бывает — камень...

И первым старший ложку нес,
А вслед за ним солдаты.
— А что, богатый был колхоз?
— Нет, не сказать богатый,
Не так, а всё-таки. Хлеба
Сильнее за Угрою...
— Смотри, притихнула пальба.
— Детишек трое?
— Трое...

И общий вздох:
— С детьми — беда.—
И разговор с заминкой.
Жирна не вовремя еда,
Грустна, как на поминках.

— Спасибо наше за обед,
Хозяюшка, спасибо.
А что касается... так — нет,
Не жди, беги как-либо.

— Постой,— сказал другой солдат,
В окно с тревогой глядя:—
Смотри, народ как раз назад
Потек.
— Чего бы ради?

Дорога пыльная полна,
Идут, бредут понуро.
С востока к западу война
Оглобли завернула.

— Выходит, он уж впереди.
— А что ж теперь, куда же?
— Молчи, хозяйка, и сиди,
Что дальше — день покажет.
А нам стеречь твой огород,
Хозяйка,— дело худо,
Выходит, наш теперь черед
Искать ходов отсюда.

И по лихой нужде своей
Теперь они, солдаты,
Казалось, женщины слабей,
И не виновны перед ней,
А всё же виноваты.

— Прощай, хозяйка, жди, придем,
Настанут наши сроки.
И твой найдем приметный дом
У столбовой дороги.
Придем, найдем, а может, нет;
Война,— нельзя ручаться.
Еще спасибо за обед...

— И вам спасибо, братцы.
Прощайте.—
Вывела людей.
И с просьбой безнадежной:
— Сивцов,— напомнила,— Андрей,
Услышите, возможно...

Шагнула вслед, держась за дверь,
В слезах, и сердце сжалось,
Как будто с мужем лишь теперь
Навеки распрощалась.
Как будто он ушел из рук
И скрылся без оглядки...

И ожил вдруг в ушах тот звук,
Щемящий звон лопатки:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой...

Вам не случилось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьем,
Солдат земли иной?

Не бил, не мучил и не жег,—
Далёко до беды.
Вступил он только на порог
И попросил воды.

И, наклонившись над ковшом,
С дороги весь в пыли,
Попил, утерся и ушел
Солдат чужой земли.

Не бил, не мучил и не жег,—
Всему свой срок и ряд.
Но он входил, уже он мог
Войти, чужой солдат.

Чужой солдат вошел в ваш дом,
Где свой не мог войти.
Вам не случилось быть при том?
И бог не приведи!

Вам не случилось быть при том,
Когда, хмельной, дурной,
За вашим тешится столом
Солдат земли иной?

Сидит, заняв тот край скамьи,
Тот угол дорогой,
Где муж, отец, глава семьи
Сидел, не кто другой.

Не доведись вам злой судьбой
Не старой быть притом
И не горбатой, не кривой
За горем и стыдом.

И до колодца по селу,
Где есть чужой солдат,

Как по толченому стеклу,
Ходить вперед-назад.

Но если было суждено
Всё это, всё в зачет,
Не доведись хоть то одно,
Чему еще черед.

Не доведись вам за войну,
Жена, сестра иль мать,
Своих
Живых
Солдат в плену
Воочью увидать.

...Сынов родной земли,
Их стыдным, сборным строем
По той земле вели
На запад под конвоем.

Идут они по ней
В позорных сборных ротах,
Иные без ремней,
Иные без пилоток.

Иные с горькой, злой
И безнадежной мукой
Несут перед собой
На перевязи руку...

Тот хоть шагать здоров,
Тому ступить задача,—
В пыли теряя кровь,
Тащись, пока ходячий.

Тот, воин, силой взят
И зол, что жив остался.
Тот жив и счастью рад,
Что вдруг отвоевался.

Тот ничему цены
Еще не знает в мире.
И все идут, равны
В колонне по четыре.

Ботинок за войну
Одних не износили,
И вот они в плену,
И этот плен — в России.

Поникнув от жары,
Переставляют ноги.
Знакомые дворы
По сторонам дороги.

Колодец, дом и сад
И все вокруг приметы.
День или год назад
Брели дорогой этой?

Год или только час
Прошел без проволочки?..

«А на кого ж вы нас
Кидаете, сыночки!..»

Теперь скажи в ответ
И встреть глаза глазами,
Мол, не кидаем, нет,
Глядите, вот мы с вами.

Порадуй матерей
И жен в их бабьей скорби.
Да не спеши скорей
Пройти. Не гнись, не горбись...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Не муж, не сын, не брат
Проходят перед ними,
А только свой солдат —
И нет родни родимей.

И сколько тех рядов
Ты молча проводила
И стриженых голов,
Поникнувших уныло.

И вдруг — ни явь, ни сон —
Послышалось как будто,—
Меж многих голосов
Один:
— Прощай, Анюта...

Метнулась в тот конец,
Теснясь в толпе горячей.
Нет, это так. Боец
Кого-то наудачу
Назвал в толпе. Шутник.
До шуток здесь кому-то.

Но если ты меж них,
Окликни ты Анютой.

Ты не стыдись меня,
Что вниз сползли обмотки,
Что, может, без ремня
И, может, без пилотки.

И я не попрекну
Тебя, что под конвоем
Идешь. И за войну
Живой, не стал героем.

Окликни — отзовусь.
Я здесь, твоя Анюта.
Я до тебя прорвусь,
Хоть вновь навек прощусь
С тобой. Моя минута!

Но как спросить сейчас,
Произнести хоть слово:
А нет ли здесь у вас,
В плену, его, Сивцова
Андрея?

Горек стыд.
Спроси, а он, пожалуй,
И мертвый не простит,
Что здесь его искала.

Но если здесь он, вдруг
Идет в колонне знойной,

Закрыв глаза...
— Цурюк!
Цурюк! — кричит конвойный.

Ему ни до чего
И дела нету, право,
И голос у него,
Как у ворон, картавый:

— Цурюк!—
Немолод он,
Устал, до черта жарко,
До черта обозлен,
Себя — и то не жалко...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Глазами поперек
И вдоль колонны ловят.
И с чем-то узелок,
Какой ни есть кусок
У многих наготове.

Не муж, не сын, не брат,
Прими, что есть, солдат,
Кивни, скажи что-либо,—
Мол, тот гостинец свят
И дорог, мол. Спасибо.

Дала из добрых рук,
За всё, что стало вдруг,
С солдата не спросила.
Спасибо, горький друг,
Спасибо, мать-Россия.

А сам, солдат, шагай
И на беду не сетуй;
Ей где-то есть же край,
Не может быть, что нету.

Пусть пахнет пыль золой,
Поля — горелым хлебом
И над родной землей
Висит чужое небо.

И жалкий плач ребят,
Не утихая, длится,
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица...

Нет, мать, сестра, жена
И все, кто боль изведал,
Та боль не отмщена
И не прошла с победой.

За этот день один
В селе одном смоленском —
Не отплатил Берлин
Своим стыдом вселенским.

Окаменела память,
Крепка сама собой.

Да будет камнем камень,
Да будет болью боль.

ГЛАВА 6

Еще не та была пора,
Что входит прямо в зиму.
Еще с картошки кожура
Счищалась об корзину.

Но становилась холодна
Земля нагрева летнего.
И на ночь мокрая копна
Впускала неприветливо.

И у костра был сон — не сон.
Под робкий треск валежника
Теснила осень из лесов
Тех горьких дней ночлежника.

Манила памятью жилья,
Тепла, еды и прочего.
Кого в зятья,
Кого в мужья,—
Куда придется прочила.

Внушала голосом молвы,
Дождем, погодой золкою,
Что из-под Ельни до Москвы
Идти — дорога долгая...

...В холодной пуне, у стены,
От лишних глаз украдкой,
Сидел отставший от войны
Солдат с женой-солдаткой.

В холодной пуне, не в дому,
Солдат, под стать чужому,
Хлебал, что вынесла ему
Жена тайком из дому.

Хлебал с усердьем горевым,
Забрав горшок в колени.
Жена сидела перед ним
На том остывшем сене,
Что в давний час воскресным днем,
По праздничному делу
В саду косил он под окном,
Когда война приспела.

Глядит хозяйка: он — не он
За гостя в этой пуне.
Недаром, видно, тяжкий сон
Ей снился накануне.

Худой, заросший, словно весь
Посыпанный золою.
Он ел, чтоб, может быть, заесть
Свой стыд и горе злое.

— Бельишка пару собери
Да свежие портянки,
Чтоб мне в порядке до зари
Сниматься со стоянки.

— Всё собрала уже, дружок,
Всё есть. А ты в дороге
Хотя б здоровье поберег,
И первым делом ноги.

— А что еще? Чудные вы
С такой заботой, бабы.
Начнем-ка лучше с головы,—
Ее сберечь хотя бы.

И на лице солдата — тень
Усмешки незнакомой.
— Ах, я как вспомню: только день
Ты этот дома.

— Дома!
Я б тоже рад не день побыть,—
Вздохнул.— Прими посуду.
Спасибо. Дай теперь попить.
С войны вернусь — побуду.

И сладко пьет, родной, большой,
Плечьми упершись в стену,
По бороде его чужой
Катятся капли в сено.

— Да, дома, правду говорят,
Что и вода сырая
Куда вкусней,— сказал солдат,
В раздумье утирая
Усы бахромкой рукава,
И помолчал с минуту.—
А слух такой, что и Москва
На очереди, будто...

Идти — не штука, был бы толк,—
Добавил он с заминкой
И так невесело примолк,
Губами сжав сенинку.

Жена подвинулась к нему
С участливой тревогой.
Мол, верить стоит не всему,
Болтают нынче много.

А немец, может, он теперь
К зиме остепенится...

А он опять:
— Ну что же, верь
Тому, что нам годится.
Один хороший капитан
Со мной блуждал вначале.
Еще противник по пятам
За нами шел. Не спали,
Не ели мы тогда в пути.
Ну, смерть. Так он, бывало,
Твердил: идти, ползком ползти —
Хотя бы до Урала.
Так человек был духом зол
И ту идею помнил.

— И что же?
— Шел и не дошел.
— Отстал?
— От раны помер.
Болотом шли. А дождь, а ночь,
А тоже холод лютый.
— И не могли ничем помочь?
— И не могли, Анюта...

Лицом к плечу его припав,
К руке — девчонкой малой,
Она схватила за рукав
Его и всё держала,
Как будто думала она
Сберечь его хоть силой,
С кем разлучить одна война
Могла, и разлучила.

И друг у друга отняла
В воскресный день июня.
И вновь ненадолго свела
Под крышей этой пуни.

И вот он рядом с ней сидит
Перед другой разлукой.
Не на нее ли он сердит
За этот стыд и муку?

Не ждет ли он, чтобы сама
Жена ему сказала:
— Сойти с ума — идти. Зима.
А сколько до Урала! —

И повторяла бы:
— Пойми,
Кому винить солдата,
Что здесь жена его с детьми,
Что здесь — родная хата.
Смотри, пришел домой сосед
И не слезает с печи...

А он тогда сказал бы:
— Нет,
Жена, дурные речи...

Быть может, горький свой удел,
Как хлеб щепоткой соли,
Приправить, скрасить он хотел
Таким геройством, что ли?

А может, просто он устал,
Да так, что через силу
Еще к родным пришел местам,
А дальше — не хватило.

И только совесть не в ладу
С приманкой-думкой этой:
Я дома. Дальше не пойду
Искать войну по свету.

И неизвестно, что верней,
А к горю — в сердце смута.
— Скажи хоть что-нибудь, Андрей.
— Да что сказать, Анюта?
Ведь говори не говори,
А будет легче разве
Сниматься завтра до зари
И пробираться к Вязьме?
Никем не писанный маршрут
Распознавать на звездах.
Дойти до фронта — тяжкий труд,
Дойдешь, а там — не отдых.

Там день один, как год, тяжел,
Что́ день, порой минута...
А тот — он шел и не дошел,
Но всё идет как будто.
Ослабший, раненый идет,
Что в гроб кладутся краше.
Идет.
«Товарищи, вперед.
Дойдем. Настанет наше!
Дойдем, иному не бывать,
Своих достигнем линий.
И воевать — не миновать.
А отдыхать?
В Берлине!»
На каждом падая шагу
И поднимаясь снова,
Идет. А как же я могу
Отстать, живой, здоровый?
Мы с ним прошли десятки сел,
Где как, где смертным лазом.
И раз он шел, да не дошел,
Так я дойти обязан.
Дойти. Хоть я и рядовой,
Отстать никак не волен.
Еще добро бы он живой,
А то он — павший воин.
Нельзя! Такие вот дела...—
И ей погладил руку.

А та давно уж поняла,
Что боль — не боль еще была,
Разлука — не разлука.

Что всё равно — хоть наземь ляг,
Хоть вдруг лишись дыханья...
Прощалась прежде, да не так,
А вот когда прощанье!

Тихонько руку отняла
И мужние колени
С покорным плачем обняла
На том угретом сене...

И ночь прошла у них.
И вдруг

Сквозь кромку сна на зорьке,
Сквозь запах сена в душу звук
Вошел ей давний, горький:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой...

ГЛАВА 7

Все сборы в путь любой жены
И без войны не сладки.
И без войны тревог полны
Все сборы в жизни краткой.

Но речь одна, когда добром,—
Не по нужде суровой
Мы край на край и дом на дом
Иной сменить готовы.

Другая речь — в годину бед
Жене самой, без мужа,
Из дома выйти в белый свет
И дверь закрыть снаружи.

С детьми из теплого угла,
С гнезда родного сняться,
Где, может быть, еще могла
Ты весточки дождаться.

С котомкой выйти за порог —
И, всей той мукой мучась,
Брести...
Но если на восток,—
То как бы ни был путь жесток,—
Бывает горше участь.

Как на родной земле своей,
Так ты, и дом теряя,
Хоть под кустом, а всё ж на ней —
В любом далеком крае.

А вот когда чужим судом
Обмен решен иначе,—

Не край на край, не дом на дом,
А плен —
На плен с придачей.

С какой придачей — погоди:
Расчеты эти впереди.

Еще он твой — последний час
В твоем дому, пока
Переведут тебе приказ
С чужого языка.

Но твой — он выбран не тобой —
Лежит на запад путь.
И взять ни имени с собой,
Ни отчества. Забудь.

Забудь себя еще живой
И номер получи.
И только этот номер свой
На память заучи.

И только можешь ты молчать,
Приказ в дорогу дан.
На нем недвижная печать
И подпись: комендант.

И в нем твой дом, и хлеб, и соль,
Что от немых властей.
И хоть самой — на снег босой,
Троих одеть успей.

Рукой дрожащею лови
Крючки, завязки, мать.
Нехитрой ложью норови
Ребячий страх унять.

Зови меньших живей, живей,
Как в гости, в тот поход.
И только старшенькой своей
Не лги — и так поймет.

И соберись, и уложись,
И в час беды такой

Еще хозяйкой окажись
Проворной и лихой.

И всю свою в дорогу кладь,
Как из огня, схвати.
И перед тем, как выйти, мать,
Не оглянись и не присядь,—
Нельзя.
И дом — прости!..

Прости-прощай, родимый дом,
Раскрытый, разоренный,
И пуня с давешним сенцом,
И садик занесенный.

Прости-прощай, родимый дом,
И двор, и дровосека,
И всё, что памятно кругом
Заботой, замыслом, трудом,—
Всей жизнью человека.

Дом, где он жил среди хлопот
И всем хозяйством правил.
И, чтоб годам был виден счет,
Он надпись: тыща девятьсот
Такой-то год поставил.

Среди такой большой земли,
Родной, заветный угол,
Где эти девочки росли
И наряжали кукол.

И где как будто жизнь прошла,
Куда хозяйка дома
Как будто девочкой вошла
К парнишке молодому.

Где пел по веснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата-дети.

Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.

И порознь мужа и жену
Из дома проводила.

И где-то, где-то он сейчас,
Какой идет дорогой,
Солдат, что воинскую часть
Свою искал с тревогой.

Теперь меж небом и землей,
Огнем вокруг объятой,
Она была его семьей,
Его родною хатой.

И, человек среди людей,
Как хлебом и одеждой,
Он был обязан только ей
Своей мечтой-надеждой.

В пути, за тридевять земель,
У Волги ли, у Дона
Свою в виду держал он цель,
Солдат,— дойти до дома.

Хоть кружным, может быть, путем —
Дойдем, придем с победой
Домой!
А что́ уже тот дом —
Не всё ты знал и ведал.

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел сидеть в своем углу
В недобрую годину,
А сам жену в чужом тылу,
В глухом плену покинул.

Ну что ж, солдат, взыщи с нее,
С жены своей, солдатки,
За то, что, может быть, жилье
Родное не в порядке;

Что не могла глядеть назад,
Где дом пылал зажженный,
Как гнал ее чужой солдат
На станцию с колонной;

Что не могла она сберечь
В саду трехлеток-яблонь;
Что шла, покинув дом и печь,
А так детишки зябли!

Что шла, как пленные, в толпе
На запад под конвоем;
Что не отправила тебе
Письма с дороги, воин.

За всё с того, кто виноват,
По всем статьям устава
Взыщи со строгостью, солдат,
Твое, хозяин, право.

Всего и нужно для суда
И для сведенья счетов —
Прийти с победою туда,
Проверить, как и что там.

Отдать поклон краям своим,
Припав к земле с винтовкой,
Сквозь смерть прийти туда живым,—
За малым остановка.

Сквозь смерть иди, не умирай,
В жару лица не утирай,
В снегах не мерзни в зиму.
Там, впереди, твой отчий край,
Солдат, твой дом родимый.

Шагай, солдат, свои права
Имея в этом мире,
Шагай, воюй и год, и два,
И три, и все четыре!..

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом и каждый сад
В ряду — большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом — алый.

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье — не в забвенье!

ГЛАВА 8

Родился мальчик в дни войны,
Да не в отцовском доме,—
Под шум чужой морской волны
В бараке на соломе.

Еще он в мире не успел
Наделать шуму даже,
Он вскрикнуть только что посмел —
И был уже под стражей.

Уже в числе всех прочих он
Был там, на всякий случай,
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

Родился мальчик, брат меньшой
Троих детей крестьянки,
И подают его родной
В подаренной портянке.

И он к груди ее прирос —
Беда в придачу к бедам,
И вкус ее соленых слез
Он с молоком отведал.

И начал жить, пока живой,
Жилец тюрьмы с рожденья.
Чужое море за стеной
Ворочало каменья.

Свирепый ветер по ночам
Со свистом рвался в щели,
В худую крышу дождь стучал,
Как в полог колыбели.

И мать в кругу птенцов своих
Тепло, что с нею было,
Теперь уже не на троих,
На четверых делила.

В сыром тряпье лежала мать,
Своим дыханьем грея
Сынка, что думала назвать
Андреем — в честь Андрея,
Отцовским именем родным.

И в каторжные ночи
Не пела — думала над ним:
— Сынок, родной сыночек.

Зачем ты, горестный такой,
    Слеза моя, росиночка,
На свет явился в час лихой,
    Краса моя, кровиночка?

Зачем в такой недобрый срок
    Зазеленела веточка?
Зачем случился ты, сынок,
    Моя родная деточка?

Зачем ты тянешься к груди
    Озябшими ручонками,
Не чуя горя впереди,
    В тряпье сучишь ножонками?

Живым родился ты на свет,
    А в мире зло несытое.
Живым — беда, а мертвым — нет,
    У смерти под защитою.

Целуя зябкий кулачок,
На сына мать глядела:

— А я при чем,— скажи сынок,—
А мне какое дело?

Скажи: какое дело мне,
Что ты в беде, родная?
Ни о беде, ни о войне,
Ни о родимой стороне,
Ни о немецкой чужине
Я, мама, знать не знаю.

Зачем мне знать, что белый свет
Для жизни годен мало?
Ни до чего мне дела нет,
Я жить хочу сначала.

Я жить хочу, и пить, и есть,
Хочу тепла и света,
И дела нету мне, что здесь
У вас зима, не лето.

И дела нету мне, что здесь
Шумит чужое море
И что на свете только есть
Большое, злое горе.

Я мал, я слаб, я свежесть дня
Твоею кожей чую,
Дай ветру дунуть на меня —
И руки развяжу я.

Но ты не дашь ему подуть,
Не дашь, моя родная,

Пока твоя вздыхает грудь,
Пока сама живая.

И пусть не лето, а зима,
И ветошь греет слабо,
Со мной ты выживешь сама,
Где выжить не могла бы.

И пусть ползет сырой туман
И ветер дует в щели,
Я буду жить, ведь я так мал,
Я теплюсь еле-еле.

Я мал, я слаб, я нем, и глуп,
И в мире беззащитен;
Но этот мир мне всё же люб —
Затем, что я в нем житель.

Я сплю крючком, ни встать, ни сесть
Еще не в силах, пленник,
И не лежал раскрытый весь
Я на твоих коленях.

Я на полу не двигал стул,
Шагая вслед неловко,
Я одуванчику не сдул
Пушистую головку.

Я на крыльцо не выползал
Через порог упрямый,
И даже «мама» не сказал,
Чтоб ты слыхала, мама.

Но разве знает кто-нибудь,
Когда родятся дети,
Какой большой иль малый путь
Им предстоит на свете?

Быть может, счастьем был бы я
Твоим, твой горький, лишний,—
Ведь все большие сыновья
Из маленьких повышли.

Быть может, с ними белый свет
Меня поставит вровень.

А нет, родимая, ну, нет,—
Не я же в том виновен,

Что жить хочу, хочу отца
Признать, обнять на воле.
Ведь я же весь в него с лица —
За то и люб до боли.

Тебе приметы дороги,
Что никому не зримы.
Не дай меня, побереги...
— Не дам, не дам, родимый.

Не дам, не дам, уберегу
И заслоню собою,
Покуда чувствовать могу,
Что ты вот здесь, со мною.

...И мальчик жил, со всех сторон
В тюрьме на всякий случай
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

И люди знали: мальчик им —
Ровня в беде недетской.
Он виноват, как все, одним:
Что крови не немецкой.

И по утрам, слыхала мать,
Являлся Однорукий,
Кто жив, кто помер, проверять
По правилам науки.

Вдоль по бараку взад-вперед
С немецким табелем пройдет:
Кто умер — ставит галочку,
Кто жив — тому лишь палочку.

И ровным голосом своим,
Ни на кого не глядя,

Убрать покойников — живым
Велит порядка ради.

И мальчик жил. Должно быть, он
Недаром по природе
Был русской женщиной рожден,
Возросшей на свободе.

Должно быть, он среди больших
И маленьких в чужбине
Был по крови крепыш мужик,
Под стать отцу — мужчине.

Он жил да жил. И всем вокруг
Он был в судьбе кромешной
Ровня в беде, тюремный друг,
Был свой — страдалец здешний.

И чья-то добрая рука
В постель совала маме
У потайного камелька
В золе нагретый камень.

А чья-то добрая рука
В жестянке воду грела,
Чтоб мать для сына молока
В груди собрать сумела.

Старик поблизости лежал
В заветной телогрейке
И, умирая, завещал
Ее мальцу, Андрейке.

Из новоприбывших иной —
Гостинцем не погребуй —
Делился с пленною семьей
Последней крошкой хлеба.

И так, порой полумертвы,
У смерти на примете,
Всё ж дотянули до травы
Живые мать и дети.

Прошел вдоль моря вешний гром
По хвойным перелескам.

И очутились всем двором
На хуторе немецком.

Хозяин был ни добр, ни зол,—
Ему убраться с полем.
А тут работницу нашел —
Везет за двух,— доволен.

Харчи к столу отвесил ей
По их немецкой норме,
А что касается детей,—
То он рабочих кормит.

А мать родную не учить,
Как на куски кусок делить,
Какой кусок ни скудный,
Какой дележ ни трудный.

И не в новинку день-деньской,
Не привыкать солдатке
Копать лопатою мужской
Да бабьей силой грядки.

Но хоть земля — везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома.

И хоть весна — везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна.

Журчал по-своему ручей
В чужих полях нелюбых,
И солона казалась ей
Вода в бетонных трубах.

И на чужом большом дворе
Под кровлей черепичной
Петух, казалось, на заре
Горланит непривычно.

Но там, в чужбине, выждав срок,—
Где что — не разбирая,—
Малютка вылез за порог
Хозяйского сарая.

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик.

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку.
И двигал ящик, точно стул,
В ходьбе ловя сноровку.

И, засмотревшись на дворе,
Едва не рухнул в яму.
И всё пришло к своей поре,
Впервые молвил:
— Мама.

И мать зажмурилась от слез,
От счастья и от боли,
Что это слово произнес
Ее меньшой в неволе...

Покоса раннего пора
За дальними пределами
Пришла. Запахли клевера,
Ромашки, кашки белые.

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека —
Издалека с востока.

И мать с детьми могла тогда
Подчас поверить в чудо:
— Вот наш отец придет сюда
И нас возьмет отсюда.

Могло пригрезиться самой
В надежде и тревоге,
Как будто он спешит домой
Да припоздал в дороге.

А на недальнем рубеже,
У той границы где-то,
Война в четвертое уже
Свое вступала лето.

И по дорогам фронтовым
Мы на дощечках сами
Себе самим,
Кто был живым,
Как исповедь писали:

Не пощади
Врага в бою,
Освободи
Семью
Свою.

ГЛАВА 9

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

И завершаю в год иной,
Когда от стен Берлина
Пришел солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.

Чего, чего не повидал,
Казалось, всё знакомо.
Но вот пришел, на взгорке стал —
И ни двора, ни дома.

И там, где канули в огне
Венцы, столбы, стропила,—
Темна, жирна по целине,
Как конопля, крапива.

Да груда глины с кирпичом,
Золою перебитая,
Едва видна на месте том,
Уже травой прошитая.

Глухой, нерадостный покой
Хозяина встречает.
Калеки-яблони с тоской
Гольем ветвей качают.

Глядит солдат: ну, ладно — дом,
А где жена, где дети?..

Да, много лучше о другом,
О добром петь на свете.

Но не минуешь горьких слез,
Которым срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Не каждой женщине — жене,
Родной сестре, невесте — .
О тех, что сгинули в войне,
В конце дождаться вести.

Ответ не каждому письму —
Иное без ответа.
Привет не каждому тому,
Чье сердце ждет привета.

Но если та горька печаль,
Чье место свято в доме,
То, может, легче, да едва ль,
Печаль особой доли.

Печаль подвижника-бойца,
Что год за годом кряду
Войну исполнил до конца,
И вот тебе награда!

Присел на камушке солдат
У бывшего порога,
Больную с палочкою в ряд
Свою устроил ногу.

Давай солдат курить табак,
Сходиться люди стали,
Не из чего-нибудь, а так —
В свидетели печали.

Стоят над нею, опершись
На грабли, на мотыги.
Вздохнул один и молвил:
— Жизнь...

Другой сказал:
— Как в книге...

А третьи только и могли
Добавить осторожно:
— Еще не все домой пришли
Из той дали острожной.

И отвести старались взгляд
Соседи в разговоре,
Чтоб не видать, как он, солдат,
Давясь, глотает горе.

Не мог он душу освежить
Тем трудным, скрытым плачем...
Всё так.
А надо было жить.
И жить хозяин начал.

Погостевал денек-другой.
— Ну что ж, на том спасибо.—
И потянул с больной ногой
На старую селибу.

Перекурил, шинель долой,
Разметил план лопатой.
Коль ждать жену с детьми домой,
Так надо строить хату.

А где боец за столько лет
Себе жилья не строил!
Не только там, где лесу нет,
А нет земли порою.

Где нет земли, один песок,
А то, как камень, грунт жесток,
А то — болото. Мука!
А на земле — не штука.

Так-сяк, колхоз
Леску подвез,
Помог до крыши сруба.
А дальше сам
Мостил, тесал,—
Займись — оно и любо.

И всё спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой
Скорей солдат увидеть мог
Семью живой-здоровой.

К покосу был окончен дом,
Как раз к поре горячей.
А сам солдат ютился в нем
Со дня, как строить начал.

На свежеструганом полу,
Что облекал прохладой,
Он отдыхал в своем углу
С великою отрадой.

Да что! У смерти на краю,
На каждом новоселье,
И то любитель был свою
Обжить, устроить келью.

Не знаешь, год иль день там быть,
А всё же и в землянке
Охота гвоздь какой-то вбить,
Зажечь фитиль в жестянке.

Водой, дровами запастись,
Соломой побогаче.
А там — приказ. И в ночь снялись,
И с тем жильем навек простись!
А жить нельзя иначе.

Соорудил хозяин стол,
Лежанку возле печи.
И всё в порядок произвел
Желанной ради встречи.

Гадал, старался что к чему
Приладить, вспомнить кстати...

И так тоскливо самому
Вдруг стало в этой хате.
Такая горькая нашла
Душе его минута.

— Зачем не ты меня ждала,
А я тебя, Анюта?

И не мила, не дорога
Ему своя светлица...
Пошел солдат с людьми в луга,
Чтоб на людях забыться.

Чтоб горе делом занялось,
Солдат вставал с рассвета
И шире, шире гнал прокос —
За все четыре лета.

Вслед за косой качал солдат
Спиной, от пота серой.
И точно время на свой лад,
Своею мерял мерой.

И добрым ладом шли часы,
И грудь дышала жадно
Цветочным запахом росы,
Живой травы из-под косы —
Горькавой и прохладной.

И сладкий пек июльский зной,
Как в годы молодые,
Когда еще солдат с женой
Ходил в луга впервые.

В луга верст за пять от села.
И пот кипел на коже,

И точно сила, как была,—
Не та, не та, а всё же!..

И, косу вытерши травой
На остановке краткой,
Он точно голос слушал свой,
Когда звенел лопаткой.

И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

1942—1946

III

1946—1960

174. ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

В вагоне пахнет зимним хлевом,
Гремят бидоны на полу,
Сосет мороженое с хлебом
Старуха древняя в углу.

Полным-полно, народ в проходе
Бочком с котомками стоит.
И о лихой морской пехоте
Поет нетрезвый инвалид.

1946

175. О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет — побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули,
И домик в рыбачьем поселке,
Что с палубы видишь вдали...

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доныне скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С нежданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке,—
Везде я с охотой готов
Родиться.
Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне —

В недальней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,
Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон;

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов;

Ни рек полноты величавой,
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне:

Где счастью великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны,
Мне всю мою родину видно,
Как город с кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

1946

176. КРЕМЛЬ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою —
С крутой Ивановой главой
И с тенью стен сторожевою.

Кремль зимней ночью при луне,
Ты чуден древностью высокой
И славен с нею наравне
Недавней памятью жестокой.

Недавней памятью ночей,
Когда у западной заставы
Курились дымы блиндажей
И пушки ухали устало;

Когда здесь были фронт и тыл,
И в дачных рощах Подмосковья
Декабрьский снег замешен был
Землей, золой и свежей кровью.

Кремль зимней ночью, на твоих
Стенах, бойницах, башнях, главах
И свет преданий вековых,
И свет недавней трудной славы.

На каждом камне с той зимы
Как будто знак неизгладимый
Всего того, чем жили мы
В тревожный час земли родимой.

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

До дней далеких донеси
То отраженье, гордый камень,
И подвиг нынешней Руси
Да будет будущему в память!

Да будет славой вековой
Он озарен, как ты луною,
Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою!

1946

177. Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,—
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было всё на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — всё это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой!—
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,—

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше всё! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Всё отдав, не оставили
Ничего при себе.

Всё на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

178

Я задумал написать
На досуге повестушку.
Захворал — и слег в кровать
Греть постылую подушку.

И о замысле своем
Не жалел я, а подумал:
Бог с ним — глядь, еще умрем.
И хотя тогда не умер,
Позабыл совсем о нем.

Нужно дело выбирать,
Чтоб оно рождало силы,
С ним о смерти забывать
На краю самой могилы.

1946

179. МОСКВА

Зябкой ночью солдатской
В сорок первом году
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.

Грохот фронта бессонный
Шел как будто бы вслед.
Редко встречной колонны
Скрытный вспыхивал свет.

Тьма предместий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.

И просились простые
К ней из сердца слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

В эти горькие ночи
Ты поистине мать,
Та, что детям не хочет
Всей беды показать;

Та, что жертвой безгласной
Не смирится с судьбой;
Та, что волею властной
Поведет за собой.

И вовек не склонится
Твоя голова,
Мать родная, столица,
Москва, Москва!

Память трудной годины,
Память боли во мне.
Тряский кузов машины.
Ночь. Столица в огне.

И, как клятва, святые
В тесном горле слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на запад,
Спал и ел на ходу.

В шесть рядов магистралью —
Не вмещает — узка!—
Громыхаючи сталью,
Шли на запад войска.

Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.

Шла, исполнена гнева,
В тот, в решающий бой.
И гудящее небо,
Точно щит, над собой

Высоко проносила...
«Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва, Москва!..»

Память горя сурова,
Память славы жива.
Всё вместит это слово:
«Москва! Москва!..»

Это имя столицы,
Как завет, повторим.
Расступились границы,
Рубежи перед ним...

Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Мать родная, столица,
Крепость мира — Москва!

1947

180

В сторожке на даче
Живу я, хозяин,
С Ефимовной-бабкой
И верным Мазаем.

Читаю унылые
Толстые книжки.
По пояс в снегу
Собираю дровишки.

Все стежки пургой
Замело у сторожки.
Друзья — ни ногой,
И водки — ни крошки.

Старуха на кухне
Бормочет печально —
Не мил ее сердцу
Очаг натуральный.

Осиновый хворост
Пускает слезу,
А бабка привыкла:
— Весь век на газу.

Мазай завывает
Весь день из-под клети,
А нужды справляет
В моем «кабинете».

Он службу свою
Выполняет с тоской —
Балованный, порченый
Пес городской.

1947

181. В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, чтó погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самою Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел,—
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,—
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут, и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были,—

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья,— и я у вас в долгу,
Как у живых,— я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

182—184. ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слыхали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

2

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти б той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища.— Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Полмира сегодня идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть всё это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

3

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;
Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.
И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была;
Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —
В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.
Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.
И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.
Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

185. СВЕТ — ВСЕМУ СВЕТУ

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видел я это
В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье.

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

Горное эхо
С гомоном слитно.
— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно.

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски.

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело не легкое,
Дело мужское.

Но, погляди,
Управляются быстро,
Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но, погляди
На девчонок — не чудо ль?
Что за веселая,
Дружная удаль!

Вот на минутку
Спины расправят,
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Движется к яме.

Глина нарытая —
Груда на груде.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни,—
Народная стройка.

— Лихо копаете!
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу.
Что-то мы вас
Не видали ни разу?

— Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты!
Ну, так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Всё чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И, повторенное
Тысячеустно,
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету,
И всему свету!
И всему свету!

1949

186

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и нынче не узнать
Всех вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий.
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спеленута листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овражке снег приник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И позади зимы остатки.
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

1949

187. 9 МАЯ

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым —
Салют!
И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,
Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.

Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,

С кем пыль глотал в страде походной
И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдет во мглу времен,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь.

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла еще война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Еще тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

Своей — в стремленьях неизменной,
В делах — большой, в речах — прямой,
Своей одной, своей священной
Отчизны — матери родной.

Он знал, зачем в войне годами
Топтал пески, болота, снег.
Не так он прост, вы угадали,
Простой советский человек.

И не вложить вам миру в уши
Враньем речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин;

Чья доблесть памятна народам
И кто, с войны придя домой —
К своим полям, к своим заводам,
Объят заботою иной;

Кто городов и сел руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идет в строю.

В сухих степях сады сажает,
В пустыне водам путь дает,
Свой подвиг нынешний свершает
И на сто лет глядит вперед.

И с неизменною отвагой
В труде, обязанном уму,
Творит свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведал,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь *нее* провозгласил.

1950

188. МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И, бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,
Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо.
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты...

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов.

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо Мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали,—

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,
Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом...

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть:
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет,
Но и земля поет под нами.

1950

189. 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Всё, всё у сердца на счету,
Всё стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето.

Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный,
Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным.

И рог пастуший в этот час,
И первый ранний запах сена —
Всё, всё на памяти у нас,
Всё до подробностей бесценно.

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени,
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья,

Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;

Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток,
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;

Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен,—
Всё, всё у мира на счету,
И счет доныне не оплачен.

Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.

Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.

У нас в сердцах она жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли...

Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы воли непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

1950

190. ИХ ПАМЯТИ

1

Живым — живое в этой жизни краткой,
Но каждый в вечность уходящий час,
Но каждый камень нашей мирной кладки,
Но каждый колос, что растет для нас
И зреет на полях необозримых,
Но каждый отзвук радиоволны —
Всё память о товарищах родимых,
Когда-то не вернувшихся с войны.

Расставшись, мы не стали им чужими
Среди забот и новых дел своих.
Но если б мы одной лишь скорбью жили,
Мы были б нынче недостойны их.

2

Он пал за мир — так сказано о нем,
Так мы тебя о сыне извещали.
Мы жизнью нашей, нашим светлым днем
Твоей святой обязаны печали.

И мы всегда в долгу перед тобой,—
Коль не страдаем памятью короткой,—
Перед тобой, перед его вдовой,
И перед каждой долею сиротской.

И мы тебя с волненьем узнаем
На торжествах и в мирном свете буден.
Вот мать того, кто пал в бою с врагом
За жизнь, за нас. Снимите шапки, люди!

3

Проходит срок и боли и кручине,
И ты уже за жизнью трудовой,
За вдовьей думой о семье, о сыне
Не ждешь вестей от почты полевой.

Но так же, как и в горькую годину,
Мы славим подвиг павшего в бою.
А подвиг тот — он твой наполовину,
Ты половину вынесла свою.

Ты рядом шла, сражалась вместе с нами,
И ныне с нами ты в строю, вдова.
Священная годов минувших память
Да будет в новом подвиге жива!

1949—1951

191. СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучен от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовет влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь,
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чье-то горе обратить забаву,
В труде схитрить. Солгать. Обидеть мать.
С недобрым другом поравняться славой,—

То прежде ты — завет тебе один,—
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын.

1949—1951

192. НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона.

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Мы на себя по доброй воле взяли
Тот самый трудный новоселья срок,
Что все вмещает беды и печали
И радости нехоженых дорог.

Земле своей мы посвятили годы
Труда, терпенья, и давным-давно
Ее сады, поля, дворцы, заводы
И всё, что нами здесь возведено,—

Всё то, чему мы отдавали силы,
Чтоб устоять и победить на ней,
И наших братьев и отцов могилы —
Ее бойцов, ее богатырей,—

Навек сроднили нас с землею нашей.
И мы ей служим, чтоб и после нас
Ей всё цвести зазывнее и краше,
Чтоб свет ее для мира не погас;

Чтоб, добытый в борьбе, в труде суровом,
Тот свет светил вперед на много лет
И чтоб за нами поселенцам новым
Не всё сначала повторять вослед.

1951

193. ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ

Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травою, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей — вдруг в тишине —
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето,
Любимая с детства пора.
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.

Я всё это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни —
Пастушеской радости срок;

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты;

И вкус горьковато-медовый,—
Забава ребячьей поры,—
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры,

И всё это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу.

Мне память иная подробно
Свои предъявляет права.
Опять маскировкой окопной
Обвялая пахнет трава.

И запах томительно тонок,
Как в детстве далеком моем,
Но с дымом горячих воронок
Он был перемешан потом;

С угарною пылью похода
И солью солдатской спины.
Июль сорок первого года,
Кипящее лето войны!

От самой черты пограничной —
Сражений грохочущий вал.
Там детство и юность вторично
Я в жизни моей потерял...

Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга;

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я —
Жестокая память жива.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

1951

194. В ТЕ ДНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В те дни за границей,
в исходе последних сражений,
В пыли разрушений,
в обвиснувших дымах пожаров,
С невиданной силой
в цвету бушевали сирени,
Каких у себя
мы нигде не видали, пожалуй.
Султаны их были
крупней и как будто мясистей,
Породистей были
округлые пышные купы,
Хотя и казалось,
что наши нежней и душистей
На родине нашей —
к востоку от речки Шешупы.
Но эти ломились,
из зимнего вырвавшись плена,
По всем городам, деревням,
по садам, магистралям,
То красной, то белой
клубились могучею пеной
У целых домов
и задымленных, черных развалин.
Казалось, они
не цвели уже годы и годы
И, голые ветви свои
простирая уныло,
Стояли и нашего именно
ждали прихода,
Чтоб сразу раскрыться
со всей затаенною силой.
Иные кусты
у какой-нибудь кирхи иль дачи,

По бровкам дорог,
    у садовых оград сотрясенных
Хватило огнем,
    привалило щебенкой горячей,
Отбросило в пыль,
    под колеса машин многотонных...
И теплый, густой,
    опьяняющий запах сирени,
Живой и посохшей,
    завяленной жаром жестоким,
Стоял и стоял
    надо всею Европой весенней
И с запахом трупов мешался,
    не менее стойким...
В те дни за границей
    нам думать и верить хотелось,
Что грохот войны
    отгремит над землею усталой
И годы вернут
    ее мирную свежесть и целость,
А бомбы и пушки
    громить ее больше не станут...

Кто-кто, а уж мы-то
    имели особое право
О мире мечтать
    для себя и иных поколений,
Затем, что войну
    мы прошли не для воинской славы,
Затем, что весной
    на земле расцветают сирени.

1951

195. ЗА ОЗЕРОМ

За озером долго играла гармонь,
Как будто бы жалуясь кротко
На то, что еще неохота домой,
Что рано уснула слободка.

Там юность грустила, собою полна,
Своей непочатою силой,
Зеленая юность, чье детство война
Огнем на корню опалила.

Та юность, которой, казалось, не быть,
А вот она к сроку настала,
Чтоб жить, и желать, и дерзать, и любить —
И всё — начиная с начала.

Та самая юность грустила. И — пусть,
Завидная, в сущности, доля,
Когда эта сладкая, краткая грусть
За сердце берет молодое.

Завидная доля — на том берегу,
С улыбкой, ко всем благодарной,
Устав танцевать на дощатом кругу,
Сидеть на скамейках попарно.

Попарно бродить в предрассветном дыму
За озером в парке старинном.
А грустно, по правде, лишь мне одному
И то — по особым причинам.

1951

196. ПРИЗНАНИЕ

Я не пишу давно ни строчки
Про малый срок весны любой;
Про тот листок из зимней почки,
Что вдруг живет, полуслепой;
Про дым и пух цветенья краткий,
Про тот всегда нежданный день,
Когда отметишь без оглядки,
Что отошла уже сирень;
Не говорю в стихах ни слова
Про беглый век земных красот,
Про запах сена молодого,
Что дождик мимо пронесет,
Пройдясь по скошенному лугу;
Про пенье петушков-цыплят,
Про журавлей, что скоро к югу
Над нашим летом пролетят;
Про цвет рябиновый заката,
Про то, что мир мне всё больней,
Прекрасный и невиноватый
В утрате собственной моей;

Что доля мне теперь иная,
Иной, чем в юности, удел,—
Не говорю, не сочиняю.
Должно быть — что ж? — помолодел!
Недаром чьими-то устами
Уж было сказано давно
О том, что молодость с годами
Приходит. То-то и оно.

1951

197

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с ка́ждой соломинки,
С каждой ветки.

Поет по-зимнему улица,
Но свету — что летним днем.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном.

И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,
Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.

Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв.
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.

Апрельским ветром подунуло,
Запахли водой снега.
И дело свое задумала
Река, упершись в берега.

Ей грезится даль раздольная,
Ее минута близка...
Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай начинай, разламывай
Натоптанный лед рябой...

А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

1951

198. О ПРОПИСКЕ

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу.

Чтобы мне не ведать той печали,
Как ответят у иных ворот:
— Нет, не проживает. Не слыхали.
Номер дома, может быть, не тот.

Чтоб везде по селам и столицам
Отвечали на вопрос о ней:
— Как же, есть. Давнишняя жилица,—
И улыбки были б у людей.

Чтоб глаза у стариков яснели,
Чтобы к слову вставил не один:
— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин.

Чтоб детишки из любого дома,
Если к ним случайно обращусь,
Говорили б:
— Как же, мы знакомы
И немножко знаем наизусть.

Чтобы не с почтеньем, а с любовью
Отзывалось каждое жилье:
— Здесь она. На доброе здоровье
Здесь живет. А как же без нее?

Вот тогда, как отзыв тот желанный
Прозвучит о ней, моей родной,
Я и сам пропиской постоянной
Обеспечен буду под луной.

1951

199. ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела».

Что ж, или всё уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилок:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волненьем безвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью — и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною, хотя бы заочно,
Верьте со мною в удачу мою.

1951

200. О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права,
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы всё же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно,—
И мы не старее ее.

1951

201. САМОМУ СЕБЕ

Пускай сегодняшний вчерашним
День обернется трудовой.
Он на счету твоем всегдашнем.
Он — жизнь, и ты при нем живой.

Пускай другой иначе судит —
Что жизнь на малый срок дана...
На тот же срок она да будет
Лишь делом избранным полна!

А если сил и жизни целой,
Готовой для любых затрат,
Не хватит вдруг, чтоб кончить дело,
То ты уже не виноват.

1951

202

Мне памятно, как умирал мой дед,
В своем запечье лежа терпеливо,
И освещал дорогу на тот свет
Свечой, уже в руке стоявшей криво.

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с получки.

И вот он умер, и в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда-то.
И нет его, а мы себе живем,—
То первая была моя утрата...

И словно вдруг за некоей чертой
Осталось детства моего начало.
Я видел смерть, и доля смерти той
Мне на душу мою ребячью пала.

И с той поры в глухую глубь земли,
Как будто путь туда открыт был дедом,
Поодиночке от меня ушли
Уже другие проторенным следом...

В январский холод, в летнюю жару,
В туман и дождь, с оркестром, без оркестра —
Одних моих собратьев по перу
Я стольких проводил уже до места.

И всякий раз, как я кого терял,
Мне годы ближе к сердцу подступали,
И я какой-то частью умирал,
С любым из них как будто числясь в паре.

И если б так же было на войне,
Где счет потерям более суровый,
Наверно б, жизни не хватило мне
И всем, что ныне живы и здоровы.

Но речь о том, что неизбежный час,
Как мне расстаться — малой части — с целым,
Как этот мир мне потерять из глаз,—
Не может быть моим лишь частным делом.

Я полагаю, что и мой уход,
Назначенный на завтра иль на старость,
Живых друзей участье призовет —
И я один со смертью не останусь.

1951

203. ПЕСНЬ О МОСКВЕ

В дорогу, в полет и плаванье
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое главное,
Беру целиком с собой.

И нынешнюю и древнюю,
Что нам пришлась ко двору,
Рабочую, ежедневную
И праздничную беру.

Со старой и новой славою
Беру ее, не деля,
С ее соборными главами
И звездами Кремля.

Вселикую и всечасную —
В мороз ли, в дождь иль жару —
Беру ее с площадью Красною
И Красной Пресней беру.

С ее исконной Трехгоркою,
С Садовым ее кольцом,
С бессонной улицей Горького
И с Пушкиным — к ней лицом.

С подземными магистралями,
Гудящими, как струна.
Большую — с заводом Сталина
И малую — в три окна.

С мостами, дворцами, парками,
Садами, рынками в ней,
Со всеми ее подарками,
Новинками мирных дней.

С ее высотными зданьями,
Поющими на ветру.
С рекой того же названия
И с морем ее беру.

Нет, я не припискою
Извечной сроднился с ней.
Столица — дело не близкое —
Была у судьбы моей.

Нет, я из тех, что смолоду
В далеких, отчих местах
Мечтали у этого города
Хотя б побывать в гостях.

И даже, сказать по совести,
Из тех заявившись мест,
Дичились Москвы по новости,
Хоть знали: своя, не съест...

И до сих пор по-прежнему —
В торжественной новизне —
Москва, как новоприезжему,
Нет-нет и явится мне.

Как будто дорога дальняя
Ушла из-под ног едва:
Вот площадь тебе вокзальная,
И — здравствуй, город Москва!

Я в годы мои зеленые
Вступил на ее порог,
Но это чувство смущенное
Доныне в душе сберег...

Не помню, в каком я возрасте
Впервые, как все слова,
В моей захолустной волости
Услышал слово «Москва».

Москва не древнедержавная,
Что где-то в веках взялась,
А эта, своя, где главная
Живет Советская власть.

Москва, моя мать приемная,
С тех пор и до наших дней
Уже без тебя не помню я
Себя и судьбы своей.

Ты в детство мое уставила
Солдатский перст со стены,
С плаката взывая старого
Времен гражданской войны.

Шубенку надев нагольную,
С обломком карандаша
Над партой стояла школьною,
Морозным паром дыша.

Великого вестник времени,
И в нашем глухом селе
Ты речи вела о Ленине,
Что жил у тебя в Кремле.

Несла свое слово вещее
В тот отчий край горевой
Дорогой конной и пешею,
Попутной людской молвой...

Как будто совсем недальнее,
Как будто — рукой подать
То время мое начальное,
Ребячьих стихов тетрадь.

Но сколько годов отпрянуло,
Но сколько в мире с тех пор
Громов небывалых грянуло,
Подвинулось с места гор!..

Меж той страничкой заглавною
И нынешней — наугад —
Часть века вместилась, равная
Векам, поставленным в ряд...

Куда там молодо-зелено,
Не прежний у сердца пыл,
А всё ли, что долгом велено,
Исполнено в меру сил?

В дорогу — к чему мне лишнее,—
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое личное,
Беру целиком с собой.

Со всею красой безмерною,
Величьем мирных работ
И с памятью сорок первого,
Что был у ее ворот...

Со всеми гордыми датами
Побед на пути большом,
Со всеми ее утратами,
Что в сердце ношу своем.

Со всеми счастья минутами,
Которым забвенья нет.
Со всеми ее салютами
Былых и грядущих лет.

Беру целиком. И еду я
На Запад ли, на Восток,
Я чую, за мною следуя,
Течет ее ровный ток.

1952

204

Ветер какой — ты слышишь? —
Как раскачал дубы:
Желуди по железной крыше —
Грохот ночной пальбы.

Горький загул погоды
В поздней безлюдной мгле,
Словно всей жизни годы,
Гонит листву по земле.

Друг мой, такой далекий,
Где там забыться сном:
В этой ночи глубокой
Мне без тебя одиноко,
Как одному под огнем...

1954

205

В дружбе есть святая проба,
Есть заветная статья:
Если мы друзья до гроба —
И за гробом мы друзья.

Верю я в закон могучий,
Что на свете не избыт:
Друг мой, смерть нас не разлучит,
Если жизнь не пособит.

Пусть прощанья час настанет —
Мне ль, тебе ль придет черед —
Дружбы долг в себе оставит
Нерушимо — тот и тот.

Дружбы подлинной науку
Средь живых познав людей,
Я твою живую руку
Как бы въявь держу в своей...

1954

206

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За всё, что было взято!

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: заплачу,
Покрою всё до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненье, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
— Ну, как? — Бодрюсь: — Порядок...

И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невмоготу
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И — вдруг — один останусь.

И буду, сам себе ровня́,
Один, в тоске глубокой.

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь — из суток в сутки?..

...А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье — шутки?

1955

207

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непочатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.
Мне всё кажется, мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом — хоть из пушки
Громыхай под окном.
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное —
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок
Ранней бодрости час.

1955

208

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи́
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

1955

209

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны,—
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И как бы ни был провод тонок —
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

1955

210

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься, так и сяк —
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги...

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.

Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть, та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже — честь невелика,
Не лучше — вот что горе.

Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

1955

211

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За всё, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За всё, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бессменно, верно
Тебе служить хочу,
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, отчизна-мать.

1955

212

В свеченье славы самобытной
Москва со временем в ладу,
Она печать его не скрытно,
Издревле носит на виду.

На ней черты его и вехи,
И в камне — песнь о городах,
Чьи имена в иные веки
У мира были на устах.

В самолюбивом этом стане
Столиц — верна своей судьбе,
Она и то́, и то́ местами,
Сама, однако, по себе.

Сама — своя, сама — большая,
Стоит, растет и вширь и ввысь,
Порой и недругу внушая
О ней не мелочную мысль.

1955

213. МОИМ КРИТИКАМ

Всё учить вы меня норовите,
Преподать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

1956

214. ПОРОГ ПАДУН

Грядой прибрежных гор укрыт,
Порог Падун еще далек.
Еще, невидимый, трубит
В свой допотопный грозный рог.

Крутой подъем, и вспыхнул плес
Реки, укрытой до поры.
И камешки из-под колес
С отвесной кинулись горы.

Над самой кручей — поворот
И — Ангара — река из рек,
И стадо каменное, брод
Загородившее навек.

Три океана с той поры
Воды, наверно, утекло,
Как это стадо от жары
В широком русле залегло.

И в этой кипени седой
Хребты, бока, горбы, зады
То пропадают под водой,
То выступают из воды.

Так вот он — сам Падун-порог
В просторном створе берегов!
Он невысок, зато широк:
То стадо в тысячи голов.

Хмелен от собственных щедрот,
Сугробы пены гонит он
К подножью каменных ворот,
И звон окрест стоит и стон.

И звон, и стон, и вой, и рев,
Вода в жгуты перевита,
Как будто каменных коров
Загнать стремится в ворота —
В пролом скалы, в разрыв горы.
Но даром ярость Ангары.

Но даром весь ее напор:
Недвижно скопище камней.
Лишь эхо каменное гор
Тройным раскатом вторит ей.

Стой и гляди. Запоминай.
Таков он был, Падун-порог,
Таков он был, окрестный край,
Когда уже им вышел срок.

В тот срок у запертых ворот
Над белопенным Падуном
Сомкнулась толща тяжких вод
И стала кипень тихим дном.
И плавно поверх Падуна
Морская двинулась волна.

На глубине утих порог,
Умолк его могучий рог
Навек. И часть красы земной
Ушла, чтоб место дать иной...

1957

215. ДВЕ ОКИ

Река Ока,
Но не эта —
Другая река,
В другой части света.

Кругом тайга,
Глухи берега,
Угрюмы воды.
А эта Ока
Далека-далека,
Как детства годы.

В дали своей
Течет, мелея.
Она и теплей,
И теплей, и светлей,
И куда милее.

И весь он мил
До малой приметы,
Тот край, тот мир,
Обжитый, угретый,
В песнях воспетый.

В пойме Оки —
Луга, ивняки;
Повыше — нивы;
В селе, в городке
Сбегают к реке
Вишни, сливы.

Ее берега
Светлы, привольны.
А тут — тайга,
Тайга и тайга
В притеми хвойной.

У этой реки
В глубине Сибири,
У этой Оки,
Безвестной в мире,
Всего и есть
Вся ее слава
И вся ее честь —
Пора лесосплава...

Так мало людей
В стране огромной,
Кто бы о ней,
Как о родной, вспомнил.

О родной реке,
Сибирской Оке,
Полноводной, могучей,
Что шумит вдалеке,
В иркутской тайге,
Под береговой кручей.

Чтоб в иной стороне
Теплее стало,
Как нынче мне
При мысли о старой

Оке, чьи воды
От этой реки
Далеки-далеки,
Как детства годы...

1957

216

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла вешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она.
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвой,
Она живой, нерастворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпуская ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в праздник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...

Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

1957

217

Не просто случай славы тленной
С иными случаями в счет —
Ступить за тот порог Вселенной,
Что вечность глухо стережет;
Где дальних солнц теснятся чащи,
Миров безмолвных тьмы и тьмы...
Всего людского рода счастье,
Что этот шаг ступили мы.
Недаром в мире планетарном
На этот мирный позывной
Глубоким вздохом благодарным
Ты отозвался, шар земной.

1957

218. ОТ ИРКУТСКА ДО БРАТСКА

Этот подвиг солдатский —
Он недаром в чести:
От Иркутска до Братска
Ту струну навести.
Через горы и пади,
Сквозь тайгу на ура,
Где ни шага, ни пяди
Без дружка-топора,
Без пилы да мотора,
Да по сходству с войной —
Тягача-корнедёра
И взрывчатки порой;
Тяжкий вывесить провод
Вровень с дикой тайгой
И по линии новой
Ток для стройки другой
На подмогу направить
В срок, что планы велят...

Как не петь их, не славить,
Тех таежных солдат!
Что же зá люди это,
Что за мощь, что за стать!
Их в прошедшее лето

Мне случалось встречать
Той жарой пропеченных
В непривычных местах —
Пареньков и девчонок
В неизменных штанах
И целинных ковбойках,
Горожан и сельчан,
Присмиревших и бойких,
Москвичей и минчан,
Киевлян, ленинградцев
И землячеств иных...

От Иркутска до Братска
Фронт держался на них...

Буреломы да гари,
Лес живой — грудь на грудь,
Мертвый лес под ногами,
Заграждающий путь.
Духотища лесная,
Будто влез на поло́к,
И вода привозная —
Скудный в сутки паек.
И ни срока, ни часа
От нещадной мошки́...

Так и строилась трасса
Сквозь тайгу напрямки.

Виды видела обувь,
Всё, как было в войну...

Но запомнил особо
Я девчонку одну.

С новой грубой наукой
Плохи вышли дела:
Поврежденную руку
В тыл, как ляльку, несла.

Смесь восторга и боли —
Это было и тут,
Как у всех, что из боя
С легкой раной идут.

Рана — что же дивиться:
Рана в деле — почет
И возможность отмыться,
Отоспаться не в счет...

И по сходному праву
Та девчонка-солдат,
Ну, почти что со славой —
Из тайги — на Арбат.

Впереди телеграмма,
Следом поезд прямой.
Вот и папа и мама
И мошки — никакой.

Благодать, не поспоришь.
Но сегодня, гляди,
Вдруг вселяется горечь
У девчонки в груди.
— Вот до заданной цели,
До победного дня
Там дошли. Одолели
Все труды — без меня...

И утратой немалой
Та покажется даль.
Даже папа и мама
Тут помогут едва ль.

1957

219

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит,—
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом,
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток,
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

1957

220

Не знаю, как бы я любил
Весь этот мир, бегущий мимо,
Когда б не убыль прежних сил,
Не счет годов необратимый.

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке безусловной.

Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек неомраченной,
Та жизни выстраданной сласть,
Та вера, воля, страсть и власть,
Что стоит мук и смерти черной.

1957

221

Вдоль новой в Москве магистрали,
В канун годовщины великой,
Девчонки и парни сажали
Кудрявые крупные липы.

С машин их спускали учтиво
С запасом земли материнской
И ставили строем — на диво
Прямым — в направлении Минска...

В раздумье отметил прохожий,
Мужчина с висками седыми,
Что вдвое ребята моложе
Деревьев, сажаемых ими.

— Лет сорок, не менее, липкам.—
И после невольного вздоха:
— Ах, времечко-время,— с улыбкой
Промолвил прохожий.— Эпоха!

1957

222. ТЫ И Я

Ты поздно встал, угрюм и вял,
И свет тебе не мил.
А я еще зарю застал
И с солнцем в день вступил.

К тебе, несвежему со сна,
Никто не подходи.
А мне на редкость жизнь красна
И — радость впереди.

Я утро на день запасал,
Его вбирая в грудь.
Теперь за стол, как за штурвал,
И снова — в дальний путь.

Тебе в унынье не понять,
Как полон мир красы,
Как стыдно попусту терять
Заветные часы.

И все тебе нехороши.
И сам ты нехорош:
Мол, хоть пиши, хоть не пиши —
И так, и так умрешь.

И всё вокруг — до тошноты,
Всё повод для нытья...
Как горько мне, как жаль, что ты —
Ведь это — тоже я.

Я все твои ношу в себе
Повадки и черты.
Еще спасибо той судьбе,
Что я — не просто ты;

Что я — в тебе таком — не весь
Отнюдь,— скажу любя:
Я — это я, каков я есть,
За вычетом тебя.

1957—1958

223. О СУЩЕМ

Мне славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменья теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век — особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть всё и всё изведать,
Всему не издали учась...
И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознанье,
Что честно я тянул мой воз.

1957—1958

224. РАЗГОВОР С ПАДУНОМ

Ты всё ревешь, порог Падун,
Но так тревожен рев:
Знать, ветер дней твоих подул
С негаданных краев.
Подул, надул — нанес людей:
Кончать, старик, с тобой,
Хоть ты по гордости твоей
Как будто рвешься в бой.

Мол, сила силе не ровня:
Что — люди? Моль. Мошка́.
Им, чтоб устать, довольно дня,
А я не сплю века.
Что — люди? Кто-нибудь сравни,
Затеяв спор с рекой.
Ах, как медлительны они,
Проходит год, другой...
Как мыши робкие, шурша,
Ведут подкоп в земле
И будто нянчат груз ковша,
Качая на стреле.
В мороз — тепло, в жару им — тень
Подай: терпеть невмочь,
Подай им пищу что ни день
И крышу что ни ночь.
Треть суток спят, встают с трудом,
Особо если тьма.
А я не сплю и подо льдом,
Когда скует зима.
Тысячелетья песнь мою
Пою горам, реке.
Плоты с верховья в щепки бью,
Встряхнувшись налегке.
И за несчетный ряд годов,
Минувших на земле,
Я пропустил пять-шесть судов,—
Их список на скале...
И челноку и кораблю
Издревле честь одна:
Хочу — щажу, хочу — топлю,—
Всё в воле Падуна.
О том пою, и эту песнь
Вовек не перепеть:
Таков Падун, каков он есть,
И был и будет впредь.
Мой грозный рев окрест стоит,
Кипит, гремит река...

Всё так. Но с похвальбы, старик,
Корысть невелика.
И есть всему свой срок, свой ряд,
И мера, и расчет.
Что — люди? Люди, знаешь, брат,

Какой они народ?
Нет, ты не знаешь им цены,
Не видишь силы их,
Хоть и слова твои верны
О слабостях людских...
Всё так: и краток век людской,
И нужен людям свет,
Тепло, и отдых, и покой,—
Тебе в них ну́жды нет.
Еще не всё. Еще у них,
В разгар самой страды,
Забот, хлопот, затей иных
И дела — до беды.
И полудела, и причуд,
И суеты сует,
Едва шабаш,—
Кто — в загс,
Кто — в суд,
Кто — в баню,
Кто — в буфет...
Бегут домой, спешат в кино,
На танцы — пыль толочь.
И пьют по праздникам вино,
И в будний день не прочь.
И на работе — что ни шаг
И кто бы ни ступил —
Заводят множество бумаг,
Без них им свет не мил.
Свой навык принятый храня
И опыт привозной,
На заседаньях по три дня
Сидят в глуши лесной.
И, буквы крупные любя,
Как будто для ребят,
Плакаты сами для себя
На соснах громоздят.
Чуть что — аврал: «Внедрить! Поднять —
И подвести итог!»
И всё досрочно,— не понять:
Зачем не точно в срок?..
А то о пользе овощей
Вещают ввысоке
И славят тысячи вещей,
Которых нет в тайге...

Я правду всю насчет людей
С тобой затем делю,
Что я до боли их, чертей,
Какие есть, люблю.

Всё так. И тот мышиный труд —
Не бросок он для глаз.
Но приглядись, а нет ли тут
Подвоха про запас?
Долбят, сверлят — за шагом шаг —
В морозы и жары.
И под Иркутском точно так
Всё было до поры.
И там до срока всё вокруг
Казалось — не всерьез.
И под Берлином — всё не вдруг,
Всё исподволь велось...
Ты проглядел уже, старик,
Когда из-за горы
Они пробили бечевник
К воротам Ангары.
Да что! Куда там бечевник!
Таежной целиной
Тысячеверстный — напрямик —
Проложен путь иной.
И тем путем в недавний срок,
Наполнив провода,
Иркутской ГЭС ангарский ток
Уже потек сюда.
Теперь ты понял, как хитры,
Тебе не по нутру,
Что люди против Ангары
Послали Ангару.
И та близка уже пора,
Когда все разом — в бой.
И — что́ Берлин,
Что́ Ангара,
Что́ дьявол им любой!
Бетон, и сталь, и тяжкий бут
Ворота сузят вдруг...
Нет, он недаром длился, труд
Людских голов и рук.
Недаром ветер тот подул.
Как хочешь, друг седой,

Но близок день, и ты, Падун,
Умолкнешь под водой...
Ты скажешь: так тому и быть,
Зато удел красив:
Чтоб одного меня побить —
Такая бездна сил
Сюда пришла со всех сторон,—
Не весь ли материк?
Выходит, знали, что силен,
Робели?.. Ах, старик,
Твою гордыню до поры
Я, сколько мог, щадил:
Не для тебя, не для игры,—
Для дела — фронт и тыл.
И как бы ни была река
Крута — о том не спор,—
Но со всего материка
Трубить зачем же сбор!
А до тебя не будь нужды,
Так люди и теперь
Твоей касаться бороды
Не стали бы, поверь.
Ты присмирел, хоть песнь свою
Трубишь в свой древний рог.
Но в звуках я распознаю,
Что ты сказать бы мог.

Ты мог бы молвить: хороши!
Всё на одни весы:
Для дела всё. А для души?
А просто для красы?
Так — нет?.. Однако не спеши
Свой выносить упрек:
И для красы и для души
Пойдет нам дело впрок...
В природе шагу не ступить,
Чтоб тотчас, так ли, сяк,
Ей чем-нибудь не заплатить
За этот самый шаг...
И мы у этих берегов
Пройдем не без утрат.
За эту стройку для веков
Тобой заплатим, брат.
Твоею пенной сединой,

Величьем диких гор.
И в дар Сибири свой — иной
Откроем вдаль простор.
Морская ширь — ни дать ни взять —
Раздвинет берега,
Байкалу-батюшке под стать,
Чья дочь — сама река.
Он добр и щедр к родне своей,
И вовсе не беда,
Что, может, будет потеплей
В тех берегах вода.
Теплей вода,
Светлей места,—
Вот так, взамен твоей,
Придет иная красота —
И не поспоришь с ней...
Но кисть и хитрый аппарат
Тебя, твой лик, твой цвет
Схватить в натуре норовят,
Запечатлеть навек.
Придет иная красота
На эти берега.
Но, видно, людям тá и тá
Нужна и дорогá.

Затем и я из слов простых
И откровенных дум
Слагаю мой прощальный стих
Тебе, старик Падун.

1958

225. ЕЩЕ О СИБИРИ

Сибирь не любит насаждений —
Не зря в народе говорят.
Порой пятна листвяной тени
На сто дворов не встретит взгляд.

И суть не в том, что злы морозы,—
Не о вишневых речь садах,—
Но хоть бы ствол мелькнул березы
Иль куст рябины на задах.

Домов обветренная серость,
Задворков голых скучный вид,—
Вся неприютная оседлость —
Она о многом говорит.

О том, как деды в диком крае
За трудным пашенным добром
Ходили в бой, отодвигая
Тайгу огнем и топором;

Тайгу, что их теснила темью
И свой вела из года в год
На тех завидных, жирных землях
Извечный севооборот.

Какая к лесу будет жалость,
Зачем он был — тот самый куст:
За ним тайга вблизи держалась,
И мрак, и глушь, и зверь, и гнус...

Нет, даже спрашивать неловко
Насчет посадочных забот
В таких местах, где раскорчевка
И нынче в поле — жаркий пот;

Где ради каждой новой сотки
Земли из-под вчерашних пней
Гремят бульдозеры, лебедки,
Взрывчатка ухает на ней...

Всё так. Но тем еще дороже
Душе моей, когда порой
И здесь увидишь вдоль дороги
Березок юных ровный строй,

Цепочку елей малолетних,
Подростков тополей чреду,—
Они для глаза тем приметней,
Что вся тайга еще в виду;

Вся эта просека Сибири
Вдоль знаменитого шоссе,—
Вовек без надобности были
Ей даже думы о красе.

И светлой верю я примете,
Не в дальних далях вижу срок,
Когда и этот край на свете
Мы обратим до пяди впрок,—

С не меньшей, может быть, любовью,
Чем та, что знают на земле
Сады и рощи Подмосковья
Иль Крым, ухоженный в тепле.

1958

226

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых,— знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

1958

227. УСТАЛОСТЬ

Порой такая гудит усталость,
    Как лечь в кровать,—
Сдается, силы едва осталось,
    Чтоб утром встать.

Как будто в шахте пластом породы —
    Ни ног, ни рук —
Все эти годы, труды, походы
    Придавят вдруг.

Без мук, без боли. И рухнет время
    На всем скаку...
Но утром встанешь ты вместе с теми,
    Что — по гудку.

Не отставая ни на минуту
    Ни в чем от них,
Поспешно выйдешь, пройдешься, будто
    До проходных.

Потом вернешься под крышу дома —
    Всё по часам —
И тоже смену по-молодому
    Заступишь сам.

1958

228. СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так — дуй до горы.

Только, по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их — мастера!

1958

229. НОВОСЕЛЬЕ

— Новоселье! Дом — картинка.
Жаль, что мне-то, старику,
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

Как пришли еще с гражданской,
Тотчас с батькой за топор.
Под боком лесок был панский,—
Вот и хата и простор.

Брату каждому окошко.
Раздается вширь семья,
То да се, пошла дележка,—
Стройка новая моя.

Год, другой — опять потеха:
Хутора пошли у нас.
Надо с хатой в поле ехать —
Новоселье в третий раз.

Поугрелось место в поле,
Под окошком сад подрос,
Пообвык на волчьей воле,—
Вдруг колхоз. Ну что ж — в колхоз.

И опять в дорогу хата.
Разобрали — соберем.
А мои уже ребята
Подросли. И что им дом!

Остаемся со старухой,
Тоже праздник не велик.
А пришла война — разруха,—
Стройся заново, старик.

Запрягайся в ту же лямку.
Ну да что ж, куда ни шло.
Дом не дом, пускай землянку
Оборудовал. Тепло.

Год, другой — в земле, в потемках.
Подтащил леску, досок.
Оборудовал хатенку —
В два оконца свет потек.

По годам не до иного,
Как угрелся, так и рай.
Глядь, пошел поселок новый,—
Вылезай, переезжай.

Спору нету: дом — картинка,
Только жаль, что старику
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

А для радости-веселья,
Это верные слова,
Лучше нет, как новоселье
В жизни раз. От силы два.

Хоть кому прикинуть, взвесить:
Хата вроде как жена:
Для чего их пять да десять?
Будь хорошая одна.

Дом — как дом. Крылечко. Сени.
Всё не на день — на года.
Всё мне в жизни новоселье.
Это — да. А жить когда?

Впрочем, что же: дом — хозяйство.
Есть завет на случай сей:
Ты хоть завтра собирайся
Помирать, а жито сей!

1955—1959

230. МОСКОВСКОЕ УТРО

Москва по утрам
обновляется чудно:
Еще не шумна,
не пыльна, малолюдна;
Подернута дымкой
в разводах белесых,
Где дождь по асфальту
прошел на колесах;
Насыщена запахом
булочных ранних,
Где белый — как сдоба,
и черный — как пряник;
Остужена тенью
своих корпусов;
Озвучена боем
кремлевских часов.

И весь этот мир,
этот утренний город,
Мне нынче особенно

близок и дорог.
Надев мои новые
брюки в полоску,
К газетному я
направляюсь киоску.
Газету мне почта
доставит и на́ дом,
Но мне ее видеть
на улице надо,
В случайном составе
того коллектива,
Где очередь я
занимаю учтиво
И скукой томиться
там нету причины:
Газету как раз
выгружают с машины.
А что там сегодня
на третьей странице,
Еще никому
не известно в столице.
А я хоть и знаю
от строчки до строчки,
Но скромно молчу,
продвигаясь в цепочке.
Хотя эта скромность,—
признаться ли в том? —
Она мне дается
с немалым трудом.

Давно я не молод,
но, странное дело,
В одном остаюсь я
парнишкой всецело,
Тем самым, что где-то,
далёко отсюда,
Впервые познал
это сладкое чудо —
Увидеть свой вымысел,
скрытно рожденный,
Печатными буквами
вдруг утвержденный
И распространенный,
объявленный разом

С уборочной сводкой,
Верховным указом,
Ученой статьей
и последнею самой
Парижской ли,
лондонской там телеграммой,
Итоговым счетом
футбольных работ...
Но что это? Нет?
Или номер не тот?

Уже впереди
развернули газету,
На третьей странице —
стихов моих нету.
Да, так-таки нету.
И сердце упало...
А люди вокруг —
как ни в чем не бывало:
Тот прячет газету
в портфель для утехи —
В служебное время
прочесть без помехи;
А этой серьезной,
порывистой тете —
Ей некогда будет
читать на работе,—
Она, как и многие,
мигом, на месте,
Срывает верхушки
последних известий,
Себя сберегая
для нынешних дел...
Зачем же я новые
брюки надел?..

И чувство вины,
и стыда, и просчета
Меня охватило.
Какого же черта!..
Как будто, свой поезд
прохлопав ушами,
Остался дурак
на перроне в пижаме:

За поездом, что ли,
бежать ему вслед?
Он думал, что едет,
а вышло, что нет...
Какого же черта!..
Ведь ночью недавней
Звонил мне редактор,
не просто, а главный.
Я к трубке приникнул —
не часто такое —
И слышу: — Простите,
что вас беспокою.
Хоть службу ночную
мы сами несем,
Но знаем, как дорог
ваш творческий сон.—
И против обычных
редакторских правил
С удачей меня
троекратно поздравил.
Мол, знаете сами,
не мастер хвалить я,
Но это в поэзии —
просто событье.
Этап. И ступень.
И значительный шаг...

Слова эти
так и горели в ушах.
Хотя, если вспомнить,—
я с первой минуты
Почуял, что главный
подводит к чему-то;
И вот уже вывел
на самую кромку,
Внизу для меня
подстеливши соломку:
— Печатаем, как же!
За мелочью дело...—
И трубка в руке
у меня запотела.
Я слышу, как главный
закашлял неловко: —

Вы знаете, всё-таки...
эта концовка...
Прочтите-ка сами —
не слева направо,
А справа налево:
двусмысленно, право...

Мой голос дрожит
от обиды и гнева:
— Простите, зачем же
мне справа налево
Читать эти строчки,
размысливши здраво,
Когда полагается —
слева направо?
— Конечно, конечно,—
и главный согласен,
Что смысл, если так,
безупречен и ясен.—
Но мы о читателе
думать должны.
(Как будто читатель —
он прибыл с луны!)
Мол, этот вопрос —
он возник мимоходом,
Поскольку мы тут
совещались с народом.

Я диву даюсь:
ну зачем он мне врет?
Какой там сейчас
в кабинете народ!
И мне ли не знать,
что на самом-то деле
Народ по ночам
пребывает в постели.
А тот, что на вахте
иль в смене ночной,
Он занят своею
задачей прямой.

Но именно данную
часть разговора
Я как-то из памяти
выпустил скоро.

А то, что я в трубке
услышал сначала,
В душе моей внятно
и сладко звучало:
«Печатаем, как же!
За мелочью дело...»
Но мелочь, я думал,
сама отлетела...
И утром поднялся,
доволен и светел,
И новыми брюками
дату отметил.
И бодрой походкой
на улицу вышел,
А как обернулось —
рассказано выше...
Но утро есть утро,
и день — это дело.
Москва поднялась,
зашумела, запела,
Затмилась пыльцой
и дымком зачадила,
Но жизни полна,
величава на диво!..

Досада моя
рассосалась помалу.
К столу! — как другие к станку
иль штурвалу.
К труду! — и забудь
в горделивом терпенье
Про все те «этапы»,
«шаги» и «ступени».
Но строки души
и любви не лукавой
Пиши, как положено,—
слева направо.
И помни в работе,
единой со всеми,
Что главный редактор —
великое время,—
Не в далях иных,
за посмертной страницей,

А время, что нынче —
в селе и в столице.
И ты не считай,
что, родившись в сорочке,
Ему не обязан
от строчки до строчки.
Обязан кругом —
и завидной планидой,
И славой своей,
и минучей обидой.
Оно и обиду
по чести рассудит,
А если не вдруг,
так тебя не убудет.
Не так уж ты беден
и в нынешнем разе:
Не всё на прилавке,
а есть и на базе!..

Ах, время, родное,
великое время,
Солгу по расчету —
лупи меня в темя!
А если подчас
оступлюсь ненароком —
Учи меня мудрым
уроком-упреком.
Приму его сердцем,
учту его честно,
В строю не замедлю
занять свое место.
Когда я с тобою,
мне всё по плечу,
Ты скажешь —
я горы тебе своротчу.

1957—1959

231. У ПАДУНА

Река пропела всё сначала,
Ярясь на новом рубеже,
Как будто знать она не знала,
Что уступала нам уже.

Всю ночь под пеной волны выли.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь.

Не устояли в жарком споре
С годами нашими века.
И, очутившись на запоре,
Утихомирилась река.

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

19 июня 1959
Братск

232. БАЙКАЛ

Байкал, чья слава в этом мире
Века веков переживет,
Как он под стать самой Сибири
Бескрайним плесом мощных вод;

Под бурей — рокотом громовым
У скал прибрежной полосы,
В тиши — достоинством суровым
Могучей сказочной красы.

В его блистающем просторе,
В глубинной толще вековой,
В его повадках — облик моря
И отзвук в говоре морской.

От скальных круч Хамар-Дабана
Сплетает гор своих венец
Он — мирового океана
На этой суше посланец.

Пусть далеки на ней селенья
От океанских берегов,
Уже взрастил он поколенья
Отвагой славных моряков.

И дань души своей влюбленной
Несут Байкалу с давних лет
Рыбак, и труженик-ученый,
И живописец, и поэт.

Байкал! Бегут в тайгу на север
Сквозь ночь сибирскую огни.
На Ангаре и Енисее —
Байкала отблески они!

Не сон глухой, не камень дикий,
Не память бед,— иная быль —
Дела индустрии великой —
Твой день сегодняшний, Сибирь.

Но эти царственные воды,
Но горы в сизой полумгле —
Байкал — бесценный дар природы —
Да будет вечен на земле.

1959

233

Не хожен путь
И не прост подъем,
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед,
За бегущим днем,
Как за огневым валом,

За ним, за ним,—
Не тебе одному
Бедой грозит передышка,—
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка!

Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка.
— А страшно всё же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой,
Да — сладко!

1959

234

Жить бы мне век соловьем-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.

О разнотравье лугов непримятых.
Зорях пастушьих, угодьях грибных.
О лесниках-добряках бородатых.
О родниках и вечерних закатах.
Девичьих косах и росах ночных...

Жить бы да петь в заповеднике этом,
От многолюдных дорог в стороне,
Малым, недальним довольствуясь эхом,—
Вот оно, счастье. Да, жаль, не по мне.

Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подряжен
Браться с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон.

И поспевать, надрываясь до страсти,
С болью, с тревогой за нынешним днем.
И обретать беспокойное счастье
Не во вчерашнем, а именно в нем...

Да! Но скажу я: без этой тропинки,
Где оставляю сегодняшний след,
И без росы на лесной паутинке —
Памяти нежной ребяческих лет,—
И без иной — хоть ничтожной — травинки
Жить мне и петь мне? Опять-таки — нет...

Не потому, что особой причуде
Дань отдаю в этом тихом краю.
Просто — мне дорого всё, что и людям,
Всё, что мне дорого, то и пою.

1959

235. ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вехами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

Возносят свое многотонное кружево
Они над землей — не вчера ли разбуженной,
Сибирью, по фронту всему атакуемой,
С ее Погорюй — Потоскуй — Покукуями.

Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками» новыми,
Над стройками, в мире уже знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы.

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными;
Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов порядками,
Посадками парков, причалами, складами,
Времянками-арками и танцплощадками.

В места, по прозванью не столь отдаленные,
Хотя бы лежали за длинными далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями,—
В места, что под завтрашний день застолбованы,
Вступает народ, богатырь небалованный.

Ему — что солдату на фронте — не в новости
Жары и морозы железной суровости,
Приварок, в поэмах и песнях прославленный,
И хлеб, тягачами на место доставленный.

Не стать привыкать — за привалами редкими —
Ему продвигаться путями неторными.
Он для семилетки взращен пятилетками
И целой эпохи походными нормами;
Годами труда, переменами столькими;

Краями, для дел богатырских привольными;
Своими большими и малыми стройками —
В прослойку с большими и малыми войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями,
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навылет стволами-тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дебри суровые,
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он ввез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии!
Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог завербованный,
Всё может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора окантованным.
Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной кротости.
Вселенная — пусть она встала на очередь,
Забот на Земле остается до пропасти.
Простора довольно для нынешних подвигов,
Что в завтрашнем блеске со счету не сбросятся.

...А где мое слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной емкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца, сердечное.

Простое, земное — пускай не надзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;

Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

1959

236. В ТАЙГЕ ПРИМОРЬЯ

Как будто дождь медовый выпал
Над этой чудной стороной:
Так густо дух таежной липы
Стоит тягучий и парной.

И над дорогой, над машиной,
И надо всей самой тайгой —
Бездонный ровный звон пчелиный,
Бессонный день жары глухой.

Здесь царство липы,— клен и ясень,
Орех и дуб в ее тени...
А четкий строй таежных пасек
Поселкам нынешним сродни.

И простота, и стройность та же,
И блеск проструганной сосны,
И легкость звонкая, и даже
Щеголеватость новизны.

1959

237

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки,—
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

1959

238. ГОРНЫЕ ТРОПЫ

Горные тропы моложе
Ныне исчезнувших рек,
Чье отслужившее ложе
В дебрях обрел человек.

Но до него, следопыта,
Задолго — всякой тропой
Лапы зверей и копыта
След обозначили свой.

Правда, при первой разведке
Он для маршрутов своих
Разные сделал отметки —
Звери не ведали их.

Следом за ним поколенья
Долгим тянулись гуськом,
Чтобы с дороги каменья
Сдвинуть в сторонку рядком.

И, применяя расчеты,
Где подсказала нужда,
С толком спрямить повороты,
Что навихляла вода.

Тысячелетья успели
В эти улечься пласты,
Чтобы пробить здесь тоннели,
Вымахнуть резко мосты...

Так что — какой бы тропою
Ты по земле ни ступил,
Ведай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.

Некие знаки оставил —
Память разведки своей.
Пусть он себя не прославил,
Сделал тебя он сильней.

Знай и в работе примерной:
Как бы ты ни был хорош,
Ты по дороге не первый
И не последний идешь.

1960

239. НОВОГОДНЯЯ БАСНЯ

Так повелось издревле в мире:
Где праздничный спешит на елку дед,
Там бабке будничной — сатире,
Понятно, места нет.

К тому же басня — жанр особой меры,
Дошедший к нам из глубины веков,
И в наши дни удел ее таков:
Прибрал к рукам сначала Михалков,
А вслед за ним — пенсионеры.

Взялись чесать —
Держись, печать! —
Забыв про отдых на досуге,
Пороки наши и недуги
Изобличать.

А я? С чего же я сегодня,
Взяв этот стих, навязнувший в зубах,—
Да где, представьте,
В «Правде»
Новогодней,—
Вдруг — басню — бах?

На пенсию не срок еще, пожалуй,—
Я сам года не склонен торопить.
Знать, содержанье форму подсказало.
Что ж, так тому и быть.

*

Один администратор, от рожденья
К новаторству испытывая пыл,
Впредь до введенья
Парового отопленья
Печное — воспретил.

В приказе разъяснил он популярно,
Что печь как отопительный прибор
Не только что кустарна,
И угарна,
И антисанитарна
(Грязь да сор),

Но с точки зренья противопожарной —
Есть пережиток и позор.

И в подтвержденье этой части вводной,
Как водится, чтоб оживить урок,
Он перлы мудрости народной
И русской классики привлек.

Не шутка тоже — составлять приказы,
Чтоб четко по разделам и графам
Не только базы,
Но и высшей фазы
Коснуться перед тем, как перейти к дровам.

А в части дров
Суров
Новейший был порядок:
Отныне таковых не запасать
На складах.
А где какой имеется остаток —
Изъять
И наложить печать.

Тут разные в поселке
Были толки.
Без выбора особого в словах.
Но все в порядке самозаготовки
К зиме — радели о дровах.

И в предвкушенье благ теплоцентрали,
Что к нам в жилье прокладывала путь,
Зимой у нас топить не перестали
Отнюдь!

Тогда, решив себя увековечить,
Администратор — гению под стать! —
Велел печевладельцев *обеспечить,*
Что означает: печи поломать.

Предвиделись немалые затраты,
Приверженность к привычкам бытовым...
(Заметим в скобках, сам администратор
Жил в доме с отопленьем паровым.)

Однако план *обеспеченья*
Не получил осуществленья,—
На ближних подступах оно
Отсталой — женской — частью населенья
Успешно было предотвращено.

— Ах, так! — Вскипел начальнический разум.—
Вы этак! — Собралась гроза.—
Вы, значит, против высшей фазы?..
— Нет! За!
— Ага! А в чем же в этом разе
Смысл ваших действий и речей?
— Да просто в том, чтоб в данной нашей фазе
Дров не ломать, не только что печей!

*

Иной поставит мне поспешно —
А где же Новый год? — вопрос.
И я скажу: не в том, конечно,
Что упомянут дед-мороз.

А в том, что славный этот праздник,
Отметив славные дела,
Гудит вокруг разнообразных
Людских источников тепла.

Согрет не только идеальным,—
Когда сажает нас за стол,—
Большим теплом теплоцентральным,
Но каждой печкою простой!

Она, старуха, тоже — чудо,
Свидетель наших добрых встреч.
А вывод сам собой отсюда:
И печь до срока поберечь!

Декабрь 1959

240. ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Поэма

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Пора! Ударил отправленье
Вокзал, огнями залитой,
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил,

Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Всё собирался и не мог.

Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.

Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.

Когда в безвестности до срока
Или в забвеньи ты, поэт,
Творишь свой замысел высокий,
Доверчиво свой хранишь секрет;
Готовишь людям свой подарок,
В тиши замеченный давно, —
Ты можешь быть больным и старым,
Усталым, — счастлив все равно.

И пусть тебя порой найдет морока —
Нелепый риск, обидный суд,
И пусть бранят тебя жестоко,
Напрасно, может быть, начнут. —
Ты слышишь это и не слышишь
В заботах милого труда.
Тем часом ты сидишь и пишешь,
Ты занимаешь города.

И все с тобою в этот час —
Твоя Варшава, твой Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И ты на свете не один...
Беда придет в иную пору... (а б.

А. Твардовский

12 [illegible]50

Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.

Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.

Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью.

И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал.
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью,—
В полсуток обогнуть едва ль,—
А за Байкалом —
Забайкалье.

А там еще другая даль,
Что обернется далью новой.

А та, неведомая мне,
Еще с иной, большой, суровой,
Сомкнется и пройдет в окне...

А той порой отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток,
Где перед станцией последней,
У пограничного столба,
Сдается мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я еще с Москвою вместе,
Еще во времени одном.

И, точно дома перед сном,
Ее последних жду известий;
Она свой голос подает
И мне в моей дороге дальней.

А там из-за моря восход
Встает, как зарево, печальный.

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые ревут
Береговые батареи...

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,
От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный,—
Хоть в цвет иной рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали у Москвы
И до Берлина провожали...

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружьем встретил.
За грех войны — карал войной,
За смерть — печатью смерти метил.

В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил,
И вот —
Полмира в нашем стане!

Что ж, или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит как явь и как предвестье.

С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.
Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо ложится...

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир страны обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно,—

Не вам ли памятны года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали;

Когда тянулись в глубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны —
И с ними люди — погорельцы;

Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.

И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной
Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет — и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

Но, люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.

Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен.
Его ли смерти мы уступим?..

На Спасской башне полночь бьет...

В ДОРОГЕ

Лиха беда — пути начало,
Запев дается тяжело,
А там, глядишь: пошло, пожалуй?
Строка к строке — ну да, пошло.

Да как пошло!
Сама дорога,—
Ты только душу ей отдай,—
Твоя надежная подмога,
Тебе несет за далью — даль.

Перо поспешно по бумаге
Ведет, и весело тебе:
Взялся огонь, и доброй тяги
Играет музыка в трубе.

И счастья верные приметы:
Озноб, тревожный сердца стук,
И сладким жаром лоб согретый,
И дрожь до дела жадных рук...

Когда в безвестности до срока,
Не на виду еще, поэт
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет;

Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно,—
Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив всё равно.

И даже пусть найдет морока —
Нелепый толк, обидный суд,
Когда бранить его жестоко
На первом выходе начнут,—

Он слышит это и не слышит
В заботах нового труда,
Тем часом он — поэт, он пишет,
Он занимает города.

И всё при нем в том добром часе:
Его Варшава и Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И он на свете не один.

И пусть за критиками следом
В тот гордый мир войдет жена,
Коснувшись, к слову, за обедом
Вопросов хлеба и пшена,—
Все эти беды —
К малым бедам,
Одна беда ему страшна.

Она придет в иную пору,
Когда он некий перевал
Преодолел, взошел на гору
И отовсюду виден стал.

Когда он всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен,—
И хвать писать —
Пропал запал!

Пропал запал.
По всем приметам
Твой горький день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова;
Недостоверны мысли, чувства,
Ты строго взвесил их — не те...
И всё вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хвать-похвать — и ни рожна.
И здесь беда, что впрямь страшна,
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна!

Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу.

Но верным прежней быть гордыне,
Когда ты щедрый, не скупой,
И всё, что сделано доныне,
Считаешь только черновой;

Когда, заминкой не встревожен,
Еще беспечен ты и смел,
Еще не думал, что положен
Тебе хоть где-нибудь предел;

Когда — покамест суд да справа —
Богат, широк — полна душа,—
Ты водку пьешь еще для славы,
Не потому, что хороша.

И врешь еще для интересу,
Что нету сна
И жизнь сложна...

Ах, как ты горько, до зарезу,
Попозже, молодость, нужна!

Пришла беда — и вроде не с кем
Делиться этою бедой.
А время жмет на все железки,
И не проси его:
— Постой!

Повремени, крутое время,
Дай осмотреться, что к чему.
Дай мне в пути поспеть со всеми,
А то, мол, тяжко одному...

И знай, поэт, ты нынче вроде
Как тот солдат, что от полка
Отстал случайно на походе.
И сушит рот ему тоска.

Бредет обочиной дороги.
Туда ли, нет — не знает сам,
И счет в отчаянной тревоге
Ведет потерянным часам.

Один в пути — какой он житель!
Догнать, явиться: виноват,
Отстал, взыщите, накажите...
А как наказан, так — солдат!
Так свой опять — и дело свято.
Хоть потерпел, зато учен.
А что еще там ждет солдата,
То всё на свете нипочем...

Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне.

Иль не меня четыре года,
Покамест шла войны страда,
Трепала всякая погода,
Мотала всякая езда.
И был мне тот режим не вреден,
Я жил со всеми наравне.

Давай-ка, брат, давай поедем:
Не только свету, что в окне.

Скорее вон из кельи тесной,
И всё не так, и ты хорош,—
Самообман давно известный,
Давно испытанный, а всё ж —
Пусть трезвый опыт не перечит,
Что нам дорога — лучший быт.
Она трясет и бьет,
А — лечит.
И старит нас,
А — молодит.

Понять ли доброму соседу,
Что подо мной внизу в купе,
Как сладко мне слова: «Я еду,
Я еду»,— повторять себе.

И сколько есть в дороге станций,
Наверно б, я на каждой мог
Сойти с вещами и остаться
На некий неизвестный срок.

Я рад любому месту в мире,
Как новожил московский тот,
Что счастлив жить в любой квартире,
Какую бог ему пошлет.

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

Я сердце по свету рассеять
Готов. Везде хочу поспеть.
Нужны мне разом
Юг и север,
Восток и запад,
Лес и степь;

Моря и каменные горы,
И вольный плес равнинных рек,
И мой родной далекий город,
И тот, где не был я вовек;

И те края, куда я еду,
И те места, куда — нет-нет —
По зарастающему следу
Уводит память давних лет...

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

На этот раз резон особый
Их сочетать позволит мне.
И тот и тот — мне кстати оба,
И путь мой выгоден вдвойне.

Помимо прочего, при этом
Я полон радости побыть
С самим собою, с белым светом,
Что в жизни вспомнить, что забыть...

Но знай, читатель, эти строки,
С отрадой лежа на боку,
Сложил я, будучи в дороге,
От службы как бы в отпуску,
Подальше как бы от начальства.

И если доброй ты души,
Ты на меня не ополчайся
И суд свой править не спеши.

Не метусись, как критик вздорный,
По пустякам не трать огня.
И не ищи во мне упорно
Того, что знаешь без меня...

Повремени вскрывать причины
С угрюмой важностью лица.

Прочти хотя б до половины —
Авось прочтешь и до конца.

Еще сквозь сон на верхней полке
Расслышал я под стук колес,
Как слово первое о Волге
Негромко кто-то произнес.

Встаю — вагон с рассвета в сборе,
Теснясь у каждого окна,
Уже толпится в коридоре,—
Уже вблизи была она.

И пыл волненья необычный
Всех сразу сблизил меж собой,
Как перед аркой пограничной
Иль в первый раз перед Москвой...

И мы стоим с майором в паре,
Припав к стеклу, плечо в плечо,
С кем ночь в купе одном проспали
И не знакомились еще.

Стоим и жадно курим оба,
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.

И уступить спешим друг другу
Мы лучший краешек окна.
И вот мою он тронул руку
И словно выдохнул:
— Она!

— Она! —
И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.

— Она! —
И справа, недалёко,
Моста не видя впереди,
Мы видим плес ее широкий
В разрыве поля на пути.

Казалось, поезд этот с ходу —
Уже спасенья не проси —
Взлетит, внизу оставив воду,
Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив
У будки крохотной поста,
Втянулся он, как подобает,
В тоннель решетчатый моста

И загремел над ширью плеса,
Покамест сотни звонких шпал,
Поспешно легших под колеса,
Все до одной не перебрал...

И не успеть вглядеться толком,
А вот уже ушла из глаз
И позади осталась Волга,
В пути не покидая нас;

Не уступая добровольно
Раздумий наших и речей
Ничьей иной красе окольной
И даже памяти ничьей.

Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер,
Ни дерзкой славе рек Сибири,
Коль их касался разговор.

Ни заграницам отдаленным,
Ни любопытной старине,
Ни городам, вчера рожденным,
Как будто взятым на войне.

Ни новым замыслам ученым,
Ни самым, может быть, твоим
Воспоминаньям береженым,
Местам, делам и дням иным...

Должно быть, той влекущей силой,
Что люди знали с давних лет,
Она сердца к себе манила,
Звала их за собою вслед.

Туда, где, нынешнею славой
Не смущена еще ничуть,
Она привычно, величаво
Свой древний совершала путь...

Семь тысяч рек,
Ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег,
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль,— семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых — до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.

И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле.

Пусть воды их в ее теченье
Неразличимы, как одна,
Краев несчетных отраженье
Уносит волжская волна.

В нее смотрелось пол-России:
Равнины, горы и леса,
Сады и парки городские,
И вся наземная краса —
Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты,
Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь,
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть...

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что сводит Волга — берег в берег —
Восток и Запад над собой;
Что оба края воедино
Над нею сблизились навек;

Что Волга — это середина
Земли родной.
Семь тысяч рек!

В степи к назначенному сроку,
Извечный свой нарушив ход,
Она пришла донской дорогой
В бескрайний плес всемирных вод.

Ее стремленью уступила
Водораздельная гора.
И стало явью то, что было
Мечтой еще царя Петра;
Наметкой смутной поколений,
Нуждой, что меж несчетных дел
И нужд иных великий Ленин
Уже тогда в виду имел...

Пусть в океанском том смешенье
Ее волна растворена.
Земли родимой отраженье
Уже и там несет она.

Пусть реки есть, каким дорога
Сама собой туда дана
И в мире слава их полна;
Пусть реки есть мощней намного —
Но Волга-матушка одна!

И званье матушки носила
В пути своем не век, не два —
На то особые права —
Она,
Да матушка-Россия,
Да с ними матушка-Москва.

...Сидим в купе с майором рядом,
Как будто взяли перевал.

Он, мой сосед, под Сталинградом
За эту Волгу воевал.

ДВЕ КУЗНИЦЫ

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготьком —
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,

Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы всё свое железо
Мужик под мышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды, когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня
С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.

Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
И я добром, как говорится,
Ее обязан помянуть.

За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес;
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик-охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях;
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный,—
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках-барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затменьях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была —
Побыть в охоту на народе,
Забыть, что жизнь невесела.

Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,

А за компанию с людьми.
И словно всяк — хозяин-барин
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось всё, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.

Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедыжки
И лаптя даже не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.

И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской.

...Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.

И хоть волною грозной жара
Я был далёко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.

Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.

Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома.
Хоть знал,
Что это был Урал.

Урал!
Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен,
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —
Урал!

Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Тот груз, до срока зачехленный,
Стволов и гусениц везли,—
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Когда, добром его груженный,
На встречной скорости состав,
Как сквозь тоннель гремит бетонный,
С прогибом рельсов даль прорвав,—
Не диво мне, что люд вагонный,
Среди своих забот, забав,

Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал!
Я нынче еду мимо,
И что-то сжалося в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.

Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю,— как лег, как встал,—
И всё теплей и благодарней
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал!
Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

ДВЕ ДАЛИ

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема
И степь без края за окном.

И на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые, как кость.

Идут, сквозные, негустые,
Вдоль горизонта зеленя
Да травы изжелта-седые,
Под ветром ждущие огня.

И час за часом край всё шире,
Уже он день и два в окне,

Уже мы едем в той стране,
Где говорят:
— У нас, в Сибири...

Сибирь!
Не что-то там вдали,
Во мгле моей дороги длинной,
Не бог весть где, не край земли,
А край такой же серединный,

Как на Урале был Урал,
А там — Поволжье, Подмосковье,
И всё, что ты уже терял
За неустанной встречной новью.

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,
Две эти дали, как одна.
И обе вдруг душе предстали:
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Опять рассвет вступил в окно —
Ему всё ближе путь с востока,
А тот стожок давным-давно
Уже на западе далёко.

И словно год назад прошли
Уральской выемки откосы,
Где громоздились из земли
Пласты породы, как торосы.

И позади, вдали места,
Что так же шли в окне вагона.
И Волга — с волжского моста,
И все за нею перегоны.

Столичный пригород, огни,
Что этот поезд провожали,
И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных, дали...

С дороги — через всю страну —
Я вижу отчий край смоленский
И вспомнить вновь не премину
Мой первый город деревенский.

Он славой с древности гремел,
Но для меня в ребячью пору
Названья даже не имел —
Он был один, был просто *город*.

И, как тогда я ни был мал,
Я не забыл и не забуду
Тот запах, что в избу вступал
С отцом, приехавшим оттуда.

Как будто с поскрипом сеней,
С морозным облаком надворья,
В былинках сена из саней
Сам город прибывал в Загорье.

Нездешний, редкий, привозной,
Тревожно-праздничный и пряный,
То запах жизни был иной —
Такой немыслимой и странной.

Он долго жил для нас во всем:
В гостинце каждом и покупке,
В нагольном старом полушубке,
Что побыл в городе с отцом...

Волненью давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой книжки
И самый вкус карандаша...

Всем, чем к земле родной привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу;

Тому ребячьему смятенью,
С каким касался их рукой
И приступал к письму и чтенью —
Науке первой городской.

И что ж такого, что с годами
Я к той поре глухим не стал
И всё взыскательнее память
К началу всех моих начал!

Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы.
И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед,
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Читатель!
Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Всё кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный.
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:
То у него сонливый вид,
То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит.)
Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул — хоть это против правил —
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
Устав от множества стихов,
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде:
Я сам, по слабости, таков.

Меня, опять же, не убудет,
Коль скажешь ты иль кто другой:
Не многовато ль, дескать, будет
Подряд материи такой,
Как отступленья, восклицанья
Да оговорок этих тьма?
Не стать ли им чрезмерной данью
Заветам старого письма?

Я повторю великодушно:
Не хлопочи о том, дружок,—
Читай, пока не станет скучно,
А там — бросай.
И я — молчок.

Тебя я тотчас покидаю,
Поникнув скромно головой.
Я не о том совсем мечтаю,
Чтоб был читатель волевой,
Что, не страшась печатной тины,
Вплоть до конца несет свой крест
И в силу самодисциплины
Что преподносят, то и ест.

Нет, мне читатель слабовольный,
Нестойкий, пуганый милей:
Уж если вник,— с меня довольно,
Горжусь победою моей,
Волнуясь, руки потираю:
Ты — мой.
И холод по спине:
А вдруг такого потеряю?
Тогда конец и горе мне.

Тогда забьюсь в куток под лавкой
И затаю свою беду.
А нет — на должность с твердой ставкой
В Союз писателей пойду...

Продолжим, стало быть, беседу.
Для одного тебя, учти,
Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.

И всё одна командировка,—
Она мне слишком дорога...
Но что там — вроде остановка?
— Какая станция?
— Тайга.

Состав стоит, пробег немалый
В пути оставив за хвостом.
И от уставшего металла
Внизу течет звенящий стон.

Снаружи говор оживленный,
В огне перрон, как днем светло.
Опять за стенкою вагонной
Полтыщи верст в ночи прошло.

Прошли мосты, мелькнули реки,
Минули целые края,
Которых, может быть, вовеки
Вот так и не увижу я,
И что за земли — знать не буду —
Во сне ушли из-под колес...

А тут еще весны причуды,—
Не вспять ли время подалось?

Как будто мы в таежный пояс
Вошли за станцией Тайгой.
Теплом полей обдутый поезд
Как будто взял маршрут другой.

Как будто вдруг сменился климат:
Зима — и всё вокруг бело.
Сухой пурги дремотным дымом
Костлявый лес заволокло...

Но, с путевой надежной сталью
Смыкая туго сталь колес,
Спешит состав за новой далью.
Гребет пространство паровоз.

И разрывает мир единый,
Что отступает с двух сторон,
На две большие половины,
На юг и север вдоль окон.

Сквозь муть пурги еще невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной,—
Урал, и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад — до границ державы
И дальше — по следам войны,
По рубежам ее остывшим,
По блиндажам ее оплывшим,
По стольким памятным местам...

Я здесь, в пути, но я и там —
И в той дороге незабвенной,
У тех, у дорогих могил,
Где мой герой поры военной
С войсками фронта проходил.

Хоть та пора всё дале, дале,
Всё больше верст, всё больше дней.
Хоть свет иной, желанной дали
В окне вагона всё видней.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

А скажем прямо, что не шутки —
Уже одно житье-бытье,
Когда в дороге третьи сутки —
Еще едва ли треть ее.

Когда в пути почти полмира,
Через огромные края
Пройдет вагон — твоя квартира,
Твой дом и улица твоя...

В такой дороге крайне дорог
Особый лад на этот срок,
Чтоб всё тебе пришлося впору,
Как добрый по ноге сапог.

И время года, и погода,
И звук привычного гудка,
И даже радио в охоту,
И самовар проводника...

С людьми в дороге надо сжиться,
Чтоб стали как свои тебе
Впервые встреченные лица
Твоих соседей по купе.

Как мой майор, седой и тучный,
С краснотцей жесткой бритых щек,
Иль этот старичок научный,
Сквозной, как молодой сморчок.

И чтоб в привычку стали вскоре,
Как с давних пор заведено,
Полузнакомства в коридоре,
Где на двоих-троих окно;

Где моряка хрустящий китель
В соседстве с мягким пиджаком,
Где областной руководитель —
Не в кабинете со звонком;

Где в орденах старик кудрявый
Таит в улыбке торжество
Своей, быть может, громкой славы,
Безвестной спутникам его;

Где дама строгая в пижаме
Загромоздит порой проход,
Смущая щеголя с усами,
Что не растут такие сами
Без долгих, вдумчивых забот;

Где все — как все: горняк, охотник,
Путеец, врач солидных лет
И лысый творческий работник,
С утра освоивший буфет.

Все сведены дорожной далью:
И тот, и та, и я, и вы,
И даже — к счету — поп с медалью
Восьмисотлетия Москвы...

И только держатся особо,
Друг другом заняты вполне,—
Выпускники, наверно, оба —
Молодожены в стороне.

Рука с рукой — по-детски мило —
Они у крайнего окна
Стоят посередине мира —
Он и она,
Муж и жена.

Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы.
На край земли, быть может, едут,
А может, только до Читы.

Ну, до какой-нибудь Могочи,
Что за Читою невдали.
А может, путь того короче.
А что такое край земли?

Тот край и есть такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно,
Как известно,
Была любовь устремлена.

Ей лучше знать, что всё едино,
Что место, где ни загадай,
Оно — и край, и середина,
И наша близь, и наша даль.

А что ей в мире все напасти,
Когда при ней ее запас!
А что такое в жизни счастье?
Вот это самое как раз —
Их двое, близко ли, далёко,
В любую часть земли родной,
С надеждой ясной и высокой
Держащих путь — рука с рукой...

Нет, хорошо в дороге долгой
В купе освоить уголок
С окошком, столиком и полкой
И ехать, лежа поперек
Дороги той.

И ты не прежний,
Не тот, чем звался, знался, жил,
А безымянный, безмятежный,
Спокойный, дальний пассажир.

И нет на лбу иного знака,
Дымишь, как всякий табакур.
Отрада полная.
Однако
Не обольщайся чересчур...

Хоть не в твоей совсем натуре
Трибуной тешиться в пути,
Но эту дань литературе
И здесь приходится нести.

Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт;
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять?

Мол, дело, собственно, не в счете.
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.

На стройку вас, в колхозы срочно,
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.

Бывает, их наедет столько,
Творцов, певцов,
А толку — чуть.

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.

Глядишь, роман, и всё в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И всё похоже, всё подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завыть.

Да неужели
В самом деле
Тоска такая всё кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?

Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.

Я счастлив жить, служить отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.

Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно,
Понятно, критика права...

Но ты их слышать рад безмерно —
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда,—
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым;
Где всё твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый, тот любимый,
Каким еще ты можешь быть.

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно —
Душу сжечь готов.

Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Всё в этом долге,
Всё в этой доблести. А там...

Вдруг новый голос с верхней полки:
— Не выйдет...
— То есть как?
— Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.

— Не выйдет,— протянул вторично.
— Но кто вы там, над головой?
— Ты это знаешь сам отлично...
— А всё же?
— Я редактор твой.

И с полки голову со смехом
Мой третий свесил вдруг сосед:
— Ты думал что? Что ты уехал
И от меня? Нет, милый, нет.

Мы и в пути с тобой соседи,
И всё я слышу в полусне.
Лишь до поры мешать беседе,
Признаться, не хотелось мне.

Мне было попросту занятно,
Смотрю: ну до чего хорош,
Ну как горяч невероятно,
Как смел! И как ты на попятный
От самого себя пойдешь.

Как, позабавившись игрою,
Ударишь сам себе отбой.
Зачем? Затем, что я с тобою —
Всегда, везде — редактор твой.

Ведь ты над белою бумагой,
Объятый творческой мечтой,
Ты, умник, без меня ни шагу,
Ни строчки и ни запятой.

Я только мелочи убавлю
Там, сям — и ты как будто цел.
И всё нетронутым оставлю,
Что сам ты вычеркнуть хотел.

Там карандаш, а тут резинка,
И всё по чести, всё любя.
И в свет ты выйдешь, как картинка,
Какой задумал я тебя.

— Стой, погоди,— сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь.—
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берешь!

И, голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:

— Не беру.
Отнюдь. Я всё препоручаю
Тебе и твоему перу.

Мне самому-то нет расчету
Корпеть, черкать, судьбу кляня.
Понятно? Всю мою работу
Ты исполняешь за меня.

Вот в чем секрет, аника-воин,
И спорить незачем теперь.
Всё так. И я тобой доволен
И не нарадуюсь, поверь.

Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю — вот поэт,
Кого я просто не читаю:
Тут опасаться нужды нет.

И подмигнул мне хитрым глазом:
Мол, ты да я, да мы с тобой...
Но тут его прервал я разом:

— Поговорил — слезай долой.
В каком ни есть ты важном чине,
Но я тебе не подчинен
По той одной простой причине,
Что ты не явь, а только сон
Дурной. Бездарность и безделье
Тебя, как пугало земли,
Зачав с угрюмого похмелья,
На белый свет произвели.

В труде, в страде моей бессонной
Тебя и знать не знаю я.
Ты есть за этой только зоной,
Ты — только тень.
Ты — лень моя.

Встряхнусь — и нет тебя в помине,
И не слышна пустая речь.
Ты только в слабости, в унынье
Меня способен подстеречь,
Когда, утратив пыл работы,

И я порой клоню к тому,
Что где-то кто-то или что-то
Перу помеха моему...

И о тебе все эти строчки,
Чтоб кто другой, смеясь, прочел,—
Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то здесь при чем?

А между тем народ вагонный,
Как зал, заполнив коридор,
Стоял и слушал возбужденно
Весь этот жаркий разговор.

И молча тешились забавой
Майор с научным старичком.
И пустовала полка справа:
В купе мы ехали втроем.

И только — будь я суевером —
Я б утверждать, пожалуй, мог,
Что с этой полки запах серы
В отдушник медленно протек...

ОГНИ СИБИРИ

Сибирь!
Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей.

Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Ее рудник и арсенал.

Край, где несметный клад заложен,
Под слоем — слой мощней вдвойне.
Иной еще не потревожен,
Как донный лед на глубине.

Родимый край лихих сибирских
Трем войнам памятных полков
С иртышских,

Томских,
Обских,
Бийских
И енисейских берегов...

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,
С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая, Сибирь!

Сибирь!
И лег и встал — и снова —
Вдоль полотна пути Сибирь.
Но как дремучестью суровой
Еще объят ее пустырь!

Идет, идет в окне экспресса
Вдоль этой просеки одной
Неотодвинутого леса
Оббитый ветром перестой.

По хвойной тьме — березы проседь...
Откосы сумрачные гор...
И всё кругом — как бы укор
Из давней давности доносит.

Земля пробитых в глушь путей,
Несчетных верст и редких дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была б землей родимой!

Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе,
Как юг иль степь душе иной,
Как взморье с теплою волной,
Как мне навек мое Загорье...

Недоброй славы край глухой.
В новинку твой нелегок норов.
Ушел тот век, настал другой,
Но ты — всё ты — с твоим укором.

И в старых песнях не устал
Взывать с тоской неутолимой
Твой Александровский централ
И твой бродяга с Сахалина.

Да, горделивая душа
Звучит и в песнях, с бурей споря,
О диком бреге Иртыша
И о твоем священном море.

Но, может быть, в твоей судьбе,
И величавой и суровой,
Чего недодано тебе —
Так это мощной песни новой,
Что из конца прошла б в конец
По всем краям с зазывной силой
И с миллионами сердец
Тебя навеки породнила.

Та честь была бы дорога
И слава — не товар лежалый,
Когда бы мне принадлежала
В той песне добрая строка...

И снова — сутки прочь, и снова —
Сибирь!
Как свист пурги — Сибирь,—
Звучит и ныне это слово,
Но та ли только эта быль!

В часы дорожные ночные
Вглядишься — глаз не отвести:
Как Млечный Путь, огни земные
Вдоль моего текут пути

Над глухоманью вековечной,
Что днем и то была темна.
И, точно в небе, эта млечность
Тревожна чем-то и скрытна...

Текут, бегут огни Сибири,
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали длятся полосой.

Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой.
Дробятся в дебрях потрясенных,
Смыкая зарева бессонных
Таежных кузниц меж собой.

И в том немеркнущем свеченье
Вдали угадываю я
Ночное позднее движенье,
Оседлый мир, тепло жилья;
Нелегкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детскою кроваткой
У голой лепится стены...

Как знать, какой отрадой дивной
И там бывает жизнь полна —
С тайгою дикой, серединной,
Чуть отступившей от окна,
С углом в бараке закопченном
И чаем в кружке жестяной,—
Под стать моим молодоженам,
Что едут рядом за стеной,
У первой нежности во власти,
В плену у юности своей...

И что такое в жизни счастье,
Как ни мудри, а им видней...

Так час ли, два в работе поезд,
А точно годы протекли,
И этот долгий звездный пояс
Уж опоясал полземли.

А что там, в каждом поселенье,
И кем освоена она,
На озаренном протяженье
Лесная эта сторона.

И как в иной таежный угол
Издалека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...

Но до того, как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих судеб
И так и так обязан я.

Хотя бы тем одним, что знаю,
Что полон памятью живой
Твоих огней, Сибирь ночная,
Когда всё та же, не иная,
Видна ты далее дневной...

Тот свет по ней идет всё шире,
Как день сменяя ночи тьму.
И что! Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Он и в столетьях не померкнет,
Тот вещий отблеск наших дней.
Он — жизнь.
А жизнь сильнее смерти:
Ей больше нужно от людей.

И перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нем власть и воля душ несчетных,
В нем страсть, что вдаль меня зовет.

Мне дорог мир большой и трудный,
Я в нем — моей отчизны сын.
Я полон с ней мечтою чудной —
Дойти до избранных вершин.

Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.
Я всех врагов ее сильнее:
Мои враги —
Ее враги.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!

Со всем — без края, без предела,
С чем людям жить и счастью быть.
Люблю!
И что со мной ни делай,
А мне уже не разлюбить.

И той любви надежной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.

С САМИМ СОБОЙ

Избыток лет бесповоротных
Не лечит слабостей иных:
Я всё, как в юности, охотник
До разговоров молодых.

Я всё, как в дни мои былые,
Хоть до утра часов с восьми
Решать вопросы мировые
Любитель, хлебом не корми.

Мне дорог дружбы неподдельной
Душевный лад и обиход,
Где слово шутки безыдейной
Тотчас тебе не ставят в счет;
Где о грядущих днях Сибири,
Пути гвардейского полка,
Целинных землях и Шекспире,
Вреде вина и табака
И обо всем на белом свете
Беспротокольный склад речей,—
Ты лишь у смеха на примете
На случай глупости твоей...

Так вот, как высказано выше,
С годами важен я не стал.
Еще не весь, должно быть, вышел
Живучей юности запал.

Нет, я живу, спешу тревожно —
Не тем ли доля хороша —
Заполнить мой дневник дорожный
Всем, чем полна еще душа;
Что бьется, просится наружу,—
И будь такой ли он, сякой,—
Читатель-друг, я не нарушу
Условий дружбы дорогой.

Согласно принятому плану,
Вернусь назад, рванусь вперед.
Но я, по совести, не стану
Зазря вводить тебя в расход.

Я не позволю на мякину
Тебя заманивать хитро.
И не скажу, что сердце выну:
Ему на месте быть добро.

С меня довольно было б чуда,
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

У бога дней не так уж много,
Но стану ль попусту скорбеть,
Когда не вся еще дорога
И есть что видеть, есть что петь.

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом наших дней,—
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.
Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз.

Ни славы замыслом зеленым,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов —
Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра
И недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал всё, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом.
И сорок первым.
И иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даться до поры,
Какие жесткие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот.
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Всё, что затеял и слепил,
Считать одной лишь малой долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда:
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно —
Никогда.

ДРУГ ДЕТСТВА

И дружбы долг, и честь, и совесть
Велят мне в книгу занести
Одной судьбы особой повесть,
Что сердцу встала на пути...

Я не скажу, что в ней отрада,
Что память эта мне легка,
Но мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.

В ней и великой нет заслуги —
Не тем помечена числом...

А речь идет о старом друге,
О лучшем сверстнике моем.

С кем мы пасли скотину в поле,
Палили в залесье костры,
С кем вместе в школе,
В комсомоле
И всюду были до поры.

И врозь по взрослым шли дорогам
С запасом дружбы юных дней.
И я-то знаю: он во многом
Был безупречней и сильней.

Я знаю, если б не случиться
Разлуке, горшей из разлук,
Я мог бы тем одним гордиться,
Что это был мой первый друг.

Но годы целые за мною,
Весь этот жизни лучший срок —
Та дружба числилась виною,
Что мне любой напомнить мог...

Легка ты, мудрость, на помине:
Лес рубят — щепки, мол, летят.
Но за удел такой доныне
Не предусмотрено наград.

А жаль!
Вот, собственно, и повесть,
И немудрен ее сюжет...

Стояли наш и встречный поезд
В тайге на станции Тайшет.

Два знатных поезда, и каждый
Был полон судеб, срочных дел
И с независимостью важной
На окна встречного глядел.

Один туда, другой обратно.
Равны маршруты и права.
— «Москва — Владивосток»? Понятно.
— Так-так: «Владивосток — Москва»...

Я вышел в людный шум перронный,
В минутный вторгнулся поток
Газетой запастись районной,
Весенней клюквы взять кулек.

В толпе размять бока со смаком,
Весь этот обозреть мирок —
До окончаний с твердым знаком
В словах: «Багажъ» и «Кипятокъ»...

Да, я люблю тебя душевно
И, сколько еду, всё не сыт
Тобой, дорожный, многодневный,
Простой и в меру быстрый быт;

Вагон и эти остановки
Всего бегущего в окне,
И даже самозаготовки
По среднерыночной цене...

Так, благодушествуя вволю,
Иду. Не скоро ли свисток?
Вдруг точно отзыв давней боли
Внутри во мне прошел, как ток...

Кого я в памяти обычной,
Среди иных потерь своих,
Как за чертою пограничной,
Держал,
          он, вот он был,
                              в живых.

Я не ошибся, хоть и годы,
И эта стеганка на нем.
Он!
И меня узнал он, с ходу
Ко мне работает плечом.

И чувство стыдное испуга,
Беды пришло еще на миг,
Но мы уже трясли друг друга
За плечи, за руки...
— Старик!

— Старик! —
Взаимной давней клички
Пустое, в сущности, словцо
Явилось вдруг по той привычке,
А я смотрю ему в лицо:
Всё то же в нем, что прежде было,
Но седина, усталость глаз,
Зубов казенных блеск унылый —
Словцо то нынче в самый раз,
Ровесник-друг. А я-то что же?
Хоть не ступал за тот порог,
И я, конечно, не моложе,
Одно, что зубы уберег.
— Старик.

И нет нелепей муки:
Ему ли, мне ль свисток дадут,
И вот семнадцать лет разлуки —
И этой встречи пять минут!

И вот они легли меж нами —
Леса, и горы, и моря,

И годы, годы с их мечтами,
Трудами,
          войнами,
                    смертями —
Вся жизнь его,
Вся жизнь моя...

— Ну вот, и свиделись с тобою.
Ну, жив, здоров?
— Как видишь, жив.
Хоть непривычно без конвоя,
Но, так ли, сяк ли, пассажир
Заправский: с полкой и билетом...
— Домой?
— Да как сказать, где дом...

— Ах, да! Прости, что я об этом...
— Ну, что там, можно и о том.
Как раз, как в песенке не новой,
Под стать приходятся слова:
«Жена найдет себе другого,
А мать...» Но если и жива...

— Так. Ты туда, а я обратно...
— Да, встреча: вышел, вдруг — смотрю...
— И я смотрю: невероятно...
— Не куришь?
— Как еще курю!..

Стоим. И будто все вопросы.
И встреча как ни коротка,
Но что еще без папиросы
Могли мы делать до свистка?

Уже его мы оба ждали,
Когда донесся этот звук.
Нам разрешали
Наши дали
Друг друга выпустить из рук...

— Пора!
— Ну что же, до свиданья.
— Так ты смотри — звони, пиши...—
Слова как будто в оправданье,
Что тяжесть некая с души.

И тут, на росстани тайшетской,
Когда вагон уже потек,
Он, приободрившись молодецки,
Вдруг взял мне вслед под козырек.

И этот жест полушутливый,
Из глаз ушедший через миг,
Тоской безмолвного порыва
Мне в сердце самое проник.

И всё. И нету остановки.
И не сойти уже мне здесь,
Махнув на все командировки,
Чтоб в поезд к другу пересесть.

И от нелегкой этой были,
На встречной скорости двойной,
Мы в два конца свои спешили
Впритирку с ветром за стеной.

Бежал, размеченный столбами,
Как бы кружась в окне, простор.
И расстоянье между нами
Росло на запад и восток.

И каждый миг был новой вехой
Пути, что звал к местам иным...

А между тем я как бы ехал
И с ним, товарищем моим.

И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.

И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:
И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал.

И к Волге-матушке с востока
Я приближался в должный срок
И, стоя с другом локоть в локоть,
Ее заранее стерег.

А через сутки с другом вместе,
Вцепившись намертво в окно,
Встречал столичные предместья,
Как будто их давным-давно,
Как он, не видел. И с тревогой
В вокзальный тот вступал поток...

А между тем своей дорогой
Всё дальше ехал на восток.

И разве диво то, что с другом
Не мог расстаться я вполне?
Он был недремлющим недугом,
Что столько лет горел во мне.

Он сердца был живою частью,
Бедой и болью потайной.
И годы были не во власти
Нас разделить своей стеной.

И, не кичась судьбой иною,
Я постигал его удел.
Я с другом был за той стеною.
И ведал всё. И хлеб тот ел.

В труде, в пути, в страде походной
Я неразлучен был с одной
И той же думой неисходной,—
Да, я с ним был, как он со мной.

Он всюду шел со мной по свету,
Всему причастен на земле.
По одному со мной билету,
Как равный гость, бывал в Кремле.

И те же радости и беды
Душой сыновней ведал он:
И всю войну,
И День Победы,
И будни нынешних времен.

Я знал: вседневно и всечасно
Его любовь была верна.
Винить в беде своей безгласной

Страну?
При чем же здесь страна!

Он жил ее мечтой высокой,
Он вместе с ней глядел вперед.
Винить в своей судьбе жестокой
Народ?
Какой же тут народ!..

И минул день в пути и вечер.
И ночь уже прошла в окне,
А боль и радость этой встречи,
Как жар, теснилися во мне.

Врываясь в даль, работал поезд,
И мне тогда еще в пути
Стучала в сердце эта повесть,
Что я не вправе обойти.

Нет, обойти ее — не дело
И не резон душе моей:
Мне правда партии велела
Всегда во всем быть верным ей.

С той правдой малого разлада
Не понесет моя строка.
И мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.

ФРОНТ И ТЫЛ

Быть может, этот спор дорожный,
Порой почти пустопорожний,
Но жаркий — грудь на грудь, в упор —
В вагоне шел бы до сих пор,
Не встрянь с улыбкой осторожной
И легким вздохом мой майор.

А может, перед вспышкой новой
Он сам собою поостыл,
Всегда, везде зайти готовый
Тот спор на тему:
Фронт и *тыл*...

Давно война отгрохотала,
Давно в страде иной страна,
По данным выхода с гектара
В пудах и центнерах зерна
И данным — на душу — металла,
Свои убытки наверстала,—
Душа, казалось бы, полна.

Однако,— нужды нет лукавить,—
Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и — нет-нет —
В тот самый заступает след.

И неизмеренное море
Печали, тяжких мук и горя
И славы — тот душевный пыл,
Что вновь и вновь родится в споре
На эту тему: фронт и тыл.

Он возникает не по знаку
Организованных начал,
А сам собой и тоже всяко:
То днем, а то и по ночам.

В пути, в гостинице, в больнице,
На переправе затяжной,
В районе, в области, в столице,
В гостях и дома — хоть с женой.

В бараке, в клубе и сторожке,
В тайге, в степи, на целине,
«На кукурузе», «на картошке» —
Как говорят еще в стране.

На даче, на горячем пляже,
В Крыму и в заполярной тьме,
Во льдах торосистых и даже
Не диво, если и в тюрьме...

Но время лучшее для спора,
Когда Москва — его исток,
А устье — где-то там, не скоро,
В конце, вдали — Владивосток.

Итак, в дороге три-четыре,
А то и пять, пожалуй, дней
Шел спор о фронте и о тыле,—
Не что важней,
А где трудней.

Спор в постановке чисто русской:
Где круче в смысле всех страстей —
Обычной на душу нагрузки,
Жары,
морозов
и харчей.

Горячность пылкая без меры
Со стороны фронтовика,
Минувшей службы офицера,
Рвалася вон из пиджака.

Казалось, был он кровный, личный,
Извечный враг тыловиков,
Да и оратор был каков! —
Куда там — наш трибун столичный,
Любимец публики Сурков.

Казалось так в разгаре спора,
Что он, случись в иную пору,
Отцу б родному не простил,
Когда бы с цехом иль конторой
Старик нестойкий убыл в тыл
И под огнем на фронте не был,
Не отступал за Днепр и Дон...

Должно быть, там с овчинку небо
Однажды сам увидел он.

И это тяжкое виденье
Он нес теперь сквозь жизнь свою,
Крутого полон озлобленья
На всех, кто не был в том бою...

Зато его противник в споре
Прощал охотно старика.
И о своей тех лет конторе
Он дал понять издалека.

На пафос тот, отчасти зверский,
Он отвечал — уму учил —
С улыбкой мягко-министерской
Больших секретарей-мужчин,
Что лишены обычной страсти
И с правом входа на доклад
Располагают большей властью,
Чем тот, при коем состоят...

Сперва с усталостью заметной
Он пояснил, что не секрет,
В наш век — век атомно-ракетный —
Былых понятий фронта нет,
Как нет былых понятий тыла.
Но с точки зренья прежних дней
Понятно, где труднее было:
В тылу у нас — куда трудней.

Он так сказал: ходить в атаки
И умирать, коль выпал час,
Есть тот гражданский долг, что всякий
Обязан выполнить из нас.

Он к месту вспомнил утвержденья
Самих прославленных вояк,
Что нет героев от рожденья,—
Они рождаются в боях.

И возразить, казалось, нечем,
Когда вздохнул он тихо:
— Но...—
В тылу, мол, дело обеспечить
Уже не всякому дано.

И в правоте неоспоримой
Подвел черту, как говорят:
Тыл фронту, верно, брат родимый,
Но он сказал бы:
Старший брат.

Сказал — гляди, куда как метче —
И с новым вздохом повторил:
Тыл — старший брат, за всё ответчик,—
И потому избрал он тыл.

Ему в годину испытаний
Крепить его велел закон.
С ним разговаривать не стали,
Когда на фронт просился он...

И, дескать, несколько неловкий,
По меньшей мере, этот спор,
При современной обстановке
Он лишь несет в ряды раздор...

И тут как раз вздохнул майор.

Майор, молчун тяжеловатый,
Что был курить да спать здоров,
Сказал с улыбкой виноватой:
— Скажу сперва насчет рядов...

Зачем же вдруг!.. Ряды — рядами.
И от беседы нет беды,
Поскольку мы же с вами
Сами
И есть те самые ряды...

Теперь насчет меньшого брата,
Скажу, не хвастаясь отнюдь,
Что от солдата
До комбата
Я сам прошел когда-то путь.

И что, причастный с ополченья
К боям, походам и котлу,
Я вправе сделать заключенье:
На фронте — легче, чем в тылу.

Я поясню,— сказал он, видя
Смущенье спорящих сторон,—
Не к чьей-нибудь из вас обиде
И чистой правде не в урон.

Как говорил один нестарый
Мой из запаса рядовой,
Знаток и той, что он оставил,
И этой жизни, фронтовой:
«Воюй — и всё твое с тобой».

Мол, всё по форме и по норме:
О чем заботиться тебе?
Случись, что если не накормлен,—
Так это есть уже ЧП.

В твое траншейное жилище,
У самой смерти на глазах,
К тебе ползут с горячей пищей
И даже с чаем в термосах.

Твой килограмм, с надбавкой, хлеба,
Твой спецпаек
И доптабак
Тебе должны доставить с неба,
Раз по земле нельзя никак.

С жилищем — тоже много проще:
Дворец ли, погреб — всё твой дом.
Ни доставать прописку теще,
Ни уплотнять ее судом.

Что в жизни нужно — всё бесплатно,
За всё ответчица — казна.
Убьют иль ранят?
Фронт.
Понятно.
И не твоя уже вина.

В той жизни — долгой иль короткой —
Уж там добро иль недобро,—
Тебя согреть спешат и водкой,
И сводкой
Совинформбюро.

В недальнем следуя обозе,
А то в бою — тебе хвалу
Вовсю поют в стихах и прозе
Твои певцы.
А что в тылу!

В тылу совсем не та картина,
Хотя всё то же существо.
Во-первых, если ты мужчина,
То вроде как-то не того...

Опять же кухня полевая
Тебе не придана в тылу.
Посеял карточки в трамвае —
Садись к заочному столу.

И та опаска всем знакома:
В тылу проштрафился чуть-чуть,
Глядишь, привет от военкома:
Прошу зайти.
И — в добрый путь.

На фронте нет того в заводе,
Чтоб опасаться: вдруг да в тыл.
Ошибся в роте,
Так во взводе
Исправишь всё, что допустил.

И даже если ты там штуку
Уже подсудную удрал,
То ни к чему тебя в науку
Возить куда-то на Урал,
Писать от фронта открепленье,
Давать в дорогу аттестат.
Нет, где вина — там искупленье,—
Всегда поблизости штрафбат.

На месте весь тебе зачтется
Тот срок к недальнему числу
Без упущенья в производстве,
Как это водится в тылу.

С пристрастьем слушали майора
Два главных спорщика в купе.
Но самый след крутого спора
Уже по новой шел тропе.

Всё ближе, ближе постепенно
К сужденьям тем склоняли слух
И наш профессор, и военный
Моряк, и врач, и все вокруг...

И в орденах старик кудрявый
Не усидел в своем углу,
Тряхнул своей безвестной славой:

— Нет, легче всё-таки в тылу.
Как ни хотите — легче трошки...—
Успех майора он учел.—
Уже одно, что нет бомбежки,
А есть — так в шахте нипочем.

— Смотря какая бомба-дура,—
Поправил кто-то старика.
Но тот сказал:
— Нет, жизнь горька,
Как под землей без перекура,
А наверху — без табака...

— Ах, в табаке ли только дело,—
Включился вздох со стороны.—
В одном равны душа и тело,
Что легче — вовсе без войны...

Тот вывод с благостной печалью
Кивком почтенной головы
Одобрил попик наш с медалью
Восьмисотлетия Москвы.

Но означал его уместный
Простой кивок-полупоклон,
Что, может, волею чудесной
И сверх того, что всем известно,
Он кое в чем осведомлен...

А мой майор невозмутимый,
Со слов солдата выдав речь,
На весь вагон добавил дыма
И вновь намерен был залечь...

Солдатской притчи юмор грубый
Улыбкой лица подсветил,
И сам собой пошел на убыль
Тот спор на тему: фронт и тыл.

За новой далью скрылся город,
Пошли иные берега,
Тоннели, каменные горы,
Вверху — над окнами — тайга.

По кругу шли обрывы, пади,
Кремнистой выемки откос.
И те, что в душу мне вступали,
Слова горели жаром слез.

И не хотел иных искать я,
Затем, что не новы они.
Да, тыл и фронт — родные братья,
И крепче в мире нет родни.

Богатыри годины давней
И в славе равные бойцы.
Кто младший там, кто старший — главный,—
Неважно:
Братья-близнецы.

И не гадали — кто, который,
Кому по службе подчинен,
Оставив эти счеты-споры
Для мирных нынешних времен...

Но не иссякнуть этой теме,
Покамест есть еще в живых
И те, что сами знали бремя
Часов и суток фронтовых;

И те, кому в завидных далях,
В раю глубоком тыловом
У их станков и наковален
Был без отрыва стол и дом.

И после них не канут в нетях
Та боль, и мужество, и честь.
Но перейдет в сердца их детям
И внукам памятная песнь.

О том, как шли во имя жизни
В страде — два брата, два бойца.
Великой верные Отчизне
Тогда.
И впредь.
И до конца.

МОСКВА В ПУТИ

Вагонный быт в дороге дальней,
Как отмечалось до меня,
Под стать квартире коммунальной,
Где все жильцы — почти родня.

Родня, как есть она в природе:
И та, с которой век бы жил,
И та, с которой в обиходе
Столкнешься утром —
День постыл.

И есть всегда в случайном сборе
Соседей — злостный тот сосед,
Что любит в общем коридоре
Торчать, как пень, и застить свет.

И тот, что спать ложится рано,
И тот бессонный здоровяк,
Что из вагона-ресторана
Приходит в полночь «на бровях».

И тот, что пьет всех больше чая,
Притом ворчит,
Что чай испит,
И, ближних в храпе обличая,
Сам, как зарезанный, храпит.

И тот, что радио не любит,
И тот, что слушать дай да дай,
И тот, и всякий...
Словом, люди,
В какую их ни кинуть даль.

И на путях большого мира
Мне дорог, мил
И этот мир...

Съезжает вдруг жилец с квартиры,
Вдруг сходит спутник-пассажир...

И пусть с тобой он даже спички
Не разделил за этот срок,

Но вот уже свои вещички
Он выдвигает за порог.

Вот сел у двери отрешенно —
Уже на убыль стук колес,—
Вот встал и вышел из вагона,
И жизни часть твоей унес...

Но это что. Иное дело,
Когда, как водится в пути,
Знакомство первое успело
До дружбы, что ли, дорасти.

Читатель, может быть, припомнит
Молодоженов-москвичей,
Что в стороне держались скромно,
Дорогой заняты своей,
Своей безмолвною беседой
Про тот, наверно, край земли,
Куда они впервые едут
В составе собственной семьи.

Когда пошли уже к Уралу
Холмы — заставы главных гор,—
Супруги юные помалу
Втянулись в общий разговор.

Должно быть, так, что с непривычки
Взгрустнулось,— критик, погоди:
Не версты дачной электрички,
А вся Европа позади.

И, отдаваясь этой дали,
Что открывалась душам их,
Они с отрадой обретали
Опору в спутниках своих.

И постигали въявь при свете
Дневном на этом рубеже,
Что — да, они уже — не дети
И счет пошел иной уже...

Расспросы, толки, тары-бары...
Уже, проход загородив,

Вокруг и возле этой пары
Вагонный сладился актив.

На всех пахнуло в самом деле
Как будто временем иным,
И все по-своему хотели
Не сплоховать при встрече с ним;
Не оттолкнуть почтенной спесью:
Мол, то ли дело в наши дни;
Не затянуть унылой песни
Во вкусе матушки-родни —
Той, чьи советы, поученья
И справки — в горле у детей:
Насчет превратностей снабженья
И климатических страстей.

Но всё ж избыточное время
В пути заставило и нас
Отдать свой долг обычной теме,
Что все имеют про запас.

Мол, край земли — оно понятно,
И в шалаше с любимым — рай.
Но на Арбат попасть обратно
Сложнее, чем на этот край.

Да, да. Не всем в аспирантуру,—
Нет, нужно в жизнь пойти сперва.
Но взять Калинин либо Тулу:
И жизнь, и в трех часах Москва.

Беда, что все до меду падки,—
Себе не враг никто живой:
Тот строит город на Камчатке,
А дачу лепит под Москвой.

Тот редкой верностью Сибири
Уже повсюду знаменит,
А там, в столице, на квартире
Жена за сторожа сидит...

И, кстати, речь зашла о женах,
Особо любящих Москву,
Что, хоть в каких ютятся зонах,
Лишь ею грезят наяву.

Хоть где-то, где-то, чуть маяча,
Томит им души до беды
Москва — мечта,
Москва — задача,
Москва — награда за труды.

А впрочем, если виновата
Она — Москва — какой виной,
Так разве той, что маловато
На всех про всех ее одной.
И хоть бы втрое растянулась,
Так не вместиться всем в одну...

Но не твое ли время, юность,
Нести ее на всю страну?
В леса и степи до предела
Идти со связью от нее.
То не твое ли нынче дело,
Друг верный — молодость?..

Твое!
Твое по праву и по нраву.
Твое по счету голосов.
Несет тебе и честь и славу
Земли родимой этот зов.

Не для того тебя растили
И сберегали, как могли,
Чтоб ты в поре своей и силе
Чуралась матери-земли.

Земли нетоптаной, нерытой,
Таящей зря свои дары,
Необжитой, недомовитой
И небом крытой
До поры.

Тебе сродни тех далей ветер.
Ты знаешь: очередь твоя —
Самой в особом быть ответе
За все передние края.

За всю громоздкую природу,
Что в дело нам отведена,

За хлеб и свет, тепло и воду,
За всё, чем в мире жизнь красна...

Прошу учесть, читатель строгий,
Что у стиха свои права:
Пусть были сказаны в дороге
Не эти именно слова.
И за отсутствием трибуны
Шла речь обыденней вдвойне...

Но вот супруг, наш спутник юный,
Вдруг поднял руку:
— Дайте мне.
Он старшим был в их славной паре
И, видно, парень с головой,
Из тех, что в каждом семинаре
Резон отстаивают свой.

— Позвольте мне,— сказал он тихо.—
Мы сами вызвались сюда.
Хоть знаем всё, почем там лихо,
Но сами... Просто — от стыда.

Да! Что же: речи, песни, письма,
А как до дела — так меня
Авось хоть в ту же Тулу втиснет
Руководящая родня...

И нужды нет притом лукавить,
Что мне Москва не хороша,
И что не жаль ее оставить,
И не лежала к ней душа.

Зачем выдумывать пустое,—
Вдали она еще милей.
Еще теплей.
Но разве стоят
Те блага — совести моей!

Бочком ходить, светить глазами —
Была бы нам судьба тошна.
Иную мы избрали сами,
Я правду говорю, жена?

Мы с ним в купе сидели рядом,
И та из своего угла
Его влюбленным, долгим взглядом,
Не отрываясь, берегла.

И не впервые вслух, должно быть,
Она сказала те слова,
Что про себя имели оба:
— Где мы с тобой, там и Москва...

И даже чуть плечом пожала —
Мол, знаешь сам: ответ готов.
И все признали, что, пожалуй,
Не скажешь лучше этих слов.

Пусть жизнь своею жесткой меркой
Измерит емкость их потом,
Когда любовь пройдет проверку
И обживет свой новый дом.

Но это доброе присловье —
Залог и дружбы и семьи.
И с ним полезен для здоровья
Любой на свете край земли...

Тот край, тот мир иной — до срока
Он не вступал еще в права.
И от Москвы как ни далёко,
То всё еще была Москва.

Москва, что дали рассекала
Своей стальною колеей,
Тайга ли, степи, или скалы,—
Всё это было за стеной,
Всё за окном неслось вагонным.

А тут, внутри, была она
С ее уютом, протяженным
До крайней шпалы полотна.

Тут из конца в конец державы,
Защищена от непогод,
Она тепло свое держала
И свой столичный обиход.

И если поезд передышку
Себе в работе позволял,
Там был хоть малый городишко —
Москвы образчик, хоть вокзал;
Хоть водокачка — знак приметный
Культуры с дедовских времен;
Хоть «Пиво — воды», хоть газетный
Киоск, закрытый на ремонт...

Так час за часом вдаль столица
Свою разматывает нить,
Пока не время с ней проститься,
С ее подножки соступить
И очутиться вдруг в Сибири,
В полубезвестной точке той,
Что для тебя в подлунном мире —
Отныне дом и адрес твой,
Где жить и быть, располагаться,
Топтать земли тот самый край,
Брать в оборот его богатства.
И вот когда, Москва, прощай!

Она помедлит там учтиво,
Но тихо тронется состав,
И канет в далях это диво...

Ты не случайно ли отстал?
Не побежишь за этим спальным
Цепляться, виснуть как-нибудь?
Нет? Всё в порядке, всё нормально?
Тогда живи и счастлив будь.

И мы своим молодоженам,
Когда настала их пора,
На остановке всем вагоном
Желали всякого добра.

Как будто мы уже имели
На них особые права.
Как будто мы их к этой цели
И подготовили сперва.

Как будто наша в том заслуга,
Что старше мы друзей своих.

Как будто мы их друг для друга
Нашли и поженили их...

И вот они на том вокзале,
Уже в толпе других людей...

И мы глядим на них глазами
Минувшей юности своей,
Глазами памяти суровой
И светлой — тех ушедших лет,
Когда по зову жизни новой
Мы брали дальний свой билет...

Всё та же даль.
Но годы — те ли!
Мы юным сменщикам своим
Сказать, быть может, не хотели,
Как мы завидовали им.

Полна, красна земля родная
Людьми надежных душ и рук.

Всё та же, та же, да иная
И даль,
        и жизнь,
                и всё вокруг...

НА АНГАРЕ

В крутые памятные сроки
Я побывал на Ангаре,
Когда особая для стройки
Была задача на поре.

Она была для многих внове,
Видавших всякие жары.
Всё, словом, было наготове
Для перекрытья Ангары.

Всё начеку, чтоб разом прянуть
На приступ: люди — до души,
Борта машин, и стрелы кранов,
И экскаваторов ковши...

А между тем река играла,
Крошила берег насыпной,
Всю прибыль мощных вод Байкала
В резерве чуя за собой.

Играла беглыми цветами
И, вся прозрачная до дна,
Свиваясь длинными жгутами,
Неслась, дика и холодна.

Крутой отсвечивая гладью,
Гнала волну волне вослед,
Как будто ей и толку нет,
Что люди вправду пядь за пядью
К ней подбирались столько лет;

Что не на шутку шли подкопом
В пластах породы и песков,
Призвав сюда немалый опыт
С иных далеких берегов;

Что эта сила,
С флангов, с тыла
Пододвигаясь день за днем,
На клетки плес разгородила,
Прошла по дну и подо дном;

Вдавила вглубь рубеж бетонный,
Стальной решеткой проплетенный,
Недвижно-вечный, как скала,
И, выбрав наверх гравий донный,
Громаду-насыпь возвела.

И в ней из хитрого расчета,
Убавив исподволь простор,
Реке оставила ворота,
Чтоб взять их завтра на запор.

Уже был связан мост понтонный
На быстрине — звено в звено,—
Откуда груз тысячетонный
В свой час низринется на дно.

Тот час уже в окно стучался
Не без торжественных затей:
Съезжались гости и начальство
Различных рангов и статей;

Корреспондентов специальных
Нетерпеливая орда —
Одной и вместе с тем «Центральной»
В те дни гостиницы страда.

Сбивалось множество народу,
Толпясь, глядеть на эту воду
И переглядываться:
— Д-да...

Предположенья, слухи, толки,
Сужденья вольных знатоков
О недостатках подготовки,
О риске и перестраховке
И установке
От верхов.

Но и о том, как эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже не дар, а дань природы —
Войдут в назначенный режим;

Подтянут к центрам захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск, и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...

Жестокий в Приангарье —
Под стать зиме — держался зной,
Уже сдавалось — пахнет гарью,
Бедой извечною лесной;

Что со ствола на ствол смолистый
Бежит, как белка, налегке
И в трубку скручивает листья
Зловещим жаром вдалеке;

И сна лишает край таежный,
И расставляет в цепь войска,
И самолетов гул тревожный
Заводит в небе...

А река,
Шурша, жгуты свои свивала,
И от лихой жары тех дней
Вода студеная с Байкала
Еще казалась холодней;

Неслась, красуясь мощью дикой,
Шипучей пеной на груди...

Всё наготове. А поди-ка,
Встань поперек.
Загороди!..

С утра, с утра
В тот день воскресный,
Во что горазд принаряжен,
И городской народ и местный,
И свой на стройке и безвестный,
Забрав подруг своих и жен
С детьми,— на праздник необычный
Теснился, точно в ГУМ столичный,
Ломился грудью, чтоб места
Занять поближе у моста.

И в самый полдень, как ни жарок,
Не убывал людской напор.
И пестр, и ярмарочно ярок,
И вместе строг был этот сбор.

Один глазел —
Врожденный зритель,
Любитель истый — стар ли, мал;
Другой как раз был сам водитель,
Но в эту смену не попал.

А та пришла, чтоб видеть сына
Иль мужа в самый этот час,
Когда к воде его машина
Пойдет под тысячами глаз.

А кто-то дочку
По платочку,
А кто подружку — на посту
Среди построенных в цепочку
Регулировщиц на мосту —
Распознавал.

Но в этом сборе
Невольно каждый брал в расчет,
Что тут народ —
Не на футболе,
Что праздник — праздник, да не тот.
И речь не та, и смех, и шутки...
А там, у самой Ангары,
Собрался штаб в тесовой будке,
Как улей душной от жары.

Все службы стройки там сидели —
Воды, земли, колес, дорог.
Но всем уже речам о деле,
Как перед боем, срок истек.

Последним кругом для порядка
Поверка старших обошла,
И, на часы взглянув украдкой,
Начальник встал из-за стола.

С последней доброю затяжкой
Вздохнул — как будто с плеч гора.
И виды видевшей фуражкой
Стол обмахнул.
— Ну что ж, пора...

— Пора!

И враз моторы взвыли,
Секунд своих не упустив,
И самосвалы в клубах пыли
Взошли на пляшущий настил
И развернулись по теченью
Реки — во всю длину моста,
И строем — в ряд, как на ученье,
Над кромкой вздыбили борта.

Рванулся вниз флажок сигнальный,
И точно вдруг издалека
Громовый взрыв породы скальной
Толкнулся в эти берега.

Так первый сброс кубов бетонных,
Тех сундуков десятитонных,
Раздавшись, приняла река...

Она грядой взметнулась пенной,
Сверкнула радугой мгновенной
И, скинув рваную волну,
Сомкнулась вновь.
И видно было,
Как этот груз она катила,
Гнала по каменному дну.

И над ее волной верченой,
Бренча оснасткою стальной,
Мост всколыхнулся, облегченный,
И, вновь подняв заезд груженый,
Прогнулся вровень с той волной.

И снова — в очередь машины,
Под грузом тужась тяжело,
На цель с боков и середины
Зашли.
И так оно пошло.

С погрузки нá мост, с моста в гору —
Заезд в заезд смыкался круг.
И был любой шофер шоферу
Как будто кровный брат и друг.

В таком взаимном береженье,
Блюдя черту —
Бортом к борту,—
Кругообразное движенье
Не прерывалось на мосту.

Еще тревожная задача
Наружный сдерживала пыл,
Как бой, что был красиво начат,
Но только-только начат был.

И был труднее с каждым часом
В разгаре памятного дня:
Не подоспей боеприпасы —
Бой захлебнется без огня.

Машины шли теснясь и пятясь,
Держась на той струне тугой:
Не сплоховать,
Не сбавить натиск,
Не проморгать беды лихой...

То был порыв души артельной,
Самозабвенный, нераздельный,—
В нем всё слилось — ни дать ни взять:
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать,
И глазомер, и счет бесспорный,
И сметка делу наперед.

Сибиряки!
Молва не врет,—
Хоть с бору, с сосенки народ,
Хоть сборный он, зато отборный,
Орел-народ!
Как в свой черед
Плечом надежным подопрет —
Не подведет!

Сибиряками
Охотно все они звались,
Хоть различались языками,
Разрезом глаз и складом лиц.

Но цвет был общего закала:
Сибири выслуженный дар —
Под слоем летнего загара
Еще там зимний был загар.

Тут были: дальний украинец
И житель ближних мест — бурят,
Казах, латыш и кабардинец,
И гуще прочих — *старший брат*.

И те, кого сюда чин чином
Везли с путевкой поезда,
И те, что по иным причинам
Однажды прибыли сюда;

В труде отбыв глухие сроки,
Перемогли урок жестокий,—
Всего видали до поры,
Бывали дальше Ангары...

Но все теперь как будто дивом,
Своею нынешней судьбой,
Одним охвачены порывом,
В семье сравнялись трудовой,
В сыновней службе не лукавой,
Огнем ученые бойцы.

Деньга — деньгою, слава — славой,
Но сверх всего еще по нраву
Класс показать.
Самим по праву
Сказать:
«А что — не молодцы?»

Как дорог мне в родном народе
Тот молодеческий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон.

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой,—
Тот горделивый жар особый,
Что бить — так бей,
А петь — так пой!..

Гори вовеки негасимо
Тот добрый жар у нас в груди —
И всё нам впору, всё по силам,
Всё по плечу, что впереди.

Немало жито-пережито,
Что хочешь будь и впредь со мной,—

Ты здесь — венец красы земной,
Моя опора и защита
И песнь моя —
Народ родной!

День отпылал над сталью плеса
И долгий зной увел в закат.
Всё так же по мосту колеса
Держали свой тяжелый лад.

Свергали в воду самосвалы
Свой груз,— казалось, там — гора.
Как в прорву всё. Как не бывало!
И Ангара —
Как Ангара.

Лишь под не виданным вовеки
Огнем прожекторных лучей
Играла,— все на свете реки
Могли завидовать бы ей.

В лучах играла вся окрестность,—
Сверкала, что дворцовый бал.
И неохотно люд воскресный
Домой с площадки убывал.

Работам ночь не помешала,
Забыто было есть и пить,
И смена смене не желала
Добром штурвалы уступить.

И ночь прошла.
И новый полный
День на дежурство заступил.
И всё вились жгутами волны,
Всё тот же был
Байкальский тыл.

И только в полдень, в лад со сроком,
Что был назначен неспроста,
Как над невидимым порогом,
Вода забилась у моста.

И, крупной пеной богатея,
Пошла в десяток рукавов,

Когда означились над нею
Углы бетонных сундуков.

Ярясь, грозясь, кипела пуще,
Гремел с бортов за сбросом сброс,
Над быстриной, ревмя ревущей,
Ходил гармонью зыбкий мост.

За сбросом сброс гремел в придачу,
Росла бетонная гряда,
Но не хотела стать стоячей
Весь век бежавшая вода,
Не собиралась кончить миром...

Я помню миг, как тень беды
Прошла по лицам командиров,
Не отходивших от воды.

Ей зоркий глаз людской не верил...
Чуть стихла, силы притаив,
И вдруг, обрушив левый берег,
В тот узкий кинулась прорыв...

Слова команды прозвучали,
Один короткий взмах флажка —
И, точно танки РГК,
Двадцатитонные «минчане»,
Качнув бортами, как плечами,
С исходной, с грузом — на врага.

И ни мгновенья передышки —
За самосвалом — самосвал,
Чтоб в точку!
                    В душу!
                              Наповал!

Так путь воде закрыл завал.
И оператор с киновышки
Хватился поздно —
Кадр пропал.

И знать, для сходного конфуза,
На верхотуре выбрав пост,
Отваги полный, член Союза
Художников сидел, как дрозд.

Высоким долгом, не корыстью,
Он в эти движим был часы —
У Ангары своею кистью
Перехватить ее красы.

Но жалок был набросок смутный,
Не поспевала кисть вослед
Реке, менявшей поминутно
Своей волны летучий цвет...

И я над кипенью студеной,
В числе растроганных зевак,
Стоял, глазел, как пригвожденный...

Начальник подошел.
— Ну, как?
Поэма будет? Чем не тема! —
И я, понятно, не простак,
Ответил:
— Вот она, поэма! —
Он усмехнулся:
— Так-то так...

Под нами шла река, стихая.
Мы понимали — он и я:
Поэма, верно, неплохая,
Да жаль: покамест — не твоя...

Тем часом мост махал флажками,
Не остывая, длился бой.
Вслед за кубами-сундуками
Пошел в отгрузку дикий камень,
Бетонный лом, кирпичный бой...

Уже бульдозеры, направив
На перемычку лемеха,
Пошли пахать песок и гравий,
На ней сближая берега.

Уже слабел напор в запруде.
Но день тревожен был и труден,
Дождем грозился тяжкий зной.
Как на лугу, спешили люди
С последней справиться копной.

Курил начальник, глядя в воду,
Предвестьем скрытно удручен.
Он знал, что не бюро погоды,
Нет, и за дождь ответит он.

Седой крепыш, майор запаса,
По мерке выверенной сшит,
Он груз и нынешнего часа
Нес, как солдату надлежит.

Мол, тяжелей — как без привычки,
А наше дело — не впервой.
И в гром работ на перемычке
Ворвался праздный, гулевой
Гром сверху.

Капли забренчали
По опорожненным бортам...
— Ну, хлопцы, не было печали.
Держись!..—
И все держались там.

Закиселилась, как трясина,
На съезде глинистая грязь...

Свалив свой груз, одна машина
Вдруг задом, задом подалась
К воде.
Мотор завыл натужно...

— Ребята! — вскрикнул бригадир.
Вцепились.—
                    Ра́з-два!
                              Взяли!
                                        Дружно! —
В боях испытанный буксир.

Вздохнули все, расправив спины.
Не веря сам, что он живой,
Водитель вылез из кабины,
Как из-под крышки гробовой,
И огляделся виновато.

Тут смех и ругань:
— Эх, тулуп! —

И вывод, может, грубоватый:
— Механизация, ребята,
Проходит тоже через пуп...

И все веселыми глазами —
И пожилые и юнцы —
Блестели, хоть и не сказали
Тех слов:
«А что — не молодцы?»

Короткой сверзившись напастью,
Дождь оторвался от земли.
И в вечер сумерки ненастья
И в ночь без грани перешли...

Победа шла с рассветом ранним,
Облитым с ночи тем дождем.
Река еще текла в проране,
Но тихо было под мостом.

Теперь она была похожа
На мелкий, в каменистом ложе
Разгон теряющий поток.
Потом —
На горный ручеек,
Что мог перешагнуть прохожий,
Не замочив, пожалуй, ног.

Осталось двум бульдозеристам
Завалом влажным и зернистым
Угомонить и тот ручей,
Что был меж них чертой ничьей.

Лицом к лицу — попеременно —
То задний ход,
То вновь вперед...
На них двоих уже вся смена
Глядела — кто же перейдет.

Сближая гравий планировки,
Вели тот спор между собой
Один — в заношенной спецовке,
Другой — в тельняшке голубой.

Ждала, глядела, замирая,
Вся смена, сбившись на мосту,
Тому и этому желая
Скорее выйти за черту.

Был налицо их пыл горячий:
Кому открыть по гребле путь.
Но с виду — словно той задачей
Не озабочены ничуть.

Пошел, пошел по самой бровке
Тот, что в тельняшке. Заспешил.
Затор!
И первенство — спецовке.
И оба спрыгнули с машин.

Да, это видеть было надо,
Как руку встретила рука.

Как будто, смяв войска блокады,
Встречались братские войска.
Двух встречных армий
Два солдата —
Друг другу руки жмут ребята.

Аплодисментов дробный град
Затихнул.
Щелкнул аппарат...

Что дальше делать — вот задача.
Вдруг кто-то в голос —
сверху —
вниз:
— Целуйтесь, черти! —
Чуть не плача,
Вскричал.
И хлопцы обнялись.

Минула памятная веха,
Оставлен сзади перевал.
И тут уже пошла потеха,—
Я сам кого-то обнимал...

Со всех бессонье и усталость —
Долой.

Одна под смех кругом
Девчонка слабо отбивалась
От парня свернутым флажком...

Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник подлинный труда
Я не забуду никогда...

Как мне тебя недоставало,
Мой друг, ушедший навсегда!..

Кто так, как ты, еще на свете
До слез порадоваться мог
Речам, глазам и людям этим!
Зачем же голос твой умолк?..

Всё выше, словно по ступеням,
Шел торжества отрадный час.
Спецзавтрак был объявлен смене
И краткий праздничный приказ.

Уже народ подался с моста,
Гадая в простоте сердец,
По полтораста или пó сто
На брата выйдет этот «спец»...

Шутила зрелость, пела юность.
И, чистым пламенем горя,
С востока тихо развернулась
В треть неба дымная заря.

Над лесом кранов, эстакадой,
Над главной насыпью-горой,
Над юным городом по скату,
Над Ангарой,
Над Ангарой —
Заря,
Заря прошла, сгорая
При свете утренней поры,
И следом солнце красным краем —
Большое — вышло из горы.

Блестела светом залитая,
Дождем обмытая трава...

Ах, как горька и не права
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова!..

На стройке день вставал обычный,
Своих исполненный забот.
И отбывал уже столичный
И прочий гостевой народ.

Уже смекал я, беспокоясь,
Какой за этот жаркий срок
Ушел по счету дальний поезд
На Дальний, собственно, Восток,
В твой край отцовский, изначальный,
Тобой прославленный.

Прости,
Но только памятью печальной
Одной не мог я жить в пути.

Моя заветная дорога,
Хоть и была со мной печаль,
Звала меня иной тревогой
И далью, что сменяет даль.

И память ныне одоленной
Крутой ангарской быстрины,
Как будто замысел бессонный,
Я увозил на край страны.

К КОНЦУ ДОРОГИ

Сто раз тебе мое спасибо,
Судьба,
 что изо всех дорог
Мне подсказала верный выбор
Дороги этой на восток.

И транссибирской магистралью,
Кратчайшим, может быть, путем
Связала с нашей главной далью
Мой трудный день
И легкий дом.

Судьба, понятно, не причина,
Но эта даль всего верней
Сибирь с Москвой сличать учила,
Москву с Сибирью наших дней.

И эти два большие слова,
Чей смысл поистине велик,
На гребне возраста иного,
На рубеже эпохи новой
Я как бы наново постиг.

Москва. Сибирь.
Два эти слова
Звучали именем страны,
В значенье дикости суровой
Для мира чуждого равны.

Теперь и в том надменном мире —
Всё те ж слова: Сибирь — Москва,
Да на ином уже помине
Пошла разучивать молва.

Добро!
Но мы не позабыли,
Какою притчей той молвы
Мы столько лет на свете были
И как нас чествовали вы.

Почти полвека на бумаге
Строчили вы, добра полны,
О том, что босы мы и наги,
И неумелы, и темны.

Что не осилить нам разрухи,
Не утеплить своей зимы.
Что родом тюхи да матюхи,
Да простаки, да ваньки мы.

И на бумаге и в эфире
Вещали вы, что нам едва ль
Удастся выучить в Сибири
Своих медведей
Делать сталь.

Что в нашей бедности безбрежной —
Не смех ли курам наш почин,
Когда в новинку скрип тележный,
Не то что музыка машин.

И что у нас безвестно слово
Наук, доступных вам давно.
Что нам опричь сосны еловой
Постичь иного не дано.
Что мы — Сибирь.

А мы тем часом
Свою в виду держали даль.
И прогремела грозным гласом
В годину битвы наша сталь.

Она, рожденная в Сибири,
Несла на собственной волне,
Как миру весть о жданном мире,
Победу нашу в той войне.

И каждой каплей нашей крови,
Так щедро пролитой на ней,
И каждым вздохом скорби вдовьей
И горя наших матерей,—
Жестокой памяти страницей
На том безжалостном торгу
Она оплачена сторицей,
И мы у мира не в долгу...

Я повторю, хотя вначале
О том велась как будто речь,
Что в жизни много всяких далей,—
Сумей одной не пренебречь.

Такая даль — твое заданье,
Твоя надежда или цель.
И нужды нет всегда за далью
Скакать за тридевять земель.

Они при нас и в нас до гроба —
Ее заветные края.
Хотя со мной вопрос особый,
Как выше высказался я.

С моим заданьем в эти сроки
Я свой в пути копил запас,
И возвращался с полдороги,
И повторял ее не раз.

Нехитрым замыслом влекомый,
Я продвигался тем путем,
И хоть в дороге был, хоть дома —
Я жил в пути и пел о нем.

И пусть до времени безвестно
Мелькнул какой-то и прошел
По краю выемки отвесной
Тайги неровный гребешок;

Какой-то мост пропел мгновенно
На басовой тугой струне,
Какой-то, может, день бесценный
Остался где-то в стороне.

Ничто душой не позабыто
И не завянет на корню,
Чему она была открыта,
Как первой молодости дню.

Хоть критик мой, вполне возможно,
Уже решил, пожав плечом,
Что транспорт железнодорожный
Я неудачно предпочел.

Мол, этот способ допотопный
В наш век, что в скоростях, не тот,
Он от задач своих, подобно
Литературе, отстает.

Я утверждаю: всякий способ,
Какой для дела изберешь,
Не только поезд,
Но и посох,
Смотря кому,
А то — хорош
И впору высшим интересам,
Что зазывают в мир дорог.

А впрочем, авиаэкспрессом
Я и теперь не пренебрег.

Мне этим летом было надо
Застать в разгаре жданный день,
Когда Ангарского каскада
Приспела новая ступень.

И стрелкам времени навстречу
Я устремился к Ангаре,
В Москве оставив поздний вечер
И Братск увидев на заре.

И под крутой скалой Пурсеем,
Как у Иркутска на посту,
В числе почетных ротозеев
В тот день маячил на мосту.

Смотрел, как там, на перемычке,
Другой могучий гидрострой
В июльский день в короткой стычке
Справлялся с нижней Ангарой...

И, отдавая дань просторным
Краям, что прочила Сибирь,
В наш век нимало не зазорным
Я находил автомобиль.

Так, при оказии попутной,
Я даром дня не потерял,
А завернул в дали иркутской
В тот Александровский централ,
Что в песнях каторги прославлен
И на иной совсем поре,
В известном смысле, был поставлен
Едва ль бедней, чем при царе...

Своей оградой капитальной
В глуши таежной обнесен,
Стоял он, памятник печальный
Крутых по-разному времен.

И вот в июльский полдень сонный,
В недвижной тягостной тиши,

Я обошел тот дом казенный,
Не услыхав живой души.

И только в каменной пустыне,
Под низким небом потолков,
Гремели камеры пустые
Безлюдным отзвуком шагов...

Уже указом упраздненный,
Он ждал, казенный этот дом,
Какой-то миссии ученой,
И только сторож был при нем.

Он рад был мне, в глуши тоскуя,
Водил, показывал тюрьму
И вслух высчитывал, какую
Назначат пенсию ему...

Свое угрюмое наследство
Так хоронила ты, Сибирь.

И вспомнил я тебя, друг детства,
И тех годов глухую быль...

Но — дальше.
Слава — самолету,
И вездеходу — мой поклон.
Однако мне еще в охоту
И ты, мой старый друг, вагон.

Без той оснастки идеальной
Я обойтись уже не мог,
Когда махнул в дороге дальней
На Дальний, собственно, Восток.

Мне край земли, где сроду не был,
Лишь знал по книгам, толку нет
Впервые в жизни видеть с неба,
Как будто местности макет.

Нет, мы у столика, под тенью,
Что за окном бежит своя,
Поставим с толком наблюденье
За вами, новые края!

Привычным опытом займемся
В другом купе на четверых,
Давно попутчики-знакомцы
Сошли на станциях своих.

Да и вагон другой. Ну что же:
В пути, как в жизни, всякий раз
Есть пассажиры помоложе,
И впору нам, и старше нас...

Душа полна, как ветром парус,
Какая даль распочата!
Еще туда-сюда — Чита,
А завалился за Хабаровск —
Как вдруг земля уже не та.

Другие краски на поверке,
И белый свет уже не тот.
Таежный гребень островерхий
Уже по сердцу не скребнет.

Другая песня —
Краснолесье,—
Не то леса, не то сады.
Поля, просторы — хоть залейся,
Покосы буйны — до беды.

В новинку мне и так-то любы
По заливным долинам рек,
Там-сям в хлебах деревьев купы,
Что здесь не тронул дровосек...

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек.

Смотри, читалось в том упреке,
Как изобилен и широк
Не просто край иной, далекий,
А Дальний именно Восток,—
Ты обозрел его с дороги
Всего на двадцать, может, строк.

Слуга балованный народа,
Давно не юноша, поэт,
Из фонда богом данных лет
Ты краю этому и года
Не уделил.
И верно — нет.

А не в ущерб ли звонкой славе
Такой существенный пробел?
Что, скажешь: пропасть всяких дел?..

Нет, но какой мне край не вправе
Пенять, что я его не пел!

Начну считать — собьюсь со счета:
Какими ты наделена,
Моя великая страна,
Краями!
То-то и оно-то,
Что жизнь, по странности, одна...

И не тому ли я упреку
Всем сердцем внял моим, когда
Я в эту бросился дорогу
В послевоенные года.

И пусть виски мои седые
При встрече видит этот край,
Куда добрался я впервые,
Но вы глядите, молодые,
Не прогадайте невзначай
Свой край, далекий или близкий,
Свое призванье, свой успех —
Из-за московской ли прописки
Или иных каких помех...

Не отблеск, отблеском рожденный,—
Ты по себе свой край оставь,
Твоею песней утвержденный,—
Вот славы подлинной устав!

Как этот, в пору новоселья,
Нам край открыли золотой
Ученый друг его Арсеньев
И наш Фадеев молодой.

Заветный край особой славы,
В чьи заповедные места
Из-под Орла, из-под Полтавы
Влеклась народная мечта.

Пусть не мое, а чье-то детство
И чья-то юность в давний срок
Теряли вдруг в порту Одессы
Родную землю из-под ног,

Чтоб в чуждом море пост жестокий
Переселенческий отбыть
И где-то, где-то на востоке
На твердый берег соступить.

Нет, мне не только что из чтенья,
Хоть книг довольно под рукой,
Мне эти памятны виденья
Какой-то памятью другой...

Безвестный край. Пожитков груда,
Ночлег бездомный. Плач ребят.
И даль Сибири, что отсюда
Лежит с восхода на закат...

И я, с заката прибывая,
Ее отсюда вижу вдруг.
Ага! Ты вот еще какая!
И торопливей сердца стук...

Огни. Гудки.
По пояс в гору,
Как крепость, врезанный вокзал.
И наш над ним приморский город,
Что Ленин *нашенским* назвал...

Такие разные — и всё же,
Как младший брат
И старший брат,
Большим и кровным сходством схожи
Владивосток и Ленинград.

Той службе преданные свято,
Что им досталась на века,

На двух краях материка
Стоят два труженика-брата,
Два наших славных моряка —
Два зримых миру маяка...

Владивосток!
Наверх, на выход.
И — берег! Шляпу с головы
У океана.
— Здравствуй, Тихий,
Поклон от матушки-Москвы;

От Волги-матушки — немалой
И по твоим статям реки;
Поклон от батюшки-Урала —
Первейшей мастера руки;
Еще, понятно, от Байкала,
Чьи воды древнего провала
По-океански глубоки;

От Ангары и всей Сибири,
Чей на земле в расцвете век,—
От этой дали, этой шири,
Что я недаром пересек.

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве
И в нашем времени видней.

На ней огнем горят отметки,
Что поколенью моему
Светили с первой пятилетки,
Учили смолоду уму...

Все дни и дали в грудь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся — моя,
моя,
моя!

На всё, что внове
И не внове,

Навек прочны мои права.
И всё смелее наготове
Из сердца верного слова.

ТАК ЭТО БЫЛО

...Когда, кремлевскими стенами
Живой от жизни огражден,
Как грозный дух он был над нами,—
Иных не знали мы имен.

Гадали, как еще восславить
Его в столице и селе.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Так это было на земле...

Мой друг пастушеского детства
И трудных юношеских дней,
Нам никуда с тобой не деться
От зрелой памяти своей.

Да нам оно и не пристало —
Надеждой тешиться: авось
Уйдет, умрет — как не бывало
Того, что жизнь прошло насквозь.

Нет, мы с тобой другой породы,—
Минувший день не стал чужим.
Мы знаем те и эти годы
И равно им принадлежим...

Так это было: четверть века
Призывом к бою и труду
Звучало имя человека
Со словом Родина в ряду.

Оно не знало меньшей меры,
Уже вступая в те права,
Что у людей глубокой веры
Имеет имя божества.

И было попросту привычно,
Что он сквозь трубочный дымок

Всё в мире видел самолично
И всем заведовал, как бог;

Что простирались эти руки
До всех на свете главных дел —
Всех производств,
Любой науки,
Морских глубин и звездных тел;

И всех свершений счет несметный
Был предуказан — что к чему;
И даже славою посмертной
Герой обязан был ему...

И те, что рядом шли вначале,
Подполье знали и тюрьму,
И брали власть, и воевали,—
Сходили в тень по одному;

Кто в тень, кто в сон — тот список длинен,—
В разряд досрочных стариков.
Уже не баловал Калинин
Кремлевским чаем ходоков...

А те и вовсе под запретом,
А тех и нет уже давно.
И где каким висеть портретам —
Впредь на века заведено...

Так на земле он жил и правил,
Держа бразды крутой рукой.
И кто при нем его не славил,
Не возносил —
Найдись такой!

Не зря, должно быть, сын востока,
Он до конца являл черты
Своей крутой, своей жестокой
Неправоты.
И правоты.

Но кто из нас годится в судьи —
Решать, кто прав, кто виноват?
О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

Не мы ль, певцы почетной темы,
Мир извещавшие спроста,
Что и о нем самом поэмы
Нам лично он вложил в уста?

Не те ли все, что в чинном зале,
И рта открыть ему не дав,
Уже, вставая, восклицали:
«Ура! Он снова будет прав...»?

Что ж, если опыт вышел боком,
Кому пенять, что он таков?
Великий Ленин не был богом
И не учил творить богов.

Кому пенять! Страна, держава
В суровых буднях трудовых
Ту славу имени держала
На вышках строек мировых.

И русских воинов отвага
Ее от волжских берегов
Несла до черных стен рейхстага
На жарком темени стволов...

Мой сверстник, друг и однокашник,
Что был мальчонкой в Октябре,
Товарищ юности не зряшной,
С кем рядом шли в одной поре,—
Не мы ль, сыны, на подвиг дерзкий,
На жертвы призванной земли,
То имя-знамя в нашем сердце
По пятилеткам пронесли?

И знали мы в трудах похода,
Что были знамени верны
Не мы одни,
Но цвет народа,
Но честь и разум всей страны.

Мы звали — станем ли лукавить? —
Его отцом в стране-семье.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Так это было на земле.

То был отец, чье только слово,
Чьей только брови малый знак —
Закон.
Исполни долг суровый —
И что не так,
Скажи, что так...

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

А что́ подчас такие бури
Судьбе одной могли послать,
Во всей доподлинной натуре —
Тебе об этом лучше знать.

Но в испытаньях нашей доли
Была, однако, дорога
Та непреклонность отчей воли,
С какою мы на ратном поле
В час горький встретили врага...

И под Москвой, и на Урале —
В труде, лишеньях и борьбе —
Мы этой воле доверяли
Никак не меньше, чем себе.

Мы с нею шли, чтоб мир избавить,
Чтоб жизнь от смерти отстоять.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Ты помнишь всё, отчизна-мать.

Ему, кто всё, казалось, ведал,
Наметив курс грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам...

На торжестве о том ли толки,
Во что нам стала та страда,
Когда мы сами вплоть до Волги
Сдавали чохом города.

О том ли речь, страна родная,
Каких и скольких сыновей
Не досчиталась ты, рыдая
Под гром победных батарей...

Салют!
И снова пятилетка.
И всё тесней лучам в венце.
Уже и сам себя нередко
Он в третьем называл лице.

Уже и в келье той кремлевской,
И в новом блеске древних зал
Он сам от плоти стариковской
Себя отдельно созерцал.

Уже в веках свое величье,
Что весь наш хор сулил ему,
Меж прочих дел, хотелось лично
При жизни видеть самому.

Спешил.
И всё, казалось, мало.
Уже сомкнулся с Волгой Дон.
Канала
Только не хватало,
Чтоб с Марса был бы виден он!..

И за наметкой той вселенской
Уже как хочешь поспевай —
Не в дальних далях,— наш смоленский,
Забытый им и богом,
Женский,
Послевоенный вдовий край,

Где занесло следы поземкой
И в селах душам куцый счет,
А мать-кормилица с котомкой
В Москву за песнями бредет...

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тетку Дарью
На нашей родине с тобой;

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней,
И трудоднем пустопорожним,
И трудоночью — не полней;

С ее дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи ее овином,
И середи избы гумном;

И ступой — мельницей домашней —
Никак, из древности седой;
Со всей бедой —
Войной вчерашней
И тяжкой нынешней бедой.

Но и у самого предела
Тоски, не высказанной вслух,
Сама с собой — и то не смела
Душа ступить за некий круг.

То был рубеж запретной зоны,
Куда для смертных вход закрыт,
Где стража зоркости бессонной
У проходных вросла в гранит...

И, видя жизни этой вечер,
Помыслить даже кто бы смог,
Что и в Кремле никто не вечен
И что всему выходит срок...

Но не ударила царь-пушка,
Не взвыл царь-колокол в ночи,
Как в час урочный та *Старушка*
Подобрала свои ключи —
Ко всем дверям, замкам, запорам,
Не зацепив лихих звонков,
И по кремлевским коридорам
Прошла к нему без пропусков.

Вступила в комнату без стука,
Едва заметный знак дала —
И удалилась прочь наука,
Старушке этой сдав дела...

Сломилась ночь, в окне синея
Из-под задернутых гардин.
И он один остался с нею,
Один —
Со смертью — на один...

Вот так, а может, как иначе,
Для нас, для мира не простой
Тот день настал,
Черту означил,
И мы давно за той чертой...

Как говорят, отца родного
Не проводил в последний путь —
Еще ты вроде молодого,
Хоть борода ползи на грудь.

Еще в виду отцовский разум,
И власть, и опыт многих лет...
Но вот уйдет отец — и разом
Твоей той молодости нет...

Так мы не в присказке, на деле,
Когда судьба тряхнула нас,
Мы все как будто постарели —
Нет, повзрослели — в этот час.

Безмолвным строем в день утраты
Вступали мы в Колонный зал,
Тот самый зал, где он когда-то
У гроба Ленина стоял.

Стоял поникший и спокойный
С рукою правой на груди.
А эти годы, стройки, войны —
Всё это было впереди;

Все эти даты, вехи, сроки,
Что нашу метили судьбу,
И этот день, такой далекий,
Как видеть нам его в гробу.

В минуты памятные эти —
На тризне грозного отца —

Мы стали полностью в ответе
За всё на свете —
До конца.

И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед.

Там — хороши они иль плохи —
Покажет дело впереди,
А ей, на всем ходу, эпохе,
Уже не скажешь: «Погоди!»

Не вступишь с нею в словопренья,
Когда гремит путем своим...
Не останавливалось время,
Лишь становилося иным.

Земля живая зеленела,
Всё в рост гнала, чему расти.
Творил свое большое дело
Народ на избранном пути.

Страну от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей
Не божеству уже вверяя,
А только собственной своей
Хозяйской мудрости.

Должно быть,
В дела по-новому вступил
Его, народа, зрелый опыт
И вместе юношеский пыл.

Они как будто из-под спуда
Возникли — новый брать редут...
И что же — чудо иль не чудо,—
Дела идут не так уж худо —
И друг и недруг признают.

А если кто какой деталью
Смущен, так правде не во вред
Давайте спросим тетку Дарью —
Всего ценней ее ответ...

Но молвить к слову: на Днепре ли,
На Ангаре ль — в любых местах —
Я отмечал: народ добрее,
С самим собою мягче стал...

Я рад бывал, как доброй вести,
Как знаку жданных перемен,
И шутке нынешней, и песне,
Что дням минувшим не в пример.

Ах, песня в поле,— в самом деле
Ее не слышал я давно,
Уже казалось мне, что пели
Ее лишь где-нибудь в кино,—

Как вдруг он с дальнего покоса
Возник в тиши вечеровой,
Воскресшей песни отголосок,
На нашей родине с тобой.

И на дороге, в темном поле,
Внезапно за душу схватив,
Мне грудь стеснил до сладкой боли
Тот грустный будто бы мотив...

Я эти малые приметы
Сравнил бы смело с целиной
И дерзким росчерком ракеты,
Что побывала за Луной...

За годом — год, за вехой — веха.
За полосою — полоса.
Нелегок путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.

Вступает правды власть святая
В свои могучие права,
Живет на свете, облетая
Материки и острова.

Она всё подлинней и шире
В чреде земных надежд и гроз.

Мы — это мы сегодня в мире,
И в мире с нас
Не меньший спрос!

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем.

С ним сердцу нечего страшиться,
И в нашей книге золотой
Нет ни одной такой страницы,
Ни строчки, даже запятой,
Чтоб нашу славу притемнила,
Чтоб заслонила нашу честь.

Да, всё, что с нами было,—
Было!
А то, что есть,—
То с нами здесь!

И всё от корки и до корки,
Что в книгу вписано вчера,
Всё с нами — в силу поговорки
Насчет пера
И топора...

И правда дел — она на страже,
Ее никак не обойдешь,
Всё налицо при ней — и даже
Когда молчанье — тоже ложь...

Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут,
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.

Я не страшусь суда такого
И, может, жду его давно,
Пускай не мне еще то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.

Мое — от сердца — не на ветер,
Оно в готовности любой:

Я жил, я был — за всё на свете
Я отвечаю головой.

Нет выше долга, жарче страсти
Стоять на том
В труде любом!

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоем.
За новым трудным перевалом —
Вздохнуть
С тобою заодно.
И дальше в путь —
Большим иль малым,
Ах, самым малым —
Всё равно!

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути,
И ведай
За далью — даль.
За далью — даль!

ДО НОВОЙ ДАЛИ

Пора!
Я словом этим начал
Мою дорожную тетрадь.
Теперь оно звучит иначе:
Пора и честь, пожалуй, знать.

Ах, эти длительные дали,
Дались они тебе спроста.
Читали — да. Но ждать устали:
Когда ж последняя верста?

А сколько дел, событий, судеб,
Людских печалей и побед
Вместилось в эти десять суток,
Что обратились в десять лет!

Всё верно: в сроках не потрафил,
Но я прошу высокий суд
Учесть, что мне особый график
Составлен был на весь маршрут.

И что касается охвата
Всего, что в памяти любой,—
Суди по правде, как солдата,
Что честно долг исполнил свой.

Он воевал не славы ради.
Рубеж не взял? И сам живой?
Не представляй его к награде,
Но знай — ему и завтра в бой.

А что в пути минули сроки —
И в том вины особой нет.
Мои герои все в дороге,
Да ты и сам не домосед.

Ты сам, читатель, эти дали
В пути проверил и постиг,
В своем бывалом чемодане
Держа порой и мой дневник.

Душа моя принять готова
Другой взыскательный упрек,
Что ткань бедна: редка основа,
Неровен бедный мой уток;

Что, может быть, не ярки краски
И не заманчив общий тон;
Что ни завязки,
Ни развязки —
Ни поначалу, ни потом...

Ах, сам любитель я, не скрою,
Чтоб с места ясен был вопрос —
С приезда главного героя
На новостройку иль в колхоз,
Где непорядков тьма и бездна,
Но прибыл с ним переворот,
И героиня в час приезда
Стоит случайно у ворот.

Он холост, или же в разводе,
Или с войны еще вдовец,
Или от злой жены беглец,
Иль академик-молодец,
И всё, что надо,— на подходе,
Хоть не заглядывай в конец.

Но сам лишен я этой хватки:
И совесть есть, и лень, прости,
В таком развернутом порядке
Плетень художества плести.

А потому и в книге этой —
Признаться, правды не тая,—
Того-другого званья нету,
Всего героев —
ты да я,
Да мы с тобой.

Так песня спелась.
Но, может, в ней отозвались
Хоть как-нибудь наш труд и мысль,
И наша молодость и зрелость,
И эта даль,
И эта близь?

Что горько мне, что тяжко было
И что внушало прибыль сил,
С чем жизнь справляться торопила,—
Я всё сюда и заносил.

И неизменно в эту пору,
При всех изгибах бытия,
Я находил в тебе опору,
Мой друг и высший судия.

Я так обязан той подмоге
Великой — что там ни толкуй,—
Но и тебя не прочу в боги,
Лепить не буду новый культ.

Читатель, снизу или сверху
Ты за моей следишь строкой,

Ты тоже — всякий на поверку
Бываешь, мало ли какой.

Да, ты и лучший друг надежный,
Наставник строгий и отец.
Но ты и льстец неосторожный,
И вредный, к случаю, квасец.

И крайним слабостям потатчик,
И на расправу больно скор.
И сам начетчик
И цитатчик,
И не судья,
А прокурор.

Беда бедой твой пыл бессонный,
Когда вдобавок ко всему
Еще и книжкой пенсионной
Ты обладаешь на дому.

Не одному бюро погоды
Спешишь ты всыпать поскорей,
Хоть на почтовые расходы
Идет полпенсии твоей.

Добра желаючи поэту,
Наставить пробуя меня,
Ты пишешь письма в «Литгазету»,
Для «Правды» копии храня...

И то не всё. Замечу кстати:
Опасней нет болезни той,
Когда, по скромности, читатель,
Ты про себя, в душе,— писатель,
Безвестный миру Лев Толстой.

Ох, вы, мол, тоже мне, писаки,
Вот недосуг за стол засесть...

Да, и такой ты есть, и всякий,
Но счастлив я, что ты, брат, есть!

Не запропал, не стал дитятей,
Что наша маменька-печать

Ласкает, тешась:
— Ах, читатель,
Ах, как ты вырос — не достать!

Сама пасет тебя тревожно
(И уморить могла б, любя):
— Ах, то-то нужно, то-то можно,
А то-то вредно для тебя...

Ты жив-здоров — и слава богу,
И уговор не на словах:
В любую дальнюю дорогу
На равных следовать правах...

Ты помнишь, я свой план невинный
Представил с первого столбца:
Прочти хотя б до половины,
Авось — прочтешь и до конца.

Прочел по совести. И что же:
Ты книгу медленно закрыл,
Вздохнул, задумался, похоже.
Ну вот. А что я говорил?

Прости, что шутка на помине,
Когда всерьез не передать,
Как нелегко и эту ныне
Мне покидать свою тетрадь...

Не то чтоб жаль, но как-то дико.
Хоть этот миг —
Желанный миг:
Была тетрадь — и стала книга
И унеслась дорогой книг.

Уже не кинешься вдогонку
За ней во все ее края...
Так дочка дома — всё девчонка,
Вдруг — дочь. Твоя и не твоя.

Скорбеть о том не много проку,
Что низок детям отчий кров.
Иное дело, с чем в дорогу
Ты проводил родную кровь.

И мне уже не возвратиться
Назад, в покинутый предел,
К моей строке или странице,
Что лучше б мог, как говорится,
Да не сумел.
Иль не посмел.

Тем преимуществом особым
При жизни автор наделен:
Всё слышит сам, но, как за гробом,
Уже сказать не может он,
Какой бы ни был суд нелестный...

Но если вправду он живой,
Он в новый замысел безвестный
Уже уходит с головой.

И, распростившись с этой далью,
Что подружила нас в пути,
По счастью, к новому свиданью
Уже готовлюсь я. Учти!

Конца пути мы вместе ждали,
Но прохлаждаться недосуг.
Итак, прощай.
До новой дали.
До скорой встречи,
Старый друг!

1950—1960

241. НА ПОДВИГ ВЕКА

На подвиг века величавый,
Во имя счастья всех людей
Серпа и молота держава
Ведет сынов и дочерей.

Отчизна мира и свободы,
Пускай враги тебе грозят:
Всегда с тобой твои народы —
За друга друг,
За брата брат.

Непобедима наша сила,
Под красным знаменем она
И новый путь Земле открыла,
И в звездный край устремлена.

Взвивайся, ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперед!
Под ним идет полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдет.

1961

242. КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,—

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,—
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывалися черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

1961

243

Оркестры смолкли, отзвучали речи,
Парадных флагов свернут пестрый фронт.
И этот гром неповторимой встречи,
Как гром грозы, ушел за горизонт.

И новый подвиг совершился в мире,
И новый праздник грянул на порог.
Он был еще торжественней и шире,
И только первым быть уже не мог.

1961

244. СЛОВО О СЛОВАХ

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые всуе,
Теряют вес, как мухи мрут.

Да, есть слова, что жгут как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупо применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером,—
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

Мне горек твой упрек напрасный.
Но я в тревоге всякий раз:
Я знаю, как слова опасны,
Как могут быть вредны подчас;

Как перед миром, потрясенным
Величьем подвигов твоих,
Они, слова, дурным трезвоном
Смущают мертвых и живых;

Как, обольщая нас окраской,
Слова-труха, слова-утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;
Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с половой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчет любое слово
По курсу твердого рубля.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял,—
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

1962

245

На пенсию! — последняя мечта
Из тех, что выше всяких предписаний,
По существу — последняя черта,
Что мы еще прочерчиваем сами.

А между тем — таков закон мечты,
За̀ той чертой мы расставляем вехи
Заветной жизни вглубь, без суеты
И обретенья мира без помехи.

А сколько недочитанных страниц,
Пропущенных рассветов и закатов:
За недосугом поздно мы встаем...

1962

246

Есть книги — волею приличий
Они у века не в тени.
Из них цитаты брать — обычай
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне
Любой — уж так заведено —
Они на полке персональной
Как бы на пенсии давно.

Они в чести.
И, не жалея
Немалых праздничных затрат,
Им обновляют в юбилеи
Шрифты, бумагу и формат.

Поправки вносят в предисловья
Иль пишут наново, спеша.
И сохраняйтесь на здоровье,
Куда как доля хороша.

Без них чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приемной,
Чтоб на глаза ему попасть;
Не опоздать к иной обедне,
Не потеряться в тесноте...

Но те,
С той полки:
«Кто последний?» —
Не станут спрашивать в хвосте.

М. А. Лифшиц

Есть книги — вечного величья,
Они у века не в плену:
Из них цитаты брать — обычай
Во все положенные дни.
В библиотеке иль читальне,
~~[illegible]~~ Любой, — уж так заведено, —
Они на полке изначальной,
Как бы на пенсии давно.
Они — в чести. И не смея
Немалых издательских затрат,
Их обновляют в юбилеи
Шрифтом, бумагой и декором.
Поправки вклеят с предисловием
Иль пишут заново, спеша.
И сохраняются на здоровье, —
Куда как доля хороша.
Без них чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у Времени в приемной,
Чтоб на глаза ему попасть;

Не отходить и от обедни,
Не помещаться в реестре
~~Не разыгрывать и сроду с притворе.~~
Но те, с той полки — а кто последний?.. —
Не станут спрашивать в ответе.

— 2 —

На книгах печать почтенной скуки
Давненько пройденных наук.
Но взяв одну такую в руки,
Ты, Время, обожжешься вдруг...

Тогда смотрите, ее листая,
И взвесив бережно в руках:
Она ль от нас с тобой отстала
И устарела — или как?

Смиренно вникнешь и сердито,
Невольно всю пройденные наследство,
Все вместе строки до единой,
Что ты вторичного будь

А. Твардовский

23-VII.65. М.

На них печать почтенной скуки
И давность пройденных наук;
Но, взяв одну такую в руки,
Ты, время,
Обожжешься вдруг...

Случайно вникнув с середины,
Невольно всю пройдешь насквозь,
Все вместе строки до единой,
Что ты вытаскивало врозь.

1963

247

Дробится рваный цоколь монумента,
Взвывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Она, по справедливости, не впрок.

Но как сцепились намертво каменья,
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье
Немалых тоже требует трудов.

Всё, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень —
Он не бывает ни добром, ни злом.

1963

248

Мне сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому,—
Хоть с детства слух к нему привык,—
Невнятный говор или гомон
В вершинах сосен вековых.

Но эти памятные шумы —
Иной порой, в краю другом —
Как будто отзвук давней думы,
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной...
Всё это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

И всё, что мне тогда вещала,
Что обещала мне она,
Я слышать вновь готов сначала,
Как песню, даром что грустна.

1964

249

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну
Деревьями.
То в дымке снеговой,
То в пух весенний только что одеты,
То полной прошумят ему листвой,
Уже повеяв ранней грустью лета...

Ровесниками века становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизни жить.
А там другие сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...

Ты не в восторге?
Сроки наши кратки?
Ты что иное мог бы предложить?

1965

250

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья — на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету.

Но, побуревшее соцветье
Сменяя кистью семенной,
Она, сирень, еще весной —
Уже в своем дремотном лете.

И даже свежий блеск в росе
Листвы, еще не запыленной,
Сродни той мертвенной красе,
Что у листвы вечнозеленой.

Она в свою уходит тень.
И только, пета-перепета,
В иных стихах она всё лето
Бушует будто бы, сирень.

1965

251

На новостройках в эти годы
Кипела главная страда:
Вставали в заревах заводы,
Росли под небо города.

И в отдаленности унылой
За той большой страдой село,
Как про себя ни гомонило,
Уже угнаться не могло.

Там жизнь неслась в ином разгоне,
И по окраинам столиц
Вовсю играли те гармони,
Что на селе перевелись.

А тут — притихшие подворья,
Дворы, готовые на слом,
И где семья, чтоб в полном сборе
Хоть в редкий праздник за столом?

И не свои друзья-подружки,
А, доносясь издалека,
Трубило радио частушки
Насчет надоев молока...

Земля родная, что же сталось,
Какая странная судьба:
Не только юность, но и старость —
Туда же, в город, на хлеба,
Туда на отдых норовила
Вдали от дедовских могил...

Давно, допустим, это было,
Но ты-то сам когда там был?

1965

252

А ты самих послушай хлеборобов,
Что свековали век свой у земли,
И врать им нынче нет нужды особой,—
Всё превзошли,
А с поля не ушли.

Дивиться надо: при Советской власти —
И время это не в далекой мгле —
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.

Доподлинно, что в самой той России,
Где рожь была святыней от веков,
Ее на корм, зеленую, косили,
Не успевая выкосить лугов.

Наука будто все дела вершила.
Велит, и точка — выполнять спеши:
То — плугом пласт
Ворочай в пол-аршина,
То — в полвершка,
То — вовсе не паши.

И нынешняя заповедь вчерашней,
Такой же строгой, шла наперерез:
Вдруг — сад корчуй
Для расширенья пашни,
Вдруг — клеверище
Запускай под лес...

Бывало так, что опускались руки,
Когда осенний подведен итог:
Казалось бы —
Ни шагу без науки,
А в зиму снова —
Зубы на полок.

И распорядок жизни деревенской,
Где дождь ли, вёдро — не бери в расчет,—
Какою был он мукою мученской,—
Кто любит землю, знает только тот...

Науку мы оспаривать не будем,
Науке всякой —
По заслугам честь,
Но пусть она
Почтенным сельским людям
Не указует,
С чем им кашу есть.

1965

253—256. ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Прощаемся мы с матерями
Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога,

Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
Спешим известить их по почте.

И, карточки им посылая
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.

А там — за невестками — внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

2

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про всё про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать,—
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз — глухие, нелюдимые.
А на погосте том — ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то — могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая-то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
— Проснусь, проснусь,— рассказывала мать,—
А за стеною — кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.

И не в обиде. И не всё ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

3

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудою,
По горсточке отмеривают.

Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...

Но как могильщики — рывком —
Давай, давай без передышки,—
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Они минутой дорожат,
У них иной, пожарный навык:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Спешат,— меж двух затяжек срок,—
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...

Но ту сноровку не порочь,—
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только всё — еще короче.

4

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Из песни

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Не откуда — всё оттуда,
Где у матери росла.

Всё из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слезы.
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозы
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

1965

257

Как неприютно этим соснам в парке,
Что здесь расчерчен, в их родных местах.
Там-сям, вразброс, лесные перестарки,
Стоят они — ни дома, ни в гостях.

Прогонистые, выросшие в чаще,
Стоят они, наружу голизной,
Под зимней стужей и жарой палящей
Защиты лишены своей лесной.

Как стертые метелки, их верхушки
Редеют в небе над стволом нагим.
Иные похилились друг ко дружке,
И вновь уже не выпрямиться им...

Еще они, былую вспомнив пору,
Под ветром вдруг застонут, заскрипят,
Торжественную песнь родного бора
Затянут вразнобой и невпопад.

И оборвут, постанывая тихо,
Как пьяные, мыча без голосов...
Но чуток сон сердечников и психов
За окнами больничных корпусов.

1965

258

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как ни силен в воде бетон,
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут — не примирится,—
Ей не по нраву взаперти.
Чуть отвернись — как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной,
Прорвется — прахом все труды —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

Вот почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
И стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз.

1965

259

Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрей минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;

Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь,—
От сладких слез, что наготове,
По крайней мере, удержись.

Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалей.
Не штука быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей.

1965

260

Чернил давнишних блеклый цвет,
И разный почерк разных лет
И даже дней — то строгий, четкий,
То вроде сбивчивой походки —
Ребяческих волнений след,
Усталости иль недосуга
И просто лени и тоски.
То — вдруг — и не твоей руки
Нажимы, хвостики, крючки,
А твоего былого друга —
Поводыря начальных дней...
То мельче строчки, то крупней,
Но отступ слева всё заметней
И спуск поспешный вправо, вниз,
Совсем на нет в конце страниц —
Строки не разобрать последней.
Да есть ли толк и разбирать,
Листая старую тетрадь
С тем безысходным напряженьем,
С каким мы в зеркале хотим
Сродниться как-то со своим
Непоправимым отраженьем?..

1965

261

Ночью все раны больнее болят,—
Так уж оно полагается, что ли,
Чтобы другим не услышать, солдат,
Как ты в ночи подвываешь от боли.

Словно за тысячи верст от тебя
Все эти спящие добрые люди
Взапуски, всяк по-другому храпя,
Гимны поют табаку и простуде,—

Тот на свистульке, а тот на трубе.
Утром забудется слово упрека:
Не виноваты они, что тебе
Было так больно и так одиноко...

1965

262

Не жди, когда полномочной
Такая станет пора,
Что скажет твой друг заочный:
— Не узнаю́ пера.

Мол, будто бы всё на месте
До точки и запятой,
Но, говоря по чести,—
Не тот настой...

Пора эта — род недуга,
И если сходишь на край,
По крайности — прежде друга,
Первым об этом знай.

1965

263

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним — за рассветной чертой,—
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

1966

264

Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле —
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.
Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки,
И под корой проснется сок.
И зимний пень березовый
Зальется пеной розовой.

1966

265

...И жаворонок, сверлящий небо
В трепещущей голубизне,
Себе и миру на потребу
Оповещает о весне.

Всё как тогда. И колокольня
Вдали обозначает даль,
Окрест лежащую раздольно,
И только нету сумки школьной,
Да мне сапог почти не жаль —

Не то что — прежних, береженых,
Уже чиненных не впервой
Моих заветных сапожонок,
Водой губимых снеговой.

1966

266

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый —
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт, —
Какой хочу, такой и знаменитый.

1966

267

Газон с утра из-под машинки,
И на лощеной мостовой
Светло-зеленые травинки
Уже отдали запах свой.

И вот уже тот запах росный
Колесным ветром унесен,
Едва свои былые весны
Земля припомнила сквозь сон:

Когда на месте этих зданий
Лесная глушь ее была,
Был сенокосный угол дальний,
Куда и звона наковальни
Не доносилось из села.

1966

268

Июль — макушка лета,—
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет,—
Ку-ку, ку-ку — макушка —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета
Считай, что песня спета,
Считай, пол-лета нет,—
Июль — макушка лета.

1966

269

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня.
Только день всё заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот,
Он над елками мокрыми
Неохотно встает.

Медлит высветить мглистую
Дымку.— сам не богат.
И со мною не выстоит,
Первым канет в закат.

Приготовься заранее
До конца претерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь.

1966

270

Есть имена и есть такие даты,—
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты,—
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

1966

271

Листва отпылала,
    опала, и запахом поздним
Настоян осинник —
    гарькавым и легкоморозным.
Последними пали
    неблеклые листья сирени.
И садики стали
    беднее, светлей и смиренней.
Как пот,
    остывает горячего лета усталость.
Ах, добрая осень,
    такую бы добрую старость:
Чтоб вовсе она
    не казалась досрочной, случайной
И всё завершалось,
    как нынешний год урожайный;
Чтоб малые только
    ее возвещали недуги
И шла бы она
    под уклон безо всякой натуги.

Но только в забвенье
    тревоги и боли насущной
Доступны утехи
    и этой мечты простодушной.

1966

272

Многоснежная зима,
Снег валит за снегом следом,
Снег, как сказывали деды,
Все заполнил закрома.

Стародавняя примета
По зиме равняет лето;
Неизменный обиход,
Вековой расчет природный:
Мало снегу — год голодный,
Вдоволь снегу — сытый год.

И от имени науки
Вторят ныне дедам внуки:
Снег заполнил закрома —
Хлеб в избытке и корма.

Лишь в примете чрезвычайной
Не примкнуть бы к старине,
Что отменно урожайный
Выпадает год к войне.

1966

273

Который год мне снится, повторяясь
Почти без изменений, этот сон.
Как будто я, уже с войны вернувшись,
Опять учиться должен в институте
И полон вновь школярскою тревогой,
Как зазубрить лежалые науки.
И страшно мне и горько осрамиться
В той юности моей второй иль третьей.

И я, проснувшись, рад чистосердечно,—
Что в яви нету мне такой мороки,
Но всякий раз потом бывает грустно.

1966

274

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

1966

275

Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли —
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли,
И женщины, и девушки-девчонки,
Подружки, сестры наши, медсестренки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке.
И не затем, чтоб той судьбой своей
Убавить доблесть воинов мужскую,
Дочерней славой — славу сыновей,—
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней.

1966

276

Стой, говорю: всему помеха —
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.

Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной,—
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, незримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом всё больней.

1966

277. БЕРЕЗА

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надвратной башни Спасской,
Сорочьей черно-белою раскраской
Рябеет — вдруг — прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась самосевом,
Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к Царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая — точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть, и вновь терять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле сторожевой
От гибельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы;

Где только по звонку, блюдя черед,
Машины — вниз — на площадь, на народ,
Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И стольких здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,
Своих, чужих — каких там ни попало,—
И отразилась в стольких парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть — тебе предстанет вся,
Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

1966

278

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой,—
Минута пришла — далеко до постели.

И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи.
Что я из-под елки, и всякие толки,—
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

1966

279

— В живых меня как бы и нету,
Забытой старушки такой:
Считай, в отпуску с того свету,
Зато благодать и покой.

Куда торопиться? Не худо
Погреться на солнышке всласть.
А кто не мечтал бы оттуда
Сюда на побывку попасть.

На отдыхе житель вчерашний,
Всё пройдено, сам посуди:
Мне даже и смерти не страшно,—
Она, как и жизнь, позади.

Как будто казенную дачу
Сняла — ни забот, ни хлопот.
И денег почти что не трачу,
А пенсийка тоже идет.

1966

280

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного — не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы,

Когда над изгибом тропинки
С разлатых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошинки
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье —
Не знаю, чему иль кому —
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня — себе самому.

1966

281

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть,—
Не по готовым нотам.

Мне проку нет,— я сам большой,—
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

1967

282. НА СЕНОВАЛЕ

Ты помнишь, ночью предосенней,—
Тому уже десятки лет,—
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.

И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.

В ту пору не было, пожалуй,
Беды иль радости такой —
С одним из нас — хотя бы малой,—
Чтоб неучастен был другой.

И вот мы вместе покидали
Глухие отчие места,
И столько нам завидных далей
Сулила общая мечта.

Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захолустье
В обмен на целый белый свет.

Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук —
Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.

Сомненья дух нам был неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем.

Мы повторяли, что напасти
Нам никакие нипочем,
Но сами ждали только счастья,—
Тому был возраст обучен.

Мы знали, что оно сторицей
Должно воздать за наш порыв —
В премудрость мира с ходу врыться,
До дна ее разворотив.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,

Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложней?

Такими были наши дали,
Как нам казалось, без прикрас.
Когда в безудержном запале
Мы в том друг друга убеждали,
В чем спору не было у нас.

И, всласть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,
Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся *потом*.

Дивись, отец, всплакни, родная,
Какого гостя бог нанес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос.

Москва, столица — свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижной,
Нас на побывку ждать должна.

И хуторские посиделки,
И вечеринки чередом,
И чтоб загорьевские девки
Глазами ели нас потом,
Неловко нам совали руки,
Пылая краской до ушей.

А там бы где-то две подруги,
В стенах столичных этажей,
С упреком нежным ожидали

Уже тем часом нас с тобой,
Как мы на нашем сеновале
Отлет обдумывали свой...

И невдомек нам было вроде,
Что здесь, за нашею спиной,
Сорвется с места край родной
И закружится в хороводе
Вслед за метелицей сплошной...

Ты не забыл, как на рассвете
Оповестили нас, дружков,
Об уходящем в осень лете
Запевы юных петушков.

Их голосов надрыв цыплячий
Там, за соломенной стрехой,—
Он отзывался детским плачем
И вместе удалью лихой.

В какой-то сдавленной печали,
С хрипотцей истовой своей
Они как будто отпевали
Конец ребячьих наших дней.

Как будто сами через силу
Обрядный свой тянули сказ
О чем-то памятном, что было
До нас.
И будет после нас.

Но мы тогда на сеновале
Не так прислушивались к ним,
Мы сладко взапуски зевали,
Дивясь, что день, а мы не спим.

И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на *потом*.

И где, кому из нас придется,
В каком году, в каком краю
За петушиной той хрипотцей
Расслышать молодость свою.

Навстречу жданной нашей доле
Рвались мы в путь не наугад,—
Она в согласье с нашей волей
Звала отведать хлеба-соли.
Давно ли?
Жизнь тому назад.

1967

283

Отыграли по дымным оврагам
Торопливые воды весны.
И пошла она сбавленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.

Где прямою дорогой, где кружной —
Вдоль шоссе, по закрайкам полей.
И помятые, потные
Дружно
Зеленя потянулись за ней.

1967

284

На дне моей жизни,
    на самом донышке
Захочется мне
    посидеть на солнышке,
На теплом пенушке.

И чтобы листва
    красовалась палая
В наклонных лучах
    недалекого вечера.
И пусть оно так,
    что морока немалая —
Твой век целиком,
    да об этом уж нечего.

Я думу свою
    без помехи подслушаю,
Черту подведу
    стариковскою палочкой:

Нет, все-таки нет,
    ничего, что по случаю
Я здесь побывал
    и отметился галочкой.

1967

285

Огромный, грузный, многоместный
И тесный — через всю страну
Тянул в пустыне поднебесной
Свою тяжелую струну.

С натугой ровной делал дело,
Тянул — ни кренов, ни толчков.
И небо нижнее синело
Кой-где в разрывах облаков.

По стрелкам выверенным правил —
Видна земля иль не видна.
И, как канат на переправе,
Брунжала басом та струна.

1967

286

Чуть зацветет иван-чай —
С этого самого цвета,
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом опереньи.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День равноденствие славит.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...
Здравствуй, любая пора,
И проходи по порядку.

1967

287

Там-сям дымок садового костра
Встает над поселковыми задами.
Листва и на земле еще пестра,
Еще не обесцвечена дождями.

Еще земля с дернинкою сухой
Не отдает нимало духом тленья,
Хоть, наизнанку вывернув коренья,
Ложится под лопатой на покой.

Еще не время непогоди сонной,
За сапогом не волочится грязь,
И предается по утрам, бодрясь,
Своим утехам возраст пенсионный.

По крайности — спасибо и на том,
Что от хлопот любимых нет отвычки.
Справляй дела и тем же чередом
Без паники укладывай вещички.

1967

288

Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами:
Позднее небо полным-полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле
Скопища эти холодным огнем
Точно бы в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило:
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

1967

289. ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам!
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же всё, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился ты в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути —
Не меньшее, чем подвиг — испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Всё так, всё так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить,— недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком...

1968

290

В чем хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода:
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.

Безветренны, теплы — почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.

Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?

1968

291

Допустим, ты свое уже оттопал
И позади остался твой предел,
Но при тебе и разум твой, и опыт,
И некий срок еще для сдачи дел
Отпущен — до погрузки и отправки.
Ты можешь на листах ушедших лет
Внести еще какие-то поправки,
Чертой ревнивой обводя свой след;

Самозащите доверяясь шаткой,
Невольно прихорашивать итог...
Но вдруг подумать:
Нет, спасибо в шапку,
От этой сласти береги нас бог.

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.

1968

292

Время, скорое на расправу,
В меру дней своих скоростных,
Власть иную, иную славу
Упраздняет — и крест на них.

Время даже их след изгладит
Скоростным своим утюжком.
И оно же не в силах сладить —
С чем, подумаешь! — со стишком.

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать
И о том объявить в газетах
И по радио...
                    Глядь-поглядь,

За каким-то минучим сроком —
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка —
Строка.

1968

293

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участье добрых душ.
Жить, как живешь, своей страдой бессонной,—
Взялся за гуж — не говори: не дюж.

С тропы своей ни в чем не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

1968

294

В случае главной утопии,—
В Азии этой, в Европе ли,—
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той,— деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всей неоглядной красы...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

1969

295

Когда обычный праздничный привет
Знакомец твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет,
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет — их не бывает просто,
И девятнадцать или девяносто —
Не всё ль равно, когда их счет закрыт.

Но боже мой, и всё-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да условно завтра,
Да безусловно вздох в конце один.

Нет, был бы он невыносимо страшен,
Удел земной, не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей в ее последний час.

1969

296

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,
Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

Быть может, эта боль — залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Удачи настоящей.

1969

297

Всему свой ряд, и лад, и срок:
В один присест, бывало,
Катал я в рифму по сто строк,
И всё казалось мало.

Был неогляден день с утра,
А нынче дело к ночи...
Болтливость — старости сестра.
Короче.
Покороче.

1969

298

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Всё, как в любви, для нас предстанет новым,
Когда настанет наша череда.

Не новость, что сменяет зиму лето,
Весна и осень в свой приходят срок.
Но пусть всё это пето-перепето,
Да нам-то что! Нам как бы невдомек.

Всё в этом мире — только быть на страже —
Полным-полно своей, не привозной,
Ничьей и невостребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной.

1969

299

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

И, труд свой пристально любя,—
Он всех основ основа,—
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох,
Что, близкий или дальний,
Он всё равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,
Той вопреки оглядке:
Уж если в ней одной печаль,—
Так, значит, всё в порядке.

1969

300

Час мой утренний, час контрольный,—
Утро вечера мудреней,—
Мир мой внутренний и окольный
В этот час на смотру видней.

Час открытий, еще возможных,
И верней его подстеречь
До того, как пустопорожних
Ни мечтаний, ни слов, ни встреч
Не скрывает тот час контрольный,—
Благо, ты человек в летах,—
Всё, что вольно или невольно
Было, вышло не то, не так.

Но еще не бездействен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.

1970

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

4

ЮТ, 1928, 15 февраля. Ст. 5—16

Проходит день, как дальний пешеход,
Сосет тоска без табаку и книжек,
А дождь окошки неустанно лижет
И за порог мне выйти не дает.
Забыла ты, как нестерпимо здесь,
Как нас по избам запирает осень,
И зависть поднимающую весть
Мне иногда почтарь приносит.
Но всё же строк твоих я жадно жду,
А ты не пишешь что-то, как нарочно,
К тому ж, пожалуй, удалось дождю
Сегодня задержать в дороге почту.

5

3

КП, 1927, 25 марта

Помню, ветер пригонял на крышу
Птицу желтоперую — весну.
Чтобы к жаворонкам быть поближе,
Я влезал на старую сосну.
И, пьянея запахом сосновым,
Я врастал глазами в синеву...
Солнце пело, что поляны снова
Радостью зеленой оживут.
И [меш]ало — подниматься выше,
На последний тоненький сучок...
Над [сосн]ой наве[сило]ся крышей
Небо — яркий голубой платок...

11

КП, 1928, 15 апреля. Между ст. 4 и 5

А самый ответственный, точный и гладкий
Уходит в такие-то — аккуратно
И утром видит, что всё в порядке,
Предупредительно и опрятно.

44

Н, 1933, № 10. Вместо ст. 22—25

И бригадир, поговорив немного,
Поежился от холода, сказал:
«Пошел бы ты, соснул бы на дорогу,
Ефим Ильич,
а я бы постоял...»

Но отказать сердечно рад Бубашка.
И — с бледным от бессонницы лицом —
Схвастнул привычно, что ему не тяжко,
Что всё ему на свете нипочем.

И хоть Бубашка всё нет-нет и спросит:
— За что свезли хозяев в Соловки? —
Он носит важно, с уваженьем носит

47

РТ, 22 июля 1934 (ЛН)

Мы подолгу судили с отцом,
Как вот-вот заживем,
Как построим
Дом глаголем, с высоким крыльцом
И зеленым железом покроем.

И не будет раздела семье,
Стол один и яишница с салом.
Хутор старшему брату, а мне —
Вдаль учиться и быть комиссаром.

Мы ходили вдвоем на гумно,
Знали самое страшное место.
Знали детское слово одно,
До сих пор во всем мире оно
Никому, кроме нас, неизвестно.

С 1937. Вместо ст. 26—31

Мы росли да росли.
Креп наш двор.
Шли дела по отцовскому плану.
И отец заводил разговор
О невестах с богатым приданым.
Брат казался намного взрослей,
Он негромко и важно бранился
И любви моей,
Дружбы моей,
Точно детской игры, сторонился.
А когда на побывку домой
Я заехал зимою в тридцатом,
Был он вовсе не прежний,
Не мой,
Был он взрослый,
Чужой и женатый.
За столом он угрюмо рыгал,
Принимая отцовскую позу.

По-отцовски соседей ругал,
По-отцовски ругал он колхозы.
Что ему говорил я в ответ,—
Слов моих бесполезных не помню.
Торопясь, уезжал я чуть свет.
Все молчали в избе полутемной.

Скрип саней одиноких
Да снег.
В сердце — тяжкая, горькая жалость.
И казалось,
Расстались навек,
И не встретимся больше, казалось...

И сидит он сейчас предо мной,
Возмужалый,
Смущенный и милый.
Здравствуй, брат.
Это — ты.
Это — мой.
Мать одною нас грудью кормила.
Ты немного, но всё ж постарел.
А глазами еще моложавей.
Это ты, с кем я желуди ел,
С кем на сене мы вместе лежали.
Мы сидим за столом,
Мы друзья,
Мы друг другу открытые люди.
Всё ты видишь и знаешь, что я,
И любовью надежною любишь.
Мы, как прежде, похожи с лица,
Подходящие с виду ребята.
Два, по правде сказать, молодца,
Два бойца,
Два родимые брата.
Вместе слышим мы голос страны,
Слышим ласково-строгое слово:
— Ну, сыны?
Как, сыны?
Что, сыны?
— Ничего,— отвечаем,— готовы...

49

РП, 1934, 6 августа

Вот он едет на первой подводе под флагом,
А за ним — девятнадцать с новым хлебом подвод.
Тянут ровные лошади сдержанным шагом,
И под красную арку дорога ведет.
Он сидит,
Он гордится доставленным хлебом,
Лошадями,
Мостом, проезжая по нем,
Самолетом, что наискось плыл через небо,
И товарным составом, прошедшим с углем.

Он, как дома, глядит по-хозяйски кругом.
Он гордится всем городом, флагами, аркой,
Часовым-красноармейцем, как сыном своим,
Грузовою машиной с разборчивой маркой! —
Ты гордился ли чем-нибудь в жизни таким!
Ты приучен был жить, не мечтая о славе,
Так, как жили на свете твой прадед и дед.
Пары новых лаптей по себе не оставив.
Умирали они — при господском ли праве,
На голодной ли воле,— разницы нет.
И в избе, что сгнила у тебя без сеней,
Уходя, запирал ты раздетых детей.
А корову — единственный хвост на дворе —
На холстах, на веревках таскал в январе.
Двор стоял, точно шапка у пьяницы, криво,
Мыши с голоду дохли, попадая в сусек.
И скрипел журавель на колодце тоскливо,
Чтобы помнил о жизни своей человек...

* * *

Хороша эта часть и хозяйская радость —
Первым с грохотом въехать под навес, где весы.
И фотограф снимает обоз и бригаду.
И любимца — коня — ты берешь под уздцы.
Ты заснял бы еще за особую плату
Сад в колхозе, посаженный нынче весной,
И свою пятистенную новую хату,
И себя со старухой и нарядной семьей.
Ты из города едешь, усевшись пошире,
Посмотрите, зайдите с любой стороны:
Едет пахарь,
Хозяин счастливейший в мире,
Земледелец
Великой
Советской
Страны.

52

РП, 1934, 12 октября Ст. 1—8 — *⟨Отсутствуют⟩*

После ст. 24

И если ты стреляешь в клубном тире
И знаешь семь винтовочных частей,—
Знай лучше всех, что значит в этом мире
Твой город — символ родины твоей.

Что разрушенье кратче созиданья,
Что час войны готовят много лет,
Что нет тебя без этого сознанья
И города на этом месте нет...

Н, 1935, № 1. Между ст. 20 и 21

Ты не забыл названье
Полустанка,
Где слез впервой
С артелью земляков.
Ты мне покажешь
Первую землянку,
Что вырыл первый
Здешний землекоп...
Здесь,
Где от камней лишь ложились тени,—
Листвой зеленой
Затянулся парк.
Ты ходишь мимо
Сблизивших колени
От счастья робких
И влюбленных пар...
Ты ходишь здесь,
Знакомый всем парнишка,
Под тюбетейку
Завернувши чуб.
Захочешь —
Прыгнешь с парашютной вышки,
Захочешь —
В игры проиграешь рубль.
Ты многих в этом городе моложе,
Но знаешь город,
Как село твой дед.
И — чем он будет —
Ты представить можешь
Вперед на десять,
Двадцать,
Тридцать лет...

63

С 1937 После ст. 28

Старик в бараке охал и мычал,
Молился богу от тоски и злобы,
С открытыми глазами по ночам,
Худой и страшный,
Он лежал бок о бок.

И труд был — жизнь, спокойствие твое.
Работать приходилось не задаром.
Ты собирала сучья и корье
С глухим терпеньем труженицы старой.

Ты здесь жила и забывала счет
Дням и неделям,
Хоть еще не знала,
Чей рубят лес,
Куда река течет
И для кого корье ты собирала.

Ты вновь жила,
О прежнем не скорбя,

Трудилась честно
И была готова
Всю силу выдать,
Показать себя
За непривычно ласковое слово.

И в славный день
Тебе прочли приказ,
Где премию старухе объявили,
Где за полвека жизни в первый раз
За честный труд
Тебя благодарили.

Ты встала перед множеством людей
С отрезом доброго старушечьего ситца.
И смотришь ты в приветливые лица
И вспомнила замужество, детей...

Наверно, с ними
Радостью своей
Теперь и ты могла бы поделиться.

64

ГЛАВА 2

СМ, М., 1940. Вместо ст. 112—115

— А выходит, был дурак.
Глуп, так больше не глупей.

ГЛАВА 7

СМ, М., 1936. Между ст. 102 и 103

И вот — и просьба вся моя,
И с тем как раз и ехал я...

ГЛАВА 10

СМ, М., 1940. Ст. 9—12

Кроют, рубят, как дрова,
Косы вверх заносят.
Позади растет трава,
Ну, а всё же — косят...

КН, 1936, № 4. Ст. 59—62

Вслед выводят из станка
Лошадей пятнадцать...
Попросили Моргунка
Со двора податься.

Глава 14

КН. Вместо ст. 3—10

Из года в год одно и то ж,
Живут по старине.
Еще такого не найдешь
Села по всей стране.

Между ст. 78 и 79

Коровка есть и телка есть,
С тобою говоря.
Телега есть — и посул весь,
Что́ жаловаться зря.

А вот продать — сказать всерьез
Никак нельзя о том,
Идти по крайности в колхоз,
Так со своим конем.

ГЛАВА 15

КН Между ст. 110 и 111

«А яблоньки,— толкует гость,
Вздохнув исподтишка,—
Как вешки на поле, небось,
Торчат без корешка?..»

Подходит ближе человек —
Нет, вроде сад — как сад.
Измерил четвертью побег:
«А что ты думал, брат!..»

Счел по рядам деревья. Стих.
И вдруг меняет речь:
«А вот зимой от зайцев их —
Ох! — надобно беречь...»

ГЛАВА 17

КН. Между ст. 52 и 53

Стал прощаться, баба в слезы:
Пропадешь в дороге, мол.
По душам со всем колхозом
Распростился богомол.

Между ст. 89 и 90

Он идет, жилье минуя.
Для чего ему канал?
Он бы всю страну родную
За один свой двор отдал.

Между ст. 100 и 101

Над туманами седыми

Между ст. 109 и 110

Уходились до рассвета,
Стихли Настя и Васек.
— Дай же я тебя за это...
— Дай же я... один разок...

ГЛАВА 18

КН. Между ст. 133 и 134

Поставлю хату белую,
У входа надпись сделаю:

Между ст. 277 и 278

Тогда, в речах не наторен,
Спокоен и суров,
Встает над свадьбой дед Мирон,
Над гулом голосов.

«Спасибо, детки! Жил бы сам.
Да время знать и честь.
Помру, кого увижу там,
Всё расскажу, как есть...»

ГЛАВА 19

КН. Перед ст. 1

Чуть свет, стоит в оглоблях конь
Под расписной дугой.
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

И всё давно готово в путь,—
Вожжою тронь слегка...
И хоть бы вышел кто-нибудь,
Окликнул Моргунка...

Но тихо. День еще далек,
И люди спят кругом.
И мальчик спит без задних ног,
Раскинувшись ничком.

Он спит да спит. На кой ему
Муравские края...
И снова ехать одному,
Чудить, тоску тая...

Засунул кнут, бочком присел
И тронул Моргунок.
И след зеленый по росе
До поворота лег...

Вместо ст. 25—41

Он едет, едет в полусне
С рассвета дотемна.
Не смотрит — в той ли стороне
Муравская страна?

Не знает, близко ль, далеко ль,—
Куда везет — не знает конь...

Проходит день, проходит ночь,

Ст. 45—48

Глядит Никита: в стороне
Сидит старик на белом пне.
У ног — котомка, и при ней —
Две пары ношеных лаптей.

Вместо ст. 61

«Тпру, конь! — опешил Моргунок.—
Да ты откуда сам, ходок?
Да как же так случилось, дед,

Между ст. 85 и 86

Зачем она, кому она,
Страна Муравская, нужна?

Когда такая жизнь кругом,
Когда сподручней мне,—
И торкнул в землю посошком,—
Вот в этой жить стране.

СМ, Смоленск, 1936. Ст. 106—107

Выходит, путь мой всех длинней;
Ну что ж, назад махнем,

КН. Ст. 112

И долго машет шапкой вслед

67

РП, 1936, 27 июня. Между ст. 19 и 20

И жила ты с людьми, не гадая о славе,
Пошутить мастерица, почудить не во вред.
Что уж деда Егора умела представить,
Будто сватал тебя он на старости лет.

Между ст. 23 и 24

Ты лежишь, Катерина, спокойно и гордо,—
Пусть тебе из цветов не поднять головы,
И несет председатель совета твой орден —
Тот, что ты на груди привезла из Москвы.

Всей округой мы ждали тебя, Катерина,
Говорили о счастье твоем и своем.
И навстречу несли на руках тебе сына,
Как теперь для прощанья с тобою несем.

Провожали тебя до последней стоянки,
Двадцать семь деревень с непокрытой идут головой.
Катерина, Катюша, ни одной же на свете крестьянке
Не оказано почести было такой.

Не от горя ль мы все в этот день присмирели,
Не от слез ли мы слова не можем сказать.
Катерина, Катюша, никогда еще так не жалели
Ни сестру, ни жену, ни подругу, ни мать...

69

ЮТ, 1927, 18 мая. Ранний вариант

НЕВЕСТА

(Из цикла «Сердечные стихи»)

Наше детство было вместе
В дружных играх у завалин,
И тебя —

Моей невестой
Часто в шутку называли.

Но давно с игрой веселой
Детство улицей промчалось,—
Я ушел за Комсомолом —
Далеко, а ты — осталась.

Ты осталась в старой хате,
Где в глазах темно и мутно,
И теперь готовишь платье
На приданое — кому-то.

Ты живешь, где сердцу тесно,
И не видишь ясных далей...

Да, тебя
Моей невестой
Часто в детстве называли.

д. Загорье, Смол. у.

73

РП, 1936, 30 июля. Между ст. 8 и 9

Я девушки этой не знаю,
Что в белом стоит у колодца,
Но — славная, чуть озорная —
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется.

87

С 1937. После ст. 36

И если так,
То в добрый путь.
И славно и легко нам...

Кивни же мне когда-нибудь,
В Большом театре где-нибудь,
В окне метро-вагона...

89

КН, 1938, № 1. Между ст. 32 и 33

Дед, прости меня. Скорбную память
Я твою потревожить решусь.
Исходил ты своими стопами
Вдоль и впоперек матушку-Русь.

Видно, был человек горделивый,
И в тоске о дворе, о семье —
Пешим образом жизни счастливой,
Правды сущей искал на земле.

Подождал бы ты, дед мой, немного,
Протянул кое-как бобылем,
И пришел бы сюда на дорогу,
И пощупал ее костылем.

Рассудил бы, наверно, ты здраво,
Что дорога — хоть боком катись.
Поглядел бы налево, направо
И сказал бы ты:
«Вот она, жизнь!..»

94

КН, 1938, № 1. Между ст. 34 и 35

Сам же я последний
Человек притом.
Весь период летний
Спал я под кустом.

Между ст. 38 и 39

Но никто при встрече
Деду не перечит.

Между ст. 72 и 73

Новый скотный двор
В один год возвел.

99

КН, 1938, № 5. Между ст. 36 и 37

И вот ему выносят стул.
И свадьба вновь тиха.
Он сел и плавно развернул
Дрожащие меха.

Между ст. 44 и 45

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен.
Из-за нее гармонь купил,
Играть учился он...

Между ст. 72 и 73

А гармонист всё так же лих,
Но вместе — деловит,
И за работой ног моих
С пристрастием следит.

Между ст. 84 и 85

И вот сидим мы за столом
С соперником моим.
До края льем, по-братски пьем
И свадьбу веселим.

После ст. 88

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен.
Зато хорошим гостем был
На нашей свадьбе он.

115

Зв, 1940, № 3-4. Вместо ст. 17—20

Осинник возле бани
Видать издалека
И поле под дубами,
Где было два дубка.

Дубы не в три обхвата,
Но были аккурат
Как два хороших брата,
Как я и старший брат.

А поле за дорогой
Раскинулось, правей.
По счету было много
Угодий и полей.

Ст. 25—28

Налево и направо —
Владельцы, не забудь!
За каждый клок потравы
Сходились грудь на грудь.

НМ, 1940, № 9. Между ст. 88 и 89

На юг от нашей бани,
Куда клонится хлеб,—
Наш старший на Кубани
Комбайны водит в степь.

А с кем участки брали
Бок о бок аккурат,—
Наш средний на Урале
В заводе мастер брат.

Еще один границу
Над Бугом бережет.
А младшему учиться
На летчика расчет.

Между ст. 92 и 93

Тому — его станица,
Тому — завод, тому —
По службе отличиться
Охота самому.

116

Зв. 1940, № 3-4. Между ст. 4 и 5

С кем в нашей школе дружбу вел,
С кем шел когда-то в комсомол,
И от кого еще, нет-нет —
И вдруг — письмо, звонок, привет,—

Ст. 7—10

В Загорье наше — я здесь был,
По старым стежкам я бродил.
Я лазал спать на сеновал,
Я вас всё время вспоминал...

Между ст. 25 и 26

Из ближних и далеких мест —
Вдруг соберутся, как на съезд.

Ст. 29—30

И тост поднимем на ровнях
При всех френчах,
При всех ремнях,

Между ст. 34 и 35

Но вы, путейцы, горняки,
Танкисты, летчики, стрелки,
Полковники мои, врачи,
Отцы семейств, бородачи,

Ст. 57—58

И будет так же долго он
Тревожно-счастлив, возбужден,

117

РП, 1940, 29 сентября. Ст. 66—68

Всё прошло, отступило,
Даже кажется мне,
Что не здесь это было,

Между ст. 98 и 99

Врешь, забудешь едва ли
И друзей, и сельчан...
Был на фронте, слыхали.
Наших, может, встречал?

Между ст. 142 и 143

И случалось, в Загорье
У покинутых стен
Был он пахарь и шорник,
Председатель и член.
Веселей год от году,
Есть и хлеб и корма.
Прибывает народу,
А Кузьма — как Кузьма.

119

БМ, 1940, 8 мая. Между ст. 24 и 25

От одной добился слова,
На машине прокатил,—
Агроном явился новый —
Холостой парнишка был...

О другой в частушках пели,
Как шофер носил сирень,—
Летчик в отпуск на неделю,
Всё решилось в первый день.

С третьей та же незадача,
Та же самая беда:
Тут фотограф жил на даче,
А шофер в пути всегда.

Где-нибудь в полях несется,
Потерявший верстам счет.
У какого-то колодца
Воду новую берет...

124

«Ленинградская правда», 1940, 21 января. Ст. 9—12

По походке всякий раз
Мог его узнать бы каждый.
И один печник у нас
Обмишурился однажды...

Между ст. 12 и 13

Тут придется всё подряд
Рассказать, не упуская,
Как в народе говорят,
Как молва гласит людская.

Между ст. 44 и 45

Обомлел и — дрожь в коленях,
Стыдно, совестно ему.
Я, мол, так, товарищ Ленин,
Я, мол, вовсе не к тому...

Но Ильич махнул рукою.
Что слыхал — что не слыхал.
И дорогою другою
На усадьбу зашагал.

Между ст. 48 и 49

Крякал, охал, сокрушался:
Как так вышло, сорвалось?
Снова встретиться боялся.
Только встретиться пришлось...

Ст. 53—54

Заметался беспокойно
У окна печник лихой.

Вместо ст. 57—58

Вот он я, с детьми, с женой...

Ст. 62—64

А жена:
«Пропал за грубость,
За дурацкие слова».

Вместо ст. 65—68

Ну и, как обыкновенно,
Разом в слезы — не унять.
Тут сказал один военный,
Чтоб с собой инструмент взять.

Веселей печник немного:
Раз работа — можно жить.
И с хозяйкой у порога
Распрощался:
«Не тужи...»

Между ст. 72 и 73

Вот печник вступает в сени,
Открывает дальше дверь, —

Только б сам не встретил Ленин,—
Одного боюсь теперь.

Ст. 91

«Можно! Почему нельзя?»

Между ст. 92 и 93

Допустите к ней меня.
Вот, товарищ Ленин, слово,—
Загудёт — пойдет со дня,
Печка будет — лучше новой.

Между ст. 108 и 109

Ильичу своим трудом
Услужить отчасти.
Отплатить печным теплом
Справедливой власти.

Той, что с Лениным пришла,
Что взята народом.
Той, что мастеру дала
Землю и свободу.

Между ст. 124 и 125

Нет, вовек на этом свете
От любимого труда
Весел так, душою светел
Не был мастер никогда!

Вместо ст. 136—139

Получилось — не иначе,
Получилось так точь-в-точь,
Что стоит старик и плачет.
А — старик. Невеста дочь.

Разве дело! Но едва ли
Ленин видел — вышел он.
А потом за стол позвали
Печника. Ну — сон и сон!

Между ст. 164—165

И до самого крылечка —
Всё в глазах — пока бежал,—
Как пылает в Горках печка,
Как мигает крупный жар...

ИСт 1958. Ст. 29—32

Мол, известно из науки,
Для чего растет трава,
И гулять по ней от скуки —
Вам не прежние права.

Между ст. 48 и 49

Всё вздыхал, кряхтел, чесался,
Ну да что ж, пройдет авось.
Снова встретиться боялся,
Только встретиться пришлось.

Ст. 81

Он. В пальтишке. Дышит паром.

Ст. 83

Проходи, знакомец старый,—

127

Зн, 1940, № 6-7. Вместо ст. 12

Прислушивался. Щелкнет сук,

Сорвется с ветки снег давнишний,
Простонет дерево во сне,—
Казалось, так же это слышно
И там, на вражьей стороне...

Бойцы в шинелях обгорелых
Лежали, полы подобрав,
И командиры то и дело
Заглядывали под рукав.

И вот последняя минута
Накрыта стрелкой часовой.
И вдруг — из-под земли как будто —
Толчок глухой.

Между ст. 32 и 33

Бегом, броском, ползком, где надо,
Чтоб поскорей врага достать,
Чтоб на хвосте своих снарядов
К нему ворваться, жизни дать.

Между ст. 40 и 41

Гранат короткие разрывы.
Атака!
Сшиблись налегке.
И как-то странно, сиротливо
— Ура-а! — неслося вдалеке.

Ст. 45—49

И те, и те — служили свято,
Был ко всему любой готов.
Обыкновенные ребята
Из наших сел и городов.

За ними вслед катилась лавой

129

Изв, 1941, 1 января. После ст. 24

И то сказать: юнцы, ребята,
Двадцатый год — рожденья год.
Но посмотреть на неженатый,
На этот стриженый народ —

Как все у нас расти спешили!
Вот были дети, вот — бойцы.
Идут, воюют, как большие,
Как воевали их отцы.

Идут по тем снегам суровым,
Где сто и двести лет назад
Еще с ружьем своим кремневым
Наш русский проходил солдат.

И, говоря о предков славе,
В огне войны, в снегах зимы,

Они, юнцы, подумать вправе
И вслух сказать: «Чем хуже мы!»

133

«На страже Родины», 1940, 30 ноября. 1-я редакция

Героям Советского Союза
тт. Д. Диденко, А. Крысюку,
Е. Кривому

Из-под гусениц трубой
Серый снег завьется круто...
В сталь одетый и обутый,
Страшен танк, идущий в бой.
Грузный, с грохотом несется,
В снежной кутаясь пыли,
Приседая, в гору рвется,
Вот еще, еще качнется —
Оторвется от земли.
В грудах рваного бетона
Путь прокладывает свой...
Тяжкий, вздыбленный с разгона,
Страшен танк, идущий в бой.
А за той за бронестенкой,—
Каждый с виду паренек,—
Командир сидит Диденко,
Да водитель, да стрелок.
В бой, в огонь ведут машину
Трое парней молодых,
Трое хлопцев с Украины,
Трое воинов простых.
Мимо их висков вихрастых,
Мимо их мальчишьих глаз
Смерть в боях свистела часто —
И минет ли в этот раз?
А спросить: «Ну, как, ребята?» —
Скажет каждый из друзей:
«Что ж, бывает страшновато,
Да врагу сто раз страшней».

145

Избр 1946

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухой, дремучею травою,
Уставшей думать о косе.
И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки.
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки.
Но каждый кустик придорожный
И лес недвижный в стороне —
Безлюдьем, скрытностью тревожной
Напоминали о войне...

В тоскливой, тягостной тревоге,
Не зная часа и числа,

Он ждал, бродил, держась дороги,—
Дорога скажет, как дела.

И он с отрадою глубокой
Вздохнул и вздрогнул: началось! —
Когда пошли по ней потоком
На запад тысячи колес.
Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля клубилась и дрожала
И пылью присыпала кровь.

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета
В полдня докатится сюда.

Она рванется в глубь России,
Столкнув с дорог ее войска...
Он верил той немецкой силе,
Он ей служил наверняка.

День подождать — такая малость,
Затишно, сухо и тепло.
Но не сиделось, не лежалось
Ему в кустах. Его трясло.
И отчего-то — неизвестно —
В кустах июльским этим днем
Он с места на другое место
Переползал, как под огнем.
И, слухом шум ловя дорожный,
Решил он, — из чего — бог весть,—
Что, может быть, уже надежней
Скрываться на людях, чем здесь.

Ремень оправив и пилотку,
К шоссе он вышел наугад,
Свою опробовать походку,
Свой голос, взгляд и свой мандат...
Но выйдя к людям из безлюдья,
По правой бровке, стороной,
Он шел, дыша неполной грудью,
Шел слишком ровно, как хмельной.
И, подгоняемый опаской,
Он трудный свой тянул урок,
Покуда пыль ему, как маска,
Горячих не закрыла щек.

На лбу, размазанная с потом,
Легла с каемкою чудной.
Взглянуть мельком — подумать: вот он
Идет-бредет Иван родной...

Бензина, масел жаркий запах,
Дымок от кухни полевой.

Войска, войска текут на запад,
Туда, туда к передовой.
И с беглой зоркостью крестьянской
Отметил он и принял в счет
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход.

И на шоссе порядок чинный,
И взгляд случайного лица,
И честь отдавшего картинно
Регулировщика-бойца.

Но, перейдя наш пост контрольный
С нехитрой грамотой своей,
За поворотом он невольно
Пошел быстрей, быстрей, быстрей.

Не зная сам — к добру ли, к худу —
Он в рожь метнулся и залег,
Почти не веря, что оттуда
По доброй воле выйти мог.
И весь в поту, в пыли дорожной,
Жарой и страхом изнурен,
Он вникнул в тяжкий и тревожный,
Сухой, какой-то пыльный сон.

Простыв под вечер, он проснулся,
Свежело всё к большой росе.
Переобулся, отряхнулся
И вновь подался на шоссе.

И фронта вестница живая,
Вмещая год в короткий час,
Уже дорога фронтовая
Оттуда свой несла рассказ.
Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда порой боец не всякий
До места доползал живым;
Оттуда пыль и гарь на каске
Привез парнишка молодой,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, пред собой;
Оттуда лица были строже,
Но день иной и год иной —
И было вовсе непохоже,
Что немцы вот уж за горой...
Волна густой прохлады росной
Шла вдоль дороги от реки.
Темнело. Вспышек папиросных
Уже мелькали огоньки.
И, смутной занятый тоскою,
О прожитом гадая дне,

Он на ночь врылся с головою
В забытой летошней копне.
Один в ночи, во всей вселенной,
Опять ушел в тяжелый сон...

И утром рано первых пленных
На том шоссе увидел он.

Они брели неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Брели с поспешностью покорной,
Кто как шагая вразнобой.
Гуртом сбиваясь к середине,
Спешили дальше от войны.
Колени, локти были в глине
И лица грязные бледны.
И было всё обыкновенно
На той дороге фронтовой.
И охранял колонну пленных
В обмотках съехавших конвой...

Он усмехнулся: «Эх вы, фрицы!» —
И сплюнул, и махнул рукой,
Готовый с кем-то поделиться
Своим презреньем и тоской.

И вдруг с отчетливостью ясной
Представил он, подумал так,
Что ждал и будет ждать напрасно
И что дела его — табак...
И одному в пустынном поле
Та мысль ему была горька
До слез в глазах, до страшной боли,
А жизнь желанна и близка.

Всё было памяти знакомо:
И этот теплый запах ржи,
И затененной почвы комья,
И травянистый след межи,
И клевер с белою головкой,
Пахучий, как пчелиный сот,
И божья малая коровка,
Что по соломинке ползет...
И безнадежная усталость
Брала над ним глухую власть.
Уже не жить — прилечь осталось,
Уснуть до окрика: «Вылазь!»
А кто-то воду пил из фляги
И отдувался: хороша!
А кто-то ждал, пока бумаги
Его проверят не спеша.
А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,

Зубами белыми блестя.
А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

А третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Нежатой рожью и травою,
Уставшей думать о косе...

148

Кр, 1944, № 1. Ст. 25—44

Он, безутешный, мог брести,
Тех, что прошли, сменяя,
И думать:
— Родина, прости,
Страдалица родная!

Прости. Когда-нибудь пойми,
Как горько было сыну
Тебя, как беженку в пути,
На большаке покинуть...

И, может, многие сыны
Уже сказали это.
Но время шло, и для войны
Недоставало лета.

И кто из пламени бежал
Вчера, назад не глядя,
Вдруг начинал тушить пожар
Не для отваги ради.

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже, как день рабочий.

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.
И силу тут нашла Москва
Чужой ответить силе.

Ст. 73—76

На пепелищах городов,
У деревень сожженных
Встречали матери сынов,
Мужей встречали жены.

Ст. 77—80

И на родной своей земле
Не всяк герой похода
Надежной вестью о семье
Согрет был за два года.

Но праздник жданный величав,
Идет, гремит по свету.
Огонь врага огнем поправ,
Идет Страна Советов.

Сильна в труде, грозна в бою,
Во имя Человека,
Вступила Родина в свою
Вторую четверть века.

150

ФХ. После ст. 16

Он не спешит уже домой,
Солдат, надеждой нищ.
Он грелся летом и зимой
У стольких пепелищ.
И дела не было ему,
Гадать не стало б сил,
Кто в том иль этом жил дому,
В саду траву косил.
И кто, собравшись на войну,
В ней ка́нул — где бог весть,
И чью жену с детьми одну
Война застигла здесь...

172

ВТ 1942 Загл. Перед ст. 1

О ВОЙНЕ

После боя

— Банка шпротов! Мы им честь
Должную окажем.
Как и с чем их нужно есть,
Мы сейчас покажем.

Потерпи? С утра терплю.
Хлеба нет? Ну что же —
Я без хлеба их люблю,
С сухарями тоже.

Посмотрите вы, каков
Ужин наш трофейный.
Разрешите пару слов,
Вовсе не шутейных.

Не гадал, не думал фриц,
Чтобы эта банка
Вдруг могла из-за границ
К нам попасть в землянку.

Что ж, корысть невелика,
Рассуждая здраво,

Да в придачу есть река
Вместе с переправой.
Наша, кровная она,
С самого верховья,
С кровью немцу отдана,
Нынче взята с кровью.

ПОЕДИНОК

Зн, 1942, № 10. Перед ст. 1

Ночь. Идут в разведку двое.
Светит снег, а всё ж темно.
Охраненье боевое
Позади уже давно.

На пожарищах деревни,
На земле торчат ничьей
Обгорелые деревья
У обрушенных печей.

За пустынным, странным тыном,
За какой-нибудь стеной —
Ни собаки, ни скотины,
Ни одной души живой.

Хлопнул выстрел близко где-то,
Поднялась, пошла ракета,
Освещая всё вокруг.
Пулемет!
— Ползком, Савчук...

Снова снег мерцает синий.
Стихло всё.
— Ты что, Савчук?
— Теркин, друг, лежу на мине...
Вася, милый, мне — каюк!

Теркин — к другу. Сам встревожен.
— Эх, товарищ боевой,
Что со смерти слезть не может,
А лежит на ней живой.

Отвались тихонько набок.
Слышишь, что ли? Дай помочь.
Что, ты думал — это баба,
Прогревать решил всю ночь? —

И с мальчишеской отвагой
Руку — в снег:
— Позволь-ка я... —
Будто рака под корягой
Достает: а вдруг змея.

Откопал, глядит на свет.
Капсюль — вон. И мины нет.
Подползли к кустам, к оврагу,
Вот уж проволока видна.

Стали будто бы на тягу,
И ни шагу до видна.

Просидели ночь в овраге,
Ночь не жаркая была.
Раза два из общей фляги
Потянули для тепла.

Втихомолку закусили,
Закурить бы,— так побудь.
Ночь прошла. Вздохнул Василий,
И ни с чем в обратный путь.

Не с великою отвагой
Подползал Савчук к оврагу,
Но зато в обратный путь
Не пришлось его тянуть.

Как-то вовсе и не страшно
По следам ползти вчерашним,
Где, казалось, каждый шаг,
Вдох и выдох слышит враг.

Да, товарищи родные,
Правду молвить долг велит:
Кто в разведку шел впервые,
Испытал и страх, и стыд.

Испытал тоску и жалость
По себе. И песью дрожь.
Так вот прямо ты, казалось,
В клешни, тепленький, идешь.

А бывалые ребята
Не боятся тех клешней.
Пусть тебе и страшновато,
Да врагу сто раз страшней.

Ты врагу за каждой веткой
Ночью мнишься невпопад.
Ты один и спишь в разведке,
А зато там все не спят.

И не зря, свой выдав трепет,
В небо враг ракеты лепит,
Гонит пули в белый свет.
Ты здесь был. Тебя тут нет.

Ты ушел, богат удачей,
Не найти в ночи следа.
Правда, может и иначе
Получиться, как когда...

На знакомые задворки
Вышли Теркин и Савчук,
Вскинув разом автоматы
В снег ребята пали вдруг.

Немец шел, пригнувшись низко,
Белый, шел навстречу сам.
Видно, тоже ночью рыскал,—
Мы к нему, он в гости к нам.

Под бойцами — снег горячий:
Взять «язык» была задача.
Вот «язык»! Да хоть хорош,
Только вряд ли доведешь.

Вряд ли целого осилишь.
Вот он мимо них шагнул.
И товарища Василий
Тихо под локоть толкнул.

Ни стрельбы нельзя, ни крика —
Обхватить, свалить назад.
Силы был Савчук великой,
Для того и в дело взят.

Смотрит Теркин: что ж он, Ваня?
Покачнулся, сбит, повален,
Кувыркнулся, как мешок,
Лишь вспорхнул за ним снежок.

И лежит Иван, как мертвый,
В снег уткнулась голова.
И один вцепился Теркин
Немцу в оба рукава.

Двое дальних, неизвестных,
Порознь выросших людей,
Незнакомых, бессловесных,
Каждый с жизнью всей своей —

На пустынном том задворке,
На утоптанном снегу
Были — да! — и тот, и Теркин —
Зверю — зверь и враг — врагу.

После ст. 66

Ах ты, племя нелюдское,
Ну, чеснок — куда ни шло;
Нет, так мясо жрешь сырое,
Чтоб до баб тебя звало.

После ст. 178

Только видит, немец ожил
И пополз к себе домой.
Видит, видит, а не может
Встать хотя бы Теркин мой.

Вот он, немец, оглянулся.
Ни души иной вокруг.

Уползет! Но тут очнулся
На снегу Иван Савчук.

Поглядел — плетень, деревня,
И кругом натоптан снег...
Не поймет, как та царевна,
Что проспала целый век,—
В чем тут дело, что такое?

— Теркин, где мы?
— Тут пока.—
Теркин левою рукою
Показал на след врага:

— Упустил живую силу.
— Ах ты пропасть...
— Язва с ним!
А зато какой красивый
Он заявится к своим.—

Сам чуть жив, кровавой коркой
Щеки, губы, нос покрыт,
Через боль хохочет Теркин,
Что у немца тот же вид.

А Савчук:
— Однако жалко.
Упустили. Вот дела!
И опять же — зажигалка
У него небось была!—

Видит Теркин, в норме парень.
Говорит:
— Прошу учесть,
У него часов по паре,
Да каких! Вот здесь и здесь.

Тут Савчук насупил брови
И на звезды свежей крови
Покосился, хмурый, злой...
Раз! — и валенки долой.

Напрямик как даст вдогонку!
Может, слышал, может, нет:
— Только бей, Савчук, тихонько,—
Крикнул слабо Теркин вслед.

Вот минута, две минуты,
Три минуты, пять минут,—
Разувался не для шуток,—
Шесть минут —
И парень тут...

Босиком — добро, закалка.
— Ну, Савчук, не так ты прост,
Если вместе с зажигалкой
Немца заживо принес...

ОТ АВТОРА

Кр. 1943,
№ 1.
Ст. 44—108

Сказка-быль о женах, семьях,
Об огнях столиц и сел,
О родных советских землях,
По которым враг прошел.

О какой-нибудь Колодне,
Нынче спаленной дотла.
О гулянке средь села.
О реке, что там текла.
О судьбе, что в гору шла.
О той жизни, что была,
За которую сегодня
Жизнь отдай, хоть как мила.

Вот что нам всего дороже,
Вот за что и в бой идешь.
Вот чем сердце растревожить
Мог бы каждому...
Ну что ж!
Что ж еще? И всё, пожалуй.
Та же книга про бойца —
Без начала, без конца.
Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкою иной.

— Пушки к бою едут задом —
Это сказано не мной.

ГЕНЕРАЛ

Кр. 1943,
№ 2.
Ст. 204—211

Хоть веселый, хоть угрюмый,
На людях, наедине,
А пожалуй, и во сне
Думал он, а что он думал,
Он докладывал не мне.

Много может быть догадок,
А не знаешь — что ж гадать.
Скажем: помощь Сталинграду
Под Сычевкой думал дать...

— Ты по карте мало-мальски
Разбираешься? Так вот...—

Карандашик генеральский
За собой бойца ведет.

Обернулось так-то ловко,
Теркин, дело за тобой:
Получай командировку
В край родной смоленский свой.

Теркин знает всё, что надо.
Наведен на ясный след.
— Доберешься в штаб отряда;
Командир — товарищ Дед...

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно,—
Словно мастер кой о чем.

Кр, 1943, № 3. Загл. Перед ст. 1

О СЕБЕ

День в лесу

В глубине тылов немецких,
От Днепра верстах в пяти,
Русский, смешанный, простецкий
Лес пришелся по пути.

Между ст. 16 и 17

Лес — как лес.
Ольха, орешник,
Дуб, сосна, береза, ель.
И с веселой силой вешней
Всё заплевший дикий хмель.

Вместо ст. 53—68

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши.

Вспомнить разом, что придется:
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой.

Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Детства день, до гроба милый,
Край родной, что сердцу свят.
Как легко всё это было
Взять и вспомнить год назад.

Кр. 1943, № 3. После гл. «День в лесу» («О себе»)

РАССКАЗ ПАРТИЗАНА

— Скольких вас, про то не буду,
Проводил я на восток.
Первый ты идешь оттуда,
Вот и дожил я, сынок.
Поздороваемся, ну-ко...

Взяв под мышку дробовик,
Подошел к бойцу и руку
Протянул ему старик.

— Вот и радость, вот и жалость,—
Всхлипнул дед,— дождался я.
А старуха не дождалась,
Тимофеевна моя.
Вот и нет моей подружки,
Шутка ль, вместе сорок лет...

Жалко, видишь ли, телушки
Стало ей,— добавил дед.

Старина, как на картинках,
Седина, да свеж с лица.
В голубых глазах, в морщинках —
И печаль, и хитреца.

Рябью тень лежит от веток,
В чаще трав кует коваль.
— Немцев, милый, близко нету,
Это — наша магистраль.
Кто тут я? Чего же проще:
Проверяю вот, слежу...
— Ах, вот так! Регулировщик? —
Дед не понял:
— Не скажу...

Сели. Ладится беседа.
Обняв дуло ружьеца,
Вот что дед бойцу поведал,
Слово в слово до конца.

— А и то подумать, милый,
А и так понять, сынок:
Ведь она ее кормила,
Берегла, растила впрок.
И забота ей в охоту
С телкой той. Была она
За усердную работу
От колхоза ей дана.
Дескать, вот тебе на племя,
Сберегай, обзаводись.
А теперь приходит немец
И свою имеет мысль.
«В ряд с немецкою полушкой
Твоему не встать рублю.
Матка, матка, дай телушку,
Я телятину люблю».

В глупой, жалостной надежде
Баба с просьбой к подлецу:
«Вы телушку, мол, не режьте,
А зарежьте вы овцу».
Плачет баба, топит печку,
Немца жалость не берет.
Правду скажем, что овечку
Он зарезал наперед.
Учинил себе пирушку,
Съел зараз бараний бок.
А потом уже телушку
На корыто поволок.
И опять у них жаркое,
Трое немцев за столом.
Даже в горе нет покоя
Со старухой нам вдвоем.
И в своем дому нам тесно,
Не уйти от ихних глаз.
Вдруг как станет интересно
Им спьяна глядеть на нас.
Поглядят, перемигнутся,—
Их, мол, праздник и престол.
Вдруг как прыснут, аж погнутся,
Аж повалятся на стол.
Пожуют, чего-то скажут,
Выпьют, снова пожуют,
Снова с хохоту поляжут —
Кто на скатерть, кто под кут.
И вовек такого смеха
Я не видел у людей.
Тот под стол нарочно съехал,
Чтоб еще ему смешней.
Тот в подливку локоть мочит,
Тот уж строит что невесть:
Вынул зеркальце, хохочет
И глядит, какой он есть.
Наше горе — им игрушки,
Веселей идет обед.

Ни овечки, ни телушки
У старушки, дескать, нет.
Хохот, грохот. Вскоре гости
Вовсе память перешли.
Со стола кидать нам кости
Норовят. Хватай с земли.
Как последняя собака
Человек в своей избе.
И не выдержал, заплакал,
Признаюсь, сынок, тебе.
Что ж тут есть на белом свете?
Как же быть? Куда бежать?
Где ж покинули вы, дети,
Старика, родную мать?
Или вы уж так далече,
Что кричать напрасно вслед?
Или бить его уж нечем —
Войска нет, силенки нет?
И уже пройдет граница
Поперек родной Руси?
И уже, как говорится,
Только милости проси?
И уже навеки, глухо
Припечатана печать.
А старуха... Ах, старуха,
Может, лучше б ей смолчать,
Вдруг и встала...
                                Не иначе
Не под силу боль пришлась:
Как сижу, хозяин, плачу —
Увидала в первый раз.
Или, может быть, подружке,
Тимофеевне моей,
Так уж стало жаль телушки,
Как бывает жаль детей.
Или, может, стало плохо,
Что топила жарко печь,—
Вдруг немецкий этот хохот
У старухи вызвал речь.
У простой моей старухи,
Что весь век жила за мной,
Поднялися с дрожью руки
Над седою головой.
Слов тех много или мало,
Суть одна и смерть одна.
— Будьте прокляты,— сказала,—
Ни покрышки вам, ни дна...

Отдалось в мозгах их пьяных
Бабье слово трезвое.
За столом их смех поганый,
Как ножом, отрезало.
И сидят в дыму табачном,
Блеск идет от красных лиц.

А старухе уж не страшно.
— Врешь,— кричит,— подохнешь, фриц!..

При словах последних этих,—
Всё как будто бы во сне,—
Вынул немец пистолетик,
Отвалясь спиной к стене.
Погрозился б, так не диво,
Но меня, чуть вспомню,— в пот,
Как он целился лениво
И кривил от дыма рот.
На особую заметку
В память я навеки взял,
Что в зубах он сигаретку
В тот момент свою держал...
Не ослабла та пружинка,
Не подвел немецкий бой,
Не поспел и я, мужчинка,
Заслонить жену собой...
Отошла она без страху,
Довелось в своей избе,
А смеретную рубаху
Уж носила на себе.
Всё тянулась пить из кружки,
И как мог сказать язык,
— Вот,— промолвила,— телушки
Не дождались мы, старик...

И такая боль и жалость
У меня, как вспомню я.
Ничего ты не дождалась,
Тимофеевна моя...

Вот и нет моей подружки,
Шутка ль, вместе сорок лет.
Жалко, видишь ли, телушки
Было ей,— закончил дед.

Молча, бережно и жадно
Слушал старого боец.
И вздохнул, и только:
— Ладно,
Ладно,— молвил под конец.

Но не будь он службой связан,
Не блюди солдатский долг,
Он бы, может, с тем рассказом
Воротился тотчас в полк.
От начальства до другого,
Как положено в строю,
Он пошел бы.
— Дайте слово,
Дайте речь сказать мою.

Он бы влез на танк, на пушку,
Чтобы всем издалека,
Всей дивизии в окружку
Слышно было.
А пока:
— Ладно, дед. За ту телушку
Мы возьмем еще быка.

О ЛЮБВИ

Кр, 1943, № 8. Между ст. 16 и 17

С губ шершавых не сойдет,
Сердцем не утрачен,
Поцелуй последний тот
Губ, от слез горячих.
Бедных тех, родимых губ,
Слабых и печальных,
Как он памятен и люб,
Поцелуй прощальный.
В трудный час, в веселый час,
Пред бедой любою —
Он у каждого из нас
При себе, с собою.

Между ст. 62 и 63

Недосып и недоед —
Всё, брат, ей знакомо.
На посту им смены нет —
Тем, что нынче дома.

Вместо ст. 71—94

Только б цел ты. Не беда,
Если даже ранен.
Всё равно ты ей всегда
Дорог и желанен.

Да, друзья, любовь жены,
Что придет в конверте,
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней
Мы б смогли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

На обычном языке
Это означает,
Что иные вдалеке
Жены не скучают.

НА ДНЕПРЕ

Кр, 1944, № 7. Загл.

Отчий дом

Между ст. 28 и 29

Здравствуй, садик в дымке росной,
Стежка детская в траве
И подсолнух малорослый
За плетнем в сухой листве.

Здравствуй, за полдень угретый
Дворик в солнечной пыли,
Мирный запах теплой репы,
Жирной темной конопли...

Ст. 50—52

На привале и во сне,
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне.

Между ст. 56—57

И за первой переправой
В укрепленной полосе
Дом родной остался вправо
От Варшавского шоссе.

Между ст. 68 и 69

На объездах третью скорость
Запускали шофера —
Только гнулся свежий хворост —
Выезжали на ура.

С тяжкой, медленною дрожью
Пушки шли по бездорожью —
Там, где трактор не берет,
Два не тянут — там народ...

И над жаркой тучей пыли,
Крывшей травы и хлеба,
Над дорогой бомбы выли,
Горизонтом шла пальба.

От пожара до пожара
По земле ступал огонь,
И земля, дрожа, дышала,
Как упавший с ходу конь...

Вместо ст. 89—218

Но теперь в бою ль, на марше,
Иль на травке, где привал,
Командир и воин старший
В шутки эти не встревал.
Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей,
За спиной его дорога
Во сто раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек.
Просто — больше знал и видел,
Потерял и уберег.

Шел вперед Василий Теркин,
День и ночь спешил на Днепр,
Оставляя для уборки
За собою пыльный хлеб.

До сих пор судьбой хранимый,
Шел герой из боя в бой,
Край родимый, край любимый
Оставляя за собой.

Дом, березку со скворешней,
Коль судить по старине,
И уже он был нездешний,
Был, как всюду, на войне.

— Мать-земля моя родная,
Год иной, пора иная,
Отчий край, свободный край,
Здравствуй вновь и вновь прощай.

Не в плену тебя жестоком
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.

И по той дороге бранной
Он идет, глядит вокруг,
Уголок земли сохранный
Редко где встречая вдруг...

Пыль, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон,
Бедных беженцев тележки,
Стоном стон — из горла вон!

Хватит, кажется? Довольно?
Сыт, земляк, душа полна:
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война.

Нет, еще в краю родимом
Надышись тем горьким дымом.
Злей не будешь? Зол и так?
Будешь, будешь злей, земляк.

Потому, земляк, быть может,
Что и в горестной судьбе
Отчий край еще дороже
И еще больней тебе...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Ты осталась позади,
Ты у воина в груди.

Не твоя ль еще травинка
За шнурком его ботинка
С ним попала в Беларусь.

Прощай, Ельня, прощай, Глинка,
Жив останусь — ворочусь.

Минул срок годины горькой,
Не воротится назад...

Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь, что ли...
— Виноват...

НА ДНЕПРЕ

Кр, 1944, № 8. Перед ст. 1

Я свежо доныне помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром.

Как он, грозный и могучий
Старый Днепр, средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

Как, блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Как мне жутко и высоко
Стало, хлопцу, на возу.

Как отец неторопливо
Заложил в колеса кол
И, обняв коня, с обрыва
Вниз, к воде тихонько свел.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом.
И под говор мокрых бревен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли.
И недвижные колеса,
Воз и я — пошли, пошли...

С той поры минули годы,
И в грозе, в беде лютой,
В скорбный, страшный час исхода
Я увидел Днепр седой.

Уходил и я тем летом
От любимых берегов
На восток. Но что об этом,
Время, время о другом.

Сердце вправе петь о славе,
Об иной большой поре:
О Днепровской переправе,
О победе на Днепре.

Но, по правде, слов нехватка,
Робок дух, строка узка
Грянуть песнь про эту схватку,
Что вошла уже в века.

Между ст. 131 и 132

И еще не настоящим
Берег чудился родной,
Чем-то странным и щемящим,
Новизной и стариной.

И над каждою душою,
Сколько душ имеет взвод,—
Что-то самое большое,
Что свершилось в свой черед.

— Тут бы, братцы... Тут бы знамя
Развернуть — гляди весь мир:
Наступаем, Днепр за нами,
А, товарищ командир?..

— Погоди, маленько рано,—
Не сказал, подумал тот.
Знамя сзади под охраной
В полковых тылах идет.

И огнем, бомбежкой злою
Нынче, может быть, вот-вот
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод...

Между ст. 148 и 149

И уже ворота, доски
Унесла река с собой.
И уже большой, громоздкий
Грохотал днепровский бой.

Над водой и берегами,
Без разбору, наугад
Мины, бомбы помогали
Мостовой стелить накат.

Вместо ст. 163—195

Переправа, переправа!
Позади уже она.
Берег левый, берег правый —
Всё равно, земля одна.

Вот на правом взводный Теркин
Отряхнулся, вытер пот.
Что такое, гутен-морген,—
Немец на берег ползет.

Поднялся в собачьей тряске,
Не понять, каких чинов,
Босиком, в сорочке, в каске
И в натуре — без штанов.

— Сытый, черт! Чистопородный!
— Что с ним чикаться? В расход!
— Нет, зачем же? — молвил взводный.
Пусть уж будет на развод...

Был бы в трусиках хотя бы...
— Топай! Тоже мне, пловец...

И повел его до штаба
В руку раненный боец.

Топал фриц в сорочке белой
И на весь передний край
Столько хохоту наделал —
Хоть билеты продавай.

— С переправы?
— С переправы,
Только-только из Днепра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара.

И простое развлеченье
Принимал в дороге всяк,
Словно доброе знаменье.
Да оно и было так...

173

ГОЛОШЕНЬЕ

КП, 1943, 2 декабря. Вместо гл. I

Из века в век, из рода в род,
Из дальней старины
В крови у женщины живет
Чутье беды — войны.

И это давнее чутье
Ей камнем давит грудь,
Когда она тебе белье
В любой сбирает путь.

Тому чутью ни слов, ни слез
Невдосталь в час войны.
И голошеньем разнеслось
Оно в полях страны.

Кто речь держал, кто пил в запас,
Кто песню пел не в лад.
А бабы выли в этот час,
Как много лет назад.

И провожали мужиков —
Покуда те в виду,
И за борта грузовиков
Хватались на ходу.

И в жаркой билися пыли,
Дружны в беде одной,
Потом, утихнув, порознь шли,
Забрав детей, домой.

Варить обед, рубашку шить
И в горе день за днем
Не плакать — нужно было жить
И думать о живом.
Терпеть и ждать, справлять сполна
Обычные дела...

А за полтыщи верст война
Взаправдашная шла.
И смертный бой неровен был
В угарной, знойной мгле.
И нашей пылью враг пылил,
По нашей шел земле.

И были той земли сырой
Края обожжены.
И кто-то первый был герой
И мученик войны.

В крови, в пыли шептал без сил,
Уже стонать не мог,
Уже не жить — попить просил —
Воды один глоток...

Бежал народ из городов,
Из сел и деревень.
И горем сирот, горем вдов
Уже был полон день.

Был полон день, потом был год,
Другой... И лучше нас
Об этом бабы наперед
В тот первый знали час.

ГЛАВА 4

Ст. 23—30 В тот первый день из горьких дней,
Семью и дом кидая,
Велел отец беречь детей,
О прочем не гадая.

Велел отец детей беречь,—
Всего дороже дети,—

177

РП, 1946, 14 апреля. Между ст. 52 и 53

Мы что кочка, что камень,
Даже глуше, темней.
Наша вечная память,—
Кто завидует ей?

Нашим прахом по праву
Овладел чернозем,—
Наша вечная слава —
Невеселый резон.

189

НМ, 1950, № 6. Между ст. 44 и 45

Наш гордый подвиг в дни войны,
Живых и павших братьев слава,
И всё, в чем мы воплощены,—
На мир святое наше право.

Могучей сталинской семье,
Нам враг — кто б ни был он — не страшен.
Гвардейцы мира на земле,
У мира мы стоим на страже.

191

СЗК 1961. Между ст. 8 и 9

Ведь он и жизнь свою отдал затем,
Чтоб нас с тобою сохранить для счастья,
Чтоб нашим детям, чтобы людям всем
Оно, как двери, растворилось настежь...

209

СЗК 1961. Между ст. 12 и 13

И вам, живущим ныне людям,
Не оставаться без родни:
Все с нами те, кого мы любим,
Мы не одни, как и они.

217

Пр, 1957, 24 ноября. Между ст. 8 и 9

Не те, что знаменьем зловещим
Вдруг прочертили б эту высь...
И нам недаром рукоплещет
На белом свете даль и близь.

232

СС4, т. 1. Ст. 224

И дань души своей влюбленной
Несут Байкалу с давних лет
Рыбак и труженик-ученый,
И живописец, и поэт.

Недаром так любим в народе
Рожденный духом этих скал
Раздольный, русский гимн свободе:
«Славное море
Священный Байкал...»

240

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

ЛГ, 1951, 21 июня. Вместо ст. 37—40

Еще мне в радость новоселье
С дорожным светом и теплом.
И этот дым пурги весенней,
Бегущий мимо за стеклом.

Еще знакомые поселки,
Платформы, будки, арки, елки
Мне без себя покинуть жаль.
Еще мне хватит этой полки,
Еще такая даль до Волги,
А там еще другая даль,

Между ст. 50 и 51

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном,—
Степная мякоть чернозема
И степь в полсвета за окном.

Ст. 72—73

На Спасской башне полночь бьет.
Отраден сон под мирным кровом,

Ст. 75

Встает, как зарево, багровый.

Между ст. 83 и 84

Близка, видна из дымной мглы
Броня бортов и башен серых.
— Огонь, огонь! —
ревут стволы,
Чтоб защитить от моря берег.

Под небом огненным приют,
В горах скитаясь, ищут семьи.
— Огонь, огонь!—
зенитки бьют,
Чтоб защитить от неба землю.

Разор и плен в родном краю
И смерть несут враги народу.
— Огонь, огонь!—
Народ в бою,
Чтоб защитить от них свободу.

Над каждой пядью всей земли
Их туча солнце бы затмила.
Они затем сюда пришли,
Чтоб «защитить» войну от мира,

Чтоб утвердить закон войны,
Ее знаменья сделать былью.
И щедро в дело введены
Войска, эскадры, эскадрильи.

Между ст. 95 и 96

Как нам ни памятна война,
Но в дни грозы, борьбы, страданья
Мы знали, чья была вина,
Мы называли имена,
Кого постигнет наказанье.

⟨СЕМЬ ТЫСЯЧ РЕК⟩

ЛГ, 1951, 21 июня. Ст. 1—2

...Еще сквозь сон под стук колес
Расслышал я на верхней полке,

Ст. 9—10

И дрожь минуты необычной
Нашла на всех сама собой,

Ст. 13

И мы стоим с соседом в паре,

Ст. 21—22

И долю лучшую друг другу
Мы уступаем у окна.

Вместо ст. 68—75

А что еще в ней видеть было:
Как встарь, из дальней стороны
Она текла, не торопила
Широкой медленной волны.

Текла привычно, величаво,
Свой древний совершая путь,
Своею завтрашнею славой
Не смущена еще ничуть.

И этой ширью многоводной,
С верховья вниз, как каждый год,
Еще и лед прошел свободно,
Не встретив запертых ворот...

Нет, провожая нас в дорогу,
Внушала издали она:
«Великих рек на свете много,
А я была и есть одна.

И званье — матушка — носила
В пути своем не век, не два,
Лишь я, да матушка-Россия,
Да с нами матушка-Москва.

И не напрасно за границей
В любой земле, в любой стране
Меня с державой и столицей
Клянут и славят наравне.

Моя судьба — моя награда,
В веках останется она,
Нетленной славой Сталинграда
На всей земле озарена.

Мой новый день начнется ныне,
Свершатся вещие слова:
Для мира в мире стать твердыней
Определила мне Москва.

Своим — своя, чужим — чужая,
Я службу гордую несу,
Грядущей славой мир венчая,
Его величье и красу,

Его незыблемую силу,
Его в столетьях торжество,
Его Москву,
Его Россию
И друга первого его».

СЕМЬ ТЫСЯЧ РЕК

Пр, 1953, 19 февраля. Между ст. 113 и 114

Недаром наш народ веками,
Невольный вздох тая в груди,
С ней тосковал об океане,
Куда ей не было пути.

И это чувство поколений,
И эту русскую нужду
Великий вождь Владимир Ленин
Меж прочих дел имел в виду.

И уходя от нас, оставил
Среди иных и тот завет,
Что в наши дни исполнил Сталин,
Защитник Волги в годы бед.

Ст. 122—125

И знают все на свете страны,
Все острова, материки:
Сроднились воды океана
И Волги-матушки реки.

ДВЕ КУЗНИЦЫ

Изв, 1952, 23 сентября. Ст. 138	Ту мощь брони незачехленной
Между ст. 144 и 145	Неторопливые ребята Там управлялися шутя, Болванку стали в три обхвата, Как гвоздь, под молотом вертя.
Вместо ст. 145—150	Урал! И ныне люд вагонный Среди своих бесед, забав, Когда добром его груженный, На встречной воздух рвет состав,—

ОГНИ СИБИРИ

Пр, 1955, 16 октября. Вместо ст. 34—70	И в той чащобе нерушимой Завалы целые добра. И ни тропы вблизи, ни дыма, Ни белой метки топора.
ЗДД, М., 1960. Вместо ст. 51—58	Хотя намного ближе стал С тех пор, как трассой проторенной Твой лес, твой уголь и металл Пошли на запад утепленный.
Ст. 60	С ее угрюмостью студеной —
Ст. 62	Так это песни, здесь рожденной.

С САМИМ СОБОЙ

ЗДД, М., 1960. Между ст. 8 и 9	Любитель дружеских признаний, Изустных повестей живых В дому, в пути, А то хоть в бане, Где место самое для них.
СС4, т. 3. Между ст. 48 и 49	Когда для нынешней задачи В годах запасся прожитых И не бедней, скорей богаче Друзей и сверстников иных.

ДРУГ ДЕТСТВА

Избр 1957. Между ст. 62 и 63	Что спорить, слава самолету,— Чудесный способ при нужде, Но путешествовать в охоту — Лишь по земле да по воде.
«Литературная Москва», [Сб. 1], М., 1956. Между ст. 153 и 154	Нет, ни к чему ребячья удаль, И слишком эта даль мала, Чтоб возместить собою убыль, Какую юность понесла.

МОСКВА В ПУТИ

Пр. 1956, 3 июня. Между ст. 9 и 10

И те же страсти втихомолку
И гласно вносятся сюда,
И как за комнату, за полку
Доходит дело до суда.

СтП2 1957, т. 2. Вместо ст. 45—52

Молодожены, что в вагоне,
Дичась соседей, день-другой
Держались точно в обороне,
Настороже, рука с рукой,

Между ст. 68 и 69

На самоличном попеченье,
В заботах службы и семьи,
Они на место назначенья
Спешат к себе — на край земли.

Между ст. 96 и 97

Москва теснее год от году,
Хоть чуру попросту проси.
В Москве людей, что мух до меду,
Со всей Руси и не Руси.

Между ст. 121 и 122

В любой ее далекий угол,
Где редкий гость она, Москва,
Где нелегко и вовсе туго
И задувает в рукава.

Вместо ст. 140—141

Где все уменья, все науки
В своем хозяева дому.
Где мне как раз и книги в руки,
А коль не мне — тогда кому?

Кому дела сподручней эти?
Настала очередь моя

Вместо ст. 190—201

И острым плечиком пожала —
Мол, знаешь сам: ответ не нов.
И все увидели: пожалуй,
Что тут довольно этих слов.

Что край земли — такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно, как известно,
Была любовь устремлена...

Ст. 206—207

Москва, что даль превозмогала
Двухпутной линией стальной.

Вместо ст. 242—243

И чуждо всё тебе и дико,
И с непокрытой головой
Ты, задыхаясь, с жалким криком
Готов пуститься за Москвой.

Догнать свой дальний, мягкий, спальный,
Цепляться мертвой хваткой рук.

Ст. 245

Тогда ты там, где нужно, друг.

Между ст. 249 и 250

Мы их узнали, полюбили,
В их милый дом вошли в пути.
Мы им ревниво пособили
Теперь с пожитками сойти.

НА АНГАРЕ

Пр, 1957, 8 сентября. Между ст. 59 и 60

Мол, ничего себе водичка.
— Что говорить,— как зверь, люта.
— Еще учесть, что перемычка
Напротив станции снята...
— Ого! Едва ль не в половину
Убавлен здесь напор воды.
— А то бы тут снимать картину...
— Еще бы!
— Прахом все труды...

Между ст. 69 и 70

Сквозь дебри в должном направленье
Пути проложат напрямик,
Сгустят людские поселенья,
Жилой расширив материк.

Между ст. 299 и 300

Казалось, в этом русле тесном
Той силой движима вода,
Что понесут краям окрестным
Иные русла — провода.

К КОНЦУ ДОРОГИ

НМ, 1960, № 5. Вместо ст. 19—70

Я начал песнь моей дороги
С того, как душу мне томил
Бессоньем сдавленной тревоги
Огромный наш немирный мир.

И тем обязан не Москве ли
И не Сибири ли опять
Весь белый свет — что в самом деле
Полегче стало в нем дышать;
Что неусыпной той угрозы
В нем поубавились права.
Да, это верные слова,
Что под оливы и березы
Желанный мир несет Москва...

Между ст. 215 и 216

Они как будто наших гуще,
Деревья эти и кусты,
Да не кусты, а как бы кущи
С картин старинной красоты.

ТАК ЭТО БЫЛО

НМ, 1960, № 5. Вместо ст. 135—136

Не та ли сила думы дальней
Нам указала в давний срок
Страны форпост индустриальный
Бесстрашно двинуть на восток,—
Не за чужим стоять припасом,
Свою в виду имея даль...

И прогремела грозным гласом
В годину битвы наша сталь.

И мы бы даром только стали
Мир уверять в иные дни,
Что имя Сталин —
Этой стали
И этой дали не сродни.

Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,

Между ст. 162 и 163

Москва высотная вставала,
Как некий странный павильон...

Между ст. 293 и 294

И отмечал везде с отрадой
Улыбки чаще у людей
И меньше горькой той надсады,
Что от больших очередей...

Между ст. 318 и 319

Народы, земли и державы,
Что все теперь — рукой подать,
Нам этой мирной нашей славы
Уже не могут не воздать.

Ст. 350

Когда умалчиванье — ложь...

Вместо ст. 352—354

Молчать невыгодно и тут,
Его к особому ответу
Назавтра вытребует суд.

«Ты что ж — ни оха и ни вздоха?
Робел, что, может, попадет?
Не лги, не та была эпоха,
И для тебя устав не тот.

Молчал и мнил еще, наверно,
Что ты всех прочих не глупей.
Что ты и есть помощник первый
Великой партии своей.

Нет, просто жил да был бесславно,
Привычки ради без тревог,
И получал притом исправно
По списку Музы свой паек».

ДО НОВОЙ ДАЛИ

НМ, 1960,
№ 5.
Между
ст. 109 и 110

Ты привести мой труд и отдых
К научной норме норовишь:
О вредных творчеству доходах
Моих в инстанции строчишь.

Иль вдруг, объятый жаром новым,
Ты поручаешь мне всерьез —
За чаем как-нибудь с Хрущевым
Продвинуть некий твой вопрос...

265

Пр, 1967,
23 января.
Между
ст. 8 и 9

Поверх шубенки той нагольной,

274

Пр, 1967,
23 января.
Вместо
ст. 6

Речь не о том, но всё же. Что же — всё же?
Не знаю. Только знаю, в дни войны
На жизнь и смерть у всех права равны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие А. Твардовского велико по объему. Чрезвычайная популярность его творчества обусловила огромное количество публикаций как в периодической печати, так и отдельными книгами. Первыми из книг были отдельные издания поэм «Путь к социализму» (М., 1931) и «Вступление» (Смоленск, 1932). За ними последовал «Сборник стихов (1930—1935)» (Смоленск, 1935). К наиболее значительным изданиям могут быть отнесены «Стихи» (М., 1937), «Сельская хроника» ([М.], 1939), «Смоленщина» (М., 1943), «Избранное» ([Смоленск], 1946), «Избранные стихотворения и поэмы» (М., 1947), вышедшие каждая тремя изданиями «Книга лирики» (М., 1949, 1962, 1967) и «Стихотворения и поэмы в 2-х томах» (М., 1951, 1954, 1957), «Послевоенные стихи» (М., 1952, 1953), «Стихи из записной книжки» (М., 1961), «Из лирики этих лет» (М., 1967) и «Стихотворения. Поэмы» (М., 1971, «Б-ка всемирной литературы») — последнее подготовленное самим автором издание; сюда относятся и много раз выходившие отдельные издания поэм, начиная со «Страны Муравии», и книги «Поэмы» (М., 1947, 1950, 1957), и, наконец, два Собрания сочинений — четырехтомное (М., 1959—1960) и пятитомное (М., 1966—1971). Посмертно, в 1976—1983 гг., было осуществлено издание шеститомного Собрания сочинений, являющееся до настоящего времени наиболее полным, впервые снабженное кратким биографическим и историко-литературным комментарием.

В настоящее издание включены избранные стихотворения и поэмы, в том числе образцы раннего творчества, мало известного читателю. Большое значение в изучении этого периода имеет публикация «Александр Твардовский. На пути к «Стране Муравии» (рабочие тетради поэта)». Вступ. статья А. М. Туркова, публикация М. И. Твардовской, примеч. Р. М. Романовой.— ЛН, М., 1983, т. 93. «Со «Страны Муравии»,— писал поэт в Автобиографии,—...я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора». Следуя этому принципу, он долгое время ничего из написанного за 1925—1932 гг. не включал в свои сборники, открывая важнейшие из них стихотворением 1933 г.— «Гость». Лишь в четырехтомнике появился раздел «Из ранних стихотворений», куда вошло восемнадцать произведений. В шеститомном Собрании сочинений число их увеличено до двадцати пяти. В настоящем издании количество ранних произведений доведено до сорока двух. Большинство из них собрано М. И. Твардовской в виде газетных и журнальных вырезок, частично просмотренных и исправленных автором. По свидетельству М. И. Твардовской, «после переезда из Смоленска в Москву он ни разу не просматривал этот архив. «Помнится, еще что-то было»,— говорил он, припоминая, если случалась надобность. И поэтому в сборниках его повторяются почти одни и те же юношеские стихи, тогда как

в архиве лежали равные по художественному уровню» (письмо в редакцию «Б-ки поэта» от 7 февраля 1985 г.).

При расположении текстов в настоящем издании учитывалось следующее обстоятельство. В части послевоенных изданий стихотворения объединялись в разделы: «Сельская хроника», «Фронтовая хроника», «Послевоенные стихи» и т. д. Однако в других изданиях, в том числе в книге «Стихотворения. Поэмы» (М., 1971), разделы отсутствуют. Впрочем, и в том и в другом случае автор, как правило, придерживался хронологического принципа. В общей хронологии расположились впоследствии и стихи, вначале публиковавшиеся в составе циклов (таких, как «Стихи о женщине», «Загорье», «Стихи из записной книжки»). О дальнейших замыслах в этом направлении можно судить по записи, которая обнаружена М. И. Твардовской в рабочей тетради при подготовке материалов к биографии Твардовского: «15 февраля 1968 г. Новое собр[ание] построить по принципу первого собрания: стихи вместе с поэмами, которым они сопутствуют или предваряют их, т. е.: 1. «Сельская хроника» и «Страна Муравия». 2. «Василий Теркин» и «Фронт[овая] хр[оника]». 3. «Дом у дороги» и «Послевоенные стихи». 4. «За далью — даль», «Теркин на том свете»+приложение об этих вещах. 5. Проза. 6. Критика». В архиве поэта хранится и более позднее свидетельство того, что он предполагал строить будущее собрание сочинений в строго хронологическом плане — «убрать все разделы и рубрики и давать материалы «вперемешку», в хронологической последовательности». Ввиду этого составитель настоящего издания счел возможным отказаться от разделов и принять хронологический принцип расположения всех жанров, включая поэмы, т. е. все они связаны с указанными разделами и хронологически, и тематически.

Чаще всего Твардовский впервые публиковал свои произведения на страницах периодической печати, а уже затем включал в сборники. При многочисленных переизданиях — и это является характерной чертой поэтической работы Твардовского — он неустанно продолжал работать над текстом, внося в него изменения, порой существенные, от смысловых и композиционных до интонационных и графических. Это обстоятельство определяет большой объем и сложность текстологического анализа. В настоящем издании впервые прослеживаются изменения текста по всем выявленным изданиям.

Основная часть рукописей поэта сосредоточена в его личном архиве, часть других находится в государственных хранилищах. Так, одна из допечатных редакций поэмы «Страна Муравия», с пометками А. М. Горького, хранится в архиве Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ), материалы к поэме «Василий Теркин» и авторизованные машинописные тексты нескольких стихотворений 1939—1940 гг.— в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) — рукопись главы «От автора» («По которой речке плыть...») и авторизованная машинопись гл. «Дед и баба» из поэмы «Василий Теркин». Архивные материалы максимально использованы составителем данной книги. Текстологическая и библиографическая часть работы осуществлена комментаторами преимущественно по печатным изданиям. Ссылки на рукописи произведений, находящихся в личном архиве Твардовского, даны по публикации в ЛН, М., 1983, т. 93, а также по шеститомному Собранию сочинений, в некоторых случаях (там, где не указаны эти издания) — по свидетельству М. И. Твардовской.

Произведения датируются в соответствии с датами в прижизненных

собраниях сочинений. Уточнения датировки по тем или иным документальным данным приводятся в примечаниях. Для стихотворений, не вошедших в собрания сочинений, за исходную дату принимается время первой публикации.

В примечаниях указываются: первая публикация произведения; последовательные ступени изменения текста (простые перепечатки не отмечаются); источник, по которому текст печатается и датируется. Источник текста вводится формулой «Печ. по...», что обозначает издание, в котором текст окончательно установился. В случаях, когда произведение печатается по первой публикации, источник текста особо не оговаривается. Если первая публикация была газетной, кроме нее указывается и первая книжная. Изменения заглавий и подзаголовков учитываются как варианты текста. Строфические и синтаксические изменения в расчет не принимаются, так же как и случаи явных опечаток. В скобках указаны издания, к которым автор возвращался как к одному из вариантов. После библиографической части следует историко-литературный комментарий.

В разделе «Другие редакции и варианты» приводятся лишь наиболее существенные изменения текста произведений, отобранные из числа печатных изданий. В этот раздел не включены рукописные варианты поэм «Страна Муравия» и «Василий Теркин», а также варианты, опубликованные — первые в «Литературном наследстве» (т. 93, М., 1983), вторые — в кн. «Василий Теркин. Книга про бойца» (М., 1976. Серия «Литературные памятники»).

Звездочка перед номером примечания означает, что к этому произведению в соответствующем разделе приведены другие редакции или варианты. Комментарии к стихотворениям под №№ 1—134 и 240—300 подготовлены Э. М. Шнейдерманом, к стихотворениям под №№ 135—239 — Л. Г. Чащиной.

Сокращения, принятые в примечаниях

Автобиография — А. Твардовский. Автобиография.— Собр. соч. в 5-ти т., т. 1, М., 1966, с. 5.
БМ — газета «Большевистская молодежь» (Смоленск).
БР — газета «Брянский рабочий».
В — А. Твардовский, Возмездие, М., 1945.
Воспоминания — Сб. «Воспоминания об А. Т. Твардовском», 2-е изд., М., 1982.
ВТ — «Василий Теркин», поэма, отдельные издания.
Д — А. Твардовский, Дорога, Стихи. 1934—1937, М., 1938.
ДН — журнал «Дружба народов».
ДП — сб. «День поэзии».
ДуД — «Дом у дороги», поэма, отдельные издания.
Заг — А. Твардовский, Загорье. Стихи, М., 1941.
загл.— заглавие.
Зв — журнал «Звезда».
ЗДД — «За далью — даль», поэма, отдельные издания.
ЗДД ИЛЭЛ — А. Твардовский, За далью — даль. Из лирики этих лет, М., 1970.
ЗДДС — А. Твардовский, За далью — даль. Стихи. 1945—1953, [М.], 1953.
Зн — журнал «Знамя».
Избр 1946 — А. Твардовский, Избранное, [Смоленск], 1946.
Избр 1950 — А. Твардовский, Избранное, М.— Л., 1950.

Избр 1957 — А. Твардовский, Избранное, М., 1957.
Избр Лир 1958 — А. Твардовский, Избранная лирика, М., 1958 (Поэтическая б-чка школьника).
[Избр Лир] 1968— А. Твардовский, [Избранная лирика], М., 1968 (Б-чка избранной лирики).
Изв — газета «Известия».
ИЛ — А. Твардовский, Из лирики. 1936—1945, М., 1946 (Б-ка «Огонек», № 1).
ИЛЭЛ — А. Твардовский, Из лирики этих лет. 1959—1967, М., 1967.
ИС 1940 — А. Твардовский, Избранные стихи, М., 1940 (Б-ка «Огонек», № 12).
ИС 1941 — А. Твардовский, Избранные стихи, М., 1941 (Б-ка красноармейца).
ИСП — А. Твардовский, Избранные стихотворения и поэмы, М., 1947.
ИСт 1958 — А. Твардовский, Избранные стихотворения, М., 1958 (Б-ка советской поэзии).
ИФС — А. Твардовский, Из фронтовых стихов, М., 1941 (Б-ка «Огонек», № 6).
КА — газета «Красная Армия».
КЗ — газета «Красная звезда».
КЛ 1949 — А. Твардовский, Книга лирики. 1936—1949, [М.], 1949.
КЛ 1962 — А. Твардовский, Книга лирики. Избранные стихотворения 1933—1961, М., 1962.
КЛ 1967 — А. Твардовский, Книга лирики, М., 1967.
КН — журнал «Красная новь».
Комс Пр — газета «Комсомольская правда».
Кондратович — А. Кондратович, Александр Твардовский. Поэзия и личность, М., 1978.
КП — газета «Красноармейская правда».
Кр — журнал «Красноармеец».
КЧ — газета «Красный черноморец» (Севастополь).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛиЖ — газета «Литература и жизнь».
ЛН — «Литературное наследство». Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. Новые материалы и исследования, М., 1983, т. 93.
Македонов — А. Македонов, Творческий путь Твардовского. Дома и дороги, М., 1981.
МГв — журнал «Молодая гвардия».
Н — журнал «Наступление» (Смоленск).
НД — газета «Наша деревня» (Брянск).
НМ — журнал «Новый мир».
Н Сб1 — «Наступление. Сборник первый», Смоленск, 1936.
Ог — журнал «Огонек».
Окт — журнал «Октябрь».
П 1947 — А. Твардовский, Поэмы, М., 1947 (Б-ка избранных произведений советской литературы. 1917—1947).
П 1950 — А. Твардовский, Поэмы, М., 1950.
П 1957 — А. Твардовский, Поэмы, М., 1957.
ПДД — А. Твардовский, Про деда Данилу. Стихи, М., 1938 (Б-ка «Огонек», № 57).
печ.— печатается.
ПМ — газета «Путь молодежи» (Брянск).
подзаг.— подзаголовок.
Пр — газета «Правда».
ПС 1952 — А. Твардовский, Послевоенные стихи. 1945—1951. М., 1952.

ПС 1953 — А. Твардовский, Послевоенные стихи. 1945—1952, М., 1953.
РП — газета «Рабочий путь» (Смоленск).
РТ — «Рабочие тетради» — тетради с дневниковыми и рабочими записями А. Твардовского, хранящиеся в его личном архиве (Москва); частично (за 1926—1935 гг.) опубликованные в ЛН.
С 1937 — А. Твардовский, Стихи, М., 1937.
СбС 1935 — А. Твардовский, Сборник стихов (1930—1935), Смоленск, 1935.
СвД — А. Твардовский, Случай в дороге, М., 1948 (Б-ка «Крокодил», № 37).
СЗЖ — Н. Рыленков, А. Твардовский, С. Фиксин, Стихи о зажиточной жизни, Смоленск, 1934.
СЗК 1959 — А. Твардовский, Стихи из записной книжки. 1936—1958, М., 1959 (Б-ка «Огонек», № 12).
СЗК 1961 — А. Твардовский, Стихи из записной книжки, [М.], 1961.
СМ — «Страна Муравия», поэма, отдельные издания.
См — А. Твардовский, Смоленщина. Стихи, М., 1943.
СоС — А. Твардовский, Стихи о Сибири, М., 1958 (Б-ка «Огонек», № 27).
СС4 — А. Твардовский, Собр. соч. в 4-х т., М., 1959—1960.
СС5 — А. Твардовский, Собр. соч. в 5-ти т., М., 1966—1971.
СС6 — А. Твардовский, Собр. соч. в 6-ти т., М., 1976—1983.
стих.— стихотворение.
СтП2 1951 — А. Твардовский, Стихотворения и поэмы в 2-х т., М., 1951.
СтП2 1954 — А. Твардовский, Стихотворения и поэмы в 2-х т., М., 1954. Изд. 2-е, дополненное.
СтП2 1957 — А. Твардовский, Стихотворения и поэмы в 2-х т., М., 1957. Изд. 3-е.
СтП 1954 — А. Твардовский, Стихотворения и поэмы, М., 1954.
СтП 1971 — А. Твардовский, Стихотворения. Поэмы, М., 1971 (Б-ка всемирной литературы).
СХ — А. Твардовский, Сельская хроника. Стихи. (1937—1938), [М.], 1939.
Твардовский И.— И. Твардовский. На хуторе Загорье. Документальная повесть, М., 1983.
ФС — А. Твардовский, Фронтовые стихи, М.— Л., 1941.
ФХ — А. Твардовский, Фронтовая хроника, М., 1945.
Ю — журнал «Юность».
ЮЗФ — А. Твардовский, Юго-Западный фронт, М., 1942.
ЮТ — газета «Юный товарищ» (Смоленск).

I

1925—1936

1. «Смоленская деревня», 1925, 19 июля, без даты. Первое опубликованное стих. Твардовского. В сборники не входило.

2. «Смоленская деревня», 1926, 21 сентября, без даты, с эпиграфом: «Много песень стало в нашем крае. Все поют о пламенном, большом. Кто о чем, а я — об урожае. О своем, Мужицком, О родном». Печ. по СС4, т. 1, с. 21. В Автобиографии Твардовский пишет о первой публикации этого

стих.: «...Я, собрав с десяток стихотворений, отправился в Смоленск к М. В. Исаковскому, работавшему там в редакции газеты «Рабочий путь». Принял он меня приветливо, отобрав часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами (имеется в виду данное стих.— *Ред.*) и портретом „селькора-поэта А. Твардовского“» (СС5, т. 1, с. 9—10).

3. ЮТ, 1926, 30 сентября; «Молодое. Стихи и рассказы». Изд. лит-группы при газ. «Юный товарищ», Смоленск, 1927. Печ. по СС4, т. 1, с. 23.

* **4.** ЮТ, 1928, 15 февраля, в подборке «Два стихотворения», вместе со стих. «Почта» («В заветный день распутица и слякоть...») (др. ред.), без даты; СС4, т. 1, как соединение, с разночтениями, строфы 1 стих. «В глуши» и строф 1—3 стих. «Почта» в редакции ЮТ, с датой: 1927. Печ. по СС5, т. 1, с. 21.

* **5.** КП, 1927, 25 марта, с 3-й частью («Помню, ветер пригонял на крышу...» — 12 строк, дефектный текст); СС4, т. 1, с 3-й частью (8 строк — ст. 1—8 из текста КП). Печ. по СС5, т. 1, с. 26.

6. ЮТ, 1927, 27 апреля, в подборке «Творчество Александра Твардовского», вместе со стих. «О затихшей церкви» («Перестало сживаться село...») и «Потрава» («Каждым утром в полевой тиши...»), здесь же — статья Д. Осина «Александр Твардовский. Литературно-творческий этюд». Посвящено матери поэта, Марии Митрофановне Твардовской (1888—1965). В прижизненные сборники не входило.

7. ЮТ, 1927, 11 мая. В прижизненные сборники не входило.

8. ЮТ, 1927, 28 декабря; КП, 1928, 15 апреля, в цикле «Три человека», вместе со стих. 9 и 11. Печ. по СС4, т. 1, с. 26.

9. ЮТ, 1928, 17 марта; КП, 1928, 15 апреля (см. примеч. 8); БР, 1928, 27 мая. Печ. по СС5, т. 1, с. 24.

10. «Юный пионер» (Смоленск), 1928, 9 февраля. Печ. по тексту газ. «Юный пионер» с правкой автора (архив Твардовского). В сборники не входило.

* **11.** КП, 1928, 15 апреля (см. примеч. 8); РП, 1928, 22 апреля; «Харьковский пролетарий», 1928, 10 июня; БР, 1928, 2 декабря; Ог, 1929, № 36, 15 сентября; «Большевистский молодняк», 1930, 9 марта. Печ. по СС4, т. 1, с. 32. С. Фиксин в своих воспоминаниях «Первая даль поэта» пишет о создании этого стих.: «К концу нашего литературного вечера (в редакции ЮТ.— *Ред.*) пришла редакционная уборщица тетя Ксеня ⟨...⟩. Все мы уважали ее. Женщина эта, не имея никакого образования, знала на память стихи покойного мужа — смоленского поэта Сергея Страдного — и была весьма аккуратной исполнительницей своей маленькой должности. Мы перешепнулись о ней с Твардовским. Он, оказывается, тоже знал Страдного по газетам и как бы про себя заметил: «Жена поэта — уборщица... О таких стихи надо писать...» Прошло какое-то время, и мы читали первое «городское» стихотворение А. Твардовского „Уборщица“» (Воспоминания, с. 36).

12. ЮТ, 1928, 21 апреля. Печ. по РТ. Автограф — архив Твардовского (см.: Македонов, с. 92). В сборники не входило.

13. РП, 1928, 17 мая, с надзаголовком: «Стихи о весенней стройке»; НД, 1928, 12 августа, под загл. «Сезонники». Печ. по РТ. В сборники не входило.

14. КЧ, 1928, 29 июля, под загл. «Краснофлотец» (др. ред.); БР, 1928, 5 августа (др. ред.) с пометой: «Севастополь, июль 28 г.»; КП, 1928, 11 августа, под загл. «Матрос»; ЮТ, 1928, 13 октября. Печ. по СС4, т. 1, с. 33. Написано в Севастополе, во время пребывания там вместе со смоленским поэтом С. Фиксиным (см.: Сергей Фиксин. Первая даль поэта.— Воспоминания, с. 39—54).

15. КЧ, 1928, 7 октября, без даты. В подборке «Александр Твардовский. Юношеские стихи», публикация М. И. Твардовской (Ю, 1975, № 7, с. 70), под загл. «Севастопольские стихи», с датой: 1928 (по автографу из РТ). В прижизненные сборники не входило. По свидетельству С. Фиксина, написано в Севастополе летом 1928 г. «Твардовский мне читает ⟨...⟩,— вспоминает С. Фиксин, цитируя первую строфу стихотворения.— И тут же оговаривает ударение на предпоследнем слове: „Ячмень, правда, не прижился в строке, но я его потом пересажу“» (Воспоминания, с. 49).

16. БР, 1928, 18 ноября; ЮТ, 1928, 8 декабря; РП, 1929, 6 января — всюду без даты. (СС4, т. 1, с ошибочной датой: 1929.) Печ. по журн. «Экран», 1929, № 42 (20 октября), с. 3, без даты.

17. ПМ, 1928, 15 декабря, под загл. «Гибель канцеляриста», с пометой: «Москва», без даты. Печ. по газ. «Большевистский молодняк», 1929, 1 сентября, без даты. В сборники не входило.

18. НД, 1929, 27 января, без даты. Печ. по РТ. В подборке «Александр Твардовский. Юношеские стихи», публикация М. И. Твардовской (Ю, 1975, № 7, с. 70), др. вариант. В прижизненные сборники не входило.

19. РП, 1929, 8 февраля; КЧ, 1929, 15 февраля; НД, 1929, 19 апреля; «Клубный сборник» № 1, Смоленск, 1930; «Юный пионер», 1930, 20 августа — всюду в др. ред., без даты. Печ. по кн.: С. Курдов, А. Твардовский, В. Шурыгин. На стройке новой деревни, М.— Смоленск, 1930 (Б-ка школьника), с. 16. В прижизненные сборники не входило. Написано в связи с обращением ЦК ВЛКСМ ко всем комсомольским организациям с призывом развернуть подготовку ко Всесоюзному походу за поднятие урожайности; началом похода было объявлено 15 февраля (см. Комс Пр, 1929, 16 января). 3 февраля 1929 г. в Комс Пр было опубликовано стих. В. Маяковского «Урожайный марш» («Добьемся урожая мы...»), под явным влиянием которого создано стих. Твардовского.

20. ПМ, 1929, 10 февраля, под загл. «Докладчик»; Окт, 1929, № 3; БР, 1929, 12 мая, под загл. «Докладчик» — всюду без даты. Печ. по РТ. В сборники не входило.

21. ПМ, 1929, 17 марта; БР, 1929, 9 июня — обе публикации без даты. Печ. по РТ. В подборке «Александр Твардовский. Юношеские стихи», публикация М. И. Твардовской (Ю, 1975, № 7, с. 70), др. вариант. В сборники не входило.

22. Комс Пр, 1975, 3 августа, в подборке «Строки ранней поры», вместе со стих. 52, под загл. «Дружеское стихотворение». Печ. по СС6, т. 1, с. 46, где опубликовано по датированному машинописному варианту из архива Твардовского; там же — второй вариант (см.: СС6, т. 1, с. 399).

23. «Чудак», 1929, № 33 (август), с. 11, без даты. Автограф — архив Твардовского (см.: Македонов, с. 92). В сборники не входило.

24. «Прожектор», 1929, № 35 (сентябрь), с. 12, без даты. Печ. по СС4, т. 1, с. 38.

25—26. Ог, 1929, № 40, с. 13, без даты.

1. «Большевистский молодняк», 1930, 6 апреля, под загл. «Лето в коммуне», с пометой: «Москва. 1929»; «Рост», 1930, № 4, под загл. «Пчелы», без даты, здесь же — статья А. Селивановского «Барчук или пролетарский поэт?». Признавая, что «А. Твардовский — способный начинающий поэт, имеющий желание стать поэтом пролетариата», автор упрекает Твардовского в том, что тот «некритически усваивает образцы старой, поместно-усадебной поэзии». Публикация сопровождена двумя карикатурами на Твардовского, без подписи. В прижизненные сборники не входило.

2. «Большевистский молодняк», 1930, 26 января, под загл. «Наш Василий»; РП, 1930, 11 апреля, под загл. «Наш Василий» и с подзаг.: «Из цикла „Лето в коммуне“» — обе публикации без даты. В сборники не входило.

27. Окт, 1929, № 10, с. 60; СС4, т. 1. Печ. по СС5, т. 1, с. 33.

28. Комс Пр, 1929, 30 ноября, без даты. В сборники не входило.

29. РП, 1930, 26 января, без даты. В сборники не входило.

30. РП, 1930, 1 марта. В сборники не входило. Автор записал в РТ 21 февраля 1930 г.: «Окончил стихотворение «Весна 1930 г.». «Весна» это стихи о весне 1930 г. Весна «года великого перелома». Стихотворение как бы газетно. Но весна 1930 г., являясь исторической весной (коллективизация и прочее), являясь этапом социалистического строительства, очень высокой точкой эпохи, уже будет являться не злободневщинкой» (ЛН, с. 303).

31. БР, 1930, 13 апреля, без даты. Печ. по РТ. В сборники не входило.

32. РП, 1930, 3 сентября, с эпиграфом: «„В ряде мест дома раскулаченных кулаков уже приспособлены для школьных помещений. По 81 району намечено использовать 393 кулацких дома“ („Рабочий путь“)», без даты. В прижизненные сборники не входило.

33. «Западная область» (Смоленск), 1930, № 3 (декабрь), с. 16, без даты. В прижизненные сборники не входило.

34. «Западная ассоциация пролетарских писателей. Первый альманах», М.— Смоленск, 1930, с. 96, без даты. В сборники не входило.

35. Там же, с. 99, без даты. В сборники не входило.

36. 1. РП, 1930, 25 июня, с подзаг.: «Четвертый эпизод из поэмы „Путь к социализму“»; «Большевистский молодняк», 1930, 30 июля, в составе 1-й части поэмы, под общим загл. «„Путь к социализму“. Сель-

скохозяйственная артель (поэма)»; «Западная ассоциация пролетарских писателей. Первый альманах», М.— Смоленск, 1930 (др. ред.); А. Твардовский. Путь к социализму. Поэма, [М.], 1931, с общей датой: май — август 1930, как 4-й раздел 1-й части (др. ред.); СбС 1935, под загл. «Тракторный выезд в 1930 году», с датой: 1930—1934; С, под загл. «Первый выезд», с датой: 1932; СтП2 1954, т. 1, под загл. «Тракторный выезд в 1930 году. (Из поэмы «Путь к социализму»)», с датой: 1930—1934. (СС4, т. 1 — с датой: 1930—1933.) Печ. по СС5, т. 1, с. 36.

2. РП, 1930, 1 августа, под загл. «До конца (Из материалов к поэме «Путь к социализму»)» (др. ред.); «Большевистский молодняк», 1930, 1 августа, под загл. «Слово колхоза „Путь к социализму"». Печ. по кн.: А. Твардовский. Путь к социализму. Поэма, [М.], 1931, с. 60, где опубликовано в составе 3-й части, как финал поэмы. «Путь к социализму» — первая поэма Твардовского. Она стала и первой его книгой, вышедшей в свет. Этому изданию (М., «Молодая гвардия», 1931) способствовал сочувственный отзыв Э. Багрицкого, написанный для издательства: «Мне кажется, что поэма Твардовского «Путь к социализму» — единственное в настоящее время художественное произведение, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении. Абсолютная простота ее, разговорный язык, которым она написана, ритмическое разнообразие ее — все это делает поэму весьма понятной массовому читателю. «Путь к социализму» должна быть напечатана, ибо это первый опыт настоящего и серьезного подхода поэта к теме сегодняшнего дня» (Л. Я. Резников. Из литературного наследия Э. Г. Багрицкого.— В кн.: Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, с. 247). Твардовский вспоминал позднее: «Имел ли этот отзыв влияние на судьбу рукописи? Решающее. Попросту, она была издана только благодаря ему. Мне в то время (осень 30 г.), уже отчаявшемуся видеть свое произведение в печати (а я тогда вообще был в тяжелом положении и жил еще в Смоленске и в Москве был приезжим), посоветовали обратиться к Багрицкому. Я поехал к нему в Кунцево, где он меня очень приветливо встретил, накормил, прослушал всю мою поэму...» (письмо В. Б. Азарову от 17 сентября 1947 г.— СС6, т. 6, с. 22—23). В Автобиографии Твардовский так характеризует поэму: «Моя поэма ⟨...⟩ была сознательной попыткой говорить в стихах обычными для разговорного, делового, отнюдь не «поэтического» обихода словами ⟨...⟩ Поэма ⟨...⟩ встречена была в печати, в общем, положительно, но я не мог не почувствовать сам, что такие стихи — езда со спущенными вожжами, утрата ритмической дисциплины стиха, проще говоря, не поэзия» (с. 13).

37. СС4, т. 1, с. 52.

38. СС6, т. 1, с. 59, где опубликовано по рукописи (РТ). Датируется по месту в РТ среди записей за 1932 г. (ЛН, с. 309).

39. ЛН, с. 310 (РТ, среди записей за 1932 г.), с авторским примеч.: «(Отрывки из поэмы, затеянной по конкретному материалу и написанной году в 32. В целом не сохранилась)». Ст. 13—18 были впоследствии использованы в переработанном виде в стих. 105, а ст. 147—154 — в поэме «Страна Муравия» (гл. 4). *Каплица* — деревянная часовня. *Успенье* — церковный праздник, приходящийся на 15 августа.

40. Полностью: Н, 1932, май (№ 5), с. 32, под загл. «Путь Василия Петрова. Поэма»; «ЛОКАФ», 1932, № 10; «Октябрьский альма-

нах», Смоленск, 1932; А. Твардовский. Вступление, [Смоленск], 1933. В отрывках: РП, 1932, 6 ноября, под загл. «У бедняка Игната...»; «Западная область», 1932, № 21, ноябрь, под загл. «„Имя мое — Василий, фамилия — Петров“. Из поэмы „Вступление“» («У бедняка Игната...»); сб. «Новое чувство», Смоленск — М., 1934, под загл. «Земля» («У бедняка Игната...»); СбС 1935. Печ. по СС4, т. 1, с. 43. Поэма, в центре которой стоял «„особенный“ середняк Василий Петров», должна была, по первоначальному авторскому замыслу, стать «частью большой книги ⟨...⟩. Путь крестьянина — батрака, бедняка и середняка — от состояния рабской незаинтересованности в труде — батрака, от состояния собачьей забитости, унижения и безысходной нищеты — бедняка, от состояния мнимого обогащения, мучительного самообмана — середняка, до осознания своих прав и задач, до осознания себя строителями социализма,— вот предельно кратко и, может быть, в силу этого неточно выраженный замысел книги» (текст предполагавшегося выступления; далее изложено краткое содержание поэмы.— РТ, запись от 19 августа 1931 г.— ЛН, с. 306). Позднее Твардовский писал: «Новые возможности погрезились мне в организации стиха из его элементов, входящих в живую речь,— из оборотов и ритмов пословицы, поговорки, присказки. Вторая моя поэма «Вступление» ⟨...⟩ была данью таким именно односторонним поискам «естественности» стиха...» (Автобиография, с. 13—14).

41. Соколова Л. А., Оглоблина Н. М. Краевая учебная книга для школ Западной области. 1 и 2 год обучения. Стихотворный текст А. Т. Твардовского, Смоленск, 1933, с. 33. Датируется по СС4, т. 1.

42. Там же, с. 25. Печ. по СС4, т. 1, с. 54.

43. Н, 1933, № 10, с. 4, в подборке «Два стихотворения», вместе со стих. 44; РП, 1934, 8 января; СЗЖ, вместе со стих. 44 и 48; Окт, 1935, № 2 — две последние публикации без даты; СбС 1935; С 1937; Избр 1946, без даты; ИСП, с ошибочной датой: 1934; КЛ 1949; СтП2 1951, т. 1; СтП2 1954, т. 1; СтП 1954 (как в СтП2 1951, т. 1); ИСт 1958 (как в СтП2 1954, т. 1); СС4, т. 1 (как в СтП 1954). Печ. по КЛ 1962, с. 5, где автор вернулся к варианту СтП2 1954, т. 1. *Дегтярка* (дегтярница) — посудина с дегтем для смазки колесных осей.

* **44.** Н, 1933, № 10, с. 6 (см. примеч. 43); СЗЖ (см. примеч. 43), без даты; СбС 1935; С 1937, с ошибочной датой: 1934. Печ. по СС5, т. 1, с. 45.

45. СС4, т. 1, с. 64.

46. Там же, с. 67. *И ни Пасхи, ни Духова дня ему не было.* Духов день — церковный праздник, приходящийся на 51-й день после Пасхи.

* **47.** С 1937, с. 49, с двойной датой: 1933, 1937; Д, без даты; НС 1940, без даты; СтП2 1954, т. 1, с датой: 1933—1937 — всюду в др. ред. Печ. по СС5, т. 1, с. 49. 22 июля 1934 г. Твардовский записал в РТ: «Закончил, кажется, давнишние строки о брате. Отсеял ⟨...⟩» (ЛН, с. 327). Далее следуют три строфы, исключенные из текста стих.— см. раздел «Другие редакции и варианты».

48. «Однодневная лит. газета писателей Западной обл.» (Смоленск), 1934, 18 января; СЗЖ, с. 26 (см. примеч. 43). Печ. по вырезке первой публ. с правкой автора (по данным М. И. Твардовской). В сбор-

ники не входило. Над поэмой «Мужичок горбатый», первоначально задуманной как стих., Твардовский напряженно работал во 2-й половине 1933-го — начале 1934 г., что отражают многие записи в РТ.—24 сентября 1933 г.: «„Мужичок горбатый" разрастается в большое стихотворение, может быть, поэмку»; 10 февраля 1934 г.: «„Мужичок" закончен недели две назад»; 23 февраля 1934 г.: «Добиваю «Моргунка». Тяжелый случай: нечем кончить» (ЛН, с. 314, 325). Однако вскоре поэма была завершена, автор включил ее в план сборника произведений за 1925—1934 гг. «Стихи и поэмы» (см.: ЛН, с. 325—326) и послал рукопись сборника в московское издательство «Советская литература». На I областном съезде писателей Западной области (Смоленск, 23—25 апреля 1934 г.) К. Л. Зелинский, редактор издательства, выступил, в качестве представителя Оргкомитета СП СССР, с докладом, в котором, в частности, подверг резкой критике как поэму, так и весь сборник (см.: Н, 1934, № 5-6, с. 92). Сборник издан не был. Позже автор возвратился к работе над поэмой (см. запись в РТ от 17 января 1935 г.— ЛН, с. 340). Рукопись поэмы не сохранилась. С поэмой тесно связано стих. «Мужичок горбатый» (см. стих. 56 и примеч. к нему). Тематически стих. перекликается с эпизодом из книги Твардовского «Дневник председателя колхоза» (Смоленск, 1932), опубликованным в виде очерка под загл. «Вор. Из дневника председателя колхоза» в журн. «Комбайн», 1932, № 2, с. 9 (см. также: СС5, т. 4, с. 28).

* **49.** РП, 1934, 6 августа; Ог, 1934, № 21 (октябрь); СбС 1935; «Рабочий край» (Иваново), 1936, 1 января; НМ, 1957, № 11, в подборке «Сорок Октябрей — сорок стихотворений... Великая Октябрьская революция в стихах русских советских поэтов» (как в Ог); СС4, т. 1 — всюду в др. ред. Печ. по СС5, т. 1, с. 51. 30 июля 1934 г. Твардовский записал в РТ, что «отсеял» «из стихотворения «Хозяин» — начало (было готовое)...». Далее приводятся эти исключенные 14 строк (ЛН, с. 327). Первые 12 из них, с незначительными изменениями, были возвращены в стих. в последней редакции (здесь — ст. 1—12).

50. ДН, 1973, № 1, с. 72, в подборке «Из неопубликованных стихотворений», предоставленных редакции М. И. Твардовской, вместе со стих. 84, 85, 113, 294, без ст. 1—12 и 32, с окончанием, изложенным прозой: «(Иду не назад, а вперед по большаку, где еще не ехал. Сбился с ног. Под утро батя догнал на телеге под городом)» и редакционным примеч.: «Стихотворение «Ты уснул. Мне холодно от звезд...» не окончено. Его сюжетное окончание, изложенное в скобках, принадлежит автору и взято из рабочей тетради поэта». Печ. по ЛН, с. 329. Автограф — РТ, запись от 15 сентября 1934 г.: «Написал, пожалуй, последнее к циклу стихотворений об отце. Сначала писалось так...» Далее следует текст стих. и приведенное выше окончание в прозе (см.: ЛН, с. 329). В следующем году автор возвратился к стих., по-видимому, намереваясь расширить его и включить, вместе со стих. 47 и рядом других, в задуманный им цикл «Семья» (см.: РТ, запись от 28 марта 1935 г.— ЛН, с. 359). В стих. речь идет об отце поэта, Трифоне Гордеевиче Твардовском (1881—1949).

51. РП, 1934, 30 сентября; СбС 1935; сб. «Своими силами» [Смоленск], 1935; С 1937; КЛ 1949. Печ. по СС5, т. 1, с. 55. Набросок стих., с подзаг.: «Шуточная» — РТ, запись от 27 августа 1935 г. (ЛН, с. 390). Процесс написания этого стих. автор раскрывает в РТ (запись от 10 сентября 1934 г.): «Задумал стихотворение о мальчике и летчике агитсамолета. Начиналось:

Гость, веселый парень, ехал прямиком,
Травы не качались, осыпая росами,
Пыль не поднималась над его путем,
Не гремели листики под его колесами.

Дальше заехал в описание прилета и посадки самолета в колхоз, уже имея в виду катанье колхозницы. Чувствую — развозится что-то гусевское. Сломал размер пополам и написал стихотворение «Полет», кажется, неплохое, но и не мировое». Далее Твардовский пишет, объясняя появление за короткий срок нескольких стих., посвященных летчикам (кроме данного, тогда же было создано стих. 53 и начата работа над стих. 70): «Не могу задумать ни одного стиха без самолета. Это результат глубокого потрясения челюскинской историей» (ЛН, с. 328). *Лядо* (обл.) — пустошь, заросль, лесок по болоту.

* **52.** РП, 1934, 12 октября; Н, 1935, № 1 — обе публикации в др. ред.; СбС 1935; С 1937, без загл. и без строф 1—3. Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 25. Автограф, с разночтениями — РТ, запись от 8 октября 1934 г. (ЛН, с. 331).

53. Зн, 1934, № 10, с. 178; РП, 1934, 21 декабря; СбС 1935 (как в Зн); С 1937 (как в РП); СЗК 1961, без загл. Печ. по СС5, т. 1, с. 70, где автор вернулся к варианту РП. Автограф, с датой: 6 сентября ⟨1934⟩ — РТ, где после текста стих. следует приписка: «Картинка ничего, но сентенция популярная» (запись от 10 сентября 1934 г.— ЛН, с. 328).

54. РП, 1935, 3 января; С 1937. Печ. по СС5, т. 1, с. 58.

55. РП, 1936, 6 июля, в подборке «Два стихотворения», вместе со стих. 68, без даты. (С 1937, Д, ИСП, КЛ 1949 — с датой: 1936; Избр 1957, Избр Лир 1958, ИСт 1958 — с датой: 1935.) Печ. по С 1937, с. 71. Датируется по СС4, т. 1.

56. РП, 1937, 6 марта; КН, 1937, № 2 (подп. к печ. 10.04.37), в подборке «Стихи», вместе со стих. 68, 70, 74, 76, 86 — обе публикации без даты; С 1937, с датой: 1934—1937; ИСП. (КЛ 1949, СтП2 1951, СтП2 1954, СтП2 1957, КЛ 1962 — с датой: 1934—1937.) Печ. по КЛ 1949, с. 13, где автор вернулся к варианту С 1937. Датируется по СС5, т. 1. Стих. написано на основе одноименной поэмы (см. стих. 48 и примеч. к нему), о чем свидетельствует ряд записей в РТ.— 10 ноября 1933 г.: «Чувствую, что «Мужичок» — что-то не то, хотя продолжать буду и закончу ⟨...⟩. Между прочим, хочу, продолжая работать как над поэмой, сделать из него и небольшое стихотворение»; 26 ноября 1933 г.: «Из «Мужичка» (поэмы.— *Ред.*) выпадает:

Пел на свадьбе Моргунок
На дворе богатом:
«Жил на свете мужичок,
Маленький, горбатый...»

(ср. с 1-й и в особенности 5-й строфой стих.). 6 января 1934 г.: «Маня (Мария Илларионовна Твардовская, жена поэта.— *Ред.*) права, что «Мужичок» был бы лучше, если бы вышел сравнительно небольшим стихотворением»; 10 января 1934 г.: «Держу в голове — «Мужичка»

окончить, как думал. Но это будет один «Мужичок» — «большой». А «маленького» сделать потом на одном мотиве „жил на свете мужичок, маленький, горбатый“» (ЛН, с. 316, 318, 323, 324). Со стих. связаны и некоторые фрагменты поэмы, исключенные из нее позже, в период работы над «Страной Муравией» (см. запись в РТ от 17 января 1935 г.— ЛН, с. 340—342).

57. С 1937, с 12. М. И. Твардовская, на основании записей в РТ, делает вывод, что авторская датировка стих. ошибочна и оно было завершено в 1937 г. (СС6, т. 6, с. 593). Стих. связано с впечатлениями от многочисленных посещений в первой половине 1930-х гг. колхоза «Память Ленина» в селе Рибшево Пречистенского р-на Западной обл. (ныне — Духовщинский р-н Смоленской обл.), где было создано искусственное озеро. Твардовский посвятил колхозу большое число очерков. Стих. перекликается с одним из них — «Озеро» («Колхозная газета», Смоленск, 1935, 6 июня; то же — СС6, т. 4, с. 130). Писатель Дм. Дворецкий вспоминает: «„Память Ленина“ был поистине замечательный колхоз, во главе которого стоял его организатор Дмитрий Филиппович Прасолов, бывший батрак и сын батрака. ⟨...⟩ Прасолов много строил. ⟨...⟩ Осуществил он и свою мечту: запрудить речку, то есть поставить на ней плотину и «налить озеро». Весной 1934 года на берегу нового озера побывал Александр Твардовский — специальный корреспондент областной газеты «Рабочий путь». Поездка эта дала ему материал для очередной страницы истории колхоза, и нет сомнения, что озеро в Рибшеве живой прообраз его хрестоматийного стихотворения „Новое озеро“» (Дм. Дворецкий. В «Западной области».— Воспоминания, с. 67).

58. СС4, т. 1, с. 83. *Костра* — одревесневшая часть стебля волокнистых растений, отделяемая от волокна при трепании.

59. СС4, т. 1, с. 87. Печ. по КЛ 1967, с. 18.

60. РП, 1935, 7 января; СЗК 1961, без загл. Печ. по СС5, т. 1, с. 81.

61. РП, 1935, 10 января, без даты; СС4, т. 1. (СбС 1935, с датой: 1934.) Печ. по КЛ 1962, с. 25. *Рибшево* — см. примеч. 57.

62. РП, 1935, 21 марта; Избр. 1946 (др. ред.); СС4, т. 1. Печ. по СС5, т. 1, с. 75. Автографы (2) — РТ, как фрагменты, исключенные из поэмы «Страна Муравия», среди записей от 22 марта («полный вариант») и 2 июля 1935 г. («малый вариант», после которого следует приписка: «Полный вариант пойдет гулять отдельным стихотворением...» — ЛН, с. 349, 375—376).

* 63. С 1937, с. 52, под загл. «Радость»; СтП2 1954, т. 1, с датой: 1933 — обе публикации в др. ред. Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 22.

*64. Отдельные главы, отрывки. РП, 1935, 28 марта: отрывок из гл. 18, под загл. «Плясовая»; СбС 1935: отрывок из гл. 18, под загл. «Перепляс», с датой: 1935; РП, 1935, 30 ноября: гл. 16, под загл. «Фролов»; сб. «Своими силами», Смоленск, 1935: отрывок из гл. 18, под загл. «Перепляс»; РП, 1936, 1 января: гл. 5, под загл. «Последний поп. Из поэмы „Страна Муравия“» (др. ред.), с примеч.: «Полностью поэма будет помещена в журнале „Красная новь“»; «Социалистический путь», 1936, 24 января: гл. 5, под загл. «Последний поп». Полностью. КН, 1936, № 4, с. 3, без даты; СМ [Смоленск], 1936; СМ, М., 1936, с датой: 1935; СМ,

М., 1937, без даты; СМ, изд. 4-е, М., 1939; СМ, М., 1940; ИСП; П 1947; СтП2 1951, т. 2; СтП2 1954, т. 2; СС4, т. 1; П 1963. Печ. по СС5, т. 2, с. 5. Автографы допечатных вариантов многих фрагментов поэмы, главным образом не вошедших в окончательный текст — РТ (ЛН, с. 331—398); авторская машинопись одного из допечатных вариантов поэмы с пометками и отзывом А. М. Горького — Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Положено на музыку В. Захаровым (2 фрагмента из гл. 18). О возникновении замысла поэмы Твардовский рассказал в заметке «О „Стране Муравии“» (1953—1959): «Началом своей работы над «Муравией», первым приступом к ней я считаю 1 октября 1934 года, когда я занес в свой дневник следующую выписку из появившейся в печати речи Фадеева...» и далее приводит отрывок из речи А. Фадеева на пленуме Оргкомитета советских писателей, повторенной на I съезде советских писателей, где Фадеев рассказывал о герое романа Ф. Панферова «Бруски» «Никите Гурьянове, середняке, который, когда организовали колхоз, не согласился идти в колхоз, запряг клячонку и поехал на телеге по всей стране искать, где нет индустриализации и коллективизации» (СС5, т. 5, с. 350). Опубликованные РТ воссоздают процесс написания поэмы и уточняют время работы над ней. 6 октября 1934 г. поэт записал: «За „эпопею“ покамест не буду браться, но думать и готовиться нужно. Книга эта должна будет явиться последним словом о крестьянстве, колхозах, годах великого перелома». Но уже через два дня он приступает к работе: «Не выдержал, начал писать (8. X). Пробы размера...» (запись от 18 октября 1934 г.— ЛН, с. 330, 331). Первая редакция поэмы была завершена к концу июля 1935 г. Машинописный экземпляр ее был передан А. М. Горькому, который отозвался о поэме отрицательно: «Автор должен посмотреть на эти стихи как на черновик» (ЛН, с. 394). Но отзыв Горького не обескураживает поэта. В августе — сентябре он неоднократно читает поэму — М. Исаковскому, А. Тарасенкову, М. Голодному, М. Светлову, В. Асмусу, В. Луговскому и другим литераторам, чутко реагируя на их замечания и осуществляя доработку. О работе над поэмой после замечаний Горького см.: П. С. Выходцев. Неизвестная редакция поэмы А. Твардовского «Страна Муравия».— «Русская литература», 1980, № 4, с. 34. 29 сентября Твардовский пишет М. Исаковскому: «...закончил я поэму. Частные доделки и переделки, конечно, будут, но в основном — конец!» (СС6, т. 6, с. 318). 21 декабря в московском Доме литераторов было устроено обсуждение поэмы, и она «получила высокую оценку» (ЛГ, 1935, 24 декабря). Сокращенную стенограмму обсуждения см.: «Со «Страны Муравии»... я начинаю счет своим писаниям». Вступ. заметка и публикация Р. Романовой.— «Вопросы литературы», 1984, № 8, с. 185. В 1941 г. поэма была отмечена Государственной премией. «Со «Страны Муравии», встретившей одобрительный прием у читателей и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора»,— писал Твардовский в Автобиографии (с. 15). Идея поэмы возникла у него не внезапно: «Все написанное и напечатанное в эти годы, а также мои рабочие записи и незаписанные впечатления поездок, встреч и т. п.— все это было как бы подготовкой к „Стране Муравии“» (СС5, т. 5, с. 350). Из предшествующих произведений Твардовского наиболее тесно связаны с ней стих. «Гость» (№ 43) и поэма «Мужичок горбатый», многие куски которой, в результате сокращений, перешли, чаще всего в переработанном виде, в «Страну Муравию». Главный герой поэмы — Никита Моргунок — ведет свое происхождение от героя «Мужичка горбатого», Федора Моргунка, и, кроме того, имеет реальную основу: «Моргунок — это прозвище одного крестьянина, жившего в соседней деревне, приятеля моего отца» («О „Стране Муравии“» — СС5, т. 5, с. 352). В РТ имеется указа-

ние на связь образа Фролова с председателем колхоза «Память Ленина» Д. Ф. Прасоловым (см. примеч. 57). В относящемся к началу работы перечне эпизодов поэмы Твардовский записал: «7. Догоняет Прасолов, едущий с бригадой осматривать знаменитый колхоз» (ЛН, с. 336). Существенную черту поэмы — ее связь с впечатлениями детства, отцовского дома — отмечает младший брат поэта, И. Т. Твардовский. Рассказывая о своем посещении А. Твардовского в Москве, 14 сентября 1939 г., он пишет: «Тогда же я высказал брату свое впечатление еще и о том, что, мол, читая «Муравию», я встречаю в речи главного героя обороты, отдельные слова и образные сравнения, которые очень живо напоминают мне отца. Что и «то конь был — нет таких коней! Не конь, а человек», и «трулля-трулля-трулля-ши! Пропил батька лемеши...», и всякие «Как хватит, хватит...», и «бубочка», и «шмякнул», и сама песенность отдельных мест — от отца у него. Это его стиль рассказа» (Твардовский И., с. 138). Песенка «Трулля-трулля-трулля-ши!..» (гл. 2 поэмы) входила ранее в «Мужичка горбатого». Переписав ее в числе сокращений, Твардовский отмечает: «(Мне 24-й год, а песенку эту я слыхал, когда мне было не больше четырех лет; правда, она и позднее повторялась в семье)» (РТ, запись от 26 ноября 1933 г.— ЛН, с. 318). М. Котов пишет о гл. 18, неоднократно публиковавшейся отдельно (с сокращениями) под загл. «Перепляс»: «...Картина эта описана почти с натуры. Недаром «Перепляс», прежде чем войти составною частью в поэму, был опубликован сначала в газете «Рабочий путь» как своеобразный отклик-отчет о проходившем в то время в Смоленске областном смотре колхозной самодеятельности» (М. Котов. Встречи и расставания (Из смоленской тетради).— Воспоминания, с. 79; там же (с. 76—78) см. о работе Твардовского над первым смоленским изданием поэмы). Гл. 1. Ст. 35. *Супонь* — ремень для стягивания хомута при запряжке лошади. Ст. 37. *Дегтярка* — см. примеч. 43. Гл. 2. Ст. 9. *Престол* — здесь: престольный праздник в честь святого, которому посвящена данная церковь. Ст. 10. *Духов день* — см. примеч. 46. Ст. 96—97. *Исус Христос По воде ходил.* Имеется в виду евангельский эпизод, повествующий о том, как Иисус, дабы помочь своим ученикам, терпящим бедствие в открытом море, «пошел к ним ⟨...⟩ идя по морю». Ст. 124. *Псалтырь* — книга псалмов. Гл. 4. Ст. 58. *Бубочка* (белорус. разг.— бубачка) — зернышко, горошинка. Ст. 120. *Дежа* (обл.) — квашня. Ст. 137. *Конь перепал* (обл.) — отощал, исхудал. Гл. 5. Ст. 41. *Камья* (обл.) — здесь: долбленое корытце или кадка. Ст. 66. *Был он просто поп-отходник.* Отходник — крестьянин, уходивший из деревни на заработки на сезонные работы. Гл. 7. Ст. 63. *На конной в Ельне куплен был* — т. е. на конной ярмарке в Ельне, уездном городе Западной области (ныне — районный центр Смоленской обл.). Гл. 9. Ст. 76. *Каспляанский сельсовет.* Село Касплн расположено к северу от Смоленска. Гл. 11. Ст. 34. *Кросно* — домотканый холст. Гл. 12. Ст. 29. *Одноличница* — единоличница. Гл. 14. Ст. 158. *Горлачик* (горлач, обл.) — узкогорлый горшок для молока, кринка. Гл. 16. Ст. 64. *Успеньев день* (Успенье) — см. примеч. 39.

1936—1940

65. РП, 1936, 8 марта. Печ. по С 1937, с. 31.

66. РП, 1936, 12 мая; КН, 1936, № 9, в подборке «Семь стихотворений», вместе со стих. 65, 67, 69, 71—73; Н Сб1, в цикле «Стихи о женщи-

не», вместе со стих. 65, 67, 69, 71 и «Приданое» («Как на свадьбу вся родня...» — в соавторстве с М. Исаковским); С 1937 (как в КН) — всюду под загл. «Мать и дочь». Печ. по Избр 1946, с. 40. Датируется по КЛ 1949.

* 67. РП, 1936, 27 июня; КН, 1936, № 9 (см. примеч. 66); Н Сб1 (см. примеч. 66); С 1937; Д — всюду под загл. «Прощание» и в др. ред.; СС4, т. 1 (др. ред.). Печ. по СС5, т. 1, с. 87.

68. РП, 1936, 6 июля (см. примеч. 55). Печ. по КН, 1937, № 2, с. 160 (см. примеч. 56). Датируется по С 1937.

* 69. РП, 1936, 28 августа, под загл. «Невеста»; КН, 1936, № 9 (см. примеч. 66); Н Сб1 (см. примеч. 66), под загл. «Сверстница». (См, с ошибочной датой: 1938). Печ. по С 1937, с. 47. Ранний вариант: «Невеста» («Наше детство было вместе...») — ЮТ, 1927, 18 мая — с близким зачином, но другим развитием сюжета.

70. РП, 1936, 5 сентября, под загл. «Пилот»; КН, 1937, № 2 (см. примеч. 56); Д, без загл.; Избр 1946; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 37 (текст всюду без изменений). Первоначальный набросок стих.—РТ, запись от 10 сентября 1934 г. (ЛН, с. 328).

71. РП, 1936, 11 сентября; КН, 1936, № 9 (подп. к печ. 17.09.36) (см. примеч. 66); Н Сб1 (см. примеч. 66); С 1937; КЛ 1962. (СтП 1954, Избр 1957 — с датой: 1935). Печ. по СС5, т. 1, с. 97, где автор вернулся к варианту С 1937.

72. РП, 1936, 4 июля; КН, 1936, № 9 (см. примеч. 66); С 1937; СтП2 1954, т. 1; СтП 1954 (как в С 1937); СтП2 1957, т. 1; Избр 1957 (как в С 1937); Избр Лир 1958 (как в СтП2 1957, т 1); ИСт 1958; СС4, т. 1; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 93, где автор вернулся к варианту СС4, т. 1.

* 73. РП, 1936, 30 июля; КН, 1936, № 9 (см. примеч. 66); С 1937; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 48, где автор вернулся к варианту С 1937.

74. РП, 1937, 1 января, под загл. «Первенец»; КН, 1937, № 2 (см. примеч. 56). Печ. по С 1937, с. 73.

75. РП, 1937, 27 мая; «Колхозник», 1937, № 10. (ИЛ — с датой: 1937; КЛ 1949 — с датой 1943.) Печ. по Д, с. 88, где автор вернулся к варианту РП. Датируется по ИСП. Положено на музыку Г. Свиридовым. *Починок* — железнодорожная станция, ближайшая от хутора Загорье, родины Твардовского.

76. РП, 1937, 8 марта; КН, 1937, № 2 (см. примеч. 56) — в обеих публикациях под загл. «Свидание». Печ. по С 1937, с. 41. *Кочедыг* (кочедык, обл.) — шило для плетения лаптей. *Копыл* (обл.) здесь: колодка, на которой плетутся лапти.

77. ЛиЖ, 1958, 6 апреля, в подборке «Лирика разных лет», вместе со стих. 78, 110—112, 131, 174, 178, 219, с примеч.: «Полностью цикл „Лирика разных лет (1936—1958 гг.)“ передан автором для третьей книги альманаха „Литературная Москва“»; НМ, 1958, № 7, в подборке «Из лирики разных лет. 1936—1958», вместе со стих. 78—83, 96, 97, 110—112,

131, 132—134, 174, 178, 219, 220, 226, «Два города в утренних дымах...», «Младшему другу» («Двадцать восемь — какая же молодость...»), без загл.; СС4, т. 1; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 46.

78. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 1.

79. НМ, 1958, № 7, с. 28 (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 1.

80. НМ, 1958, № 7, с. 30 (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 1.

81. НМ, 1958, № 7, с. 31 (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 1.

82. НМ, 1958, № 7, с. 29 (см. примеч. 77), под загл. «Муж и жена»; СЗК 1961; КЛ 1962 (как в НМ). Печ. по СС5, т. 1, с. 84.

83. НМ, 1958, № 7, с. 28 (см. примеч. 77), под загл. «Дорога». Печ. по СС4, т. 1, с. 126.

84. ДН, 1973, № 1, с. 73 (см. примеч. 50), под загл. «Дочка». Печ. по СС6, т. 1, с. 123, где опубликовано по РТ. Посвящено дочери поэта, В. А. Твардовской.

85. ДН, 1973, № 1, с. 73 (см. примеч. 50). Рукопись — архив Твардовского.

86. РП, 1937, 3 января, под загл. «Женщине»; КН, 1937, № 2 (см. примеч. 56); «Крестьянка», 1937, № 11 (апрель), с посвящением: «Посвящается многодетной матери»; С 1937. Печ. по Избр 1946, с. 37. Датируется по КЛ 1949.

* 87. РП, 1937, 15 марта; С 1937. Печ. по СС5, т. 1, с. 131.

88. ЛГ, 1937, 1 мая; С 1937; См; Избр 1946 (как в С 1937); ИЛ (как в См); ИСт 1958. Печ. по СС4, т. 1, с. 141, где автор вернулся к варианту См. Положено на музыку М. Черемухиным.

* 89. КН, 1938, № 1, с. 62, в подборке «Стихи», вместе со стих. 90—94 и «Рассказ Матрены» («Как прошли повсюду слухи...»); Д; Избр 1946; КЛ 1949. Печ. по СС5, т. 1, с. 123, где автор вернулся к варианту Избр 1946. «В основе — реальное впечатление от конкретной дороги 〈...〉. Вероятно, речь идет именно об автостраде Москва — Минск, тогда только законченной» (Македонов, с. 144). *Дед Гордей* — Гордей Васильевич, дед поэта по отцу (см. о нем вступ. статью, с. 6).

90. КН, 1938, № 1, с. 63 (см. примеч. 89); Д, под загл. «Отец и сын» (текст — как в КН); СХ (как в КН); См. Печ. по СС5, т. 1, с. 126.

91. КН, 1938, № 1, с. 63 (см. примеч. 89); Д; БМ, 1939, 14 февраля, в подборке «Стихи Александра Твардовского», вместе со стих. 75, 108 (как в КН); Избр 1946; СтП2 1954, т. 1 (как в Д). Печ. по СС4, т. 1, с. 160, где автор вернулся к варианту Избр 1946. Положено на музыку Р. Бойко.

92. КН, 1938, № 1, с. 66 (см. примеч. 89); Д; ИСП, под загл. «Соперник» (текст как в Д; исправлена опечатка в ст. 37). Печ. по КЛ 1949, с. 44.

93. КН, 1938, № 1, с. 68 (см. примеч. 89); СЗК 1961. Печ. по СС5, т. 1, с. 121. Положено на музыку В. Васильевым-Буглаем, Е. Веприком.

* **94.** КН, 1938, № 1, с. 66 (см. примеч. 89); Д, под загл. «Про деда Данилу»; СХ; См, под загл. «Про деда Данилу»; Избр 1946; ИСП (как в КН); СвД; КЛ 1949; СтП2 1954, т. 1 (как в СвД); СтП 1954 (как в КЛ 1949). Печ. по СС5, т. 1, с. 139. Положено на музыку В. Захаровым.

95. КН, 1938, № 5, с. 120, в подборке «Стихи», вместе со стих. 98—101, 106, без даты, с авторским примеч.: «В основу этого стихотворения положена украинская народная песня, перевод которой был сделан мною для книги „Творчество народов СССР“»; СХ, без даты; См, с датой: 1938; Избр 1946, без даты; ИСП, с датой: 1938; СвД (текст — как в Избр 1946); КЛ 1949, с датой: 1938; СтП2 1951, т. 1; ИСт 1958; КЛ 1962 — в последних четырех публикациях с подзаг.: «(С украинского)». (ПДД, Избр 1950 — с датой: 1938.) Печ. по СС5, т. 1, с. 135. Из перевода современной народной песни «Дед Данила (с украинского)» (С 1937, с. 68) в текст стих. вошли строфы 1 и 3 — с разночтениями (в стих. это строфы 1 и 8).

96. НМ, 1958, № 7, с. 30 (см. примеч. 77); СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 57 (текст всюду без изменений). Посвящено матери поэта, Марии Митрофановне Твардовской (1888—1965).

97. НМ, 1958, № 7, с. 30 (см. примеч. 77); СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 71 (текст всюду без изменений).

98. КН, 1938, № 5, с. 118 (см. примеч. 95); СХ; ИЛ; СвД (как в СХ); КЛ 1967. Печ. по СтП 1971, с. 73, где автор вернулся к варианту СХ. «Прототипом Ивушки-печника явилось реальное лицо. По словам Константина Трифоновича Твардовского (старшего брата поэта.— *Ред.*), это был прекрасный печник, большой балагур и выдумщик. Звали его в деревне ласково — Яковушка» (Кондратович, с. 130).

* **99.** КН, 1938, № 5, с. 119 (см. примеч. 95); СХ; КЛ 1962. Печ. по СС5 т. 1, с. 144.

100. КН, 1938, № 5, с. 122 (см. примеч. 95), под загл. «Сверстнику»; СХ; ИСП, под загл. «Сверстнику»; КЛ 1949 (текст всюду как в КН); СтП2 1957, т. 1. Печ. по Избр 1957, с.83, где автор вернулся к варианту СХ.

101. КН, 1938, № 5, с. 122 (см. примеч. 95); ИЛ; СвД (как в КН); КЛ 1949 (как в ИЛ); СС5, т. 1. Печ. по КЛ 1967, с. 99, где автор вернулся к варианту ИЛ.

102. Пр, 1938, 26 июня; СХ; ИСП. Печ. по КЛ 1949, с. 99.

103. Пр, 1938, 6 июля; «Пионерская правда», 1939, 14 мая; КЛ 1949 (как в Пр). Печ. по СС5, т. 1, с. 176. Посвящено летчице Полине Денисовне Осипенко (1907—1939). В стих. речь идет о беспосадочном перелете по маршруту Севастополь — Архангельск, осуществленном ею вместе с В. Ф. Ломако и М. М. Расковой на гидросамолете «МП-1».

104. ЛГ, 1938, 10 июля; СХ; СвД; КЛ 1949 — всюду под загл. «Случай в дороге». Печ. по СС4, т. 1, с. 209.

105. КН, 1938, № 8, с. 49; ПДД; См; Избр 1946; ИСП; КЛ 1949; СС5, т. 1; КЛ 1967. Печ. по СтП 1971, с. 63, где автор вернулся к варианту СС5, т. 1. *Загнет* (загнетка, обл.) — место в русской печи, куда загребают жар.

106. КН, 1938, № 5, с. 121 (см. примеч. 95), под загл. «Баня»; СХ; Избр 1946; КЛ 1949; Избр 1957. Печ. по СС4, т. 1, с. 191, где автор вернулся к варианту КЛ 1949.

107. Пр, 1938, 7 сентября. Печ. по СХ, с. 53. Датируется по См.

108. КН, 1938, № 10, с. 107, под загл. «О теленке»; СХ; БМ, 1939, 14 февраля (см. примеч. 91); ИС 1940 (как в СХ) — в последних трех публикациях под загл. «Теленок»; Избр 1946; ИСт 1958; СС4, т. 1. Печ. по СС5, т. 1, с. 185.

109. ПДД, с. 34; «Год двадцать второй». Альм. 14, М., 1938, с датой: август 1938; СХ; См (как в ПДД); ИЛ (как в СХ); КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 193.

110. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77), под загл. «Утро»; НМ, 1958, № 7 (см. примеч. 77); СЗК 1961, без загл. Печ. по СС4, т. 1, с. 177 (текст всюду без изменений).

111. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 1.

112. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77), под загл. «Гость»; НМ, 1958, № 7 (см. примеч. 77); СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 110 (текст всюду без изменений).

113. ДН, 1973, № 1, с. 74 (см. примеч. 50), под загл. «Сын». Печ. по СС6, т. 1, с. 197, где опубликовано по рукописи из архива Твардовского. Посвящено сыну поэта, Саше (1937—1939). О его внезапной болезни и смерти см. письмо Твардовского С. Я. Маршаку от 12 октября 1939 г. (СС6, т. 6, с. 359—360), а также воспоминания М. И. Твардовской «Колодня», где приводится дневниковая запись Твардовского от 14 октября 1939 г. (Воспоминания, с. 97—102).

114. Зв, 1940, № 3-4, с. 76, в подборке «Из цикла „Поездка в Загорье“», вместе со стих. 115, 116, под загл. «Последний день на хуторе» (др. ред.); Заг, под загл. «Печка», как 1-я часть двухчастного стих. «На старом дворище», созданного на основе первопечатной редакции (2-я часть: «Прощанье» — «Перевезла хозяйка хату...»). Печ. по Избр 1946, с. 123. Датируется по КЛ 1949. *Костра* — см. примеч. 58.

* **115.** Зв, 1940, № 3-4, с. 77 (см. примеч. 114), без даты; БМ, 1940, 26 сентября, с подзаг.: «Из цикла „Поездка в Загорье“», без даты; НМ, 1940, № 9 (подп. к печ. 04.09—09.10 1940), в составе цикла «Загорье», вместе со стих. 117—121, 125, с общей датой: 1939—1940; Заг, без даты; См, с датой: 1939—1940 — в последних трех публикациях под загл. «Братья»; Избр 1946, без даты; ИСП, с датой: 1939—1940; КЛ 1949; Избр 1950; СтП2 1954, т. 1; СС5, т. 1. Печ. по КЛ 1967, с. 125. В стих. речь идет о родных братьях поэта — Константине, Иване, Павле и Василии. *Леса, поля и взгорья Имели имена* и т. д. «На хуторе у нас все приметные места носили имена. «Поле под дубами» — при вырубках мелколесья были оставлены два дубка, как наиболее редкостные и ценные деревья. ⟨...⟩

Была еще и «Белая горка» — жиденькая рощица березок 〈...〉. Эти места, конечно, до смешного малы, но в детстве воспринималось нами все это совсем по-особому» (Твардовский И., с. 14).

* **116.** БМ, 1940, 1 мая; Зв, 1940, № 3-4 (подп. к печ. 10.06.40) (см. примеч. 115); Заг; См; Избр 1946 (как в Заг); СтП2 1951, т. 1, под загл. «Друзья». Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 160. *Друзья, с кем я коров стерег.* «Пасти скотину, как помню, мать будила брата Шуру 〈...〉. Шуре пришлось нести такую службу несколько лет» (Твардовский И., с. 15).

* **117.** РП, 1940, 29 сентября, в подборке «Стихи Александра Твардовского», вместе со стих. 118, 120, 121; НМ, 1940, № 9 (см. примеч. 115), под загл. «Приезд»; Заг; Избр 1946; ИСП; КЛ 1949. (СтП2 1957, т. 1, с датой: 1940). Печ. по СС5, т. 1, с. 211. *Вижу, будто бы Лазарь* и т. д. По воспоминаниям младшего брата поэта — реальное лицо, Лазарь Иванович Иванов из соседней деревни Столпово. «Был он балагур, песенник и плясун. Жил бедновато, а точнее, даже бедно 〈...〉. Но была в нем жизнерадостность, никогда он не унывал 〈...〉. Знал множество шуток, частушек-прибауток» (Твардовский И., с. 35—36). *Загнетка* — см. примеч. 105.

118. РП, 1940, 29 сентября (см. примеч. 117); НМ, 1940, № 9 (см. примеч. 115), под загл. «Рожь»; Заг; Избр 1946, под загл. «Рожь, рожь...». Печ. по ИСП, с. 90 (текст всюду без изменений).

* **119.** БМ, 1940, 8 мая; НМ, 1940, № 9 (см. примеч. 115) — обе публикации под загл. «Про шофера»; СвД (текст как в НМ); СтП2 1954, т. 1; СтП2 1957, т. 1 (текст как в НМ). Печ. по СС4, т. 1, с. 231, где автор вернулся к варианту СтП2 1954, т. 1. Положено на музыку В. Захаровым.

120. РП, 1940, 29 сентября (см. примеч. 117), без даты; НМ, 1940, № 9 (см. примеч. 115); Заг, без даты; Избр 1946, без даты. (ИСП — с датой: 1938, КЛ 1949 — с датой 1940). Печ. по СС5, т. 1, с. 207.

121. РП, 1940, 29 сентября (см. примеч. 117), без даты; НМ, 1940, № 9 (см. примеч. 115), под загл. «Осень»; Избр 1946, под загл. «Осень»; КЛ 1949. (ИСП, СтП2 1957, т. 1 — с датой: 1940). Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 167, где автор вернулся к варианту Избр 1946. Датируется по Избр 1957.

122. Пр, 1939, 21 октября, с пометой: «Брест-Литовск»; Зв, 1939, № 12, в подборке «Из фронтовых стихов», вместе со стих. 123, «Боец-агитатор» («Проклятому панству...»), «Перед боем» («Я нынче ночью в бой иду...» — в соавторстве с И. Френкелем), «Памяти лейтенанта Трубочкина» («Мы известим его родных...»), «Народное собрание» («Когда на мраморе прочтут...»), с общим примеч.: «Написано во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию» и пометой под стих.: «Бельск»; МГв, 1940, № 1, в цикле «Фронтовые стихи», вместе со стих. 123, а также «Народное собрание», «Памяти лейтенанта Трубочкина», «Боец-агитатор», «Сказ тысячеустый» («По деревушкам захолустным...») (как в Пр). Печ. по КЛ 1949, с. 154. В сентябре 1939 г. Твардовский был мобилизован и участвовал в освобождении Западной Белоруссии в качестве сотрудника армейской газеты «Часовой Родины».

123. Сб. «Фронтовые стихи», изд. красноармейской газ. «Часовой Родины», 1939 (подп. к печ. 02.10.39), с. 15; Зв, 1939, № 12 (см. примеч.

122), с пометой: «Барановичи»; МГв, 1940, № 1 (см. примеч. 122) (как во «Фронтовых стихах»); ИС 1940; КЛ 1949. Печ. по СС4, т. 1, с. 246, где автор вернулся к варианту ИС 1940.

* 124. «Ленинградская правда», 1940, 21 января и «На страже Родины», 1940, 21 января; Заг, без даты; См; «Работница», 1944, № 1, без даты; РП, 1946, 22 января (как в Заг), без даты — всюду с подзаг.: «(По преданию)»; Избр 1946, без даты; ИСП, с подзаг.: «(По преданию)» и датой: 1940; КЛ 1949, с датой: 1938—1940; «Антология русской советской поэзии в 2-х т. 1917—1957». Т. 2, М., 1957, с датой: 1938—1940; А. Твардовский. Ленин и печник, М., 1957, с подзаг.: «(По преданию)», без даты; ИСт 1958, с датой: 1938—1940; СС4, т. 1, с датой: 1938—1940. Печ. по СтП 1971, с. 90, с исправлением ошибочной даты: 1938—1940. По свидетельству М. И. Твардовской, «первые строки стихотворения записаны Твардовским в рабочей тетради 21 января 1939 года и закончены авторской пометкой: «Плохо, скучно. Работать нет сил». Работа была приостановлена» (письмо в редакцию «Б-ки поэта» от 7 февраля 1985 г.). В тот же день Твардовский сообщил С. Я. Маршаку: «работаю сейчас над одной вещицей (о печнике, который делал печку Ленину в Горках,— по рассказу одного горкинского жителя, напечатанному)» (письмо от 21 января 1939 г.— СС6, т. 6, с. 360). Работа над стих. была продолжена в следующем году. Поэт писал жене 7 янв. 1940 г. из Ленинграда, где находился во время советско-финляндской войны: «Пришли мне из последней моей тетради начало сказки о Ленине и печнике, Я м. б. окончу ее и напечатаю в ленинские дни» (архив Твардовского, цит. по письму М. И. Твардовской в ред. «Б-ки поэта»). О создании стих. Твардовский рассказал в заметке «История одного стихотворения» (Изв, 1967, 15 апреля; то же, под загл. «О стихотворении „Ленин и печник“» — СС5, т. 5, с. 126), где, в частности, пишет: «Стихотворение основано на опубликованной в книге «Творчество народов СССР» (изд. ред. «Правды», М., 1937) фольклорной записи под названием «Печник». ⟨...⟩ стихотворение было задумано и начато мною в год издания книги «Творчество народов СССР» (вновь я обратился к этой вещи и закончил ее в 1940 году) ⟨...⟩ Но я ⟨...⟩ писал свое стихотворение, не сверяясь с записью, прочитанной мною ранее, а по живой памяти». В конце заметки приводится фольклорная запись рассказа. Однако в письме директору Дома-музея В. И. Ленина в Горках В. В. Волковой от 27 апреля 1964 г. Твардовский писал: «...мне помнится, что этот самый крестьянский рассказ я читал не в этой роскошной книге (т. е. не в издании 1937 года.— *Ред.*), а в другом издании, другого формата и меньшего объема...» (СС6, т. 6, с. 219). «Другая книга,— сообщает М. И. Твардовская в редакцию «Б-ки поэта»,— «Рассказы о Ленине» (Детиздат, 1939). Именно она послужила источником для создания собственного произведения Твардовского о Ленине» (письмо от 7 февраля 1985 г.). После опубликования заметки «История одного стихотворения» читатель П. П. Чурбаков сообщил Твардовскому, что был знаком с горкинским печником Бендериным, ремонтировавшим камин (в стих.— «печь голландскую») у Ленина в Горках (см. письмо от 6 октября 1967 г.— СС6, т. 6, с. 261 и примеч. к нему, с. 570—571).

125. НМ, 1940, № 9, с. 61 (см. примеч. 115); БМ, 1940, 10 октября, в подборке «Стихи Александра Твардовского», вместе со стих. 128, «Григорий Пулькин» («Когда кузнец — кузнец хороший...»), «Лучше нет!..» («На войне, в пыли походной...»,— в дальнейшем вошло в качестве зачина в поэму «Василий Теркин» — см. стих. 172), «Шофер Артюх» («Пона-

чалу вроде...»); Заг (как в НМ) — всюду под загл. «Мать»; См (текст как в БМ); ИЛ, под загл. «Зашел я в дом...»; ИСП (как в НМ). Печ. по КЛ 1949, с. 158.

126. ДП 1972, с. 195, в подборке «Из лирики разных лет», публикация М. И. Твардовской, вместе со стих. 135, 143, 180, «Война, война. Любой из нас...», «Под вражьим тяжким колесом...», «В жизни воина дорожной...», «Беда откроется не вдруг...», «Медленно товарный...», «За озером — будто страна...», «У новоселов в Казахстане...». Печ. по СС6, т. 1, с. 226, где опубликовано по одному из двух рукописных вариантов, датированных: 10 июня 1940 и 23 июня 1940, из архива Твардовского (см. СС6, т. 1, с. 410). «„Садик в поле открытом..." — стихи, навеянные поездкой на Смоленщину, в родные места, в 1940 году...» (послесловие В. Лакшина.— СС6, т. 1, с. 200).

* **127.** КЗ, 1940, 15 февраля, под загл. «Вперед, стрелковая, вперед!» (др. ред.); Зн, 1940, № 6-7, в подборке «Из фронтовых стихов», вместе со стих. «Баллада о красном знамени» («Там снег с землей, песок с золой...») и «Новогодняя ночь» («Запомним, друзья, новогоднюю эту...») (др. ред.); ФС; ИФС; ИС 1941 (как в ФС) — всюду без даты; См; КЛ 1949, с датой: 1939—1940; ИСт 1958. Печ. по СС4, т. 2, с. 7, где автор вернулся к варианту См. В этом стих., как и в стих. 128—134, отразились впечатления советско-финляндской войны, в течение которой поэт работал в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины». Завершено сразу после прорыва «линии Маннергейма» (11—13 февраля 1940 г.); 123-я дивизия, где Твардовский находился в дни прорыва, за успешное проведение этой операции была награждена орденом Ленина.

128. БМ, 1940, 10 октября; СС4, т. 2; СЗК 1961, без загл. (текст как в СС4); КЛ 1962 (как в СС4). Печ. по СтП 1971, с. 98. Стихотворению соответствует запись в заметках Твардовского «С Карельского перешейка. Из фронтовой тетради» (1939—1941): «Одного жеребенка, рассказывают, артиллеристы наши долго подкармливали хлебом и пр. Так он и шел с батареей» (СС5, т. 5, с. 428).

* **129.** Изв, 1941, 1 января; ФС; СтП2 1954, т. 1 — всюду в др. ред.; СтП 1954; СтП2 1957, т. 1 (др. ред.) — всюду под загл. «В землянке»; СС4, т. 2 (текст как в ФС). Печ. по СС5, т. 1, с. 258. Впоследствии первые 12 строк концовки 1-й редакции стих. вошли в переработанном виде в поэму «Василий Теркин» (гл. «Переправа»).

130. «Пионер», 1941, № 1, с. 34, в подборке «Фронтовые стихи», вместе со стих. 133; ИФС; ИС 1941 (как в журн. «Пионер»); Избр 1946; КЛ 1949; СЗК 1961, без загл. (текст — как в КЛ 1949). Печ. по КЛ 1962, с. 171, где автор вернулся к варианту КЛ 1949.

131. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77), под загл. «Военная зима». Печ. по НМ, 1958, № 7, с. 34 (см. примеч. 77), где автор вернулся к варианту ЛиЖ. Датируется по СС4, т. 2.

132. НМ, 1958, № 7, с. 33 (см. примеч. 77). Датируется по СС4, т. 2.

* **133.** «На страже Родины», 1940, 30 ноября; «Пионер», 1941, № 1 — в обеих публикациях с посвящением: «Героям Советского Союза тт. Д. Диденко, А. Крысюку, Е. Кривому» (др. ред.); НМ, 1958,

№ 7 (см. примеч. 77); СЗК 1961, без загл. (текст — как в НМ). Печ. по КЛ 1962, с. 167, где автор вернулся к варианту НМ. Впоследствии из 1-й редакции стихотворения вошли в поэму «Василий Теркин» ст. 22—26 в гл. «Переправа» и ст. 4 в гл. «Теркин ранен».

134. НМ, 1958, № 7, с. 34 (см. примеч. 77). Датируется по СЗК 1961.

II

1941—1946

135. ДП 1972, с. 196 (см. примеч. 126), без загл., с датой: 1940. См. примеч. 126.

136. ЮЗФ, с датой: июль 1941; СС5, т. 1. Печ. по КЛ 1967, с. 150, где автор вернулся к варианту ЮЗФ. По свидетельству поэта Е. Долматовского, начало создания этого стих. относится к концу июня 1941 г., когда Твардовский, вместе с Е. Долматовским и Д. Алтаузеном, добирался из Киева в Тарнополь («Тернополем город стал зваться позже»,— пишет Е. Долматовский), в штаб Юго-Западного направления, к которому были прикомандированы все трое (см.: Воспоминания, с. 139—143).

137. КА, 1941, 31 августа, под загл. «Слово ненависти»; Изв, 1941, 16 сентября, под загл. «Мы час от часу будем бить сильней!..», с пометой: «Действующая армия». Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 207.

138. КА, 1941, 1 октября; Пр, 1941, 4 октября; «Пионерская правда», 1941, 7 октября; ЮЗФ. Печ. по КЛ 1949, с. 213.

139. КА, 1941, 5 декабря; А. Твардовский, Стихи о войне, М., 1942; См; Избр 1946; КЛ 1949. Печ. по СтП2 1951, т. 1, с. 213.

140. Изв, 1942, 10 мая, с пометой: «Юго-Западный фронт», без даты; ЮЗФ; См — обе публикации с датой: 1941—1942; В; Избр 1946 — две последние публикации без даты. Печ. по ИСП, с. 137.

141. Изв, 1942, 24 мая; ЮЗФ; КЛ 1949; СтП2 1954, т. 1; СтП2 1957, т. 1. Печ. по СС4, т. 2, с. 112, где автор вернулся к варианту СтП2 1954, т. 1. *За Починками, Глинками.* Починок — районный центр, Глинка — железнодорожная станция в Смоленской области.

142. КП, 1942, 7 ноября, под загл. «Под праздник», без даты; НМ, 1943, № 10-11, в подборке «Из фронтовой хроники», вместе со стих. 146, 149, «Немые» («Я слышу это не впервые...»), «Бойцу Западного фронта» («Оглянися, где ты вновь...»), под загл. «Сапожник в лесу», с датой: 1942. Ноябрь; ФХ; Избр 1946, без даты; ИСП, под загл. «Сапожник», с ошибочной датой: 1943; КЛ 1949; А. Твардовский, Стихи, М., 1957; ИСт 1958. Печ. по КЛ 1962, с. 207.

143. ДП 1972, с. 196 (см. примеч. 126).

144. КП, 1943, 2 декабря — как вступление к поэме «Дом у дороги»; ЛГ, 1944, 11 ноября — как часть поэмы «Дом у дороги»; Зн, 1946, № 1, в подборке «Стихи из записной книжки (1941—1945)», вместе со стих.

151—157, 161—169, «Еще дороги и мосты...», «Песенка» («Не спеши, невеста...»), «Письмо» («Уважаемый писатель...») «Дом по дороге фронтовой...»; ИЛ (как в ЛГ). Печ. по СтП2 1951, т. 1, с. 217, где автор вернулся к варианту Зн.

* **145.** КП, 1943, 1 августа, под загл. «Дорога»; ФХ; В; Избр 1946 (др. ред.); КЛ 1949; СтП2 1954, т. 1; СтП 1954. Печ. по СС5, т. 1, с. 356, где автор вернулся к варианту СтП2 1954, т. 1.

146. КП, 1943, 7 августа; НМ, 1943, № 10-11 (см. примеч. 142); Избр. 1946, под загл. «Когда пройдешь путем колонн»; Печ. по ИСП (текст — как в Избр 1946). Положено на музыку Р. Бойко.

147. Пр, 1943, 22 октября; ФХ; Избр 1946. Печ. по КЛ 1949, с. 275, где автор вернулся к варианту ФХ. По свидетельству писателя Е. Воробьева, фронтового товарища Твардовского, в основе стих. лежат реальные факты и конкретная судьба: «В жестоком бою 28 сентября 1941 года пал смертью храбрых командир полка Мещеряков, общий любимец. Похоронили его тогда второпях: кругом гремел бой, который сам Мещеряков не успел довести до конца. Перед тем как оставить Петуховку, прах Мещерякова перевезли дальше на восток, в селение Буда-Завод, и предали земле. Поставить памятник не успели, да это было и неосторожно — немцы могли осквернить могилу героя. Лишь два года спустя на могиле Мещерякова установили памятник и командиру воздали почести, каких он достоин, ⟨...⟩ я подробно рассказал Твардовскому о траурном митинге в Буда-Заводе — не откликнется ли он на это событие? ⟨...⟩ Через несколько дней газета напечатала стихотворение «У славной могилы»...» (Воспоминания, с. 157).

* **148.** КП, 1943, 6 ноября, под загл. «Россия»; Кр, 1944, № 1; ФХ; КЛ 1949; СтП2 1951, т. 1; СтП2 1954, т. 1; СтП 1954. Печ. по СС4, т. 2, с. 164.

149. НМ, 1943, № 10-11, с. 3 (см. примеч. 142), без загл., как отдельные стих.: 1. «Два только года — или двести...», с датой: 1943. Ноябрь; 2. «Какой-то немец в этом доме...», с датой: 1943. Декабрь; ФХ; ИЛ — 1-я часть, под загл. «В Смоленске»; Избр 1946; ИСП; КЛ 1949; СтП2 1954, т. 1; СЗК 1961 — 1-я часть, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 235, где автор вернулся к варианту КЛ 1949.

* **150.** КП, 1944, 9 января, под загл. «Прощание с домом» — как часть гл. «Прощание с домом» из 1-й редакции поэмы «Дом у дороги»; ЛГ, 1944, 11 ноября — как часть зачина поэмы «Дом у дороги»; ФХ; ИЛ; Избр 1946. Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 294.

151. Зн, 1946, № 1, с. 97 (см. примеч. 144); КЛ 1949; СЗК 1961, без загл. (текст — как в КЛ 1949). Печ. по КЛ 1962, с. 213, где автор вернулся к варианту КЛ 1949.

152. Зн, 1946, № 1, с. 97 (см. примеч. 144); РП, 1946, 23 февраля, в подборке «Стихи военных лет», вместе со стих. 153, 161, 167, «Песенка» («Не спеши, невеста...»), «От автора» (заключительная глава из поэмы «Василий Теркин»); КЛ 1949; СтП2 1951, т. 1; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 214, где автор вернулся к варианту СтП2 1951, т. 1.

153. Зн, 1946, № 1, с. 97 (см. примеч. 144); РП, 1946, 23 февраля (см. примеч. 152); СтП2 1951, т. 1; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 338, где автор вернулся к варианту СтП2 1951, т. 1.

154. Зн, 1946, № 1, с. 98 (см. примеч. 144); СЗК 1961, без загл. (текст как в Зн). Печ. по КЛ 1962, с. 216, где автор вернулся к варианту Зн.

155. Зн, 1946, № 1, с. 98 (см. примеч. 144); РП, 1946, 14 апреля, в подборке «Творчество дважды Лауреата Сталинской премии А. Твардовского», вместе со стих. 157, 168, 177 и главой из поэмы «Дом у дороги» — «В плену» («Родился мальчик в дни войны...»); СЗК, 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 218.

156. Зн, 1946, № 1, с. 98 (см. примеч. 144). Печ. по ИСП, с. 193.

157. Зн, 1946, № 1, с. 99 (см. примеч. 144), без даты; РП, 1946, 14 апреля (см. примеч. 155), с ошибочной датой: 1945; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 215, где автор вернулся к варианту Зн.

158. Зн, 1947, № 11, с. 141. Печ. по СС4, т. 2, с. 119.

159. КП, 1944, 1 июля; Ог, 1944, № 28-29 (подп. к печ. 15.08.44), под загл. «На Запад»; Кр, 1944, № 16, с. 11 (подп. к печ. 23.09.44), под загл. «Шоссе»; В; ФХ; СтП2 1951, т. 1; СтП2 1954, т. 1; СтП 1954 (как в СтП2 1951, т. 1). Печ. по Избр Лир 1958, с. 170, где автор вернулся к варианту СтП2 1954, т. 1.

160. КП, 1944, 24 ноября — 1-я часть, под загл. «Возмездие»; КП, 1945, 23 февраля — 2-я часть, под загл. «Расплата»; В — 1-я часть — всюду без даты; ФХ — 1-я часть; ИСП, с датой: 1945; КЛ 1949; СтП2 1951, т. 1. Печ. по СС5, т. 1, с. 396.

161. Кр, 1944, № 8, с. 15, как вариант зачина главы «На Днепре» поэмы «Василий Теркин»; Зн, 1945, № 1 (см. примеч. 144); РП, 1946, 23 февраля (см. примеч. 152). Печ. по СС5, т. 1, с. 382.

162. Зн, 1946, № 1, с. 99 (см. примеч. 144), без даты; ИСП; КЛ 1949 — две последние публикации с датой: 1945; СтП2 1951, т. 1; ИСт 1958; СЗК 1961, без загл.; КЛ 1962; СС5, т. 1; КЛ 1967. Печ. по СтП 1971, с. 124, где автор вернулся к варианту СС5, т. 1.

163. Зн, 1946, № 1, с. 99 (см. примеч. 144); КЛ 1949; СтП2 1957, т. 1 (как в Зн). Печ. по СС4, т. 2, с. 172, где автор вернулся к варианту КЛ 1949. В письме к П. С. Выходцеву от 17 февраля 1957 г. Твардовский писал: «„Стихотворение неизвестного солдата" — действительно стихотворение неизвестного автора. Я его нашел в литературной почте (стихи и прочее) нашей фронтовой редакции, занимаясь ответами начинающим. Ответить было некому — ни имени, ни адреса. Может быть (уж не помню), оно было как-нибудь неразборчиво подписано, но факт, что имени я не знал и поэтому «присвоил» стихотворение, немножко его поправив, главным образом в смысле грамматики» (СС6, т. 6, с. 58).

164. Зн, 1946, № 1, с. 100 (см. примеч. 144). Печ. по КЛ 1949, с. 316.

165. Зн, 1946, № 1, с. 100 (см. примеч. 144); СЗК 1961, без загл. (текст как в Зн). Печ. по КЛ 1962, с. 243.

166. Зн, 1946, № 1, с. 100 (см. примеч. 144); СЗК 1961, без загл. (текст как в Зн). Печ. по КЛ 1962, с. 247. *Под крышей поветки.* Поветка — покрытая крышей часть крестьянского двора, предназначенная для хранения инвентаря.

167. Зн, 1946, № 1, с. 100 (см. примеч. 144); СЗК 1961, без загл. (текст как в Зн). Печ. по КЛ 1962, с. 255.

168. Зн, 1946, № 1, с. 101 (см. примеч. 144), без даты; РП, 1946, 14 апреля (см. примеч. 155), с датой: 1944. Печ. по КЛ 1949, с. 318.

169. Зн, 1946, № 1, с. 102 (см. примеч. 144), без даты. Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 323.

170. КП, 1945, 3 мая, под загл. «Стихи без заглавия»; СтП2 1951, т. 1, под загл. «Берлин», с датой: 1945; СЗК 1961, без загл. (текст как в СтП2 1951, т. 1). Печ. по СС5, т. 1, с. 404.

171. Изв, 1945, 4 сентября; КЛ 1949, с датой: 1945; СС4, т. 2, (СтП 1954, с датой: 3 августа 1945 г.) Печ. по СС5, т. 1, с. 410.

*** 172.** Отдельные главы, отрывки. Кр, 1942, № 16 (подп. к печ. 30.08.42), с. 2: «От автора» («На войне, в пыли походной...», зачин главы — переработанный автором вариант публиковавшегося ранее стих. «Лучше нет»), «На привале», «Перед боем»; КП, 1942, 4 сентября: «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «На привале», с редакционным примеч.: «Лауреат Сталинской премии, поэт-орденоносец Александр Твардовский, работающий в газете «Красноармейская правда», написал новую поэму «Василий Теркин». Сегодня мы начинаем печатать эту поэму»; КП, 1942, 5 сентября. «Перед боем»; КП, 1942, 6 сентября: «Переправа»; КП, 1942, 8 сентября: «Теркин ранен»; КП, 1942, 9 сентября: «О награде»; КП, 1942, 10 сентября: «Гармонь»; КП, 1942, 11 сентября: «В избе солдата»; Кр, 1942, № 17 (подп. к печ. 11.09.42), с. 12: «Переправа», «Теркин ранен»; Пр, 1942, 20, 23 сентября: «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «Переправа», «Теркин ранен», с пометой: «Главы из поэмы. Полностью печатается в журнале „Красноармеец“»; Пр, 1942, 26 сентября: «Гармонь»; КП, 1942, 1 октября: «О потере»; Кр, 1942, № 18 (подп. к печ. 01.10.42), с. 4: «О награде», «Гармонь», «В избе солдата»; Зн, 1942, № 9 (подп. к печ. 05.10.42), с. 3: «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «В избе солдата»; КП, 1942, 13, 14 октября: «Поединок»; Зн, 1942, № 10 (подп. к печ. 22.10.42), с. 101: «О потере», «Поединок»; КП, 1942, 12 декабря: «От автора» («Сто страниц минуло в книжке...»), «Кто стрелял?»; КЗ, 1942, 18 декабря: «Кто стрелял?»; КП, 1942, 18 декабря: «Еще о награде»; ВТ, М., 1942 (подп. к печ. 21.12.42): «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «На привале», «Перед боем», «Переправа», «После боя», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере», «Поединок»; КП, 1942, 28 декабря: «Генерал»; КЗ, 1943, 8 января: «Генерал»; КП, 1943, 12 января: «День в лесу»; Кр, 1943, № 1 (подп. к печ. 14.01.43), с. 4: «От автора»

(«Сто страниц минуло в книжке...»), «Кто стрелял?»; КП, 1943, 15 января: «Рассказ партизана»; Кр, 1943, № 2 (подп. к печ. 29.01.43), с. 2: «Еще о награде», «Генерал»; КП, 1943, 5 февраля: «О любви»; Кр, 1943, № 3 (подп. к печ. 08.02.43), с. 6: «День в лесу», «Рассказ партизана»; «Дружные ребята», 1943, № 1 (подп. к печ. 10.02.43), с. 7: «Гармонь»; Кр, 1943, № 4 (подп. к печ. 01.03.43), с. 12: «Неурочная глава»; «Литература и искусство», 1943, 6 марта: вариант гл. «О любви», под загл. «Женщина»; КП, 1943, 13 марта: «Неурочная глава»; Кр, 1943, № 7 (подп. к печ. 08.04.43), с. 17: «Бой в болоте»; КП, 1943, 13 апреля: «Отдых Теркина»; КП, 1943, 21 апреля: «Бой в болоте»; Кр, 1943, № 8 (подп. к печ. 21.04.43), с. 6: «О любви»; КП, 1943, 12 мая: «В наступлении»; Кр, 1943, № 9-10 (подп. к печ. 13.05.43), с. 17: «На отдыхе»; КП, 1943, 13 июня: «Теркин пишет», «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»); Кр, 1943, № 12 (подп. к печ. 14.06.43), с. 4: «В наступлении»; Кр, 1943, № 15 (подп. к печ. 02.08.43), с. 8: «Теркин пишет», «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»); Зн, 1943, № 9-10 (подп. к печ. 27.11.43), с. 73 «От автора» («Сто страниц минуло в книжке...»), «Кто стрелял?», «О герое», «Генерал», «О себе», «Бой в болоте», «О любви», «Отдых Теркина», «В наступлении», «Теркин пишет», «Теркин — Теркин», «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»); Кр, 1944, № 6 (подп. к печ. 30.03.44), с. 3: «От автора» («По которой речке плыть...»), «Дед и баба»; ВТ, Чкалов, 1945 (подп. к печ. 15.04.44): «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере», «Поединок», «От автора» («Сто страниц минуло в книжке...»), «Кто стрелял?», «О герое», «Генерал», «О себе», «Бой в болоте», «О любви», «Отдых Теркина», «В наступлении», «Теркин пишет», «Теркин — Теркин», «От автора» («По которой речке плыть...»); Кр, 1944, № 7 (подп. к печ. 17.04.44), с. 10: «Отчий дом»; «Крокодил», 1944, № 15-16 (подп. к печ. 26.04.44), с. 7: «Дед и баба»; «Литература и искусство», 1944, 1 мая: «На Днепре»; Кр, 1944, № 8 (подп. к печ. 11.05.44), с. 15: «На Днепре»; КП, 1944, 23 мая: «От автора» («По которой речке плыть...»), «Смерть и воин»; КП, 1944, 24 мая: «Дед и баба»; КП, 1944, 26 мая: «На Днепре»; ВТ, М., Воениздат, 1944 (подп. к печ. 24.06.44): «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «Переправа», «Гармонь», «Два солдата», «Кто стрелял?», «Бой в болоте», «Отдых Теркина», «В наступлении», «Теркин — Теркин», «Дед и баба», «От автора» («По которой речке плыть...»); ВТ, М., Гослитиздат, 1944 (подп. к печ. 27.06.44): «От автора» («На войне, в пыли походной...»), «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере», «Поединок», «От автора» («Сто страниц минуло в книжке...»), «Кто стрелял?», «Генерал», «О себе», «Бой в болоте», «О любви», «Отдых Теркина», «В наступлении», «Теркин — Теркин», «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»); КП, 1945, 29 января: «Про солдата-сироту»; КП, 1945, 16 марта: «По дороге на Берлин»; Комс Пр. 1945, 21 марта: вариант гл. «Про солдата-сироту», под загл. «Грозен счет, страшна расплата»; КП, 1945, 15 апреля: «В бане»; ЛГ, 1945, 17 мая: «Смерть и воин»; Изв, 1945, 14 июня: «По дороге на Берлин»; «Крокодил», 1945, № 22 (подп. к печ. 21.06.45), с. 5: «В бане»; Изв, 1945, 22 июня: «О солдате»; ЛГ, 1945, 22 июня: «От автора» («Светит месяц, ночь ясна...»), с пометой: «Заключительная глава поэмы»; КП, 1945, 30 июня: «От автора» («Светит месяц, ночь ясна...»); Кр, 1945, № 13 (подп. к печ. 31.07.45), с. 17: «По дороге на Берлин»; Зн, 1945, № 8 (подп. к печ. 01.08.45), с. 1: «От автора» («По которой речке плыть...»), «Смерть и воин», «Дед и баба», «На Днепре», «Про солдата-

сироту», «По дороге на Берлин», «В бане», «От автора» («Светит месяц, ночь ясна...»); Кр, 1945, № 14 (подп. к печ. 20.08.45), с. 8: «В бане», «От автора» («Светит месяц, ночь ясна...»); А. Твардовский. Два солдата, М.— Л., 1946 (подп. к печ. 15.01.46): «Два солдата», «Дед да баба»; «Дружные ребята», 1946, № 2-3 (февраль — март), 2-я с. обл.: отрывок из гл. «По дороге на Берлин», под загл. «Родина»; «Советский воин», 1951, № 17 (сентябрь), с. 12: «Генерал». П о л н о с т ь ю. ВТ, М., 1946; ВТ, М., 1946 («Роман-газета», № 4), с пометой ред.: «Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 26 января 1946 г. Твардовскому Александру Трифоновичу присуждена Сталинская премия Первой степени за поэму „Василий Теркин"»; ВТ, М.— Л., 1947; ВТ, Калинин, 1947; П 1947; ВТ, М, 1949; ВТ, Иваново, 1951 (подп. к печ. 12.02.51); СтП2 1951, т. 2; ВТ, М., 1952; ВТ, М., 1953 (подп. к печ. 10.02.53); ВТ, Л., 1953 (подп. к печ. 27.03.53); ВТ, М., 1954; СтП2 1954, т. 2; СтП2 1957, т. 2; СС4, т. 2; ВТ, М., 1961; П 1963; ВТ, М., 1964; СС5, т. 2; ВТ, М., 1970. Печ. по СтП 1971, с. 309. Историю замысла и создания поэмы автор сам рассказал в статье «Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям)» (1951—1966), дальнейшие исследования лишь дополняют и развивают факты, основные положения этой статьи, в том числе и одно из самых существенных. Работа над поэмой началась до Великой Отечественной войны — во время советско-финляндской войны, когда Твардовский был одним из авторов «коллективного героя» группы литераторов и художников — популярного персонажа фронтовых фельетонов Васи Теркина. «Отдав дань «Васе Теркину» одним-двумя фельетонами, большинство его «зачинателей» занялись, каждый по своим склонностям и возможностям, другой работой в газете ⟨...⟩. И по окончании войны в Финляндии, когда один из моих товарищей по работе в военной печати услышал от меня — в ответ на вопрос о том, над чем теперь я работаю,— что я пишу «Теркина», он лукаво погрозил мне пальцем: так, мол, я и поверил тебе, что ты станешь теперь этим заниматься. Но я именно теперь думал, работал, бился над «Теркиным». «Теркин»,— почувствовал я, по-новому обратившись к этой работе,— должен сойти со столбцов «уголков юмора», «прямых наводок» и т. п., где он до сих пор выступал под этим или иным именем, и занять не какую-то малую часть моих сил, как задача узкоспециального «юмористического» толка, а всего меня без остатка. Трудно сказать, в какой день и час я пришел к решению всеми силами броситься в это дело, но летом и осенью 1940 года я уже жил этим замыслом, который отслонил все мои прежние намерения и планы» (СС5, т. 2, с. 365—366). Некоторые строфы, вошедшие в поэму, были написаны и опубликованы как самостоятельные произведения еще в 1939—1941 гг. Так, например, 11 декабря 1939 г. в газете «На страже Родины» появилось стих. «На привале», которое легло затем в основу одноименной главы. 6 ноября 1940 г. в газете «Красная звезда» было опубликовано стих. «Гармонь» — сокращенная редакция окончательного текста, и т. д. Подробнее о работе Твардовского над текстом поэмы на всех ее стадиях — см. статью А. Л. Гришунина « „Василий Теркин" А. Твардовского» в кн.: «Василий Теркин. Книга про бойца». М., 1976 (серия «Литературные памятники») с. 406—488. П е р е п р а в а. С т. 1 8 1 — 1 8 2. *И, у заберегов корку ледяную обломав.* Заберег — лед, застывший у берега. В н а с т у п л е н и и. С т. 1 3 1. *Как мальчонка с лодки в вир.* Вир (обл.) — омут, водоворот. Н а Д н е п р е. С т. 1. *За рекой еще Угрою.* Угра — левый приток Оки. С т. 2 8. *Здравствуй, речка Лучеса.* Лучеса протекает в Починковском районе Смоленской области, в нескольких километрах от д. Загорье. В б а н е. С т. 1 8 6. *У светца хлопочет.* Светец — светильник в виде плошки, в которую наливают растопленное сало (масло) и кладут

фитиль. О т а в т о р а. С т. 1 — 2. *Светит месяц, ночь ясна. Чарка выпита до дна.*— Концовка первой строфы «Похоронной песни» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина.

* **173.** О т д е л ь н ы е г л а в ы. КП, 1943, 2 декабря: др. ред. зачина и первой главы под загл. «Отцов и прадедов примета...», «Голошенье»; гл. 2 (как гл. 2 первого варианта поэмы), под загл. «Коси, коса...»; КП, 1943, 11 декабря: гл. 3 (как гл. 3 первого варианта), под загл. «Беженцы»; КП, 1944, 9 января: гл. 4 (как гл. 5-я первого варианта), под загл. «Прощанье с домом», зачин этой главы включал строки, которые позднее были переделаны автором в самостоятельное стих. «Зачем рассказывать о том...»; ЛГ, 1944, 11 ноября: вариант гл. 2, включающий строфы, легшие затем в основу стих. «Отцов и прадедов примета...» и «Зачем рассказывать о том...»; ЛГ, 1945, 28 июля, в рубрике «Будущие книги»: отрывок из гл. 1; ЛГ, 1945, 17 ноября, в рубрике «Из новых книг»: вариант гл. 4; РП, 1945, 21 декабря: гл. 5; ФХ: вариант гл. 2, без загл., с датой: 1942—1943; «Советская женщина», 1946, № 1, с. 33: гл. 8, под загл. «„В неволе“. Из поэмы „Домик у дороги“»; Изв, 1946, 31 марта: гл. 8, под загл. «„Рождение“. Глава из лирической хроники „Дом у дороги“». П о л н о с т ь ю. Зн, 1946, № 5-6, с. 3; ДуД, М., 1946; П 1947; ДуД, Воронеж, 1948; ДуД, Смоленск, 1948; ДуД, М., 1948 (Б-чка журнала «Советский воин»); ДуД, Магадан, 1948; П 1950; СтП 1954; Избр 1957; П 1957; ДуД, М., 1959 (как в Избр 1957); СС4, т. 3. Печ. по СС5, т. 3, с. 7. 28 июля 1945 г., рассказывая читателям ЛГ о своих творческих планах, Твардовский писал: «Помимо «Теркина» и многих стихов военного времени, составивших книжки «Юго-Западный фронт», «Возмездие» и «Фронтовая хроника», я писал и частично печатал во фронтовой газете «Красноармейская правда» поэму иного, чем «Теркин», плана и стиха — «Дом у дороги». Это тема не столько самой войны, сколько «дома», покинутого хозяином, ушедшим на фронт, пережившего войну, докатившуюся до него; «дома», в своем людском составе заброшенного из родных мест в далекую Германию, к берегам чужого моря; «дома», обретшего в нашей победе освобождение из плена и возрождение к жизни. Эта вещь — лирическая, развитие темы происходит по иным, чем в повествовательной форме, законам, и излагать ее содержание затруднительно. Начал я эту поэму «в грозный год, Когда зимой студеной, Война стояла у ворот Столицы осажденной». ⟨...⟩ Сейчас работа над поэмой близится к концу». Создавалась поэма, по свидетельству А. Кондратовича, «в три приступа — самые первые наброски были сделаны в 1942 году, дальше работа была продолжена в 1943 году, затем — в 1945 году и в начале 1946-го. Вся поэма была напечатана в № 3-6 журнала «Знамя» за 1946 год. ⟨...⟩ И в 1942-ом, и в 1943 годах, и даже в начале 1944-го не могло быть и речи о ⟨...⟩ окончательной кристаллизации замысла: война была еще в той поре, когда конец ее хоть и виделся, но был не близок. Да и угон семьи в Германию, ее страдания на чужбине тогда можно было только вообразить: у Твардовского не было никаких личных впечатлений, особенно важных во всей его поэтической практике. Время, только время могло теперь помочь поэме. ⟨...⟩ В дневниковых записях Твардовского, относящихся к 1944 году, тема беженского «дома», возвращающегося наконец-то на свои родные места, проходит как сквозная. Вот, например, запись, в которой «дом» начала войны и ее конца как бы смыкаются в одном ярчайшем впечатлении: «Впервые такую повозку я видел летом 1941 года на одной дороге в украинской степи: телега с верхом, сооруженным над задней ее половиной из листов красной железной крыши. Темная черноземная пыль, колонны отходящих войск, обозы и толпы гонимых войной мирных людей

с детьми, узелками, бедным, наскоро прихваченным скарбом... И может быть, самой неизгладимой приметой великого народного бедствия осталась в памяти от тех дней эта повозка с верхом, сделанным из лоскута покинутой кровли... А нынче,— продолжает Твардовский свою запись,— такую повозку я увидел на обочине одного из трактов на западе Белоруссии. И двигалась она на восток, и выглядывали из нее головенки измученных дорожной жарой ребятишек, и была она полна обычной жалостной беженской рухляди. Но все это имело совсем иной смысл». Концовку поэмы, как пишет А. Кондратович, подсказала поэту поездка в Загорье в 1945 г.: «От той поездки остался большой очерк «В родных местах», вчерне написанный тогда же, но опубликованный уже после «Дома у дороги», в первой публикации «Родины и чужбины» в журнале «Знамя»: там он замыкает книгу прозы. В этом очерке Твардовский рассказывает о встрече со старым загорьевским знакомым Михаилом Худолеевым и его женой Фрузой. Худолеев вернулся с войны инвалидом и сразу же начал вместе с женой «поднимать», строить новую хату, новый дом. Рассказ о Худолееве и его стройке и составляет ядро очерка. «Мне все более естественным казалось,— пишет Твардовский,— определить возведение этого незатейливого избяного сруба как некий подвиг. Подвиг простого труженика, хлебороба и семьянина, пролившего кровь на войне за родную землю и теперь на ней, разоренной и приунывшей за годы его отсутствия, начинающего заводить жизнь сначала, с жилья для своей семьи». ⟨...⟩ в феврале 1946 года поэма была окончена, и Твардовский поставил под ней дату: „1942—1946"». (А. Кондратович. «Найти слой...». Из творческой истории поэмы А. Т. Твардовского «Дом у дороги».— «Вопросы литературы», 1975, № 5, с. 133). В 1947 г. поэма была удостоена Государственной премии. Положена на музыку В. Гаврилиным (балет). Гл. 2. Ст. 12. *Когда звенел лопаткой.* Лопатка — оселок, которым точат, «лопатят» косу. Ст. 18. *И по косе вдоль жала.* Жало — острие косы. Ст. 26. *Косье в руках.* Косье, косовище — рукоятка (древко). Ст. 41. *Держать за клямку.* Клямка (обл.) — железный запор, задвижка у двери. Гл. 6. Ст. 22. *В холодной пуне.* Пуня (обл.) — сарай для хранения сена, соломы и т. д. Гл. 9. Ст. 79. *На старую селибу.* Селиба, селитьба (обл.) — вся усадьба, дом и двор со всеми угодьями.

III

1946—1960

174. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77); СС4, т. 3; СЗК 1961, без загл. (текст как в СС4). Печ. по КЛ 1962, с. 263.

175. РП, 1946, 1 января без даты; Ог, 1946, № 1, с. 1, под загл. «Родина», без даты; ИЛ; ИСП, под загл. «Родиться бы мне» (текст как в ИЛ), с датой: 1945; КЛ 1949; ПС 1952 — как 2-я часть цикла с общим загл. «О Родине» (1-я часть: «Одной тебе под стать твои дела...»). Печ. по СС5, т. 1, с. 423. *Постав* — устройство для размола зерна, состоящее из двух жерновов, один из которых вращается, другой укрепляется неподвижно.

176. Пр, 1946, 1 января; КЛ 1949; СтП2 1954, т. 1 (как в Пр); СС4, т. 4 (как в КЛ 1949); КЛ 1967 (как в Пр). Печ. по СтП 1971, с. 134, где автор вернулся к варианту КЛ 1949.

* 177. РП, 1946, 14 апреля (см. примеч. 155); «Красный воин», 1946, 16 апреля; Кр, 1946, № 7—8 (апрель) (как в РП) — всюду под загл. «Завещание воина»; НМ, 1946, № 6; КЛ 1949; СтП2 1951, т. 1; Пс 1952; СтП2 1954, т. 1 (как в КЛ 1949); А. Твардовский. Стихи, М., 1957; Избр Лир 1958. Печ. по СС4, т. 3, с. 80. Об истории создания этого стих. автор рассказал в статье «О стихотворении „Я убит подо Ржевом“» (1969): «Стихотворение «Я убит подо Ржевом» написано после войны, в конце 1945 и в самом начале 1946 года. В основе его была уже неблизкая память поездки подо Ржев осенью 1942 года на участок фронта, где сражалась дивизия полковника Кириллова Иосифа Константиновича. Добирались мы туда с корреспондентом «Известий» К. Тараданкиным, покинув машину в армейском «хозяйстве», сперва верхом по болотному бездорожью, потом пешком, где уже иначе было нельзя. Пришлось и полежать под артналетом вне какого-либо укрытия. Впечатления этой поездки были за всю войну одними из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце. Бои шли тяжелые, потери были очень большие, боеприпасов было в обрез 〈...〉. Вернувшись в редакцию своей фронтовой «Красноармейской правды», которая располагалась тогда в Москве, в помещении редакции «Гудка», я ничего не смог дать для газетной страницы, заполнив лишь несколько страничек дневника невеселыми записями. 〈...〉 Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвения, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе,— так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. Они составляют, как говорится, пафос и написанного после «Я убит подо Ржевом» стихотворения «В тот день, когда окончилась война» и многих других, вплоть до совсем недавних строчек «Из записной книжки»: „Я знаю, никакой моей вины В том, что другие не пришли с войны...“» (Твардовский А. О литературе, с. 366).

178. НМ, 1958, № 7, с. 34 (см. примеч. 77). Печ. по СС4, т. 3, с. 76.

179. Изв, 1948, 9 мая; КЛ 1949; Избр 1950; ПС 1952; Избр Лир 1958. Печ. по СС4, т. 3, с. 86.

180. ДП 1972, с. 198 (см. примеч. 126). Печ. по СС6, т. 3, с. 21, где опубликовано по рукописи, с датой: 22 марта 1947 г. (архив Твардовского).

181. Зн, 1947, № 12, с. 115 — как гл. XLI очерков «Родина и чужбина»; КЛ 1949; Избр Лир 1958; СС4, т. 3. Печ. по СС5, т. 1, с. 439.

182—184. ПС 1952; ПС 1953; СтП2 1954, т. 1; СтП2 1957, т. 1; ИСт всюду с датой: 1949; СС4, т. 3; КЛ 1962; 1962; СС5, т. 1. Печ. по СтП 1971, с. 146.

1. НМ, 1949, № 1 (подп. к печ. 22.12.48), с. 5, под загл. «Памяти Ленина» («В глухую безвестную волость...»); РП, 1949, 21 января; «Дружные ребята», 1950, № 1, под загл. «Ленина дело бессмертно!», без даты; Избр 1950.

2. Изв, 1949, 22 января, под загл. «Память бессмертна о нем» («Есть горе души одинокой...»); «Дружные ребята», 1950, № 1 — как отдельное ст-ние (отрывок); Избр 1950, вместе с 1-й частью.

3. «Пионер», 1952, № 4, с. 2, под загл. «Из цикла „Памяти Ленина“» («Не тысяча лет миновала...»).

185. Изв, 1949, 3 апреля; ПС 1952; СтП2 1954, т. 1 (как в Изв); СтП2 1957, т. 1 (как в ПС 1952); Избр Лир 1958 (как в Изв). Печ. по СС4, т. 3, с. 105, где автор вернулся к варианту ПС 1952.

186. Ог, 1950, № 17, с. 16 — как 1-я часть стих. «Весенние записи» (2-я часть: «На платформе поезда...»). Печ. по ПС 1952, с. 48.

* **187.** Изв, 1949, 8 мая. Печ. по СС5, т. 1, с. 462.

188. Пр, 1950, 2 января. Печ. по Избр 1950, с. 282.

* **189.** НМ, 1950, № 6, с. 3; СтП2 1957, т. 1; ИСт 1958. Печ. по СС5, т. 1, с. 465.

190. НМ, 1951, № 9, с. 68, в подборке «Из лирики», вместе со стих. 191—197, 199, 200 и циклом «О Сталине»: 1. «Когда свое он произносит слово...», 2. «Таких, как я, на свете большинство...», 3. «Черты портрета дорогого...» — только 1-я часть («Живым — живое в этой жизни краткой...»); ПС 1952 — все три части; СтП 1954; ИСт 1958; СС4, т. 3. Печ. по СС5, т. 1, с. 467.

* **191.** НМ, 1951, № 9, с. 68 (см. примеч. 190), без даты; ПС 1952; ПС 1953, без загл.; СтП2 1954, т. 1 (текст в двух последних публикациях — как в ПС 1952); СЗК 1961, без загл.; КЛ 1962, с датой: 1949—1950 (текст как в СтП2 1954, т. 1). Печ. по СС5, т. 1, с. 469, где автор вернулся к варианту ПС 1952.

192. НМ, 1951, № 9, с. 67 (см. примеч. 190). Печ. по ПС 1952, с. 69.

193. НМ, 1951, № 9, с. 69 (см. примеч. 190), под загл. «Июнь»; ПС 1952, без загл.; ПС 1953; Ст12 1954, т. 1. Печ. по СС5, т. 1, с. 473. *Мездра* — внутренний влажный слой коры молодых деревьев.

194. НМ, 1951, № 9, с. 70 (см. примеч. 190); ПС 1952. Печ. по СС5, т. 1, с. 476. *Шешупа* — приток Немана, протекающий по территории Литовской ССР.

195. НМ, 1951, № 9, с. 72 (см. примеч. 190); СЗК 1961, без загл. (текст как в НМ). Печ. по КЛ 1962, с. 315.

196. НМ, 1951, № 9, с. 72 (см. примеч. 190); ПС 1952; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 329, где автор вернулся к варианту ПС 1952.

197. НМ, 1951, № 9, с. 73 (см. примеч. 190), под загл. «На улице». Печ. по ПС 1952, с. 80.

198. НМ, 1951, № 9, с. 74 (см. примеч. 190). Печ. по СС4, т. 3, с. 145.

199. НМ, 1951, № 9, с. 75 (см. примеч. 190); СЗК 1961, без загл. (текст как в НМ). Печ. по КЛ 1962, с. 320.

200. НМ, 1951, № 9, с. 75 (см. примеч. 190); ПС 1952; ПС 1953; СтП2 1954, т. 1; СС4, т. 3; «Днестр» (Кишинев), 1961, № 9 (как в СтП2 1954, т. 1); Комс Пр, 1965, 27 июня, под загл. «Нашей смене»; «Ве-

черний Ленинград», 1967, 24 июня (текст как в СС4, т. 3); «На страже Родины», 1968, 21 сентября, под загл. «Нашей смене». Печ. по СтП 1971, с. 166.

201. ПС 1952, с. 79, без загл. Печ. по СтП2 1954, т. 1, с. 399.

202. СтП2 1954, т. 1, с. 396. Печ. по СС5, т. 1, с. 481. В стих. речь идет о деде поэта по отцу — Гордее Васильевиче Твардовском.

203. Изв, 1952, 1 мая (др. ред.); ПС 1952; ПС 1953; СтП2 1954, т. 1; СС4, т. 3. Печ. по СС5, т. 1, с. 498.

204. СС4, т. 3, с. 170. Печ. по СС5, т. 1, с. 504.

205. СС4, т. 3, с. 171.

206. Ог, 1955, № 43, с. 7, в подборке «Из лирики», вместе со стих. 207—211, «Нет, жизнь меня не обделила...» (см. примеч. 240). Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 420.

207. Ог, 1955, № 43, с. 6 (см. примеч. 206). Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 418.

208. Ог, 1955, № 43, с. 7 (см. примеч. 206). Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 424.

*** 209.** Ог, 1955, № 43, с. 7 (см. примеч. 206); СЗК 1961; КЛ 1962 (как в Ог). Печ. по СС5, т. 1, с. 512.

210. Ог, 1955, № 43, с. 7 (см. примеч. 206). Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 422.

211. Ог, 1955, № 43, с. 7 (см. примеч. 206). Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 426.

212. Ог, 1955, № 45, с. 2. Печ. по СтП2 1957, т. 1, с. 414.

213. НМ, 1958, № 7, с. 36 (см. примеч. 77), без даты; СЗК 1961, без загл., с датой: 1955. Печ. по КЛ 1962, с. 348.

214. Пр, 1957, 27 октября (др. ред.). Печ. по СоС, с. 20. *Порог Падун* расположен в Падунском сужении среднего течения реки Ангары, недалеко от г. Братска.

215. Пр, 1957, 24 октября; ИСт 1958. Печ. по СоС, с. 18, где автор вернулся к варианту Пр. *У этой реки В глубине Сибири.* Речь идет о реке Оке, левом притоке Ангары.

216. Пр, 1957, 24 ноября, вместе со стих. 217 и «Сорокалетье! Это дата...», под общим загл. «Октябрьские строфы». Печ. по СЗК 1961, с. 109.

*** 217.** Пр, 1957, 24 ноября (см. примеч. 216), без даты; СЗК 1961, с датой: 1958; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 522.

218. Пр, 1958, 1 января, с эпиграфом: «Высоковольтная линия электропередачи Иркутск — Братск вступила в строй (из газет)»; СоС; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 531. В первой публикации этого стих. была допущена опечатка, о которой Твардовский писал в письме Н. А. Абалкину от 9 января 1958 г.: «„От Иркутска до Братска" не портило новогоднего номера, но там есть одна прискорбная опечатка: «Буреломы да горы» вместо «Буреломы да гари». Гарь — где прошли таежные пожары» (СС6, т. 6, с. 65).

219. ЛиЖ, 1958, 6 апреля (см. примеч. 77). Печ. по СС4, т. 3, с. 157.

220. НМ, 1958, № 7, с. 36 (см. примеч. 77). Печ. по СС4, т. 3, с. 178.

221. Пр, 1958, 7 декабря, в подборке «Из записной книжки», вместе со стих. 222, 223, 227, 228, «Свидетельство» («Столичной окраины житель барачный...»). Здесь же, но вне этой подборки, стих. «Почти полвека...» («Почти полвека на бумаге...»), под загл. «В канун годовщины», без даты. (СЗК 1961, с датой: 1958.) Печ. по СС4, т. 3, с. 180. В стих. речь идет о посадке саженцев московскими комсомольцами вдоль Кутузовского проспекта в канун 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

222. Пр, 1958, 7 декабря (см. примеч. 221). Печ. по СС4, т. 3, с. 208.

223. Пр, 1958, 7 декабря (см. примеч. 221), без даты; СЗК 1961, без загл., с датой: 1958; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 553.

224. Пр, 1958, 19 января. Печ. по СоС, с. 24. В письме Твардовского к Н. А. Абалкину (см. примеч. 218) автор писал по поводу этого стих.: «Посылаю новые стихи «Разговор с Падуном». Они примыкают к тому же сибирскому циклу, что и прежние из печатавшихся в «Правде», но, как мне кажется, более серьезные» (СС6, т. 6, с. 65). *Бечевник* — полоса земли вдоль пологого берега судоходной реки, водоема. *Бут* — неотесанные камни, идущие на укладку фундамента, на засыпку русла рек при строительстве плотины.

225. Пр, 1958, 9 февраля. Печ. по СоС, с. 31. В письме к Н. А. Абалкину от 23 января 1958 г. Твардовский писал: «Посылаю Вам стихотворение «Еще о Сибири» — заглавие Вам покажется нарочито прозаичным, но просил бы оставить его,— оно не только связывает стихи со всем циклом, но и имеет смысл и окраску, соответствующую отчасти публицистической предназначенности их» (СС6, т. 6, с. 69).

226. НМ, 1958, № 7, с. 37 (см. примеч. 77). Печ. по СС4, т. 3, с. 212.

227. Пр, 1958, 7 декабря (см. примеч. 221); СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 373.

228. Пр, 1958, 7 декабря (см. примеч. 221); СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 377.

229. Пр, 1959, 21 июня, под загл. «На Смоленщине», с датой: июнь 1959 г.; СС4, т. 3, с подзаг.: «(На Смоленщине)», с датой: 1955—1959. (КЛ 1962, с датой: 1955). Печ. по СС5, т. 1, с. 547.

230. НМ, 1959, № 3, с. 111; КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 556, где автор вернулся к варианту НМ.

231. Пр, 1959, 21 июня, с пометой: «19 июня 1959 года. Братск»; СЗК 1961, без загл. Печ. по КЛ 1962, с. 389, где автор вернулся к варианту Пр.

232. Пр, 1959, 3 июля, с пометой: «Иркутск, июль 1959 г.»; «Ангара» (Иркутск), 1959, № 3 (июль); СС4, т. 3; СЗК 1961, без загл. Печ. по СС5, т. 1, с. 566. *Хамар-Дабан* — горный хребет в Забайкалье на территории Бурятской АССР.

233. Пр, 1959, 29 августа, в подборке «Два стихотворения», вместе со стих. 234, под загл. «Поэту». Печ. по СС4, т. 3, с. 228.

234. Пр, 1959, 29 августа (см. примеч. 233), под загл. «В тихом краю». Печ. по СС4, т. 3, с. 229.

235. Пр, 1959, 7 ноября; КЛ 1967. Печ. по СтП 1971, с. 192, где автор вернулся к варианту Пр.

236. СС4, т. 3; СЗК 1961, без загл. Печ. по СС5, т. 1, с. 568.

237. СС4, т. 3, с. 235.

238. СС4, т. 3; СЗК 1961, без загл. (текст — как в СС4, т. 3); КЛ 1962. Печ. по СС5, т. 1, с. 580, где автор вернулся к варианту СС4, т. 3.

239. Пр, 1960, 1 января. Печ. по СС5, т. 1, с. 576.

* **240.** Отдельные главы, отрывки. ЛГ, 1951, 21 июня: «За далью — даль», «Семь тысяч рек» (др. ред., как одно целое, под загл. «За далью — даль. Из путевого дневника», без даты); Изв, 1952, 23 сентября: «Две кузницы», с подзаг.: «(Из путевого дневника)», без даты; ПС 1952, с. 95: «За далью — даль», «Семь тысяч рек» (как в ЛГ, 1951, 21 июня), под загл. «Из путевого дневника», с датой: 1951; Пр, 1953, 19 февраля: «Семь тысяч рек», с подзаг.: «(Из путевого дневника)» (отрывок), без даты; НМ, 1953, № 6, с. 59: первые шесть глав, с нумерацией глав и в др. последовательности, с примеч.: «Публикуемые главы являются частью большой работы, задуманной автором», с датой: 1950—1952; НМ, 1954, № 3, с. 3: «Лиха беда — пути начало...» (гл. «На мартовской неделе», в окончательный вариант поэмы не вошла, частично использована в гл. «В дороге» и «Так это было»), без загл., без даты; СтП 1954, с. 555: первые шесть глав (в др. последовательности) и гл. «На мартовской неделе»; Ог, 1955, № 43 (23 октября): стих. «Нет, жизнь меня не обделила...», без даты (впоследствии целиком вошло в гл. «С самим собой»); Пр, 1955, 16 октября: «Огни Сибири» (др. ред.), без даты; «Литературная Москва. Лит.-худож. сб. московских писателей» [Сб1] М., 1956, с. 494: «Огни Сибири» (др. ред.; с включением строф, в дальнейшем вошедших в гл. «С самим собой» и «Две дали»), «Друг детства», без даты; Пр, 1956, 3 июня: «Москва в пути», под загл. «Молодожены», без даты; ЗДД. 1955—1956, М., 1956 (б-ка «Огонек», № 44): «Огни Сибири» (как в «Литературной Москве»), «Друг детства», «Москва в пути» (под загл. «Молодожены»), с общим загл. «За далью — даль». (Новые главы)»; П 1957, с.

313: гл. 1—7, «Друг детства», «Москва в пути» (под загл. «Молодожены», как в Пр, 1956, 3 июня), с общей датой: 1949—1956; СтП2 1957, т. 2, с. 303: (состав как в П 1957) с датой: 1954—1957; Пр, 1957, 8 сентября: «На Ангаре», без даты; «Антология русской советской поэзии в двух томах», М., 1957, т. 2, с. 33: «Две кузницы», с датой: 1953, «С самим собой» (как в Ог, 1955, № 43), с датой; 1955; Пр, 1958, 23 февраля: «Фронт и тыл», без даты; ЗДД. Из путевого дневника, М., 1958, с. 5: в составе одиннадцати глав (без гл. «С самим собой», «К концу дороги», «Так это было», «До новой дали»; гл. «Москва в пути» — под загл. «Молодожены»), с датой: 1950—1958; СоС, с. 3: «На Ангаре», с датой: 1957; ЗДД. Из путевого дневника, М, 1959: состав как в ЗДД. Из путевого дневника, М., 1958; СЗК 1959, с. 40: «Фронт и тыл»; НМ, 1960, № 5, с. 3 (подп. к печ. 26.04.60): «К концу дороги», «Так это было», «До новой дали», с общим загл. «За далью — даль (заключительные главы книги)», с датой 1950—1960; Пр, 1960, 29 апреля, 1 мая: в том же составе, как в предыдущем изд., с датой: 1949—1960. П о л н о с т ь ю. ЗДД, М., 1960; СС4, т. 3; ЗДД. Сибирские стихи, М., 1961 («Роман-газета», № 8); ЗДД, М., 1961; П 1963. Печ. по СС5, т. 3, с. 77. Положено на музыку М. Копытманом (поэма для хора). Поэма была создана в результате более десяти лет работы. Отдельные главы, вскоре после их написания, публиковались в газетах, журналах, коллективных сборниках и затем включались в авторские сборники; начиная с 1956 г., в еще неполном составе глав, поэма начала выходить отдельными книгами. В кн.: «За далью — даль», М., 1960 она впервые опубликована целиком, в составе 15-ти глав, с предисловием: «Настоящее издание книги «За далью — даль» является первым, по завершении автором работы над ней, полным изданием. Публиковавшиеся в разное время по мере написания главы, ныне в отдельных случаях дополненные или переработанные, представлены здесь в последовательности, обусловленной общим планом и содержанием книги в целом. *Автор*». В 1961 г. поэма была отмечена Ленинской премией. Работа над поэмой, в некоторых главах значительная, продолжалась и в дальнейшем, вплоть до ее издания в СС5, т. 3. Большинство глав непосредственно связано с поездками Твардовского в восточные районы страны. Он писал в Автобиографии: «...интерес и влечение к Сибири и Дальнему Востоку были у меня задолго до моих поездок в эти края, с отроческих лет, под влиянием книг и отчасти переселенческих мечтаний и планов отца ⟨...⟩. Эту новую мою связь — связь с «иными краями» — я сознательно развиваю и укрепляю с конца сороковых годов, когда впервые побывал на востоке страны, и она непосредственно сказалась в главной моей работе последних лет — книге „За далью — даль“» (с. 17—18). В апреле 1948 г. Твардовский побывал на Урале, что, несомненно, отразилось затем в гл. «Две кузницы». В том же году поэт впервые съездил в Сибирь. В 1949 г. состоялась вторая поездка в Сибирь. На обратном пути — он ехал вместе с Э. Казакевичем и М. Лукониным — у Твардовского возникла идея поэмы. М. Луконин вспоминал: «Всю дорогу от Хабаровска до Москвы мы не отходили от окна, что-то закипало в Твардовском. Он перебивал наши шутки, волновался. «Какие края, какие люди! Надо еще и еще раз приехать сюда»,— говорил он. Пролетали Дальний Восток, Сибирь, Урал, и действительно разворачивалась, как он потом счастливо нашел, „за далью даль“» (М. Луконин. Товарищ поэзия. М., 1972, с. 51). Как вспоминает А. Кондратович, Твардовский рассказывал впоследствии: «Как раз при переезде через Амур возле Комсомольска-на-Амуре я впервые подумал, что мог бы написать поэму со свободным, ничем не стесненным и ничем не ограниченным сюжетом, в которую втоптал бы все свои нынешние, прежние и возможные будущие впечатления от поездок.

Мысль эта мелькнула у меня как раз на мосту через Амур, и я даже схватил какие-то строчки, которые потом и легли в стихотворение „Мост"» (Кондратович, с. 228). Сведения о работе над некоторыми главами содержат опубликованные письма Твардовского и комментарии к ним М. И. Твардовской, ряд воспоминаний о поэте. О работе над гл. «Друг детства» Твардовский сообщает И. С. Соколову-Микитову: «Здесь (в Москве.— *Ред.*) меня удерживало 〈...〉 желание как-нибудь закончить наконец труднейшую главку «Далей» — в некотором варианте я читал Вам это в Карачарове (Твардовский гостил там у Соколова-Микитова в первой половине декабря 1955 г.— *Ред.*). Кажется, добил» (письмо от 8 января 1956 г.— СС6, т. 6, с. 377). Над гл. «Молодожены» Твардовский работал в санатории им. Горького в Подмосковье, где находился с 10 апреля по 7 мая 1956 г.; там же была начата гл. «Так это было» (см.: СС6, т. 6, с. 627). В июне — июле того же года, во время очередной поездки в Сибирь (Братск, Ангара, Байкал) поэт побывал на строительстве Иркутской ГЭС в дни перекрытия Ангары. Очевидец вспоминает: «...Твардовский облюбовал себе камень у самой воды, сидел и пытливо всматривался во все, что происходило вокруг 〈...〉. Пожалуй, только одному человеку во время перекрытия смены предусмотрено не было. Это я говорю опять о Твардовском. Конечно, у каждого было свое дело в те дни, и я за ним не следил, но только взглянешь на камень, им облюбованный, а он все там. Кто-то ему приносил на камень обед и даже чекушку, словно он и правда был на таком посту, который нельзя оставить. С виду он был как будто бы даже мрачный, сначала трудно было понять, доволен он или нет, что взял на себя этот наряд» (Бочкин А. С водой как с огнем. Рассказ гидростроителя.— НМ, 1977, № 5, с. 144, 145—146). Вернувшись из поездки в Москву, Твардовский писал Соколову-Микитову: «Прибыл я несколько дней назад из поездки, где очень умотался, конечно, но доволен» (письмо от 26 июля 1956 г.— СС6, т. 6, с. 379). Работа над гл. «На Ангаре», включившей во множестве подробностей увиденное поэтом на строительстве, протекала летом 1957 г. 5 сентября он сообщал В. Овечкину: «Написал новую главу «Далей» — весьма серьезную. Когда отбелю — пришлю экземпляр» (СС6, т. 6, с. 435). В июне — июле 1959 г. Твардовский совершил поездку в Братск, Иркутск и Приморье. 19 июня он прилетел в Братск и присутствовал на перекрытии Ангары в районе Братской ГЭС. «Вернувшись из Приморья, Твардовский много говорил о впервые увиденном им «фадеевском» крае (он это как бы подчеркивал, по-видимому, во время поездки часто вспоминал о Фадееве)...» (Кондратович, с. 243). Впечатления от этой поездки вобрала в себя гл. «К концу дороги», которая писалась в пос. Барвиха под Москвой в январе — феврале 1960 г.; там же были начаты гл. «Так это было» и «До новой дали». Твардовский сообщал Соколову-Микитову: «Я, кажется, застряну в Барвихе еще недельки на две, т. к. я расписался здесь, возомнил, что вижу берег моих «Далей» 〈...〉. Словом, я за работой, которая временами как бы даже успешно подвигается вперед и сулит мне радость рассчитаться наконец с этими «Далями», растянувшимися на добрых 10 лет» (письмо от 12 февраля 1960 г.— СС6, т. 6, с. 404—405). Работа над заключительными главами завершилась в конце апреля, когда они были опубликованы в «Правде». Ранее Твардовский говорил о своей поэме: «...«За далью — даль» очень дорога мне, хотя я и не отбираю среди моих поэм «любимчиков». 〈...〉 Я чувствую, что не мог не написать «За далью — даль». Работать над ней — моя жизненная необходимость. Эта поэма позволяет мне широко и свободно обращаться к современнику, вовлекая его в большой разговор о жизни, о настоящем и будущем» («Московский комсомолец», 1959, 24 января). Подробно история созда-

ния поэмы рассказана в книге Кондратовича (гл. «Дали поэта», с. 227—288), поэме посвящена большая часть книги С. Маршака «Ради жизни на земле. Об Александре Твардовском», М., 1961, книга Е. Любаревой «Поэма А. Твардовского „За далью — даль“», М., 1962, многочисленные исследования и статьи. З а д а л ь ю — д а л ь. Ст. 76. *И день войны, нещадный день* и т. д. Имеется в виду Отечественная освободительная война корейского народа против империалистической агрессии 1950—1953 гг. С т. 8 8— 8 9. *И вы, что горе привезли На этот берег возрожденный.* Большую часть вооруженных сил, участвовавших в агрессии, составляли американские войска. Ст. 127. *Заводы — беженцы войны* — заводы, эвакуированные во время Великой Отечественной войны на восток страны. В д о р о г е. С т. 5. *Самим Фадеевым отмечен.* А. А. Фадеев (1901—1956) в те годы (1946—1954) был генеральным секретарем СП СССР. Семь тысяч рек. С т. 1 1 9. *Водораздельная гора.*— гора Ергеней, находящаяся в водоразделе Волги и Дона; вдоль ее подножия проходит Волго-Донской судоходный канал. Д в е к у з н и ц ы. С т. 3. *Стояла кузница в Загорье* и т. д. Кузница на родине Твардовского, хуторе Загорье, принадлежавшая его отцу. «Эту кузницу, которую отец соорудил, когда Шуре исполнилось всего, может, год-два от роду, я тоже помню. То было жалкое строеньице у самой межи с соседским участком братьев Ивановых, площадью всего метра три на четыре. Собирали его из разного подсобного материала ⟨...⟩. Потом эта кузница была снесена...» (Твардовский И., с. 10, 11) С т. 9 5. *Кочедыжка, кочедыг* — см. примеч. 76. Д в е д а л и. С т. 6 6. *С отцом, приехавшим оттуда* и т. д. О том, как отец привозил из Смоленска, с базара, гостинцы, в числе которых была книга стихов Некрасова, Твардовский вспоминал ранее в заметке «Заветная книга. (Страничка воспоминаний)» (СС6, т. 5, с. 12). С т. 1 6 9. *Тайга* — город в Кемеровской области, железнодорожный узел на Транссибирской магистрали. Л и т е р а т у р н ы й р а з г о в о р. С т. 4 8 — 4 9. *Поп с медалью Восьмисотлетия Москвы.* Медаль «В память 800-летия Москвы» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1947 г. С т. 6 3, *Могоча* — железнодорожная станция в Читинской обл. О г н и С и б и р и. С т. 5 1—5 3. *И в старых песнях не устал Взывать... Твой Александровский централ.* Имеется в виду русская народная песня «Александровский централ» («Далеко в стране Иркутской...»), посвященная Центральной каторжной тюрьме в с. Александровском, недалеко от Иркутска (построена в 1873 г.). С т. 5 4. *Твой бродяга с Сахалина.* Подразумевается русская народная песня «Глухой неведомой тайгою...». С т. 5 7—5 8. *О диком бреге Иртыша И о твоем священном море.* Имеются в виду ставшие народными песни «Ревела буря, дождь шумел...» на слова думы К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» и «Славное море, священный Байкал...», созданная на основе стих. сибирского поэта, педагога и этнографа Д. П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале» («Славное море — привольный Байкал...»). Д р у г д е т с т в а. С т. 1 1 7—1 1 8. *«Жена найдет себе другого, А мать...»* — слова из русской народной песни «Глухой неведомой тайгою...». Ф р о н т и т ы л. С т. 6 6. *Сурков А. А.* (1899—1983) — советский поэт. Н а А н г а р е. С т. 1 — 2. *В крутые памятные сроки Я побывал на Ангаре* и т. п. Речь идет о посещении поэтом в июне 1956 г. строительства Иркутской ГЭС в дни перекрытия Ангары. С т. 7 2 — 7 3. *А там еще и Братск, и Устье, А там и братец Енисей.* Имеются в виду Братская и Усть-Илимская (на р. Илим, притоке Ангары) ГЭС, построенные вслед за Иркутской и входящие в Ангарский каскад, а также гидроэлектростанции Енисейского каскада, построенные позже. С т. 1 3 3. *Собрался штаб в тесовой будке.* «Оперативная группа командования или штаб ⟨...⟩ собралась в тесовой будке,

расположенной у самого берега» (Бочкин А. С водой как с огнем. Записки гидростроителя.— НМ, 1977, № 5, с. 144). Ст. 326. *Танки РГК*. РГК — Резерв Главного Командования. Ст. 327. *Двадцатитонные «минчане»* — автосамосвалы марки «МАЗ» (Минского автомобильного завода). Ст. 352. *Начальник подошел* и т. д. «Тут, должно быть, у нас и был с ним тот единственный за эти дни разговор, о котором он написал...» — вспоминает руководитель строительства Иркутской ГЭС А. Е. Бочкин, цитируя далее строфу поэмы (Бочкин А. С водой как с огнем, с. 146). Ст. 382. *Седой крепыш, майор запаса*. «Тут ради ритма поэт немного в чине меня понизил: был я подполковник запаса, а не майор. Но я на него не в обиде» (там же). Ст. 453. *Гребля* (обл.) — здесь: плотина. Ст. 489—490. *Как мне тебя недоставало, Мой друг, ушедший навсегда!* Речь идет об А. А. Фадееве, скончавшемся за месяц до поездки Твардовского, 13 мая 1956 г. К концу дороги. Ст. 119—120. *А впрочем, авиаэкспрессом Я и теперь не пренебрег* и т. д. Речь идет о посещении строительства Братской ГЭС в дни перекрытия Ангары в Падунском сужении; Твардовский прилетел в Братск самолетом утром 19 июня 1959 г. (см. об этом: А. Твардовский. Заметки с Ангары.— СС5, т. 4, с. 498). Ст. 129. *Скала Пурсей* — утес в месте Падунского сужения Ангары. Ст. 143—144. *Завернул... В тот Александровский централ*. О посещении Твардовским в июле 1956 г. Александровского централа см.: Н. Печерский. «Я в скуку дальних мест не верю...» Сибирская строка Твардовского.— Воспоминания, с. 315—318. Ст. 180—181. *Махнул... На Дальний, собственно, Восток*. «Я как раз давно уже собирался и наконец собрался поехать на Дальний Восток, в Приморье, где никогда не бывал в жизни» (А. Твардовский. Заметки с Ангары.— СС5, т. 4, с. 498). Ст. 264. *Арсеньев В. К.* (1872—1930) — исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель. Ст. 293—294. *Приморский город, Что Ленин нашенским назвал*. В речи на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. В. И. Ленин говорил: «...взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 302—303). Так это было. Ст. 49. *Калинин М. И.* (1875—1946) — с 1919 г. председатель ВЦИК, с 1939 г.— председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ст. 162. *Уже сомкнулся с Волгой Дон*. Строительство Волго-Донского судоходного канала им В. И. Ленина было завершено в 1952 г. Ст. 178. *Я всюду видел тетку Дарью*. «„Тетка Дарья“ —...реальная фигура. По свидетельству брата поэта, К. Т. Твардовского,— это Дарья Иванова, соседка Твардовских по Загорью. Семью ее поэт хорошо знал и при наездах в Загорье не раз с ней встречался. В 1972 году Д. Иванова умерла» (Кондратович, с. 257); «...«тетка Дарья», о которой упомянул Александр Трифонович в поэме «За далью — даль»,— это ведь тоже отзвук детства: Дарья Федоровна, жена нашего соседа Алексея Ивановича. Ее образ и ее имя как символ крайней бедности брат носил в себе всю жизнь» (Твардовский И., с. 51). До новой дали. Ст. 36—37. *Редка основа, Неровен бедный мой уток*. Основа — продольные нити ткани; уток — поперечные; пересекаясь, они образуют переплетение.

1961—1970

241. НМ, 1961, № 10, с. 3, в подборке стих. разных авторов, посвященной предстоящему XXII съезду КПСС. Датируется по КЛ 1962. Положено на музыку Л. Шульгиным.

242. НМ, 1962, № 2, с. 3. Датируется по КЛ 1962. Посвящено Ю. А. Гагарину (1934—1968), впервые в мире совершившему полет в космос на космическом корабле-спутнике «Восток» 12 апреля 1961 г.

243. НМ, 1969, № 1, с. 45, в подборке «Из новых стихотворений», вместе со стих. 282—288, 290—293, с общей датировкой: 1967—1968. Датируется по ЗДД ИЛЭЛ. Написано под впечатлением встречи космонавта Г. С. Титова после завершения им второго в истории человечества орбитального полета в космос на космическом корабле «Восток-2» (6—7 августа 1961 г.).

244. НМ, 1962, № 5, с. 93. Датируется по КЛ 1962.

245. Комс Пр, 1972, 17 декабря, в подборке «Из неопубликованного», с примеч.: «Стихи предоставлены редакции вдовой поэта Марией Илларионовной Твардовской», вместе со стих. 262, 300. Печ. по СС6, т. 3, с. 146, где опубликовано по рукописи, с датой: 3 июня 1962, из архива Твардовского.

246. НМ, 1965, № 9, с. 3, в подборке «Из новых стихов», вместе со стих. 247—259, с общей датировкой: 1963—1965. Автограф — в архиве А. В. Македонова. Датируется по СС5, т. 1.

247. НМ, 1965, № 9, с. 4 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

248. НМ, 1965, № 9, с. 10 (см. примеч. 246). (ЗДД ИЛЭЛ — с датой: 1965). Датируется по СтП 1971.

249. НМ, 1965, № 9, с. 4 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

250. НМ, 1965, № 9, с. 5 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

251. НМ, 1965, № 9, с. 5 (см. примеч. 246). (ЗДД ИЛЭЛ, СтП 1971— с датой: 1964).

252. НМ, 1965, № 9, с. 6 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

253—256. НМ, 1965, № 9, с. 6 (см. примеч. 246); КЛ 1967. Печ. по ИЛЭЛ, с. 31, где автор вернулся к варианту НМ. Датируется по [Избр Лир] 1968. Цикл посвящен памяти матери поэта, Марии Митрофановны Твардовской (1888—1965). Замысел стих. 256 возник задолго до его осуществления. Так, строфа 3 входила прежде в стих. 161 («У Днепра», 1944), а затем была из него исключена и перешла, с одним разночтением, в настоящее стих. Кроме того, появилась ранее и строфа 5. Младший брат поэта, И. Т. Твардовский рассказывает об одном из приездов А. Твардовского к родным в Смоленск (вероятно, во второй половине 1950-х гг.): «В тот вечер много говорили об отце, домашних делах, пели наши семейные песни 〈...〉. (Далее приводится строфа народной песни, ставшая эпиграфом стих.— *Ред.*). Мама 〈...〉прослезилась, когда Александр Трифонович в самом конце песни прибавил еще и от себя: „Дальней молодости слезы. ...Не до тех девичьих слез, Как иные перевозы В жизни видеть привелось“» (Твардовский И., с. 151).

257. НМ, 1965, № 9, с. 9 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

258. НМ, 1965, № 9, с. 11 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1. *Гребля* (обл.).— здесь: плотина.

259. НМ, 1965, № 9, с. 10 (см. примеч. 246). Датируется по СС5, т. 1.

260. НМ, 1966, № 12, с. 92 (подп. к печ. 10.01.67), в подборке «Из записной книжки», вместе со стих. 261, 263—277, с общей датировкой: 1964—1966; Пр, 1967, 23 января, вместе со стих. 265, 268, 273, 274; СС5, т. 3 (как в НМ); КЛ 1967. Печ. по ИЛЭЛ, с. 42, где автор вернулся к варианту НМ. Датируется по ЗДД ИЛЭЛ. Об авторской правке в верстке этого стих. для НМ (1966, № 12) см.: Кондратович, с. 314.

261. НМ, 1966, № 12, с. 92 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

262. Комс Пр, 1972, 17 декабря (см. примеч. 245). Автограф с датой: 5 июля 1965 г.— архив Твардовского (см. СС6, т. 3, с. 403).

263. НМ, 1966, № 12, с. 93 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

264. ЛГ, 1967, 4 января, в подборке «Из цикла „Стихи из записной книжки“», вместе со стих. 266, 271, 276, с общим примеч.: «Подготовлены к печати в журнале „Новый мир“»; ИЛЭЛ. Печ. по [Избр Лир] 1968, с. 22, где автор вернулся к варианту ЛГ.

* **265.** НМ, 1966, № 12, с. 93 (см. примеч. 260); Пр, 1967, 23 января (см. примеч. 260); СС5, т. 3 (как в НМ); КЛ 1967 (как в Пр). Печ. по ИЛЭЛ, с. 47, где автор вернулся к варианту НМ. Датируется по [Избр Лир] 1968.

266. ЛГ, 1967, 4 января (см. примеч. 264). Печ. по НМ, 1966, № 12, с. 93 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967. О значительной авторской правке в верстке этого стих. для НМ (1966, № 12) см.: Кондратович, с. 314—315. *Духов день* — см. примеч. 46.

267. НМ, 1966, № 12, с. 94 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

268. НМ, 1966, № 12, с. 94 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

269. НМ, 1966, № 12, с. 94 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

270. НМ, 1966, № 12, с. 95 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

271. ЛГ, 1967, 4 января (см. примеч. 264). Датируется по КЛ 1967. Об авторской правке в верстке этого стих. для НМ (1966, № 12) см.: Кондратович, с. 315—316.

272. НМ, 1966, № 12, с. 95 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

273. НМ, 1966, № 12, с. 96 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

* **274.** НМ, 1966, № 12, с. 96 (см. примеч. 260); Пр, 1967, 23 января (см. примеч. 260). Печ. по СС5, т. 3, с. 318, где автор вернулся к варианту НМ. Датируется по КЛ 1967. О существенной авторской правке в верстке этого стих. для НМ (1966, № 12) см.: Кондратович, с. 307—311, 314.

275. НМ, 1966, № 12, с. 96 (см. примеч. 260). Датируется по КЛ 1967.

276. ЛГ, 1967, 4 января (см. примеч. 264), без даты. (КЛ 1967; ЗДД ИЛЭЛ; СС5, т. 3; [Избр Лир] 1968; СтП 1971 — с ошибочной датой: 1967). Датируется по СС6, т. 3.

277. НМ, 1966, № 12, с. 97 (см. примеч. 260). (КЛ 1967; [Избр Лир] 1968; ЗДД ИЛЭЛ — с датой: 1967). Датируется по СтП 1971. О большой авторской правке в верстке этого стих. для НМ (1966, № 12) см.: Кондратович, с. 311—314.

278. Ю, 1967, № 5, с. 53, в подборке «Из записной книжки», вместе со стих. 279—281; КЛ 1967. Печ. по ИЛЭЛ, с. 46, где автор вернулся к варианту Ю. Датируется по [Избр Лир] 1968.

279. Ю, 1967, № 5, с. 53 (см. примеч. 278). Печ. по ИЛЭЛ, с. 52. Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

280. Ю, 1967, № 5, с. 53 (см. примеч. 278). Датируется по КЛ 1967.

281. Ю, 1967, № 5, с. 53 (см. примеч. 278). Датируется по КЛ 1967.

282. НМ, 1969, № 1, с. 42 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

283. НМ, 1969, № 1, с. 45 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ. *В междуречье Пахры и Десны.* Пахра — приток Москвы-реки, Десна — приток Пахры. На р. Пахре расположен поселок Красная Пахра, где Твардовский начиная с середины 1960-х гг. часто жил на своей даче.

284. НМ, 1969, № 1, с. 45 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ. О чтении этого стих. самим Твардовским в редакции НМ, в декабре 1968 г. см.: Кондратович, с. 305—306.

285. НМ, 1969, № 1, с. 46 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

286. НМ, 1969, № 1, с. 46 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

287. НМ, 1969, № 1, с. 47 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

288. НМ, 1969, № 1, с. 47 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

289. НМ, 1968, № 4, с. 3; ДП 1968 — обе публикации без даты. (ЗДД ИЛЭЛ; СтП 1971 — с ошибочной датой: 1967). Печ. по [Избр Лир] 1968, с. 27, где автор вернулся к варианту НМ. Стих. явилось незамедлительным откликом на трагическую гибель 27 марта 1968 года летчика-космонавта Ю. А. Гагарина. *Ах, этот день двенадцатый апреля* — 12 апреля 1961 г., когда Ю. А. Гагарин совершил свой полет в космос. *Сын земли смоленской.* Ю. А. Гагарин родился в с. Клушино Гжатского района Смоленской обл.

290. НМ, 1969, № 1, с. 47 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

291. НМ, 1969, № 1, с. 48 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

292. НМ, 1969, № 1, с. 48 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ.

293. НМ, 1969, № 1, с. 49 (см. примеч. 243). Датируется по ЗДД ИЛЭЛ. О том, как создавалось это стих., рассказал художник О. Верейский в своих воспоминаниях «О двух портретах» (см.: Воспоминания, с. 191—192).

294. ДН, 1973, № 1, с. 75 (см. примеч. 50). Автограф, с датой: 15 марта 1969 г.— архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 405). По словам А. В. Македонова, это стих.— «отклик Твардовского на темы, связанные с НТР и с местом современного человека на земле, «залогами» его будущего. Одно из многих стихотворений с темой угрозы атомной катастрофы, оборотной стороной НТР. Но Твардовский раскрывает ее также в своем «домашнем» подходе и самоуглублении» (Македонов, с. 304).

295. Комс Пр, 1972, 28 октября, в подборке «Из последних стихов», вместе со стих. 296—299, с редакционным предисловием: «Сегодня «Комсомольская правда» печатает последний цикл Александра Трифоновича Твардовского. Стихи, которые поэт готовил к печати и не успел опубликовать, стихи эти предоставлены «Комсомольской правде» вдовой поэта М. И. Твардовской». Рукопись, подготовленная автором к публикации — архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 405—406).

296. Там же. Рукопись, подготовленная автором к публикации — архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 405—406).

297. Там же. Рукопись, подготовленная автором к публикации — архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 405—406).

298. Там же. Рукопись, подготовленная автором к публикации — архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 405—406).

299. Там же, с датой: 1970. Датируется по СС6, т. 3, где опубликовано по рукописи из архива Твардовского (дневниковая запись между 22 и 24 сентября 1969 г.— см.: СС6, т. 3, с. 406).

300. Комс Пр, 1972, 17 декабря (см. примеч. 245). Автограф с датой: 6 июня 1970 г.— архив Твардовского (см.: СС6, т. 3, с. 406).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

СОДЕРЖАНИЕ

I

1925—1936

1936—1940

II

1941—1946

III

1946—1960

1961—1970

Твардовский А.

Т 26 Стихотворения и поэмы /Вступ. статья А. В. Македонова, сост. М. И. Твардовской, подг. текста и прим. Л. Г. Чащиной и Э. М. Шнейдермана.— Л.: Сов. писатель, 1986.— 896 с., 8 илл., 1 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая сер.).

Настоящий сборник — научно подготовленное издание произведений А. Т. Твардовского (1910—1971), куда вошли, помимо произведений, отобранных самим автором для прижизненных изданий, также ранние стихотворения и лирика последних лет.

Т $\frac{4702010200-020}{083(02)-86}$ 415—85 ББК 84.Р7

Александр Трифонович Твардовский

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986 г. 896 стр.
План выпуска 1985 г. № 415

Редактор Д. М. Климова
Художник И. С. Серов
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Ф. Н. Аврунина

ИБ № 4824

Сдано в набор 17.09.85. Подписано к печати 27.02.86. Формат 84×108[1]/32. Бумага кн.-журн. имп. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 47,56. Уч.-изд. л. 47,91. Тираж 40 000 экз. Заказ № 77. Цена 4 р. 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.